ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Марина Ивановна Цветаева
Полное собрание стихотворений

«Марина Цветаева. Стихотворения»: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-13926-5

Аннотация

Марина Цветаева однажды сравнила себя с деревом, в которое попадают все молнии. Многолетняя разлука с Россией, бедность и тяжкий «стопудовый быт». Одиночество – что в эмиграции, что «дома», куда по трагическому стечению обстоятельств ей выпало вернуться в эпоху «большого террора» и пережить арест мужа и дочери, которых она больше никогда не увидела. Но несмотря на все пережитое, стихи Цветаевой, по словам одного критика, "излучают любовь и любовью пронизаны... рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятья ".

Так осуществилась ее мечта – стать деревом, шумящим вам навстречу.

Марина Цветаева
Полное собрание стихотворений

Стихотворения 1906 – 1916 гг.

“Не смейтесь вы над юным поколеньем…”

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!
……

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, –
Ведь каждый из бойцов – герой!
Гордитесь юным поколеньем!
<1906>

Маме

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.

Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о, мама, девочкам своим!

(Отрывок)

Где-то маятник качался, голоса звучали пьяно.
Преимущество мадеры я доказывал с трудом.
Вдруг заметил я, как в пляске закружилися стаканы,
Вызывающе сверкая ослепительным стеклом.

Что вы, дерзкие, кружитесь, ведь настроен я не кротко.
Я поклонник бога Вакха, я отныне сам не свой.
А в соседней зале пели, и покачивалась лодка,
И смыкались с плеском волны над уставшей головой

“Проснулась улица. Глядит, усталая…”

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.
Покрыты инеем деревья черные, –
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это – сон!

Март 1908

Лесное царство

Асе

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаше берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной – луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, –
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть – на лету!

Таруса, лето 1908

В зале

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?

Темнее, чем прежде, их лица, –
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть.
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

Мирок

Дети – это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети – это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети – это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блестки фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети – это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кроватки трепетный обет,
Дети – это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

“Месяц высокий над городом лег…”

Месяц высокий над городом лег,
Грезили старые зданья...
Голос ваш был безучастно-далек:
– “Хочется спать. До свиданья”.
Были друзья мы иль были враги?
Рук было кратко пожатье,
Сухо звучали по камню шаги
В шорохе длинного платья.
Что-то мелькнуло, – знакомая грусть,
– Старой тоски переливы...
Хочется спать Вам? И спите, и пусть
Сны Ваши будут красивы;
Пусть не мешает анализ больной
Вашей уютной дремоте.
Может быть в жизни Вы тоже покой
Муке пути предпочтете.
Может быть Вас не захватит волна,
Сгубят земные соблазны, –
В этом тумане так смутно видна

Цель, а дороги так разны!
Снами отрадно страдания гнать,
Спящим не ведать стремленья,
Только и светлых надежд им не знать,
Им не видать возрожденья,
Им не сложить за мечту головы, –
Бури – герои достойны!
Буду бороться и плакать, а Вы
Спите спокойно!

В Кремле

Там, где мильоны звезд-лампадок
Горят пред ликом старины,
Где звон вечерний сердцу сладок,
Где башни в небо влюблены;
Там, где в тени воздушных складок
Прозрачно-белы бродят сны –
Я понял смысл былых загадок,
Я стал поверенным луны.

В бреду, с прерывистым дыханьем,
Я все хотел узнать, до дна:
Каким таинственным страданьям
Царица в небе предана
И почему к столетним зданьям
Так нежно льнет, всегда одна...
Что на земле зовут преданьем, –
Мне все поведала луна.

В расшитых шелком покрывалах,
У окон сумрачных дворцов,
Я увидал цариц усталых,
В глазах чьих замер тихий зов.
Я увидал, как в старых сказках,
Мечи, венец и древний герб,
И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп.

О, сколько глаз из этих окон
Глядели вслед ему с тоской,
И скольких за собой увлек он
Туда, где радость и покой!
Я увидал монахинь бледных,
Земли отверженных детей,
И в их молитвах заповедных
Я уловил пожар страстей.
Я угадал в блужданьи взглядов:
– “Я жить хочу! На что мне Бог?”
И в складках траурных нарядов
К луне идущий, долгий вздох.

Скажи, луна, за что страдали
Они в плену своих светлиц?

Чему в угоду погибали
Рабыни с душами цариц,
Что из глухих опочивален
Рвались в зеленые поля?
– И был луны ответ печален
В стенах угрюмого Кремля.

Осень 1908. Москва

У гробика

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, видавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка...
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грези, никто не тревожит,
Грези меж лилий...

Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

Последнее слово

Л. А. Т.

О, будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой как ты нельзя обидеть:
Суровый звук – порвется нить!
Не нам судить, не нам винить...
Нельзя за тайну ненавидеть.

В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна, от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.

Не знаем мы, где верный путь,
И не судить, а плакать надо.

Эпитафия

Л. А. Т.

На земле

– “Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно”.
– “Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!”

В земле

– “Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?”
– “Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!”

Над землей

– “Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?”
– “О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!”

Даме с камелиями

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: “Я жажду! Будь моя!”

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Все в любви. Спи с миром, Маргарита...
Все в любви... Любила – спасена!

Жертвам школьных сумерок

Милые, ранние веточки,
Гордость и счастье земли,
Деточки, грустные деточки,
О, почему вы ушли?
Думы смущает заветные
Ваш неуслышанный стон.
Сколько-то листья газетные
Кроют безвестных имен!..
Губы, теперь онемелые,
Тихо шепнули: “Не то...”
Смерти довериться, смелые,
Что вас заставило, что?
Ужас ли дум неожиданных,
Душу зажегший вопрос,
Подвигов жажда ль невиданных,
Или предчувствие гроз, –
Спите в покое чарующем!
Смерть хороша – на заре!
Вспомним о вас на пирующем,
Бурно-могучем костре.
– Правы ли на смерть идущие?
Вечно ли будет темно?
Это узнают грядущие,
Нам это знать – не дано.

Сереже

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жаля.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
“По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови”.

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха.
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: “Мой мальчик, это я!”

О, зови, зови сильней ее!
О земле, где все – одна тревога
И о том, как дивно быть у Бога,
Все скажи, – ведь дети знают все!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

Дортуар весной

Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье средь спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар – как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожиданья,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинны, а руки так тонки!
Бред внезапный: “От вражеских пушек
Войско турок...” Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весною теплица?

Первое путешествие

“Плывите!” молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пена,

Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.

Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей,
Печальных глаз и рощ лимонных.

Мы плыли мимо берегов,
Где зеленеет Пальма Мира,
Где из спокойных жемчугов
Дворцы, а башни из сапфира.

Исчез последний снег зимы,
Нам цвел душистый снег магнолий...
Куда летим? Не знали мы!
Да и к чему? Не все равно ли?

Тянулись гибкие цветы,
Как зачарованные змеи,
Из просветленной темноты
Мигали хитрые пигмеи...

Последний луч давно погас,
В краях последних тучек тая,
Мелькнуло облачко-Пегас,
И рыб воздушных скрылась стая,

И месяц меж стеблей травы
Мелькнул в воде, как круг эмали...
Он был так близок, но, увы –
Его мы в сети не поймали!

Под пестрым зонтиком чудес,
Полны мечтаний затаенных,
Лежали мы и страх исчез
Под взором чьих-то глаз зеленых.

Лилось ручьем на берегах
Вино в хрустальные графины,
Служили нам на двух ногах
Киты и грузные дельфины...

Вдруг – звон! Он здесь! Пощады нет!
То звон часов протяжно-гулок!
Как, это папин кабинет?
Диван? Знакомый переулок?

Уж утро брезжит! Боже мой!
Полу во сне и полу-бдея
По мокрым улицам домой
Мы провожали Чародея.

Второе путешествие

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть... – отворяй же скорей
Тайным знаком серебряной палочки! –
Там фонтаны из слез матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть –
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

Летом

– “Ася, поверьте!” и что-то дрожит
В Гришином деланном басе.
Ася лукава и дальше бежит...
Гриша – мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
Клонятся трепетной нишей...
Гриша глаза вытирает тайком,
Ася – смеется над Гришей!

Самоубийство

Был вечер музыки и ласки,
Все в дачном садике цвело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло!
Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял – жестом злого жезла
Ее колдун увлек туда.
Рыдала с дальней дачи флейта
В сияньи розовых лучей...
Он понял – прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей.
Он крикнул: “Мама!”, вновь и снова,
Потом пробрался, как в бреду,
К постельке, не сказав ни слова
О том, что мамочка в пруду.
Хоть над подушкою икона,
Но страшно! – “Ах, вернись домой!”
...Он тихо плакал. Вдруг с балкона
Раздался голос: “Мальчик мой!”

В изящном узеньком конверте

Нашли ее “прости”: “Всегда
Любовь и грусть – сильнее смерти”.
Сильнее смерти... Да, о да!..

Вокзальный силуэт

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтенная страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
(Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни...
Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я все пойму, что неприглядно...
Но ошибаться – так отрадно!
Но ошибиться – так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить вас – такой.

Севастополь. Пасха, 1909

«Как простор наших горестных нив…»

Как простор наших горестных нив,
Вы окутаны грустною дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди схоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи – ни против, ни за...

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольно, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блестки,
Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая,
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

Нине

К утешениям друга-рояля
Ты ушла от излюбленных книг.
Чей-то шепот в напевах возник,
Беспокоя тебя и печаля.

Те же синие летние дни,
Те же в небе и звезды и тучки...
Ты сомкнула усталые ручки,
И лицо твое, Нина, в тени.

Словно просьбы застенчивой ради,
Повторился последний аккорд.
Чей-то образ из сердца не стерт!..
Все как прежде: портреты, тетради,

Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий...
В тихих комнатках маленькой дачи
Все как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена...
Здесь, в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там, на Оке.

Пусть меж нами молчанья равнина

И запутанность сложных узлов.
Есть напевы, напевы без слов,
О, любимая, дальняя Нина!

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде все пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Париж, июнь 1909

В Шенбрунне

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
“Марсельеза! Трон!.. В Париже...”

Буквы ринулись с страниц,
Строчка-полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
“Вновь с тобой я!” шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
– “Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!”

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем объятый.
“Что рокочет там, меж чащ?
Море, что ли?” – “Сын, – солдаты!”

– “О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, –
Это рай?” – “Мой сын – Париж!”
– “А над ним склонилась?” – “Слава”.

В ярком блеске Тюилери,
Развеваются знамена.
– “Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!”

Барабаны, звуки струн,
Все в цветах... Ликуют дети...
Все спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

Камерата

“Au moment ou je me disposais a monter 1’escalier, voila qu’une fe, envelop*e* e dans un manteau, me saisit vivement la main et 1’embrassa”.

Prokesh-Osten. “Mes relations avec le duc de Reichstadt”.[1]

Его любя сильней, чем брата,
– Любя в нем род, и трон, и кровь, –
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
Без пенья хора, мирт и лент,
Рука с рукой вошла с ним рядом

---

[1] “В тот момент, как я собирался подняться по лестнице, какая-то женщина в запахнутом плаще живо схватила меня за руку и поцеловала ее”. Прокеш-Остен. “Мои отношения с герцогом Рейхштадтским” (фр.).

В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чащ!
Друг другу вняли – без обета
Мундир как снег и черный плащ.

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной – ты,
Он – в ореоле светлых прядей,
И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас – дремала кровь...
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

Расставание

Твой конь, как прежде, вихрем скачет
По парку позднею порой...
Но в сердце тень, и сердце плачет,
Мой принц, мой мальчик, мой герой.

Мне шепчет голос без названья:
– “Ах, гнета грезы – не снести!”
Пред вечной тайной расставанья
Прими, о принц, мое прости.

О сыне Божьем эти строфы:
Он, вечно-светел, вечно-юн,
Купил бессмертье днем Голгофы,
Твоей Голгофой был Шенбрунн.

Звучали мне призывом Бога
Твоих крестин колокола...
Я отдала тебе – так много!
Я слишком много отдала!

Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай...
Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!

Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь...
Прощай, мой герцог светлокудрый,
Моя великая любовь!

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– “Терпи, еще не кончен срок”.
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября l909

Колдунья

Я – Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой – хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, –
Я призрачных эльфов сестра...
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер – ничей...
Я сон твой. О, рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: “Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи речи позор.
Колдунья лукава, как зверь!”
– Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

Асе

Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!
Ждет тебя моря волна изумрудная,
Всплеск голубого весла,
Жить нашей жизнью подпольною, трудною
Ты не смогла.
Что же, иди, коль борьба наша мрачная
В наши ряды не зовет,
Если заманчивей влага прозрачная,
Чаек сребристых полет!
Солнцу горячему, светлому, жаркому
Ты передай мой привет.
Ставь свой вопрос всему сильному, яркому
Будет ответ!
Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!

<Шуточное стихотворение>

Придет весна и вновь заглянет
Мне в душу милыми очами,
Опять на сердце легче станет,
Нахлынет счастие – волнами.

Как змейки быстро зазмеятся
Все ручейки вдоль грязных улицев,

Опять захочется смеяться
Над глупым видом сытых курицев.

А сыты курицы – те люди,
Которым дела нет до солнца,
Сидят, как лавочники – пуды
И смотрят в грязное оконце.

Шарманка весной

– “Herr Володя, глядите в тетрадь!”
– “Ты опять не читаешь, обманщик?
Погоди, не посмеет играть
Nimmer mehr[2] этот гадкий шарманщик!”

Золотые дневные лучи
Теплой ласкою травку согрели.
– “Гадкий мальчик, глаголы учи!”
– О, как трудно учиться в апреле!..

Наклонившись, глядит из окна
Гувернантка в накидке лиловой.
Fraulein Else[3] сегодня грустна,
Хоть и хочет казаться суровой.

В ней минувшие грезы свежат
Эти отклики давних мелодий,
И давно уж слезинки дрожат
На ресницах больного Володи.

Инструмент неуклюж, неказист:
Ведь оплачен сумой небогатой!
Все на воле: жилец-гимназист,
И Наташа, и Дорик с лопатой,

И разносчик с тяжелым лотком,
Что торгует внизу пирожками...
Fraulein Else закрыла платком
И очки, и глаза под очками.

Не уходит шарманщик слепой,
Легким ветром колеблется штора,
И сменяется: “Пой, птичка, пой”
Дерзким вызовом Тореадора.

Fraulein плачет: волнует игра!
Водит мальчик пером по бювару.
– “Не грусти, lieber Junge[4], – пора

---

[2] Никогда *(нем.)* .

[3] Барышня Эльза *(нем.)* .

Нам гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!”
– “Я конфет попрошу у Алеши!
Fraulein Else, где черненький мяч?
Где мои, Fraulein Else, калоши?”

Не осилить тоске леденца!
О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

Людовик XVII

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам – вино, тебе – пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!

Не сгнивший плод – цветок неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!

Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.

Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.

Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют...
И ты простер слабеющие руки
Туда наверх, где странникам – приют.

На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льем,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься – королем.

На скалах

Он был синеглазый и рыжий,
(Как порох во время игры!)
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

---

4 Любимый мальчик *(нем.)* .

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
“Он – мой!” – “Нет – он мой!” – “Почему ж?”
Володя решает: “Вы обе!
Вы – жены, я – турок, ваш муж”.

Забыто, что в платьицах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: “Нет, он мой!”
– “(Домой! Ася, Муся, Володя!”)
– Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим – как взрослые – трубки,
Мы – воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, – о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
– Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

Дама в голубом

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.
Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно... Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.
Эрик задумчив: – “Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю... О Боже... О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!”
Молвил – и видит: из сумрачных чащ
Дама идет через луг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительный рук;
Резвый поток золотистых кудрей

Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрей,
Вот уж склонилась над ним.
– “Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!”
Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.
Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн...
Эрик очнулся. Вокруг – никого,
Только барашки и он.
В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом...
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

В Ouchy

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

– “Все в знаньи, скажут вам науки.
Не знаю... Сказки – хороши!”
О, эти медленные звуки,
О, эта музыка в Ouchy!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О, этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

Акварель

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

Сказочный Шварцвальд

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге –
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.

Здесь лишь лани бродят, скачут белки...
Пенье птиц... Жужжание пчелы...

Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры
С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься – ветхая старушка
Выйдет, щурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, –
Это Waldfrau, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случалося на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.

Будешь радость видеть в каждом миге,
Все поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, –
Темный Шварцвальд сказками богат!

Как мы читали “Lichtenstein”

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятье
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих – мой герой, а Г*е* орг – Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня – милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямы,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на все – на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Еще невзрослый передаст ли стих?

Отъезд

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень, осень!
Мы уезжаем. Боже, как всегда
Отъезд сердцам желанен и несносен!

Чуть вдалеке раздастся стук колес, –
Четыре вздрогнут детские фигуры.
Глаза Марилэ не глядят от слез,
Вздыхает Карл, как заговорщик, хмурый.

Мы к маме жмемся: “Ну зачем отъезд?
Здесь хорошо!” – “Ах, дети, вздохи лишни”.
Прощайте, луг и придорожный крест,
Дорога в Хорбен... Вы, прощайте, вишни,

Что рвали мы в саду, и сеновал,
Где мы, от всех укрывшись, их съедали...
(Какой-то крик... Кто звал? Никто не звал!)
И вы, Шварцвальда золотые дали!

Марилэ пишет мне стишок в альбом,
Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы!
Хлопочет мама; в платье голубом
Мелькает Ася с Карлом там, у ивы.

О, на крыльце последний шепот наш!
О, этот плач о промелькнувшем лете!
Какой-то шум. Приехал экипаж.
– “Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!”

– “Марилэ, друг, пиши мне!” Ах, не то!
Не это я сказать хочу! Но что же?
– “Надень берет!” – “Не раскрывай пальто!”
– “Садитесь, ну?” и папин голос строже.

Букет сует нам Асин кавалер,
Сует Марилэ плитку шоколада...
Последний миг... – “Nun, kann es losgehn, Herr?”[5]
Погибло все. Нет, больше жить не надо!

Мы ехали. Осенний вечер блек.
Мы, как во сне, о чем-то говорили...
Прощай, наш Карл, шварцвальдский паренек!
Прощай, мой друг, шварцвальдская Марилэ!

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам бывало.
– “Уж поздно!” – “Мама, десять строк!”...
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
“Позвольте, я наследник трона!”
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?

---

[5] “Так можно отправляться, господин?” *(нем.)* .

О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

Инцидент за супом

– “За дядю, за тетю, за маму, за папу”...
– “Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу”...
– “Нельзя баловаться, нельзя, мой пригожий!”...
(Уж хочется плакать от злости Сереже.)
– “Не плачь, и на трех он на лапах поскачет”.
Но поздно: Сереженька-первенец – плачет!

Разохалась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросает тетради,
Отец опечален: семейная драма!
Волнуется там, перед зеркалом, мама...
– “Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы ждете?”
– “За папу, за маму, за дядю, за тетю”...

Мама за книгой

...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала...
– “Мама, построй мне из кубиков домик!”
Мама взволнованно к сердцу прижала
Маленький томик.

... Гневом глаза загорелись у графа:
“Здесь я, княгиня, по благости рока!”
– “Мама, а в море не тонет жирафа?”
Мама душою – далеко!

– “Мама, смотри: паутинка в котлете!”
В голосе детском упрек и угроза.
Мама очнулась от вымыслов: дети –
Горькая проза!

Пробужденье

Холодно в мире! Постель
Осенью кажется раем.
Ветром колеблется хмель,
Треплется хмель над сараем;
Дождь повторяет: кап-кап,
Льется и льется на дворик...
Свет из окошка – так слаб!
Детскому сердцу – так горек!
Братец в раздумии трет
Сонные глазки ручонкой:
Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и таз

В темном углу – наготове.
Холодно! Кукла без глаз
Мрачно нахмурила брови:
Куколке солнышка жаль!
В зале – дрожащие звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки.

Утомленье

Жди вопроса, придумывай числа...
Если думать – то где же игра?
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

В зале страшно: там ведьмы и черти
Появляются все вечера.
Папа болен, мама в концерте...
Спать пора!

Братец шубу надел наизнанку,
Рукавицы надела сестра,
– Но устанешь пугать гувернантку...
Спать пора!

Ах, без мамы ни в чем нету смысла!
Приуныла в углах детвора,
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

Баловство

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча,
(Плакать смешно и стараться!)
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама...
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце...

Лучший союз

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
– “С ним – лишь на небе!” – “Здесь – не с ней!”
Уж с колыбельных нежных дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,
Но ваши встречи – только муки,
И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!
Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни – только тени.

Сара в версальском монастыре

Голубей над крышей вьется пара,
Засыпает монастырский сад.
Замечталась маленькая Сара
На закат.

Льнет к окну, лучи рукою ловит,
Как былинка нежная слаба,
И не знает крошка, что готовит
Ей судьба.

Вся застыла в грезе молчаливой,
От раздумья щечки розовей,
Вьются кудри золотистой гривой
До бровей.

На губах улыбка бродит редко,
Чуть звенит цепочкою браслет, –
Все дитя как будто статуэтка
Давних лет.

Этих глаз синее не бывает!
Резкий звук развеял пенье чар:
То звонок воспитанниц сзывает
В дортуар.

Подымает девочку с окошка,

Как перо, монахиня-сестра.
Добрый голос шепчет: “Сара-крошка,
Спать пора!”

Село солнце в медленном пожаре,
Серп луны прокрался из-за туч,
И всю ночь легенды шепчет Саре
Лунный луч.

Маленький паж

Этот крошка с душой безутешной
Был рожден, чтобы рыцарем пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потешной,
Как наивные драмы,
Эту детскую страсть.

Он мечтал о погибели славной,
О могуществе гордых царей
Той страны, где восходит светило.
Но она находила забавной
Эту мысль и твердила:
– “Вырастай поскорей!”

Он бродил одинокий и хмурый
Меж поникших, серебряных трав,
Все мечтал о турнирах, о шлеме...
Был смешон мальчуган белокурый
Избалованный всеми
За насмешливый нрав.

Через мостик склонясь над водою,
Он шепнул (то последний был бред!)
– “Вот она мне кивает оттуда!”
Тихо плыл, озаренный звездою,
По поверхности пруда
Темно-синий берет.

Этот мальчик пришел, как из грезы,
В мир холодный и горестный наш.
Часто ночью красавица внемлет,
Как трепещут листвою березы
Над могилой, где дремлет
Ее маленький паж.

Die stille strasse

6

Die stille Strasse: юная листва

---

6 Тихая улица *(нем.)*.

Светло шумит, склоняясь над забором,
Дома – во сне... Блестящим детским взором
Глядим наверх, где меркнет синева.

С тупым лицом немецкие слова
Мы вслед за Fraulein повторяем хором,
И воздух тих, загрезивший, в котором
Вечерний колокол поет едва.

Звучат шаги отчетливо и мерно,
Die stille Strasse распрощалась с днем
И мирно спит под шум деревьев. Верно.

Мы на пути не раз еще вздохнем
О ней, затерянной в Москве бескрайной,
И чье названье нам осталось тайной.

Встреча

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной –
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Новолунье

Новый месяц встал над лугом,
Над росистою межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: “Кто ж он?”
Все расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Таруса, октябрь 1909

Эпитафия

Тому, кто здесь лежит под травкой вешней,
Прости, Господь, злой помысел и грех!
Он был больной, измученный, нездешний,
Он ангелов любил и детский смех.

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть...
Во всех грехах он был – ребенок нежный,
И потому – прости ему, Господь!

В люксембургском саду

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: “Весь мир у тебя!”

Как бабочки девочек платьица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– “Подумайте, сын мой”... – “Да что вы! А мой”...

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, –
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

В сумерках

(На картину “Au Cr*e* pouscule” Paul Chabas [7] в Люксембургском музее)

Клане Макаренко

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны

---

[7] “В сумерках” Поля Шабаса *(фр.)* .

Мерные всплески весла.
Вся – как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод расцвела.
Сумеркам – верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети – безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала...
Мама с балкона домой позвала
Девочку цвета луны.

Эльфочка в зале

Ане Калин

Запела рояль неразгаданно-нежно
Под гибкими ручками маленькой Ани.
За окнами мчались неясные сани,
На улицах было пустынно и снежно.

Воздушная эльфочка в детском наряде
Внимала тому, что лишь эльфочкам слышно.
Овеяли тонкое личико пышно
Пушистых кудрей беспокойные пряди.

В ней были движенья таинственно-хрупки.
– Как будто старинный портрет перед вами! –
От дум, что вовеки не скажешь словами,
Печально дрожали капризные губки.

И пела рояль, вдохновеньем согрета,
О сладостных чарах безбрежной печали,
И души меж звуков друг друга встречали,
И кто-то светло улыбался с портрета.

Внушали напевы: “Нет радости в страсти!
Усталое сердце, усни же, усни ты!”
И в сумерках зимних нам верилось власти
Единственной, странной царевны Аниты.

Памяти Нины Джаваха

Всему внимая чутким ухом,
– Так недоступна! Так нежна! –
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори

В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые – ручки, лобик,
На бледном личике – вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампады, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье – лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909

Пленница

Она покоится на вышитых подушках,
Слегка взволнована мигающим лучом.
О чем загрезила? Задумалась о чем?
О новых платьях ли? О новых ли игрушках?

Шалунья-пленница томилась целый день
В покоях сумрачных тюрьмы Эскуриала.
От гнета пышного, от строгого хорала
Уводит в рай ее ночная тень.

Не лгали в книгах бледные виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахин,
И слышен смех звенящий мандолин,
И о любви вздыхают кастаньеты.

Склонив колено, ждет кудрявый паж
Ее, наследницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки

И ждет серебряный, тяжелый экипаж.

Но... грезы все! Настанет миг расплаты;
От злой слезы ресницы дрогнет шелк,
И уж с утра про королевский долг
Начнут твердить суровые аббаты.

Сестры

“Car tout n’est que reve, o ma soeur!”[8]

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
Они вдвоем шепнули: “Ах!”...
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: “Люблю я!”...
Раскрыл объятья – зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

23 – 30 декабря 1909

На прощанье

Mein Herz tragt schwere Ketten,
Die Du mir angelegt.
Ich mocht’ mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer tragt.
Франкфуртская песенка.[9]

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытуя, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая –
И вот мы у пристани оба,

---

8 “Ибо все лишь сон, о моя сестра!” (фр.).

9 “Мое сердце в тяжелых оковах,
Которыми ты его опутал.
Клянусь жизнью,
Что ни у кого нет цепей тяжелей” (нем.).

Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду – твоя.

Ты всё мне поведал – так рано!
Я все разгадала – так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижен под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного – и навек!

4 – 9 января 1910

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, –
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнью не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

Perpetuum mobile[10]

---

10 Вечно движущееся *(лат.)* .

Как звезды меркнут понемногу
В сияньи солнца золотом,
К нам другу друг давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
– И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
– И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг...
Вдруг за лампадой – блеск ракеты!
За проповедником – шутник!
– И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

Следующему

Quasi una fantasia.[11]

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явленье,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь – удивленье.
Скажут не раз: “Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!”
– С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком – дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о, глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

Мама в саду

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени

---

11 Сплошь фантазия *(лат.)*.

Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, –
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
– Пальцы только мнут гвоздику. –

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
– “Не вертись, дружок, стой прямо!”
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
– Только там, за домом, тени...

Мама на лугу

Вы бродили с мамой на лугу
И тебе она шепнула: “Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!”

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Все цвело и пело в вечер мая...
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.

Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи,
Зашептала мама в горьком плаче:
“Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, –
До конца лишь сердце нам закон!”

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака.

Луч серебристый

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

Втроем

– “Мы никого так”...
– “Мы никогда так”...
– “Ну, что же? Кончайте”...
27-го декабря 1909

Горькой расплаты, забвенья ль вино, –
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева – к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большего знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах...

Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.
Как неизведано утро встречать
В детской, прижавшись, втроем...

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне...
О, какой сладкий обман!

Ошибка

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой – она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.

Когда пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль –
Где их наряд? От них на наших пальцах

Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: “Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!”
Твоя любовь была такой ошибкой, –
Но без любви мы гибнем, Чародей!

Мука и мука

– “Все перемелется, будет мукой!”
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше м*у* кой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше м*у* кой!

Каток растаял

...“но ведь есть каток”...
Письмо 17 января 1910

Каток растаял... Не услада
За зимней тишью стук колес.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.

Зимою грусть была едина...
Вдруг новый образ встанет... Чей?
Душа людская – та же льдина
И так же тает от лучей.

Пусть в желтых лютиках пригорок!
Пусть смел снежинку лепесток!
– Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток...

Встреча

...“есть встречи случайные”...
Из дорогого письма.

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.

В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел – так нежданно! так спешно! –
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

Бывшему чародею

Вам сердце рвет тоска, сомненье в лучшем сея.
– “Брось камнем, не щади! Я жду, больней ужаль!”
Нет, ненавистна мне надменность фарисея,
Я грешников люблю, и мне вас только жаль.

Стенами темных слов, растущими во мраке,
Нас, нет, – не разлучить! К замкам найдем ключи
И смело подадим таинственные знаки
Друг другу мы, когда задремлет все в ночи.

Свободный и один, вдали от тесных рамок,
Вы вновь вернетесь к нам с богатою ладьей,
И из воздушных строк возникнет стройный замок,
И ахнет тот, кто смел поэту быть судьей!

– “Погрешности прощать прекрасно, да, но эту –
Нельзя: культура, честь, порядочность... О нет”.
– Пусть это скажут все. Я не судья поэту,
И можно все простить за плачущий сонет!

Чародею

Рот как кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.

Над тобою и днем не слабели
В дальнем детстве сказанья ночей,
Оттого ты с рожденья – ничей,
Оттого ты любил – с колыбели.

О, как многих любил ты, поэт:

Темнооких, светло-белокурых,
И надменных, и нежных, и хмурых,
В них вселяя свой собственный бред.

Но забвение, ах, на груди ли?
Есть ли чары в земных голосах?
Исчезая, как дым в небесах,
Уходили они, уходили.

Вечный гость на чужом берегу,
Ты замучен серебряным рогом...
О, я знаю о многом, о многом,
Но откуда – сказать не могу.

Оттого тебе искры бокала
И дурман наслаждений бледны:
Ты возлюбленный Девы-Луны,
Ты из тех, что Луна приласкала.

В чужой лагерь

“Да, для вас наша жизнь
действительно в тумане”.
Разговор 20-го декабря 1909

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман...
Для нас безумные объятья
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом – смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те –
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны – в темноте!

Нас вальс и вечер – все тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...
Неотвратимого не может,
Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, вешний запах.
Оркестра пение вдали –
И мы со вздохом в темных лапах,
Сожжем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: “Милый!”
Что будет розовым закат.

Анжелика

Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я – Анжелика.

Тихое пенье звучит в унисон,
Окон неясны разводы,
Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.

Взор мой и в детстве туда ускользал,
Он городами измучен.
Скучен мне говор и блещущий зал,
Мир мне – так скучен!

Кто-то пред Девой затеплил свечу,
(Ждет исцеленья ль больная?)
Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я – иная.

Сладостна слабость опущенных рук,
Всякая скорбь здесь легка мне.
Плющ темнолиственный обнял как друг
Старые камни;

Бело и розово, словно миндаль,
Здесь расцвела повилика...
Счастья не надо. Мне мира не жаль:
Я – Анжелика.

Добрый колдун

Всё видит, всё знает твой мудрый зрачок
Сердца тебе ясны, как травы.
Зачем ты меж нами, лесной старичок,
Колдун безобидно-лукавый?

Душою до гроба застенчиво-юн,
Живешь, упоен небосводом.
Зачем ты меж нами, лукавый колдун,
Весь пахнущий лесом и медом?

Как ранние зори покинуть ты мог,
Заросшие маком полянки,
И старенький улей, и серый дымок,
Встающий над крышей землянки?

Как мог променять ты любимых зверей,
Свой лес, где цветет Небылица,
На мир экипажей, трамваев, дверей,
На дружески-скучные лица?

Вернись: без тебя не горят светляки,
Не шепчутся темные елки,
Без ласково-твердой хозяйской руки
Скучают мохнатые пчелки.

Поверь мне: меж нами никто не поймет,
Как сладок черемухи запах.
Не медли, а то не остался бы мед
В невежливых мишкиных лапах!

Кто снадобье знает, колдун, как не ты,
Чтоб вылечить зверя иль беса?
Уйди, старичок, от людской суеты
Под своды родимого леса!

Потомок шведских королей

О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, –
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.

Мой славный род – моя отрава!
Я от тоски сгораю – весь!
Падите ниц: пред вами здесь
Потомок славного Густава.

С надменной думой на лице
В своем мирке невинно-детском
Я о престоле грезил шведском,
О войнах, казнях и венце.

В моих глазах тоской о чуде
Такая ненависть зажглась,
Что этих слишком гневных глаз,
Не вынося, боялись люди.

Теперь я бледен стал и слаб,
Я пленник самой горькой боли,
Я призрак утренний – не боле...
Но каждый враг мне, кто не раб!

Вспоен легендой дорогою,
Умру, легенды паладин,
И мой привет для всех один:
“Ты мог бы быть моим слугою!”

Недоумение

Как не стыдно! Ты, такой не робкий,
Ты, в стихах поющий новолунье,
И дриад, и глохнущие тропки, –
Испугался маленькой колдуньи!

Испугался глаз ее янтарных,
Этих детских, слишком алых губок,
Убоявшись чар ее коварных,
Не посмел испить шипящий кубок?

Был испуган пламенной отравой
Светлых глаз, где только искры видно?
Испугался девочки кудрявой?
О, поэт, тебе да будет стыдно!

Обреченная

Бледные ручки коснулись рояля
Медленно, словно без сил.
Звуки запели, томленьем печаля.
Кто твои думы смутил,
Бледная девушка, там, у рояля?

Тот, кто следит за тобой,
– Словно акула за маленькой рыбкой –
Он твоей будет судьбой!
И не о добром он мыслит с улыбкой,
Тот, кто стоит за тобой.

С радостным видом хлопочут родные:
Дочка – невеста! Их дочь!
Если и снились ей грезы иные, –
Грезы развеются в ночь!
С радостным видом хлопочут родные.

Светлая церковь, кольцо,
Шум, поздравления, с образом мальчик...
Девушка скрыла лицо,
Смотрит с тоскою на узенький пальчик,
Где загорится кольцо.

“На солнце, на ветер, на вольный простор…”

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!
Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком прохожем судью.
Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шаля,
Из кружек больших молоко.
О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;
Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалунья, ты здесь без стыда

В красивые губы целуй!
Кто юному счастью прошепчет укор?
Кто скажет: “Пора!” забытью?
– На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Шолохово, февраль 1910

От четырех до семи

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной – и с людьми...
Медленно тянется день
От четырех до семи!
К людям не надо – солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь – прощу,
Только меня не томи!
– Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

Волей луны

Мы выходим из столовой
Тем же шагом, как вчера:
В зале облачно-лиловой
Безутешны вечера!
Здесь на всем оттенок давний,
Горе всюду прилегло,
Но пока открыты ставни,
Будет облачно-светло.
Всюду ласка легкой пыли.
(Что послушней? Что нежней?)
Те, ушедшие, любили
Рисовать ручонкой в ней.
Этих маленьких ручонок
Ждут рояль и зеркала.
Был рояль когда-то звонок!
Зала радостна была!
Люстра, клавиш – все звенело,
Увлекаясь их игрой...
Хлопнул ставень – потемнело,
Закрывается второй...
Кто там шепчет еле-еле?
Или в доме не мертво?
Это струйкой льется в щели
Лунной ночи колдовство.
В зеркалах при лунном свете
Снова жив огонь зрачков,
И недвижен на паркете
След остывших башмачков.

Rouge et bleue[12]

Девочка в красном и девочка в синем
Вместе гуляли в саду.
– “Знаешь, Алина, мы платьица скинем,
Будем купаться в пруду?”.
Пальчиком тонким грозя,
Строго ответила девочка в синем:
– “Мама сказала – нельзя”.

* * *

Девушка в красном и девушка в синем
Вечером шли вдоль межи.
– “Хочешь, Алина, все бросим, все кинем,
Хочешь, уедем? Скажи!”
Вздохом сквозь вешний туман
Грустно ответила девушка в синем:
– “Полно! ведь жизнь – не роман”...

* * *

Женщина в красном и женщина в синем
Шли по аллее вдвоем.
– “Видишь, Алина, мы блекнем, мы стынем, –
Пленницы в счастье своем”...
С полуулыбкой из тьмы
Горько ответила женщина в синем:
– “Что же? Ведь женщины мы!”

Столовая

Столовая, четыре раза в день
Миришь на миг во всем друг друга чуждых.
Здесь разговор о самых скучных нуждах,
Безмолвен тот, кому ответить лень.

Все неустойчиво, недружелюбно, ломко,
Тарелок стук... Беседа коротка:
– “Хотела в семь она придти с катка?”
– “Нет, к девяти”, – ответит экономка.

Звонок. – “Нас нет: уехали, скажи!”
– “Сегодня мы обедаем без света”...
Вновь тишина, не ждущая ответа;
Ведут беседу с вилками ножи.

– “Все кончили? Анюта, на тарелки!”
Враждебный тон в негромких голосах,
И все глядят, как на стенных часах

---

12 Красное и голубое *(фр.)*.

Одна другую догоняют стрелки.

Роняют стул... Торопятся шаги...
Прощай, о мир из-за тарелки супа!
Благодарят за пропитанье скупо
И вновь расходятся – до ужина враги.

Пасха в апреле

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, дорогая,
С улицы фраз отголоски...
Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, внешняя зорька,
Волны пасхального звона...
Вот у соседей заплакал так горько
Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни...
Многое было, ах, многое было...
Прошлое, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно... Лучи догорели...
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Москва. Пасха, 1910

Сказки Соловьева

О, эта молодость земная!
Все так старо – и все так ново!
У приоткрытого окна я
Читаю сказки Соловьева.

Я не дышу – в них все так зыбко!
Вдруг вздохом призраки развею?
Неосторожная улыбка
Спугнет волшебника и фею.

Порою смерть – как будто ласка,
Порою жить – почти неловко!
Блаженство в смерти, Звездоглазка!
Что жизнь, Жемчужная Головка?

Не лучше ль уличного шума
Зеленый пруд, где гнутся лозы?
И темной власти Чернодума
Не лучше ль сон Апрельской Розы?

Вдруг чей-то шепот: “Вечно в жмурки
Играть с действительностью вредно.
Настанет вечер, и бесследно
Растают в пламени Снегурки!

Все сны апрельской благодати
Июльский вечер уничтожит”.
– О, ты, кто мудр – и так некстати! –
Я не сержусь. Ты прав, быть может...

Ты прав! Здесь сны не много значат,
Здесь лжет и сон, не только слово...
Но, если хочешь знать, как плачут,
Читай в апреле Соловьева!

Картинка с конфеты

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лед не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет под добрым взглядом муж

То кавалеру даст, смеясь, цветок,
То, не смутясь, подсядет к злым старухам,
Твердит о долге, теребя платок.
И страшно мил упрямый завиток
Густых волос над этим детским ухом.

Как сладко жить: удачен туалет,
Прическа сделана рукой искусной,
Любимый муж, успех, семнадцать лет...
Как сладко жить! Вдруг блестки эполет
И чей-то взор неумолимо-грустный.

О, ей знаком бессильно-нежный рот,
Знакомы ей нахмуренные брови
И этот взгляд... Пред ней тот прежний, тот,
Сказавший ей в слезах под Новый Год:
– “Умру без слов при вашем первом слове!”

Куда исчез когда-то яркий гнев?
Ведь это он, ее любимый, первый!
Уж шепчет муж сквозь медленный напев:
– “Да ты больна?” Немного побледнев,
Она в ответ роняет: “Это нервы”.

Ricordo di Tivoli[13]

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,

---

13 Воспоминание о Тиволи *(итал.).*

Девочка, плача, головку на грудь уронила...
– Грустно и мило! –
Скорбно склоняется к детям столетняя ель.

Темная ель в этой жизни видала так много
Слишком красивых, с большими глазами, детей.
Нет путей
Им в нашей жизни. Их счастье, их радость – у Бога.

Море синет вдали, как огромный сапфир,
Детские крики доносятся с дальней лужайки,
В воздухе – чайки...
Мальчик играет, а девочке в друге весь мир...

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
Мощная, мудрая, много видавшая ель!
Плачет свирель...
Девочка, плача, головку на грудь уронила.

Берлин, лето 1910

У кроватки

Вале Генерозовой

– “Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки”...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

– “Солнце глядело сквозь веточки
К розе летела пчела”...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

– “Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, – и в горы скорей!”
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

– “Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг”...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

– “Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок”...
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

Три поцелуя

– “Какие маленькие зубки!
И заводная! В парике!”

Она смеясь прижала губки
К ее руке.

– “Как хорошо уйти от гула!
Ты слышишь скрипку вдалеке?”
Она задумчиво прильнула
К его руке.

– “Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строим – на песке!”
Она в слезах прижала губы
К своей руке.

Два в квадрате

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестер для них “она”?
Здесь умолкают все укоры, –
Ведь две мы. Ваша ль то вина?

– “Прошел он!” – “Кто из них? Который?”
К обоим каждая нежна.
Здесь умолкают все укоры. –
Вас двое. Наша ль то вина?

Связь через сны

Всё лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных век...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Все мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочетал.

Я не молю: “О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!”
Нет, я молю: “О пошли ему, Боже,
Сон про меня!”

Пусть я при встрече с тобою бледнею, –
Как эти встречи грустны!
Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

“Не гони мою память! Лазурны края…”

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть!
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты – майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по легким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть завижу знакомый вдали силуэт, –
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы былого напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

Привет из вагона

Сильнее гул, как будто выше – зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман...
Мой дальний друг, пойми – все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,

Все тот же смех и блестки тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

Зеленое ожерелье

Целый вечер играли и тешились мы ожерельем
Из зеленых, до дна отражающих взоры, камней.
Ты непрочную нить потянул слишком сильно,
И посыпались камни обильно,
При паденьи сверкая сильней.
Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших трепетных пальцев
Обовьется еще, отдавая нас новым огням.
Нам к сокровищам бездн все дороги открыты,
Наши жадные взоры не сыты,
И ко всем драгоценным камням
Направляем шаги мы с покорностью вечных скитальцев.

Пусть погибла виной одного из движений нежданных
Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить!
Пусть над пламенным прошлым холодные плиты!
Разве сможем мы те хризолиты
Придорожным стеклом заменить?
Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок стеклянных!

“Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке…”

Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?
Все друг друга зовут трепетанием блещущих крыл!
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки,
Но о помнящих душах забыл.

Каждый вечер, зажженный по воле волшебницы кроткой,
Каждый вечер, когда над горами и в сердце туман,
К незабывшей душе неуверенно-робкой походкой
Приближается прежний обман.

Словно ветер, что беглым порывом минувшее будит,
Ты из блещущих строчек опять улыбаешься мне.
Все позволено, все! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке,
(Будет много блужданий-скитаний средь снега и тьмы!)
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки...
Не ответственны мы!

Кроме любви

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы – ты и я – принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность – других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробужденьи души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме...
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной – любви.

Плохое оправданье

Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм.
О, мучительный стыд за вечернее лишнее слово!
О, тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш сад из Эдема...
Как влюбленность – старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо – враги!

Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченый,
Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром – мудрец, будет утром – холодный ученый
Тот, кто ночью – поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать на терзанье январскому дню?
Только утро виню я, прошедшему вздох посылая,
Только утро виню!

Предсказанье

– “У вас в душе приливы и отливы!”
Ты сам сказал, ты это понял сам!
О, как же ты, не верящий часам,
Мог осудить меня за миг счастливый?

Что принесет грядущая минута?
Чей давний образ вынырнет из сна?
Веселый день, а завтра ночь грустна...
Как осуждать за что-то, почему-то?

О, как ты мог! О, мудрый, как могли вы
Сказать “враги” двум белым парусам?
Ведь знали вы... Ты это понял сам:
В моей душе приливы и отливы!

Оба луча

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве – любовь, и молитва –
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе –
Оба луча!

Weisser Hirsch, лето 1910

Детская

Наша встреча была – в полумраке беседа
Полувзрослого с полудетьми.
Хлопья снега за окнами, песни метели...
Мы из детской уйти не хотели,
Вместо сказки не жаждали бреда...
Если можешь – пойми!

Мы любили тебя – как могли, как умели;
Целый сад в наших душах бы мог расцвести,
Мы бы рай увидали воочью!..
Но, испуганы зимнею ночью,
Мы из детской уйти не посмели...
Если можешь – прости!

Разные дети

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, –
Они не играют с огнем.

Есть дети – как искры: им пламя сродни.

Напрасно их учат: “Ведь жжется, не тронь!”
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осеня,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
“Огня побоялась – так гибни во мгле!”
Твои обвиненья мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле...
– Мой милый, был так беспощаден твой суд! –
Но все же я сердцем твоя – и во мгле
“За несколько светлых минут!”

Наша зала

Мне тихонько шепнула вечерняя зала
Укоряющим тоном, как няня любовно:
– “Почему ты по дому скитаешься, словно
Только утром приехав с вокзала?

Беспорядочной грудой разбросаны вещи,
Погляди, как растрепаны пыльные ноты!
Хоть как прежде с покорностью смотришь в окно ты,
Но шаги твои мерные резче.

В этом дремлющем доме ты словно чужая,
Словно грустная гостья, без силы к утехам.
Никого не встречаешь взволнованным смехом,
Ни о ком не грустишь, провожая.

Много женщин видала на долгом веку я,
– В этом доме их муки, увы, не случайны! –
Мне в октябрьский вечер тяжелые тайны
Не одна поверяла, тоскуя.

О, не бойся меня, не противься упрямо:
Как столетняя зала внимает не каждый!
Все скажи мне, как все рассказала однажды
Мне твоя одинокая мама.

Я слежу за тобою внимательным взглядом,
Облегчи свою душу рассказом нескорым!
Почему не с тобой он, тот милый, с которым

Ты когда-то здесь грезила рядом?”

– “К смелым душам, творящим лишь страсти веленье,
Он умчался, в моей не дождавшись прилива.
Я в решительный вечер была боязлива,
Эти муки – мое искупленье.

Этим поздним укором я душу связала,
Как предателя бросив ее на солому,
И теперь я бездушно скитаюсь по дому,
Словно утром приехав с вокзала”.

“По тебе тоскует наша зала…”

По тебе тоскует наша зала,
– Ты в тени ее видал едва –
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени тебе я не сказала.
Каждый вечер я скитаюсь в ней,
Повторяя в мыслях жесты, взоры...
На обоях прежние узоры,
Сумрак льется из окна синей;
Те же люстры, полукруг дивана,
(Только жаль, что люстры не горят!)
Филодендронов унылый ряд,
По углам расставленных без плана.
Спичек нет, – уж кто-то их унес!
Серый кот крадется из передней...
Это час моих любимых бредней,
Лучших дум и самых горьких слез.
Кто за делом, кто стремится в гости...
По роялю бродит сонный луч.
Поиграть? Давно потерян ключ!
О часы, свой бой унылый бросьте!
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени услышит только зала.
Я тебе так мало рассказала, –
Ты в тени меня видал едва!

“Ваши белые могилки рядом…”

Ваши белые могилки рядом,
Ту же песнь поют колокола
Двум сердцам, которых жизнь была
В зимний день светло расцветшим садом.

Обо всем сказав другому взглядом,
Каждый ждал. Но вот из-за угла
Пронеслась смертельная стрела,
Роковым напитанная ядом.

Спите ж вы, чья жизнь богатым садом
В зимний день, средь снега, расцвела...
Ту же песнь вам шлют колокола,

Ваши белые могилки – рядом.

Weisser Hirsch, лето 1910

“Прости” Нине

Прощай! Не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!
Поверь, не хватит наших сил
Для примирительного слова.
Твой нежный образ вечно мил,
Им сердце вечно жить готово, –
Но все ж не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!

Ее слова

– “Слова твои льются, участьем согреты,
Но темные взгляды в былом”.
– “Не правда ли, милый, так смотрят портреты,
Задетые белым крылом?”
– “Слова твои – струи, вскипают и льются,
Но нежные губы в тоске”.
– “Не правда ли, милый, так дети смеются
Пред львами на красном песке?”
– “Слова твои – песни, в них вызов и силы,
Ты снова, как прежде, бодра”...
– “Так дети бодрятся, не правда ли, милый,
Которым в кроватку пора?”

Надпись в альбом

Пусть я лишь стих в твоем альбоме,
Едва поющий, как родник;
(Ты стал мне лучшею из книг,
А их немало в старом доме!)
Пусть я лишь стебель, в светлый миг
Тобой, жалеющим, не смятый;
(Ты для меня цветник богатый,
Благоухающий цветник!)
Пусть так. Но вот в полуистоме
Ты над страничкою поник...
Ты вспомнишь все... Ты сдержишь крик...
– Пусть я лишь стих в твоем альбоме!

Сердца и души

Души в нас – залы для редких гостей,
Знающих прелесть тепличных растений.
В них отдыхают от скорбных путей
Разные милые тени.

Тесные келейки – наши сердца.

В них заключенный один до могилы.
В келью мою заточен до конца
Ты без товарища, милый!

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

Так будет

Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем взоре,
Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый – не мой!

Дверь открылась... Морозного ветра струя...
Запах свежести, счастья... Забыты тревоги...
Миг молчанья, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется – не я!

Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше...
– “Пусть сольются без слов наши души!”
Ты взволнованно шепчешь – не мне!

– “Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо огня:
Так уютней... Забыла сейчас все слова я”...
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой – не меня!

Правда

Vitam impendere vero.[14]

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытье...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

Стук в дверь

Сердце дремлет, но сердце так чутко,
Помнит все: и блаженство, и боль.
Те лучи догорели давно ль?
Как забыть тебя, грустный малютка,
Синеглазый малютка король?

Ты, как прежде, бредешь чрез аллею,
Неуступчив, надменен и дик;
На кудрях – золотящийся блик...
Я молчу, я смущенно не смею
Заглянуть тебе в гаснущий лик.

Я из тех, о мой горестный мальчик,
Что с рожденья не здесь и не там.
О, внемли запоздалым мольбам!
Почему ты с улыбкою пальчик
Приложил осторожно к губам?

В бесконечность ступень поманила,
Но, увы, обманула ступень:
Бесконечность окончилась в день!
Я для тени тебе изменила,
Изменила для тени мне тень.

Счастье

– “Ты прежде лишь розы ценила,

---

14 Отдать жизнь за правду (лат.).

В кудрях твоих венчик другой.
Ты страстным цветам изменила?”
– “Во имя твое, дорогой!”

– “Мне ландышей надо в апреле,
Я в мае топчу их ногой.
Что шепчешь в ответ еле-еле?”
– “Во имя твое, дорогой!”

– “Мне мил колокольчик-бубенчик,
Его я пребуду слугой.
Ты молча срываешь свой венчик?”
– “Во имя твое, дорогой!”

Невестам мудрецов

Над ними древность простирает длани,
Им светит рок сияньем вещих глаз,
Их каждый миг – мучительный экстаз.
Вы перед ними – щепки в океане!
Для них любовь – минутный луч в тумане,
Единый свет немеркнущий – для вас.

Вы лишь в любви таинственно-богаты,
В ней все: пожар и голубые льды,
Последний луч и первый луч звезды,
Все ручейки, все травы, все закаты!..
– Над ними лик склоняется Гекаты,
Им лунной Греции цветут сады...

Они покой находят в Гераклите,
Орфея тень им зажигает взор...
А что у вас? Один венчальный флер!
Вяжите крепче золотые нити
И каждый миг молитвенно стелите
Свою любовь, как маленький ковер!

Еще молитва

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленьи завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастия нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдьи пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу – не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней.

Москва, осень, 1910

Осужденные

Сестрам Тургеневым

У них глаза одни и те же
И те же голоса.
Одна цветок неживше-свежий,
Другая луч, что блещет реже,
В глазах у третьей – небо. Где же
Такие встретишь небеса?

Им отдала при первой встрече
Я чаянье свое.
Одна глядит, как тают свечи,
Другая вся в капризной речи,
А третьей так поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвием пугая,
Под игом тишины;
Еще изменчива другая,
А третья ждет, изнемогая...
И все, от жизни убегая,
Уже осуждены.

Москва, осень 1910

Из сказки в жизнь

Хоть в вагоне темном и неловко,
Хорошо под шум колес уснуть!
Добрый путь, Жемчужная Головка,
Добрый путь!

Никому – с участьем или гневно –
Не позволь в былое заглянуть.
Добрый путь, погибшая царевна,
Добрый путь!

В зеркале книги м. Д.-В.

Это сердце – мое! Эти строки – мои!
Ты живешь, ты во мне, Марселина!
Уж испуганный стих не молчит в забытьи,
И слезами растаяла льдина.

Мы вдвоем отдались, мы страдали вдвоем,
Мы, любя, полюбили на муку!
Та же скорбь нас пронзила и тем же копьем,
И на лбу утомленно-горячем своем
Я прохладную чувствую руку.

Я, лобзанья прося, получила копье!
Я, как ты, не нашла властелина!..
Эти строки – мои! Это сердце – мое!
Кто же, ты или я – Марселина?

Эстеты

Наши встречи, – только ими дышим все мы,
Их предчувствие лелея в каждом миге, –
Вы узнаете, разрезав наши книги.
Все, что любим мы и верим – только темы.

Сновидение друг другу подарив, мы
Расстаемся, в жажде новых сновидений,
Для себя и для другого – только тени,
Для читающих об этом – только рифмы.

Они и мы

Героини испанских преданий
Умирали, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.

Пышность замков, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы, –
Все нас манит, но спросят нас: “Кто ты?”
Мы согнать не сумеем дремоты
И сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.

“Безнадежно-взрослый Вы? О, нет…”

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,

Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, –
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети – тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!

Москва, 27 ноября 1910

Маме

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.

В субботу

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!

Темнеет... Сегодня Суббота,
И будет печальная мама.

Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

“Курлык”

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово “курлык”.

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожишь и заплачешь под слово,
Глупое слово “курлык”.

Бедная Fraulein[15] в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, –
Все воскресает под милое слово,
Детское слово “курлык”.

После праздника

У мамы сегодня печальные глазки,
Которых и дети и няня боятся.
Не смотрят они на солдатика в каске
И даже не видят паяца.

У мамы сегодня прозрачные жилки
Особенно сини на маленьких ручках.
Она не сердита на грязные вилки
И детские губы в тянучках.

У мамы сегодня ни песен, ни сказки,
Бледнее, чем прежде, холодные щечки,
И даже не хочет в правдивые глазки
Взглянуть она маленькой дочке.

В классе

Скомкали фартук холодные ручки,
Вся побледнела, дрожит баловница.
Бабушка будет печальна: у внучки
Вдруг – единица!

Смотрит учитель, как будто не веря

---

15 Барышня *(нем.)* .

Этим слезам в опустившемся взоре.
Ах, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
В белых кругах уплывает страница...
Разве учитель узнает, какая
Боль – единица?

На бульваре

В небе – вечер, в небе – тучки,
В зимнем сумраке бульвар.
Наша девочка устала,
Улыбаться перестала.
Держат маленькие ручки
Синий шар.

Бедным пальчикам неловко:
Синий шар стремится вдаль.
Не дается счастье даром!
Сколько муки с этим шаром!
Миг – и выскользнет веревка.
Что останется? Печаль.

Утомились наши ручки,
– В зимнем сумраке бульвар. –
Наша детка побежала,
Ручки сонные разжала...
Мчится в розовые тучки
Синий шар.

Совет

“Если хочешь ты папе советом помочь”,
Шепчет папа любимице-дочке,
“Будут целую ночь, будут целую ночь
Над тобою летать ангелочки.

Блещут крылышки их, а на самых концах
Шелестят серебристые блестки.
Что мне делать, дитя, чтоб у мамы в глазах
Не дрожали печальные слезки?

Плещут крылышки их и шумят у дверей.
Все цвета ты увидишь, все краски!
Чем мне маме помочь? Отвечай же скорей!”
– “Я скажу: расцелуй ее в глазки!

А теперь ты беги (только свечку задуй
И сложи аккуратно чулочки).
И сильнее беги, и сильнее целуй!
Будут, папа, летать ангелочки?”

Мальчик с розой

Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом грезить вечерами!
Вот в тени уютная кроватка
И портрет над нею в темной раме.

На портрете белокурый мальчик
Уронил увянувшую розу,
И к губам его прижатый пальчик
Затаил упрямую угрозу.

Этот мальчик был любимец графа,
С колыбели грезивший о шпаге,
Но открыл он, бедный, дверцу шкафа,
Где лежали тайные бумаги.

Был он спрошен и солгал в ответе,
Затаив упрямую угрозу.
Только розу он любил на свете
И погиб изменником за розу.

Меж бровей его застыла складка,
Он печален в потемневшей раме...
Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом плакать вечерами!

Колыбельная песня Асе

Спи, царевна! Уж в долине
Колокол затих,
Уж коснулся сумрак синий
Башмачков твоих.

Чуть колышутся березы,
Ветерок свежей.
Ты во сне увидишь слезы
Брошенных пажей.

Тронет землю легким взмахом
Трепетный плюмаж.
Обо всем шепнет со страхом
Непокорный паж.

Будут споры... и уступки,
(Ах, нельзя без них!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачков твоих.

Подрастающей

Опять за окнами снежок
Светло украсил ель...

Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Летят снежинки, льнут ко всем
И тают без числа...
Зачем, ты, глупая, зачем
Ее переросла?

В ней не давила тяжесть дней,
В ней так легко спалось!
Теперь глаза твои темней
И золото волос...

Широкий мир твой взгляд зажег,
Но счастье даст тебе ль?
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Волшебник

Непонятный учебник,
Чуть умолкли шаги, я на стул уронила скорей.
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, войти ли и хитро мигает волшебник.

До земли борода,
Темный плащ розоватым огнем отливает...
И стоит и кивает
И кивая глядит, а под каждою бровью – звезда.

Я навстречу и мигом
Незнакомому гостю свой стул подаю.
“Знаю мудрость твою,
Ведь и сам ты не друг непонятным и путаным книгам.

Я устала от книг!
Разве сердце от слов напечатанных бьется?”
Он стоит и смеется:
“Ты, шалунья, права! Я для деток веселый шутник.

Что для взрослых – вериги,
Для шалуньи, как ты, для свободной души – волшебство.
Так проси же всего!”
Я за шею его обняла: “Уничтожь мои книги!

Я веселья не вижу ни в чем,
Я на маму сержусь, я с учителем спорю.
Увези меня к морю!
Посильней обними и покрепче укутай плащом!

Надоевший учебник
Разве стоит твоих серебристых и пышных кудрей?”
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, уйти ли и грустно кивает волшебник.

Первая роза

Девочка мальчику розу дарит,
Первую розу с куста.
Девочку мальчик целует в уста,
Первым лобзаньем дарит.

Солнышко скрылось, аллея пуста...
Стыдно в уста целовать!
Девочка, надо ли было срывать
Первую розу с куста?

Исповедь

Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени...
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упрямца для забавы
Целовали!

В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
“Ты поэт у нас! В кого ты вышел?”
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
“Если да, – зачем же мучить ложью?
Если нет, – зачем же целовали?”
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.

Девочка-смерть

Луна омывала холодный паркет
Молочной и ровной волной.
К горячей щеке прижимая букет,
Я сладко дремал под луной.

Сияньем и сном растревожен вдвойне,
Я сонные глазки открыл,
И девочка-смерть наклонилась ко мне,
Как розовый ангел без крыл.

На тоненькой шее дрожит медальон,
Румянец струится вдоль щек,
И видно бежала: чуть-чуть запылен
Ее голубой башмачок.

Затейлив узор золотой бахромы,
В кудрях бирюзовая нить.
“Ты – маленький мальчик, я – девочка: мы
Дорогою будем шалить.

Надень же (ты – рыцарь) мой шарф кружевной!”
Я молча ей подал букет...
Молочной и ровной, холодной волной
Луна омывала паркет.

Мальчик-бред

Алых роз и алых маков
Я принес тебе букет.
Я ни в чем не одинаков,
Я – веселый мальчик-бред.

Свечку желтую задую, –
Будет розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надену, словно царь.

Полно, царь ли? Я волшебник,
Повелитель сонных царств,
Исцеляющий лечебник
Без пилюль и без лекарств.

Что лекарства! Что пилюли!
Будем, детка, танцевать!
Уж летит верхом на стуле
Опустевшая кровать.

Алый змей шуршит и вьется,
А откуда, – мой секрет!
Я смеюсь, и все смеется.
Я – веселый мальчик-бред!

Принц и лебеди

В тихий час, когда лучи неярки
И душа устала от людей,
В золотом и величавом парке
Я кормлю спокойных лебедей.

Догорел вечерний праздник неба.
(Ах, и небо устает пылать!)
Я стою, роняя крошки хлеба
В золотую, розовую гладь.

Уплывают беленькие крошки,
Покружась меж листьев золотых.
Тихий луч мои целует ножки
И дрожит на прядях завитых.

Затенен задумчивой колонной,
Я стою и наблюдаю я,
Как мой дар с печалью благосклонной
Принимают белые друзья.

В темный час, когда мы все лелеем,
И душа томится без людей,
Во дворец по меркнущим аллеям
Я иду от белых лебедей.

За книгами

“Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?”
Я большая, – мне семь лет,
Я упряма, – это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

“Поиграй, возьмись за дело,
Домик строй”. – “А где картон?”
“Что за тон?” – “Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие – палачи,
Давид Копперфильд”... – “Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!”

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
“Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?”

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

Неравные братья

“Я колдун, а ты мой брат”.
“Ты меня посадишь в яму!”
“Ты мой брат и ты не рад?”
“Спросим маму!”

“Хорошо, так ты солдат”.
“Я всегда играл за даму!”
“Ты солдат и ты не рад?”
“Спросим маму!”

“Я придумал: акробат”.
“Не хочу такого сраму!”
“Акробат – и ты не рад?”
“Спросим маму!”

Скучные игры

Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть – надоело!

Не поднимаясь со стула
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть – надоело!

Мятежники

Что за мука и нелепость
Этот вечный страх тюрьмы!
Нас домой зовут, а мы
Строим крепость.

Как помочь такому горю?
Остается лишь одно:
Изловчиться – и в окно,
Прямо к морю!

Мы – свободные пираты,
Смелым быть – наш первый долг.
Ненавистный голос смолк.
За лопаты!

Слов не слышно в этом вое,
Ветер, море, – все за нас.
Наша крепость поднялась,
Мы – герои!

Будет славное сраженье.
Ну, товарищи, вперед!
Враг не ждет, а подождет
Умноженье.

Живая цепочка

Эти ручки кто расцепит,
Чья тяжелая рука?
Их цепочка так легка
Под умильный детский лепет.

Кто сплетенные разнимет?
Перед ними каждый – трус!

Эту тяжесть, этот груз
Кто у мамы с шеи снимет?

А удастся, – в миг у дочки
Будут капельки в глазах.
Будет девочка в слезах,
Будет мама без цепочки.

И умолкнет милый лепет,
Кто-то всхлипнет; скрипнет дверь...
Кто разнимет их теперь
Эти ручки, кто расцепит?

Баярд

За умноженьем – черепаха,
Зато чертенок за игрой,
Мой первый рыцарь был без страха,
Не без упрека, но герой!

Его в мечтах носили кони,
Он был разбойником в лесу,
Но приносил мне на ладони
С магнолий снятую росу.

Ему на шее загорелой
Я поправляла талисман,
И мне, как он чужой и смелой,
Он покорялся, атаман!

Улыбкой принц и школьник платьем,
С кудрями точно из огня,
Учителям он был проклятьем
И совершенством для меня!

За принужденье мстил жестоко, –
Великий враг чернил и парт!
И был, хотя не без упрека,
Не без упрека, но Баярд!

Мама на даче

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венок.

Наша мама не любит тяжелой прически, –
Только время и шпильки терять!
Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

В небе облачко плыло и плакало, тая.
Назвала его мама судьбой.

Наша мама теперь золотая,
А венок у нее голубой.

Два веночка на ней, два венка, в самом деле:
Из цветов, а другой из лучей.
Это мы васильковый надели,
А другой, золотистый – ничей.

Скоро вечер: за лесом луна загорится,
На плотах заблестят огоньки...
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

Жар-птица

Максу Волошину

Нет возможности, хоть брось!
Что ни буква – клякса,
Строчка вкривь и строчка вкось,
Строчки веером, – все врозь!
Нету сил у Макса!

– “Барин, кушать!” Что еда!
Блюдо вечно блюдо
И вода всегда вода.
Что еда ему, когда
Ожидает чудо?

У больших об этом речь,
А большие правы.
Не спешит в постельку лечь,
Должен птицу он стеречь,
Богатырь кудрявый.

Уж часы двенадцать бьют,
(Бой промчался резкий),
Над подушкой сны встают
В складках занавески.

Промелькнет – не Рыба-Кит,
Трудно ухватиться!
Точно радуга блестит!
Почему же не летит
Чудная Жар-Птица?

Плакать – глупо. Он не глуп,
Он совсем не плакса,
Не надует гордых губ, –
Ведь Жар-Птица, а не суп
Ожидает Макса!

Как зарница! На хвосте
Золотые блестки!

Много птиц, да все не те...
На ресницах в темноте
Засияли слезки.

Он тесней к окну приник:
Серые фигуры...
Вдалеке унылый крик...
– В эту ночь он все постиг,
Мальчик белокурый!

“Так”

“Почему ты плачешь?” – “Так”.
“Плакать “так” смешно и глупо.
Зареветь, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!

Если плачешь, есть причина.
Я отец и я не враг.
Почему ты плачешь?” – “Так”.
“Ну, какой же ты мужчина?

Отними от глаз кулак!
Что за нрав такой? Откуда?
Рассержусь, и будет худо!
Почему ты плачешь?” – “Так”.

Молитва в столовой

Самовар отшумевший заглох;
Погружается дом в полутьму.
Мне счастья не надо, – ему
Отдай мое счастье, Бог!

Зимний сумрак касается роз
На обоях и ярких углей.
Пошли ему вечер светлей,
Теплее, чем мне, Христос!

Я сдержу и улыбку и вздох,
Я с проклятием рук не сожму,
Но только – дай счастье ему,
О, дай ему счастье, Бог!

“Мы с тобою лишь два отголоска…”

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.

Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, –
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

Юнге

Сыплют волны, с колесами споря,
Серебристые брызги вокруг.
Ни смущения в сердце, ни горя, –
Будь счастливым, мой маленький друг!

В синеву беспокойного моря
Выплывает отважный фрегат.
Ни смущения в сердце, ни горя, –
Будь счастливым, мой маленький брат!

Очаг мудреца

Не поэтом он был: в незнакомом
Не искал позабытых созвучий,
Без гнева на звезды и тучи
Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,
Уступала забвенью измена,
За окнами пышная пена
За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь – странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула нежданно.

И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною...
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волненьем и смутой.

Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, плывя, Нереиды.

Путь креста

Сколько светлых возможностей ты погубил, не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений ждала я,
Получила лишь крест.

Что горело во мне? Назови это чувство любовью,
Если хочешь, иль сном, только правды от сердца не скрой:
Я сумела бы, друг, подойти к твоему изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко и смело,
Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных книг.
Как больное дитя я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.

Сколько светлых возможностей, милый, и сколько смятений!
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд...
Но во имя твое я без слез – мне свидетели тени –
Поднимаю свой крест.

Памятью сердца

Памятью сердца – венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером – нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
“Все заживает”, мне люди сказали...
Вечером – нет.

Добрый путь!

В мои глаза несмело
Ты хочешь заглянуть.
За лугом солнце село...
Мой мальчик, добрый путь!

Любви при первой встрече
Отдайся и забудь.
Уж на балконе свечи...
Мой мальчик, добрый путь!

Успокоенье – сердцу,
Позволь ему уснуть!
Я распахнула дверцу...
Мой мальчик, добрый путь!

Победа

Но и у нас есть волшебная чаша,

(В сонные дни вы потянетесь к ней!)
Но и у нас есть улыбка, и наша
Тайна темней.

Тень Эвридики и факел Гекаты, –
Все промелькнет, исчезая в одном.
Наша победа: мы вечно богаты
Новым вином!

В раю

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где все покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, – я слез не утаю...
Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

Ни здесь, ни там

Опять сияющим крестам
Поют хвалу колокола.
Я вся дрожу, я поняла,
Они поют: “и здесь и там”.

Улыбка просится к устам,
Еще стремительней хвала...
Как ошибиться я могла?
Они поют: “не здесь, а там”.

О, пусть сияющим крестам
Поют хвалу колокола...
Я слишком ясно поняла:
“Ни здесь, ни там... Ни здесь, ни там”...

Последняя встреча

О, я помню прощальные речи,
Их шептавшие помню уста.
“Только чистым даруются встречи.

Мы увидимся, будь же чиста”.

Я учителю молча внимала.
Был он нежность и ласковость весь.
Он о “там” говорил, но как мало
Это “там” заменяло мне “здесь”!

Тишина посылается роком, –
Тем и вечны слова, что тихи.
Говорил он о самом глубоком,
Баратынского вспомнил стихи;

Говорил о игре отражений,
О лучах закатившихся звезд...
Я не помню его выражений,
Но улыбку я помню и жест.

Ни следа от былого недуга,
Не мучительно бремя креста.
Только чистые узрят друг друга, –
Мой любимый, я буду чиста!

На заре

Их души неведомым счастьем
Баюкал предутренний гул.
Он с тайным и странным участьем
В их детские сны заглянул.

И, сладким предчувствием ранен
Каких-то безудержных гроз,
Спросил он, и был им так странен
Его непонятный вопрос.

Оне, притаясь, промолчали
И молча порвали звено...
За миг бесконечной печали
Да будет ему прощено!

“И как прежде оне улыбались…”

И как прежде оне улыбались,
Обожая изменчивый дым;
И как прежде оне ошибались,
Улыбаясь ошибкам своим;

И как прежде оне безустанно
Отдавались нежданной волне.
Но по-новому грустно и странно
Вечерами молчали оне.

Эпилог

Очарованье своих же обетов,
Жажда любви и незнанье о ней...
Что же осталось от блещущих дней?
Новый портрет в галерее портретов,
Новая тень меж теней.

Несколько строк из любимых поэтов,
Прелесть опасных, иных ступеней...
Вот и разгадка таинственных дней!
Лишний портрет в галерее портретов,
Лишняя тень меж теней.

Не в нашей власти

Возвращение в жизнь – не обман, не измена.
Пусть твердим мы: “Твоя, вся твоя!” чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, – ошибается бред!)
Но проходят недели, – мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг – на печаль или радость –
Мы и душу и сердце, мы все отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
“Мы пришли, отвори!”

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

Распятие

Ты помнишь? Розовый закат
Ласкал дрожащие листы,
Кидая луч на темный скат
И темные кресты.

Лилось заката торжество,
Смывая боль и тайный грех,
На тельце нежное Того,

Кто распят был за всех.

Закат погас; в последний раз
Блеснуло золото кудрей,
И так светло взглянул на нас
Малютка Назарей.

Мой друг, незнанием томим,
Ты вдаль шагов не устреми:
Там правды нет! Будь вечно с Ним
И с нежными детьми.

И, если сны тебе велят
Идти к “безвестной красоте”,
Ты вспомни безответный взгляд
Ребенка на кресте.

Привет из башни

Скоро вечер: от тьмы не укрыться,
Чья-то тень замелькает в окне...
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

В неизвестном, в сияющем свете
Помяни незнакомку добром!
Уж играет изменчивый ветер
Золотым и зеленым пером.

Здесь оконца узорные узки,
Здесь и утром портреты в тени...
На зеленом, на солнечном спуске
Незнакомку добром помяни!

Видит Бог, от судьбы не укрыться.
Чья-то тень замелькала в окне...
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

Резеда и роза

Один маня, другой с полуугрозой,
Идут цветы блестящей чередой.
Мы на заре клянемся только розой,
Но в поздний час мы дышим резедой.

Один в пути пленяется мимозой,
Другому ландыш мил, блестя в росе. –
Но на заре мы дышим только розой,
Но резедою мы кончаем все!

Итог дня

Ах, какая усталость под вечер!
Недовольство собою и миром и всем!
Слишком много я им улыбалась при встрече,
Улыбалась, не зная зачем.

Слишком много вопросов без жажды
За ответ заплатить возлиянием слез.
Говорили, гадали, и каждый
Неизвестность с собою унес.

Слишком много потупленных взоров,
Слишком много ненужных бесед в терему,
Вышивания бисером слишком ненужных узоров.
Вот гирлянда, вот ангел... К чему?

Ах, какая усталость! Как слабы
Наши лучшие сны! Как легка в обыденность ступень!
Я могла бы уйти, я замкнуться могла бы...
Я Христа предавала весь день!

Молитва лодки

В тихую пристань, где зыблются лодки,
И отдыхают от бурь корабли,
Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий,
Мне, утомленной и маленькой лодке,
Мирно приплыть повели.
В тихую пристань, где зыблются лодки,
И, отдыхая, грустят корабли.

Призрак царевны

С темной веткою шепчется ветка,
Под ногами ложится трава,
Где-то плачет сова...
Дай мне руку, пугливая детка!

Я с тобою, твой рыцарь и друг,
Ты тихонько дрожишь почему-то.
Не ломай своих рук,
А плащом их теплее закутай.

Много странствий он видел и чащ,
В нем от пуль неприятельских дыры.
Ты закутайся в плащ:
Здесь туманы ползучие сыры,

Здесь сгоришь на болотном огне!
Беззащитные руки ломая,
Ты напомнила мне
Ту царевну из дальнего мая,

Ту, любимую слишком давно,
Чьи уста, как рубины горели...

Предо мною окно
И головка в плену ожерелий.

Нежный взор удержать не сумел,
Я, обняв, оторвался жестоко...
Как я мог, как я смел
Погубить эту розу Востока!

С темной веткою шепчется ветка,
Небосклон предрассветный серей.
Дай мне руку скорей
На прощанье, пугливая детка!

Письмо на розовой бумаге

В какой-то дальней рейнской саге
Печальный юноша-герой
Сжигает позднею порой
Письмо на розовой бумаге.

И я, как рыцарь (без пера,
Увы, без шлема и без шпаги!),
Письмо на розовой бумаге
На канделябре сжег вчера.

Его в поход умчали флаги,
Фанфары смех и боя пыл,
И он, счастливый, позабыл
Письмо на розовой бумаге.

Оно погибло на огне,
Но шелестит при каждом шаге,
Письмо на розовой бумаге
Уж не на мне оно, – во мне!

Пусть забывает в дальней саге
Печальный рыцарь грусть свою, –
Ах, я в груди его таю,
Письмо на розовой бумаге!

Два исхода

1. “Со мной в ночи шептались тени…”

Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, –
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.

Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,

Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила, – так было встарь.
Что было встарь, то будет снова.

2. “С тобой в ночи шептались тени…”

С тобой в ночи шептались тени,
К тебе ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, –
А люди мимо шли без слов
Куда-то вдаль спешили мимо.

Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила, – так было встарь.
Что было встарь, – не будет снова.

На концерте

Странный звук издавала в тот вечер старинная скрипка:
Человеческим горем – и женским! – звучал ее плач.
Улыбался скрипач.
Без конца к утомленным губам возвращалась улыбка.

Странный взгляд посылала к эстраде из сумрачной ложи
Незнакомая дама в уборе лиловых камней.
Взгляд картин и теней!
Неразгаданный взгляд, на рыдание скрипки похожий.

К инструменту летел он стремительно-властно и прямо.
Стон аккорда, – и вдруг оборвался томительный плач...
Улыбался скрипач,
Но глядела в партер – безучастно и весело – дама.

Зимняя сказка

“Не уходи”, они шепнули с лаской,
“Будь с нами весь!
Ты видишь сам, какой нежданной сказкой
Ты встречен здесь”.

“О, подожди”, они просили нежно,
С мольбою рук.
“Смотри, темно на улицах и снежно...
Останься, друг!

О, не буди! На улицах морозно...
Нам нужен сон!”

Но этот крик последний слишком поздно
Расслышал он.

“И уж опять они в полуистоме…”

И уж опять они в полуистоме
О каждом сне волнуются тайком;
И уж опять в полууснувшем доме
Ведут беседу с давним дневником.

Опять под музыку на маленьком диване
Звенит-звучит таинственный рассказ
О рудниках, о мертвом караване,
О подземелье, где зарыт алмаз.

Улыбка сумерок, как прежде, в окна льется;
Как прежде, им о лампе думать лень;
И уж опять из темного колодца
Встает Ундины плачущая тень.

Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить,
Но близок день, – и станет грезить нечем,
Как и теперь уже нам нечем жить!

Декабрьская сказка

Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб о нем, ушедшем, не грустить,
Мы слишком стары!

Был замок розовый, как зимняя заря,
Как мир – большой, как ветер – древний.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.

Отец – волшебник был, седой и злой;
Мы, рассердясь, его сковали;
По вечерам, склоняясь над золой,
Мы колдовали;

Оленя быстрого из рога пили кровь,
Сердца разглядывали в лупы...
А тот, кто верить мог, что есть любовь,
Казался глупый.

Однажды вечером пришел из тьмы
Печальный принц в одежде серой.
Он говорил без веры, ах, а мы
Внимали с верой.

Рассвет декабрьский глядел в окно,
Алели робким светом дали...

Ему спалось и было все равно,
Что мы страдали!

Мы слишком молоды, чтобы забыть
Того, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб опять так нежно полюбить –
Мы слишком стары!

Под новый год

Встретим пришельца лампадкой,
Тихим и верным огнем.
Только ни вздоха украдкой,
Ни вздоха о нем!

Яркого света не надо,
Лампу совсем привернем.
Только о лучшем ни взгляда,
Ни взгляда о нем!

Пусть в треволненье беспечном
Год нам покажется днем!
Только ни мысли о вечном,
Ни мысли о нем!

Станем “сестричками” снова,
Крепче друг к другу прильнем.
Только о прошлом ни слова,
Ни слова о нем!

Угольки

В эту ночь он спать не лег,
Все писал при свечке.
Это видел в печке
Красный уголек.

Мальчик плакал и вздыхал
О другом сердечке.
Это в темной печке
Уголек слыхал.

Все чужие... Бог далек...
Не было б осечки!
Гаснет, гаснет в печке
Красный уголек.

Дикая воля

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
“Гибель здесь, а там тюрьма!”
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, – за мною пасти,
Я смеюсь, – в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги – герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

Гимназистка

Я сегодня всю ночь не усну
От волшебного майского гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула к окну.

Я – мятежница с вихрем в крови,
Признаю только холод и страсть я.
Я читала Бурже: нету счастья
Вне любви!

“Он” отвержен с двенадцати лет,
Только Листа играет и Грига,
Он умен и начитан, как книга,
И поэт!

За один его пламенный взгляд
На колени готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотят...

Тройственный союз

У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.

Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.

Служить свободе – наш девиз,
И кончить, как герои.
Мы тенью Шиллера клялись.
Мы молоды. Нас трое.

Поклонник Байрона

Ему в окно стучатся розы,
Струится вкрадчивый аккорд...
Он не изменит гордой позы,
Поклонник Байрона, – он горд.

В саду из бархата и блесток
Шалит с пастушкою амур.
Не улыбается подросток,
Поклонник Байрона, – он хмур.

Чу! За окном плесканье весел,
На подоконнике букет...
Он задрожал, он книгу бросил.
Прости поклоннику, поэт!

“Он был синеглазый и рыжий...”

Костюмчик полинялый
Мелькает под горой.
Зовет меня на скалы
Мой маленький герой.

Уж открывает где-то
Зеленый глаз маяк.
Печально ждет ответа
Мой маленький моряк.

Уж в зеркале залива
Холодный серп блестит.
Вздыхает терпеливо
Мой маленький бандит.

Сердечко просит ласки, –
Тому виною март.
И вытирает глазки
Мой маленький Баярд.

Под дождем

Медленный дождик идет и идет,
Золото мочит кудрей.
Девочка тихо стоит у дверей,
Девочка ждет.

Серые тучи, а думы серей,
Дума: “Придет? Не придет?”
Мальчик, иди же, беги же скорей:
Девочка ждет!

С каждым мгновеньем, летящим вперед,

Детское сердце мудрей.
Долго ли, мальчик, у первых дверей
Девочка ждет?

После чтения “Les rencontres de м. De Bre ot” Regner[16]

Облачко бело, и мне в облака
Стыдно глядеть вечерами.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес
Ласковой тайны мне снова.
О, почему у земного
Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты
И укоряют в измене.
О, почему не у тени
Я попросила мечты?

Вижу, опять улыбнулось слегка
Нежное личико в раме.
О, почему за дарами
К вам потянулась рука?

Москва, 14 января 1911

Декабрь и январь

В декабре на заре было счастье,
Длилось – миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!

В январе на заре было горе,
Длилось – час.
Настоящее, горькое горе
В первый раз!

Слезы

Слезы? Мы плачем о темной передней,
Где канделябра никто не зажег;
Плачем о том, что на крыше соседней
Стаял снежок;

Плачем о юных, о вешних березках,
О несмолкающем звоне в тени;
Плачем, как дети, о всех отголосках

---

16 “Встречи господина де Брео” Ренье *(фр.)* .

В майские дни.

Только слезами мы путь обозначим
В мир упоений, не данный судьбой...
И над озябшим котенком мы плачем,
Как над собой.

Отнято все, – и покой и молчанье.
Милый, ты много из сердца унес!
Но не сумел унести на прощанье
Нескольких слез.

Aeternum vale[17]

Aeternum vale! Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения – к победам!

Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся – любовь, и мягкий хлеб
Дареной дружбы мне не нужен.

Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала – гордость.

Детский юг

В каждом случайном объятьи
Я вспоминаю ее,
Детское сердце мое,
Девочку в розовом платье.

Где-то в горах огоньки,
(Видно, душа над могилой).
Синие глазки у милой
И до плечей завитки.

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушливый прян,
Где-то рокочет фонтан,
Что-то лопочет татарин.

Жмутся к холодной щеке
Похолодевшие губки;
Нежные ручки так хрупки
В похолодевшей руке...

---

17 Прощай навеки *(лат.)* .

В чьем опьяненном объятьи
Ты обрела забытье,
Лучшее сердце мое,
Девочка в розовом платье.

Гурзуф, Генуэзская крепость,
апрель 1911

Только девочка

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк
И помнить: я – овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

Тверская

Вот и мир, где сияют витрины,
Вот Тверская, – мы вечно тоскуем о ней.
Кто для Аси нужнее Марины?
Милой Асеньки кто мне нужней?

Мы идем, оживленные, рядом,
Все впивая: закат, фонари, голоса,
И под чьим-нибудь пристальным взглядом
Иногда опуская глаза.

Только нам огоньками сверкая,
Только наш он, московский вечерний апрель.
Взрослым – улица, нам же Тверская –
Полувзрослых сердец колыбель.

Колыбель золотого рассвета,
Удивления миру, что утром дано...
Вот окно с бриллиантами Тэта,
Вот с огнями другое окно...

Все поймем мы чутьем или верой,

Всю подзвездную даль и небесную ширь!
Возвышаясь над площадью серой
Розовеет Страстной монастырь.

Мы идем, ни на миг не смолкая.
Все родные – слова, все родные – черты!
О, апрель незабвенный – Тверская,
Колыбель нашей юности ты!

В пятнадцать лет

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: “пятнадцать лет”.
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: “Побегай и приляг!”
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
– Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

Облачко

Облачко, белое облачко с розовым краем
Выплыло вдруг, розовея последним огнем.
Я поняла, что грущу не о нем,
И закат мне почудился – раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Вспыхнуло вдруг, отдаваясь вечерней судьбе.
Я поняла, что грущу о себе,
И закат мне почудился – раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Кануло вдруг в беспредельность движеньем крыла.
Плача о нем, я тогда поняла,
Что закат мне – почудился раем.

Розовый домик

Меж великанов-соседей, как гномик
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,

Чем он мешал и кому?

Чуть потемнеет, в закрытые ставни
Тихо стучит волшебство.
Домик смиренный и давний,
Чем ты смутил и кого?

Там засмеются, мы смеху ответим.
Фея откроет Эдем...
Домик, понятный лишь детям,
Чем ты грешил, перед кем?

Лучшие радости с ним погребли мы
Феи нырнули во тьму...
Маленький домик любимый,
Чем ты мешал и кому?

До первой звезды

До первой звезды (есть ли звезды еще?
Ведь все изменяет тайком!)
Я буду молиться – кому? – горячо,
Безумно молиться – о ком?

Молитва (равно ведь, о ком и кому!)
Растопит и вечные льды.
Я буду молиться в своем терему
До первой, до первой звезды!

Барабан

В майское утро качать колыбель?
Гордую шею в аркан?
Пленнице – прялка, пастушке – свирель,
Мне – барабан.

Женская доля меня не влечет:
Скуки боюсь, а не ран!
Все мне дарует, – и власть и почет
Мой барабан.

Солнышко встало, деревья в цвету...
Сколько невиданных стран!
Всякую грусть убивай на лету,
Бей, барабан!

Быть барабанщиком! Всех впереди!
Все остальное – обман!
Что покоряет сердца на пути,
Как барабан?

В. Я. Брюсову

Улыбнись в мое “окно”,
Иль к шутам меня причисли, –
Не изменишь, все равно!
“Острых чувств” и “нужных мыслей”
Мне от Бога не дано.

Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...
– Так теперь заведено. –
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

Кошки

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

Молитва морю

Солнце и звезды в твоей глубине,
Солнце и звезды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звездам отдаться вдвойне

Сумрак ночей и улыбку зари
Дай отразить в успокоенном взоре.
Вечное море,
Детское горе мое усыпи, залечи, раствори.

Влей в это сердце живую струю,
Дай отдохнуть от терпения – в споре.
Вечное море,
В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!

Жажда

Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире

И не спорит и все позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?

И рубины, и розы, и лица, –
Все вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнеет.

Вот и юг, – мы томились по зною...
Был он дерзок, – теперь умоляет...
Почему же ничто под луною
Не утоляет?

Душа и имя

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

Волшебство

Чуть полночь бьют куранты,
Сверкают диаманты,
Инкогнито пестро.
(Опишешь ли, перо,
Волшебную картину?)
Заслышав каватину,
Раздвинул паутину
Лукавый Фигаро.

Коралловые гребни
Вздымаются волшебней
Над клубом серых змей;
Но губки розовей,
Чем алые кораллы.
Под музыку из залы
Румянец бледно-алый
Нахлынул до бровей.

Везде румянец зыбкий,
На потолке улыбки,
Улыбки на стенах...

Откормленный монах
Глядит в бутылку с ромом.
В наречье незнакомом
Беседует с альбомом
Старинный альманах.

Саксонские фигурки
Устраивают жмурки.
“A vous, marquis, veuillez!”[18]
Хохочет chevalier[19]...
Бесшумней силуэты,
Безумней пируэты,
И у Антуанэты
Срывается колье!

На возу

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег!
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабли
В молодой руке.

Счастье видится воочью:
В небе звезды, – сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!

Завтра снова будет круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу в ночи!

Вождям

Срок исполнен, вожди! На подмостки
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел – с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

Ураганом святого безумья
Поднимайтесь, вожди, над толпой!
Все безумье отдам без раздумья
За весеннее: “Пой, птичка, пой”.

---

18 “Ваш черед, маркиз, извольте!” *(фр.)* .

19 Рыцарь *(фр.)* .

Июль – апрелю

Как с задумчивых сосен струится смола,
Так текут ваши слезы в апреле.
В них весеннему дань и прости колыбели
И печаль молодого ствола.

Вы листочку сродни и зеленой коре,
Полудети еще и дриады.
Что деревья шумят, что журчат водопады
Понимали и мы – на заре!

Вам струистые кудри клонить в водоем,
Вам, дриадам, кружить по аллее...
Но и нас, своенравные девочки-феи,
Помяните в апреле своем!

Весна в вагоне

Встают, встают за дымкой синей
Зеленые холмы.
В траве, как прежде, маргаритки,
И чьи-то глазки у калитки...
Но этой сказки героини
Апрельские – не мы!

Ты улыбнулась нам, Мария,
(Ты улыбалась снам!)
Твой лик, прозрачней анемоны,
Мы помним в пламени короны...
Но этой встречи феерия
Апрельская – не нам!

Гурзуф, 1 мая 1911

В сквере

Пылают щеки на ветру.
Он выбран, он король!
Бежит, зовет меня в игру.
“Я все игрушки соберу,
Ну, мамочка, позволь!”

“Еще простудишься!” – “Ну да!”
Как дикие бежим.
Разгорячились, – не беда,
Уж подружились навсегда
Мы с мальчиком чужим.

“Ты рисовать умеешь?” – “Нет,
А трудно?” – “Вот так труд!
Я нарисую твой портрет”.

“А рассказать тебе секрет?”
“Скорей, меня зовут!”

“Не разболтаешь? Поклянись!”
Приоткрывает рот,
Остановился, смотрит вниз:
“Ужасно стыдно, отвернись!
Ты лучше всех, – ну вот”.

Уж солнце скрылось на песке,
Бледнеют облака,
Шумят деревья вдалеке...
О, почему в моей руке
Не Колина рука!

После гостей

Вот и уходят. Запели вдали
Жалобным скрипом ворота.
Грустная, грустная нота...
Вот и ушли.

Мама сережки сняла, – почему?
И отстегнула браслеты,
Спрятала в шкафчик конфеты,
Точно в тюрьму.

Красную мебель, отраду детей,
Мама в чехлы одевает...
Это всегда так бывает
После гостей!

Конец сказки

“Тает царевна, как свечка,
Руки сложила крестом,
На золотое колечко
Грустно глядит”. – “А потом?”

“Вдруг за оградою – трубы!
Рыцарь летит со щитом.
Расцеловал ее в губы,
К сердцу прижал”. – “А потом?”

“Свадьбу сыграли на диво
В замке ее золотом.
Время проводят счастливо,
Деток растят”. – “А потом?”

Болезнь

“Полюбился ландыш белый
Одинокой резеде.

Что зеваешь?” – “Надоело!”
“Где болит?” – “Нигде!”

“Забавлял ее на грядке
Болтовнею красный мак.
Что надулся?” – “Ландыш гадкий!”
“Почему?” – “Да так!”

“Видно счастье в этом маке,
Быть у красного в плену!..
Что смеешься?” – “Волен всякий!”
“Баловник!” – “Да ну?”

“Полюбился он невольно
Одинокой резеде.
Что вздыхаешь?” – “Мама, больно!”
“Где болит?” – “Везде!”

В сонном царстве

Скрипнуло... В темной кладовке
Крысы поджали хвосты.
Две золотистых головки,
Шепот: “Ты спишь?” – “Нет, а ты?”

Вот задремала и свечка,
Дремлет в графине вода.
Два беспокойных сердечка,
Шепот: “Уйдем!” – “А куда?”

Добрые очи Страдальца
Грустно глядят с высоты.
Два голубых одеяльца,
Шепот: “Ты спишь?” – “Нет, а ты?”

Бабушкин внучек

Сереже

Шпагу, смеясь, подвесил,
Люстру потрогал – звон...
Маленький мальчик весел:
Бабушкин внучек он!

Скучно играть в портретной,
Девичья ждет, балкон.
Комнаты нет запретной:
Бабушкин внучек он!

Если в гостиной странной
Жутко ему колонн,
Может уснуть в диванной:
Бабушкин внучек он!

Светлый меж темных кресел
Мальчику снится сон.
Мальчик и сонный весел:
Бабушкин внучек он!

Коктебель, 13 мая 1911

Венера

Сереже

1. “В небо ручонками тянется…”

В небо ручонками тянется,
Строит в песке купола...
Нежно вечерняя странница
В небо его позвала.

Пусть на земле увядание,
Над колыбелькою крест!
Мальчик ушел на свидание
С самою нежной из звезд.

2. “Ах, недаром лучше хлеба…”

Ах, недаром лучше хлеба
Жадным глазкам балаган.
Темнокудрый мальчуган,
Он недаром смотрит в небо!

По душе ему курган,
Воля, поле, даль без меры...
Он рожден в лучах Венеры,
Голубой звезды цыган.

Коктебель, 18 мая 1911

Контрабандисты и бандиты

Сереже

Он после книги весь усталый,
Его пугает темнота...
Но это вздор! Его мечта –
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровные места
Глядит в окно глазами серны.
Контрабандисты и таверны
Его любимая мечта.

Он странно-дик, ему из школы
Не ждать похвального листа.
Что бедный лист, когда мечта –
Контрабандисты и пистолы!

Что все мирское суета
Пусть говорит аббат сердитый, –
Контрабандисты и бандиты
Его единая мечта!

Коктебель, Змеиный грот. 1911

Рождественская дама

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, – я легка!)
Я игрушек не возьму на небо...
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Белоснежка

Александру Давидовичу Топольскому

Спит Белоснежка в хрустальном гробу.
Карлики горько рыдают, малютки.
Из незабудок веночек на лбу
И на груди незабудки.

Ворон – печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Плачется карлик в смешном колпаке,
Плачется: “Плохо ее берегли мы!”
Белую ленту сжимает в руке
Маленький карлик любимый.

Средний – печальный играет в трубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Старший у гроба стоит на часах,
Смотрит и ждет, не мелькнет ли усмешка.
Спит Белоснежка с венком в волосах,
Не оживет Белоснежка!

Ворон – печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Детский день

Утро... По утрам мы
Пасмурны всегда.
Лучшие года
Отравляют гаммы.

Ждет опасный путь,
Бой и бриллианты, –
Скучные диктанты
Не дают вздохнуть!

Сумерки... К вечерне
Слышен дальний звон.
Но не доплетен
Наш венец из терний.

Слышится: “раз, два!”
И летят из детской
Песенки немецкой
Глупые слова.

Приезд

Возгласами звонкими
Полон экипаж.
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш!

В экипаже песенки,
(Каждый о своем!)
Вот аллея длинная,
А в конце у лесенки
Синий водоем.

“Тише вы, проказники!”
И творит кресты,
Плачет няня старая.
Ворота, как в праздники,
Настежь отперты.

Вышла за колонки я, –
Радостно до слез!
А вверху качаются
Юные и тонкие
Веточки берез.

Паром

Темной ночью в тарантасе
Едем с фонарем.
“Ася, спишь?” Не спится Асе:
Впереди паром!

Едем шагом (в гору тяжко),
В сонном поле гром.
“Ася, слышишь?” Спит бедняжка,
Проспала паром!

В темноте Ока блеснула
Жидким серебром.
Ася глазки разомкнула...
“Подавай паром!”

Осень в Тарусе

Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Все повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но все же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

Ока

1. “Волшебство немецкой феерии…”

Волшебство немецкой феерии,
Темный вальс, немецкий и простой...
А луга покинутой России
Зацвели куриной слепотой.

Милый луг, тебя мы так любили,
С золотой тропинкой у Оки...

Меж стволов снуют автомобили, –
Золотые майские жуки.

2. “Ах, золотые деньки…”

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, –
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

3. “Все у Боженьки – сердце! Для Бога…”

Все у Боженьки – сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий, –
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.

4. “Бежит тропинка с бугорка…”

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Все так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И все поют в добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Все так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

5. “В светлом платьице, давно-знакомом…”

В светлом платьице, давно-знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но, милый, не легко мне, –
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...

Вечер тих, – не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

На радость

С. Э.
Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
Все зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете...
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!

Солнце жжет, – на север с юга,
Или на луну!
Им очаг и бремя плуга,
Нам простор и зелень луга...
Милый, милый, друг у друга
Мы навек в плену!

Герцог Рейхштадтский

Из светлого круга печальных невест
Не раз долетали призывы.
Что нежные губы! Вздымались до звезд
Его молодые порывы!

Что жалобы скрипок, что ночи, как мед,
Что мертвые статуи в парке?
Иному навстречу! Победа не ждет,
Не ждут триумфальные арки.

Пусть пламенем пестрым кипит маскарад,
Пусть шутит с ним дед благосклонный,
Пусть кружатся пары, – на Сене парад,
Парад у Вендомской колонны!

Родному навстречу! Как пламя лицо,
В груди раскаленная лава.
И нежно сомкнула, вручая кольцо,
Глаза ему юная слава.

Зима

Мы вспоминаем тихий снег,
Когда из блеска летней ночи
Нам улыбнутся старческие очи
Под тяжестью усталых век.

Ах, ведь и им, как в наши дни,
Казались все луга иными.
По вечерам в волнисто-белом дыме
Весной тонули и они.

В раю затепленным свечам
Огни земли казались грубы.
С безумной грустью розовые губы
О них шептались по ночам.

Под тихим пологом зимы

Они не плачут об апреле,
Чтобы без слез отчаянья смотрели
В лицо минувшему и мы.

Из них судьба струит на нас
Успокоенье мудрой ночи, –
И мне дороже старческие очи
Открытых небу юных глаз.

Розовая юность

С улыбкой на розовых лицах
Стоим у скалы мы во мраке.
Сгорело бы небо в зарницах
При первом решительном знаке,
И рухнула в бездну скала бы
При первом решительном стуке...
– Но, если б вы знали, как слабы
У розовой юности руки.

Полночь

Снова стрелки обежали целый круг:
Для кого-то много счастья позади.
Подымается с мольбою сколько рук!
Сколько писем прижимается к груди!

Где-то кормчий наклоняется к рулю,
Кто-то бредит о короне и жезле,
Чьи-то губы прошептали: “не люблю”,
Чьи-то локоны запутались в петле.

Где-то свищут, где-то рыщут по кустам,
Где-то пленнику приснились палачи,
Там, в ночи, кого-то душат, там
Зажигаются кому-то три свечи.

Там, над капищем безумья и грехов,
Собирается великая гроза,
И над томиком излюбленных стихов
Чьи-то юные печалятся глаза.

Неразлучной в дорогу

Стоишь у двери с саквояжем.
Какая грусть в лице твоем!
Пока не поздно, хочешь, скажем
В последний раз стихи вдвоем.

Пусть повторяет общий голос
Доныне общие слова,
Но сердце на два раскололось.
И общий путь – на разных два.

Пока не поздно, над роялем,
Как встарь, головку опусти.
Двойным улыбкам и печалям
Споем последнее прости.

Пора! завязаны картонки,
В ремни давно затянут плед...
Храни Господь твой голос звонкий
И мудрый ум в шестнадцать лет!

Когда над лесом и над полем
Все небеса замрут в звездах,
Две неразлучных к разным долям
Помчатся в разных поездах.

Бонапартисты

Длинные кудри склонила к земле,
Словно вдова молчаливо.
Вспомнилось, – там, на гранитной скале,
Тоже плакучая ива.

Бедная ива казалась сестрой
Царскому пленнику в клетке,
И улыбался плененный герой,
Гладя пушистые ветки.

День Аустерлица – обман, волшебство,
Легкая пена прилива...
“Помните, там на могиле Его
Тоже плакучая ива.

С раннего детства я – сплю и не сплю –
Вижу гранитные глыбы”.
“Любите? Знаете?” – “Знаю! Люблю!”
“С Ним в заточенье пошли бы?”

“За Императора – сердце и кровь,
Все – за святые знамена!”
Так началась роковая любовь
Именем Наполеона.

Конькобежцы

Асе и Борису
Башлык откинула на плечи:
Смешно кататься в башлыке!
Смеется, – разве на катке
Бывают роковые встречи?

Смеясь над “встречей роковой”,
Светло сверкают два алмаза,
Два широко раскрытых глаза

Из-под опушки меховой.

Все удается, все фигуры!
Ах, эта музыка и лед!
И как легко ее ведет
Ее товарищ белокурый.

Уж двадцать пять кругов подряд
Они летят по синей глади.
Ах, из-под шапки эти пряди!
Ах, исподлобья этот взгляд!

…….

Поникли узенькие плечи
Ее, что мчалась налегке.
Ошиблась, Ася: на катке
Бывают роковые встречи!

Первый бал

О, первый бал – самообман!
Как первая глава романа,
Что по ошибке детям дан,
Его просившим слишком рано,

Как радуга в струях фонтана
Ты, первый бал, – самообман.
Ты, как восточный талисман,
Как подвиги в стихах Ростана.

Огни сквозь розовый туман,
Виденья пестрого экрана...
О, первый бал – самообман!
Незаживающая рана!

Старуха

Слово странное – старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем – непонятое всеми,
Кто мгновения экран.
В этом слове дышит время
В раковине – океан.

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных

Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пяльцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

“Прости” волшебному дому

В неосвещенной передней я
Молча присела на ларь.
Темный узор на портьере,
С медными ручками двери...
В эти минуты последние
Все полюбилось, как встарь.

Был заповедными соснами
В темном бору вековом
Прежде наш домик любимый.
Нежно его берегли мы,
Дом с небывалыми веснами,
С дивными зимами дом.

Первые игры и басенки
Быстро сменились другим.
Дом притаился волшебный,
Стали большими царевны.
Но для меня и для Асеньки
Был он всегда дорогим.

Зала от сумрака синяя,
Жажда великих путей,
Пренебреженье к науке,
Переплетенные руки,

Светлые замки из инея
И ожиданье гостей.

Возгласы эти и песенки
Чуть раздавался звонок!
Чье-нибудь близко участье?
Господи, может быть счастье?
И через залу по лесенке
Стук убегающих ног...

На вокзале

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка...
Кто поймет, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?

Решено за поездом погнаться,
Все цветы любимой кинуть вслед.
Наимладшему из них тринадцать,
Наистаршему под двадцать лет.

Догонять ее, что станет силы,
“Добрый путь” кричать до хрипоты.
Самый младший не сдержался, милый:
Две слезинки капнули в цветы.

Кто мудрец, забыл свою науку,
Кто храбрец, забыл свое: “воюй!”
“Ася, руку мне!” и “Ася, руку!”
(Про себя тихонько: “Поцелуй!”)

Поезд тронулся – на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

Брестский вокзал,
3 декабря 1911

Из сказки – в сказку

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу, –
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне

Девочкой, хотя женой.

Литературным прокурорам

Все таить, чтобы люди забыли,
Как растаявший снег и свечу?
Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано все понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду...
Все понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном – сила)
Все родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

В. Я. Брюсову

Я забыла, что сердце в вас – только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти – критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом...

1912

“Он приблизился, крылатый…”

Он приблизился, крылатый,
И сомкнулись веки над сияньем глаз.
Пламенная – умерла ты
В самый тусклый час.

Что искупит в этом мире
Эти две последних, медленных слезы?
Он задумался. – Четыре
Выбили часы.

Незамеченный он вышел,
Слово унося важнейшее из слов.
Но его никто не слышал –
Твой предсмертный зов!

Затерялся в море гула

Крик, тебе с душою разорвавший грудь.
Розовая, ты тонула
В утреннюю муть...

Москва, 1912

“Посвящаю эти строки…”

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
“Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все”.

В платье белоснежном – с детства
Нелюбимый цвет! –
Лягу – с кем-то по соседству? –
До скончанья лет.

Слушайте! – Я не приемлю!
Это – западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю! – Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Москва, весна 1913

“Идешь, на меня похожий…”

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет –
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...

Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была* , прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

“Моим стихам, написанным так рано…”

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

“Солнцем жилки налиты – не кровью…”

Солнцем жилки налиты – не кровью –
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
– Странно чувствовать так сильно

и так просто
Мимолетность жизни – и свою.

15 мая 1913

“Вы, идущие мимо меня…”

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, –
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
– И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали –

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, –
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

“Сердце, пламени капризней…”

Сердце, пламени капризней,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок – мимо!
Все, что неосуществимо,
Я сама осуществлю.

Всем случайностям навстречу!
Путь – не все ли мне равно?
Пусть ответа не дано, –
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду – к какой отчизне?
– Все, чего не будет в жизни
Я найду в своих стихах!

Коктебель, 22 мая 1913

“Мальчиком, бегущим резво…”

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

“Шалость – жизнь мне, имя – шалость.
Смейся, кто не глуп!”
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
– Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

29 мая 1913

“Я сейчас лежу ничком…”

Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? –

В золоте и в серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик?

И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! –

Я метала бы в огонь
Прошлое – за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? –

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда, –
Господи, какое чудо
Я бы сделала из Вас!

Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? –

А когда бы Вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки.

Чувствуя, что ты – велик!
– Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

“Идите же! – Мой голос нем…”

Идите же! – Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других –
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуять сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

Асе

1. “Мы быстры и наготове…”

Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте, в каждом взгляде,
в каждом слове. –
Две сестры.

Своенравна наша ласка
И тонка,
Мы из старого Дамаска –
Два клинка.

Прочь, гумно и бремя хлеба,
И волы!
Мы – натянутые в небо
Две стрелы!

Мы одни на рынке мира
Без греха.
Мы – из Вильяма Шекспира
Два стиха.

11 июля 1913

2. “Мы – весенняя одежда…”

Мы – весенняя одежда
Тополей,
Мы – последняя надежда
Королей.

Мы на дне старинной чаши,
Посмотри:
В ней твоя заря, и наши
Две зари.

И прильнув устами к чаше,
Пей до дна.
И на дне увидишь наши
Имена.

Светлый взор наш смел и светел
И во зле.
– Кто из вас его не встретил
На земле?

Охраняя колыбель и мавзолей,
Мы – последнее виденье
Королей.

11 июля 1913

Сергею Эфрон-Дурново

1. “Есть такие голоса…”

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка – драгун,
Декабристы и версальцы!
И не знаешь – так он юн –
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

Коктебель, 19 июля 1913

2. “Как водоросли Ваши члены…”

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны – бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете – и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут радостные львы –
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

1 августа 1913

Байрону

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах – очень длинных –
В волнистых волосах,
И обо всех – в аллеях и в гостиных –
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых – слишком юный –
Вы не имели времени прочесть
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы – мне, я – Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Ялта, 24 сентября 1913

Встреча с Пушкиным

Я подымаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
– Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... –

Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
– Каждого встречного пса! –

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллей,

Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом – колею...
Смуглые руки и синие реки,
– Ах, – Мариулу твою! –

Треск барабана – мундир властелина –
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... – Как я люблю...

Кончено... – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба – не так ли? –
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре! –
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

Аля

Ах, несмотря на гаданья друзей,
Будущее – непроглядно.
В платьице – твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.

Аля! – Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте.
Будет день –

Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда летя вперед,
– Своенравно! – Без запрета! –
С ветром в комнату войдет –
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
И волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена...

Целый день – на скакуне,
А ночами – черный кофе,
Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль.

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста.

Прелесть двух огромных глаз,
– Их угроза – их опасность –
Недоступность – гордость – страстность
В первый раз...

Благородным без границ
Станет профиль – слишком белый,
Слишком длинными ресниц
Станут стрелы.

Слишком грустными – углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных –
Слишком злы.

– Ворожит мое перо!
Аля! – Будет все, что было:
Так же ново и старо,
Так же мило.

Будет – с сердцем не воюй,
Грудь Дианы и Минервы! –
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

Будет “он” – ему сейчас
Года три или четыре...
– Аля! – Это будет в мире –
В первый раз.

Феодосия, 13 ноября 1913

“Уж сколько их упало в эту бездну…”

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду ***да*** и ***нет*** ,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

“Быть нежной, бешеной и шумной…”

Быть нежной, бешеной и шумной,
– Так жаждать жить! –
Очаровательной и умной, –
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
– О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! –
Не зная ни того, что было,

Ни что придет,

Забыть, как сердце раскололось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной –
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо –
– О, пожалей! –
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей –

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! –
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, Сочельник 1913

Генералам двенадцатого года

Сергею

“Вы, чьи широкие шинели…”

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след –
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, –
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера –
Малютки-мальчики, сегодня –
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок – самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

“Ах, на гравюре полустертой…”

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как – мне кажется – могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать – и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,

Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие –
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913

В ответ на стихотворение

Горько таить благодарность
И на чуткий призыв отозваться не сметь,
В приближении видеть коварность
И где правда, где ложь угадать не суметь.

Горько на милое слово
Принужденно шутить, одевая ответы в броню.
Было время – я жаждала зова
И ждала, и звала. (Я того, кто не шел, – не виню).

Горько и стыдно скрываться,
Не любя, но ценя и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не суметь отозваться, –
Тяжело мне играть эту первую женскую роль!

<1913 – 1914>

“Ты, чьи сны еще непробудны…”

Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю – пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир невозвратно-чудный

Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

<1913>

Восклицательный знак

Сам не ведая как,
Ты слетел без раздумья,
Знак любви и безумья,
Восклицательный знак!

Застающий врасплох
Тайну каждого……..
……
Заключительный вздох!

В небо кинутый флаг –
Вызов смелого жеста.
Знак вражды и протеста,
Восклицательный знак!

<1913>

“Взгляните внимательно и если возможно – нежнее…”

Взгляните внимательно и если возможно – нежнее,
И если возможно – подольше с нее не сводите очей,
Она перед вами – дитя с ожерельем на шее
И локонами до плечей.

В ней – все, что вы любите, все, что, летя вокруг света,
Вы уже не догоните – как поезда ни быстры.
Во мне говорят не влюбленность поэта
И не гордость сестры.

Зовут ее Ася: но лучшее имя ей – пламя,
Которого не было, нет и не будет вовеки ни в ком.
И помните лишь, что она не навек перед вами.
Что все мы умрем...

1913

“В тяжелой мантии торжественных обрядов…”

В тяжелой мантии торжественных обрядов,
Неумолимая, меня не встреть.
На площади, под тысячами взглядов,
Позволь мне умереть.

Чтобы лился на волосы и в губы
Полуденный огонь.

Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
И гарцевал мой конь.

Чтобы церквей сияла позолота,
В раскаты грома превращался гул,
Чтоб из толпы мне юный кто-то
И кто-то маленький кивнул.

В лице младенца ли, в лице ли рока
Ты явишься – моя мольба тебе:
Дай умереть прожившей одиноко
Под музыку в толпе.

Феодосия, 1913

“Вы родились певцом и пажем…”

Вы родились певцом и пажем.
Я – с золотом в кудрях.
Мы – молоды, и мы еще расскажем
О королях.

Настроив лютню и виолу,
Расскажем в золоте сентябрьских аллей,
Какое отвращение к престолу
У королей.

В них – демон самообороны,
Величия их возмущает роль, –
И мой король не выдержит корону;
Как ваш король.

Напрасно перед их глазами
Мы простираемся в земной пыли, –
И – короли – они не знают сами,
Что – короли!

1913

“Макс Волошин первый был…”

Макс Волошин первый был,
Нежно Майенку любил,
Предприимчивый Бальмонт
Звал с собой за горизонт,
Вячеслав Иванов сам
Пел над люлькой по часам:
Баю-баюшки-баю,
Баю Майенку мою.

1913

“В огромном липовом саду…”

В огромном липовом саду,
– Невинном и старинном –
Я с мандолиною иду,
В наряде очень длинном,

Вдыхая теплый запах нив
И зреющей малины,
Едва придерживая гриф
Старинной мандолины,

Пробором кудри разделив...
– Тугого шелка шорох,
Глубоко-вырезанный лиф
И юбка в пышных сборах. –

Мой шаг изнежен и устал,
И стан, как гибкий стержень,
Склоняется на пьедестал,
Где кто-то ниц повержен.

Упавшие колчан и лук
На зелени – так белы!
И топчет узкий мой каблук
Невидимые стрелы.

А там, на маленьком холме,
За каменной оградой,
Навеки отданный зиме
И веющий Элладой,

Покрытый временем, как льдом,
Живой каким-то чудом –
Двенадцатиколонный дом
С террасами, над прудом.

Над каждою колонной в ряд
Двойной взметнулся локон,
И бриллиантами горят
Его двенадцать окон.

Стучаться в них – напрасный труд:
Ни тени в галерее,
Ни тени в залах. – Сонный пруд
Откликнется скорее.

“О, где Вы, где Вы, нежный граф…”

“О, где Вы, где Вы, нежный граф?
О, Дафнис, вспомни Хлою!”
Вода волнуется, приняв
Живое – за былое.

И принимает, лепеча,

В прохладные объятья –
Живые розы у плеча
И розаны на платье,

Уста, еще алее роз,
И цвета листьев – очи...
– И золото моих волос
В воде еще золоче.

“О день без страсти и без дум…”

О день без страсти и без дум,
Старинный и весенний.
Девического платья шум
О ветхие ступени...

2 января 1914

“Над Феодосией угас…”

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромен ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. –
Его чрезмерно узкое лицо –

Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! –
Под крыльями распахнутых бровей –
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
– Всем вам, кто жил и умирал без страху. –
Такие – в роковые времена –
Слагают стансы – и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

АЛЕ

1. “Ты будешь невинной, тонкой…”

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала –
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Все будет тебе покорно,
И все при тебе – тихи.
Ты будешь, как я – бесспорно –
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты – кто знает –
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

2. “Да, я тебя уже ревную…”

Да, я тебя уже ревную,

Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года –
Ты так грустна.

Все куклы мира; все лошадки
Ты без раздумия отдашь –
За листик из моей тетрадки
И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре –
Все делать хочется самой.
И вдруг отчаянье, что “море
Ушло домой”.

Не передашь тебя – как гордо
Я о тебе ни повествуй! –
Когда ты просишь: “Мама, морду
Мне поцелуй”.

Ты знаешь, все во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удается
Поцеловать.

Я – змей, похитивший царевну, –
Дракон! – Всем женихам – жених! –
О свет очей моих! – О ревность
Ночей моих!

6 июня 1914

П. Э.

1. “День августовский тихо таял…”

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И – помнится – тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути:
Не надо – или надо – розу

Вам принести.

И все приготовляла фразу,
Увы, забытую потом. –
И вдруг – совсем нежданно! – сразу! –
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее – крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. – Он дома,
Сейчас придет.

“Пусть с юностью уносят годы…”

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. –
Я буду помнить все разводы
Цветных обой.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере –
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери –
И Вы вошли.

“И было сразу обаянье…”

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост. –
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря –
Еще за миг.

Я героически боролась.
– Мы с Вами даже ели суп! –
Я помню заглушенный голос

И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И – самое родное в Вас! –
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню – Вы уже забыли –
Вы – там сидели, я – вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут –

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

В пол-оборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
“Глаза породистой собаки,
– Прощайте, граф”.

“Потерянно, совсем без цели…”

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели –
Колокола.

17 июня 1914

2. “Прибой курчавился у скал…”

Прибой курчавился у скал, –
Протяжен, пенен, пышен, звонок...
Мне Вашу дачу указал –
Ребенок.

Невольно замедляя шаг
– Идти смелей как бы не вправе –
Я шла, прислушиваясь, как
Скрежещет гравий.

Скрип проезжающей арбы
Без паруса. – Сквозь плющ зеленый
Блеснули белые столбы
Балкона.

Была такая тишина,
Как только в полдень и в июле.
Я помню: Вы лежали на
Плетеном стуле.

Ах, не оценят – мир так груб! –
Пленительную Вашу позу.
Я помню: Вы у самых губ
Держали розу.

Не подымая головы,
И тем подчеркивая скуку –
О, этот жест, которым Вы
Мне дали руку.

Великолепные глаза
Кто скажет – отчего – прищуря,
Вы знали – кто сейчас гроза
В моей лазури.

От солнца или от жары –
Весь сад казался мне янтарен,
Татарин продавал чадры,
Ушел татарин...

Ваш рот, надменен и влекущ,
Был сжат – и было все понятно.
И солнце сквозь тяжелый плющ
Бросало пятна.

Все помню: на краю шэз-лонг
Соломенную Вашу шляпу,
Пронзительно звенящий гонг,
И запах

Тяжелых, переспелых роз
И складки в парусинных шторах,
Беседу наших папирос
И шорох,

С которым Вы, властитель дум,
На розу стряхивали пепел.
– Безукоризненный костюм
Был светел.

28 июня 1914

3. Его дочке

С ласточками прилетела
Ты в один и тот же час,
Радость маленького тела,
Новых глаз.

В марте месяце родиться
– Господи, внемли хвале! –
Это значит быть как птица
На земле.

Ласточки ныряют в небе,
В доме все пошло вверх дном:
Детский лепет, птичий щебет
За окном.

Дни ноябрьские кратки,
Долги ночи ноября.
Сизокрылые касатки –
За моря!

Давит маленькую грудку
Стужа северной земли.
Это ласточки малютку
Унесли.

Жалобный недвижим венчик,
Нежных век недвижен край.
Спи, дитя. Спи, Божий птенчик.
Баю-бай.

12 июля 1914

4. “Война, война! – Кажденья у киотов…”

Война, война! – Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На, кажется, – надтреснутом – канате
Я – маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун.

Москва, 16 июля 1914

5. “При жизни Вы его любили…”

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела

Согрейте ледяную кровь!
Но, если в Вас уже успела
Остыть любовь –

К любовнику – любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, –
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили
И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле –
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног –
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь – безумие и пыл!
Припомните, с какою жаждой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните былые клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И, прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас –

Неданной клятвы не нарушу
– Жизнь! – Карие глаза твои! –
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

30 августа 1914

6. “Осыпались листья над Вашей могилой…”

Осыпались листья над Вашей могилой,

И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой – так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала –
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую Вас всюду!
– Что ленты от Ваших венков! –
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
– Письмо в бесконечность. – Письмо
в беспредельность –
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

7. “Милый друг, ушедший дальше, чем за море…”

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
Вот Вам розы – протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута и я обокрадена, –
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд – поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, –
Умирающего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
– Свежий холмик меж других бугорков! –
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

“Не думаю, не жалуюсь, не спорю…”

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного и жданного подарка
Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая
Звенящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.
Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

“Я видела Вас три раза…”

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
– Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы – точно портрет в альбоме, –
И мне не узнать, кто Вы.

……..

Здесь всё – говорят – случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива

Не знает ничьей руки.

Мой дух – не смирён никем он.
Мы – души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

– “Так что ж это было?” – Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать – кто я.

13 июля 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, – кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от Вас ли?..

4 сентября 1914

Подруга

1. “Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли…”

Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!
И лучше – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий

Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной –
Красноречив!

Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех –
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни – разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас – хоть разорвись над гробом! –
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то – что – неужели
Мне снится сон? –
За эту ироническую прелесть,
Что Вы – не он.

16 октября 1914

2. “Под лаской плюшевого пледа…”

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки – что ж это было?

Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

3. “Сегодня таяло, сегодня…”

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленней, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я – в тумане –
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабаня
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот, –
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

4. “Вам одеваться было лень…”

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
– А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
– А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод.

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.

– Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

5. “Сегодня, часу в восьмом…”

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий – рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, –
Сильнее, чем я – желанной.

– Oh, je n’en puis plus, j’etouffe![20] –
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув
На ней меховую полость.

Мир – весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд –
Не более – вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей – без гнева.
Ваш маленький Кай замерз,
О, Снежная Королева.

26 октября 1914

6. “Ночью над кофейной гущей…”

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распущен,
Как чудовищный цветок.

---

[20] О, я больше не могу, я задыхаюсь! *(фр.).*

Скоро месяц – юн и тонок –
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслеток,
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
Спутники твои ревнивы? –
Кони кровные легки!

6 декабря 1914

7. “Как весело сиял снежинками…”

Как весело сиял снежинками
Ваш – серый, мой – соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась – шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.

Как рыжие поддевки – парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабье.

Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.

Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.

Как руку Вы мою оставили,
Сказав: “О, я ее хочу!”
С какою бережностью вставили
В подсвечник – желтую свечу...

– О, светская, с кольцом опаловым
Рука! – О, вся моя напасть! –
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть!

Как в монастырскую гостиницу
– Гул колокольный и закат –
Блаженные, как имянинницы,
Мы грянули, как полк солдат.

Как я Вам – хорошеть до старости –
Клялась – и просыпала соль,
Как трижды мне – Вы были в ярости! –
Червонный выходил король.

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...

Декабрь 1914

8. “Свободно шея поднята…”

Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто – лета,
Кто – край ее, кто – век?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

До умилительности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст,
И – в серебре – опал.

Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

10 января 1915

9. “Ты проходишь своей дорогою…”

Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю.
Но тоска во мне – слишком вечная,
Чтоб была ты мне – первой встречною.

Сердце сразу сказало: “Милая!”
Все тебе – наугад – простила я,
Ничего не знав, – даже имени! –
О, люби меня, о, люби меня!

Вижу я по губам – извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется – приступом!

Платье – шелковым черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Все в тебе мне до боли нравится, –
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь за лето!
Не цветок – стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный – с какого острова?

Опахалом чудишь, иль тросточкой, –
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, –
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Все, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

10. “Могу ли не вспомнить я…”

Могу ли не вспомнить я
Тот запах White-Rose[21] и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я – в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы – в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом – без малейшей краски,
Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,

---

[21] Белой розы (модные в то время духи).

Не женщина и не мальчик, –
Но что-то сильней меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутливом тоне:
“Знакомьтесь же, господа”.

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, –
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

Я помню – над синей вазой –
Как звякнули наши рюмки.
“О, будьте моим Орестом!”,
И я Вам дала цветок.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили – платок.

28 января 1915

11. “Все глаза под солнцем – жгучи…”

Все глаза под солнцем – жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, –

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвесть,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
– Он тебе знаком –

Все проснется – только свистни
Под моим окном.

22 февраля 1915

12. “Сини подмосковные холмы…”

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом – пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, – должно быть,
Выздоравливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише:
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе едва нагретом...
Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы,

13 марта 1915

13. “Повторю в канун разлуки…”

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

И глаза – кого-кого-то
Взглядом не дарят! –
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью – видит Бог! –
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
– Слушать не спеши! –
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
– Все равно – канун! –
Этот рот до поцелуя

Твоего был юн.

Взгляд – до взгляда – смел и светел,
Сердце – лет пяти...
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

28 апреля 1915

14. “Есть имена, как душные цветы…”

Есть имена, как душные цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины. – Их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. – Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?

Вознесение, 1915

15. “Хочу у зеркала, где муть…”

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

16. “В первой любила ты…”

В первой любила ты
Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,

Звон – под конем – кремня,
Стройный прыжок с коня,
И – в самоцветных зернах –
Два челночка узорных.

А во второй – другой –
Тонкую бровь дугой,
Шелковые ковры
Розовой Бухары,
Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды
И полунощный Лондон.

Третья тебе была
Чем-то еще мила...

– Что от меня останется
В сердце твоем, странница?

14 июля 1915

17. “Вспомяните: всех голов мне дороже…”

Вспомяните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... – Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

“Уж часы – который час…”

Уж часы – который час? –
Прозвенели.
Впадины огромных глаз,
Платья струйчатый атлас...
Еле-еле вижу Вас,
Еле-еле.

У соседнего крыльца
Свет погашен.
Где-то любят без конца...
Очерк Вашего лица
Очень страшен.

В комнате полутемно,
Ночь – едина.
Лунным светом пронзено,
Углубленное окно –
Словно льдина.

– Вы сдались? – звучит вопрос.
– Не боролась.
Голос от луны замерз.
Голос – словно за сто верст
Этот голос!

Лунный луч меж нами встал,
Миром движа.
Нестерпимо заблистал
Бешеных волос металл
Темно-рыжий.

Бег истории забыт
В лунном беге.
Зеркало луну дробит.
Отдаленный звон копыт,
Скрип телеги.

Уличный фонарь потух,
Бег – уменьшен.
Скоро пропоет петух
Расставание для двух
Юных женщин.

1 ноября 1914

“Собаки спущены с цепи…”

Собаки спущены с цепи,
И бродят злые силы.
Спи, милый маленький мой, спи,
Котенок милый!

Свернись в оранжевый клубок
Мурлыкающим телом,
Спи, мой кошачий голубок,
Мой рыжий с белым!

Ты пахнешь шерстью и зимой,
Ты – вся моя утеха,
Переливающийся мой
Комочек меха.

Я к мордочке прильнула вплоть,
О, бачки золотые! –
Да сохранит тебя Господь
И все святые!

19 ноября 1914

Германии

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,

Ну, как же *я* тебя оставлю?
Ну, как же *я* тебя предам?

И где возьму благоразумье:
“За око – око, кровь – за кровь”, –
Германия – мое безумье!
Германия – моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland[22],
Где все еще по Кенигсбергу
Проходит узколицый Кант,

Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке –
Geheimrath Goethe[23] по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, – когда, –

– От песенок твоих в восторге –
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor[24].

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном – Лорелей.

Москва, 1 декабря 1914

“Радость всех невинных глаз…”

Радость всех невинных глаз,
– Всем на диво! –
В этот мир я родилась –
Быть счастливой!

---

22 Родина *(нем.)*.

23 Тайный советник Гете *(нем.)*.

24 Швабские ворота *(нем.)*.

Нежной до потери сил,
……
Только памятью смутил
Бог – богиню.

Помню ленточки на всех
Детских шляпах,
Каждый прозвеневший смех,
Каждый запах.

Каждый парус вдалеке
Жив – на муку.
Каждую в своей руке
Помню руку.

Каждое на ней кольцо
– Если б знали! –
Помню каждое лицо
На вокзале.

Все прощанья у ворот.
Все однажды...
Не поцеловавший рот –
Помню – каждый!

Все людские имена,
Все собачьи...
– Я по-своему верна,
Не иначе.

3 декабря 1914

“Безумье – и благоразумье…”

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть –

Во мне. – Все каторжные страсти
Свились в одну! –
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот,
– Ах, наизусть! –
– Мой двадцатидвухлетний опыт –
Сплошная грусть!

Но облик мой – невинно розов,
– Что ни скажи! –
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик
– Ловимый вновь! –
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки – от автомобиля –
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили –
Одну меня!

От боли, что не я – невеста
У жениха...
От жеста и стиха – для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее, –
Когда я лгу...

3 января 1915

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

“Легкомыслие! – Милый грех…”

Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мои вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научил не хранить кольца, –
С кем бы жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть, как стебель, и быть, как сталь,
В жизни, где мы так мало можем...
– Шоколадом лечить печаль
И смеяться в лицо прохожим!

3 марта 1915

“Голоса с их игрой сулящей…”

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опаленные и палящие
Роковые рты –

О, я с Вами легко боролась!
Но, – что делаете со мной
Вы, насмешка в глазах, и в голосе –
Холодок родной.

14 марта 1915

“Бессрочно кораблю не плыть…”

Бессрочно кораблю не плыть
И соловью не петь.
Я столько раз хотела жить
И столько умереть!

Устав, как в детстве от лото,
Я встану от игры,
Счастливая не верить в то,
Что есть еще миры.

9 мая 1915

“Что видят они? – Пальто…”

Что видят они? – Пальто

На юношеской фигуре.
Никто не узнал, никто,
Что полы его, как буря.

Остер, как мои лета,
Мой шаг молодой и четкий.
И вся моя правота
Вот в этой моей походке.

А я ухожу навек
И думаю: день весенний
Запомнит мой бег – и бег
Моей сумасшедшей тени.

Весь воздух такая лесть,
Что я быстроту удвою.
Нет ветра, но ветер есть
Над этою головою!

Летит за крыльцом крыльцо,
Весь мир пролетает сбоку.
Я знаю свое лицо.
Сегодня оно жестоко.

Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг
Мой лоб рассекает – тучи!

Вознесение 1915

“Мне нравится, что Вы больны не мной…”

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,

За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас на головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.

3 мая 1915

“Какой-нибудь предок мой был – скрипач…”

Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу черту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем!
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем.

Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка – гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он – *не* играл на скрипке!

И было всё ему нипочем, –
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.

23 июня 1915

Асе

Ты мне нравишься: ты так молода,
Что в полмесяца не спишь и полночи,
Что на карте знаешь те города,
Где глядели тебе вслед чьи-то очи.

Что за книгой книгу пишешь, но книг
Не читаешь, умиленно поникши,
Что сам Бог тебе – меньшой ученик,
Что же Кант, что же Шеллинг, что же Ницше?

Что весь мир тебе – твое озорство,
Что наш мир, он до тебя просто не был,
И что не было и нет ничего
Над твоей головой – кроме неба.

<1915>

“И все вы идете в сестры…”

И вс*е* вы идете в сестры,
И больше не влюблены.
Я в шелковой шали пестрой
Восход стерегу луны.

Вы креститесь у часовни,
А я подымаю бровь...
– Но в вашей любви любовной
Стократ – моя нелюбовь!

6 июля 1915

“Спят трещотки и псы соседовы…”

Спят трещотки и псы соседовы, –
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выведывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов – и зорких птиц,
Заговорщиков час – и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,

Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, – видишь, вот она –
Отравительница! – Кармен.

5 августа 1915

“В тумане, синее ладана…”

В тумане, синее ладана,
Панели – как серебро.
Навстречу летит негаданно
Развеянное перо.

И вот уже взгляды скрещены,
И дрогнул – о чем моля? –
Твой голос с певучей трещиной
Богемского хрусталя.

Мгновенье тоски и вызова,
Движенье, как длинный крик,
И в волны тумана сизого,
Окунутый легкий лик.

Все длилось одно мгновение:
Отчалила... уплыла...
Соперница! – Я не менее
Прекрасной тебя ждала.

5 сентября 1915

“С большою нежностью – потому…”

С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому – разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И все – записки, и все – цветы,
Которых хранить – невмочь...
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

“Все Георгии на стройном мундире…”

Все Георгии на стройном мундире
И на перевязи черной – рука.

Черный взгляд невероятно расширен
От шампанского, войны и смычка.

Рядом – женщина, в любовной науке
И Овидия и Сафо мудрей.
Бриллиантами обрызганы руки,
Два сапфира – из-под пепла кудрей.

Плечи в соболе, и вольный и скользкий
Стан, как шелковый чешуйчатый хлыст.
И – туманящий сознание – польский
Лихорадочный щебечущий свист.

24 сентября 1915

“Лорд Байрон! – Вы меня забыли…”

Лорд Байрон! – Вы меня забыли!
Лорд Байрон! – Вам меня не жаль?
На ..... плечи шаль
Накидывали мне – не Вы ли?
И кудри – жесткие от пыли –
Разглаживала Вам – не я ль?

Чьи арфы ..... аккорды
Над озером, – скажите, сэр! –
Вас усмиряли, Кондотьер?
И моего коня, – о, гордый!
Не Вы ли целовали в морду,
Десятилетний лорд и пэр!

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,
Кинжала дедовского сталь?
Кто целовал мою перчатку?
– Лорд Байрон! – Вам меня не жаль?

25 сентября 1915 г.

“Заповедей не блюла, не ходила к причастью…”

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
– Видно, пока надо мной не пропоют литию, –
Буду грешить – как грешу – как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами – всеми пятью!

Други! – Сообщники! – Вы, чьи наущения – жгучи!
– Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, –
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

“Как жгучая, отточенная лесть…”

Как жгучая, отточенная лесть
Под римским небом, на ночной веранде,
Как смертный кубок в розовой гирлянде –
Магических таких два слова есть.

И мертвые встают как по команде,
И Бог молчит – то ветреная весть
Язычника – языческая месть:
Не читанное мною Ars Amandi![25]

Мне синь небес и глаз любимых синь
Слепят глаза. – Поэт, не будь в обиде,
Что времени мне нету на латынь!

Любовницы читают ли, Овидий?!
– Твои тебя читали ль? – Не отринь
Наследницу твоих же героинь!

29 сентября 1915

“В гибельном фолианте…”

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Ars Amandi[26]
Женщине – вся земля.

Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

29 сентября 1915

“Мне полюбить Вас не довелось…”

Мне полюбить Вас не довелось,
А может быть – и не доведется!
Напрасен водоворот волос
Над темным профилем инородца,
И раздувающий ноздри нос,

---

[25] Искусство любви *(лат.)* .

[26] Искусство любви *(лат.).*

И закурчавленные реснички,
И – вероломные по привычке –
Глаза разбойника и калмычки.

И шаг, замедленный у зеркал,
И смех, пронзительнее занозы,
И этот хищнический оскал
При виде золота или розы,
И разлетающийся бокал,
И упирающаяся в талью
Рука, играющая со сталью,
Рука, крестящаяся под шалью.

Так, – от безделья и для игры –
Мой стих меня с головою выдал!
Но Вы красавица и добры:
Как позолоченный древний идол
Вы принимаете все дары!
И все, что голубем Вам воркую –
Напрасно – тщетно – вотще и всуе,
Как все признанья и поцелуи!

Сентябрь 1915

“Я знаю правду! Все прежние правды – прочь…”

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

“Два солнца стынут – о Господи, пощади…”

Два солнца стынут – о Господи, пощади! –
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца – прощу ли себе сама? –
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

6 октября 1915

“Цветок к груди приколот…”

Цветок к груди приколот,
Кто приколол, – не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек –
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо –
И выстрелит в упор.

22 октября 1915

“Цыганская страсть разлуки…”

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

“Полнолунье и мех медвежий…”

Полнолунье и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! – Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилостивил мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега – свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне сцеловываете, друг,
Я на дерево гляжу, – в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой

Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь – сниться,
Отоснились – Вы.

27 ноября 1915

“Быть в аду нам, сестры пылкие…”

Быть в аду нам, сестры пылкие,
Пить нам адскую смолу, –
Нам, что каждою-то жилкою
Пели Господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкою
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,
Заводившим песни райские
У разбойного костра.

Нерадивым рукодельницам
– Шей не шей, а все по швам! –
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру – госпожам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду...
– Быть нам, девицы любезные,
Сестры милые – в аду!

Ноябрь 1915

“День угасший…”

День угасший
Нам порознь нынче гас.
Это жестокий час –
Для Вас же.

Время – совье,
Пусть птенчика прячет мать.
Рано Вам начинать
С любовью.

Помню первый
Ваш шаг в мой недобрый дом, –

С пряничным петухом
И вербой.

Отрок чахлый,
Вы жимолостью в лесах,
Облаком в небесах –
Вы пахли!

На коленях
Снищу ли прощенья за
Слезы в твоих глазах
Оленьих.

Милый сверстник,
Еще в Вас душа – жива!
Я же люблю слова
И перстни.

18 декабря 1915

“Лежат они, написанные наспех…”

Лежат они, написанные наспех,
Тяжелые от горечи и нег.
Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век.

И слышу я, что где-то в мире – грозы,
Что амазонок копья блещут вновь.
– А я пера не удержу! – Две розы
Сердечную мне высосали кровь.

Москва, 20 декабря 1915

“Даны мне были и голос любый…”

Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать Судьба.

Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжкой дланью
Схватила за волосы Судьба!

Петербург, 31 декабря 1915

“Отмыкала ларец железный…”

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный, –
С крупным жемчугом перстенек,

С крупным жемчугом.

Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо.
Ветры веяли, птицы реяли,
Лебеди – слева, справа – вороны...
Наши дороги – в разные стороны.

Ты отойдешь – с первыми тучами,
Будет твой путь – лесами дремучими,
песками горючими.

Душу – выкличешь,
Очи – выплачешь.

А надо мною – кричать сове,
А надо мною – шуметь траве...

Москва, январь 1916

“Посадила яблоньку…”

Посадила яблоньку:
Малым – забавоньку,
Старому – младость,
Садовнику – радость.

Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору – досада,
Хозяйке – услада.

Породила доченьку –
Синие оченьки,
Горлинку – голосом,
Солнышко – волосом.
На горе девицам,
На горе молодцам.

23 января 1916

“К озеру вышла. Крут берег…”

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды в снег сбиты,
Н*а* голос воют. Рвут пасти –
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В серебро пены кань, злато,
Кань с песней.

Ярой дугою – как брызнет!

Встречной дугою – млад-лебедь
Как всполохнется, как взмоет
В день сизый!

6 февраля 1916

“Никто ничего не отнял…”

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

“Собирая любимых в путь…”

Собирая любимых в путь,
Я им песни пою на память –
Чтобы приняли как-нибудь,
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
Ты без устали, ветер, пой,
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слез не лей, –
Как на праздник они обуты!
Ущеми себе жало, змей,
Кинь, разбойничек, нож свой лютый.

Ты, прохожая красота,
Будь веселою им невестой.
Потруди за меня уста, –
Наградит тебя Царь Небесный!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.

Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих!

17 февраля 1916

“Ты запрокидываешь голову…”

Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая тебя верста... –

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, –
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!

18 февраля 1916

“Откуда такая нежность…”

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
– Откуда такая нежность? –
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая – о нежность! –

На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

18 февраля 1916

“Разлетелось в серебряные дребезги…”

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем – взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь – перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич – звонок.
Серебряно мне – петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

1 марта 1916

“Не сегодня-завтра растает снег…”

Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя, у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоем –
Два обугленных прошлолетних круга!
Видно, отроком в невеселый дом
Завела подруга.

Далеко – в ночи – по асфальту – трость,
Двери настежь – в ночь – под ударом ветра...
Заходи – гряди! – нежеланный гость

В мой покой пресветлый.

4 марта 1916

“Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...”

Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...
Материнское мое благословение
Над тобой, мой жалобный
Вороненок.

Иссиня-черное, исчерна-
Синее твое оперение.
Жесткая, жадная, жаркая
Масть.

Было еще двое
Той же масти – черной молнией сгасли! –
Лермонтов, Бонапарт.

Выпустила я тебя в небо,
Лети себе, лети, болезный!
Смиренные, благословенные
Голуби реют серебряные,
Серебряные над тобой.

12 марта 1916

“Еще и еще песни…”

Еще и еще песни
Слагайте о моем кресте.
Еще и еще перстни
Целуйте на моей руке.

Такое со мной сталось,
Что гром прогромыхал зимой,
Что зверь ощутил жалость
И что заговорил немой.

Мне солнце горит – в полночь!
Мне в полдень занялась звезда!
Смыкает надо мной волны
Прекрасная моя беда.

Мне мертвый восстал из праха!
Мне страшный совершился суд!
Под рев колоколов на плаху
Архангелы меня ведут.

16 марта 1916

“Не ветром ветреным – до – осени…”

Не ветром ветреным – до – осени
Снята гроздь.
Ах, виноградарем – до – осени
Пришел гость.

Небесным странником – мне – страннице
Предстал – ты.
И речи странные – мне – страннице
Шептал – ты.

По голубым и голубым лестницам
Повел в высь.
Под голубым и голубым месяцем
Уста – жглись.

В каком источнике – их – вымою,
Скажи, жрец!
И тяжкой верности с головы моей
Сними венец!

16 марта 1916

“Гибель от женщины. Вот знак…”

Гибель от женщины. Вот знак
На ладони твоей, юноша.
Долу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полуночи.

Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
Что небесен.

Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза – что? – пряча.
Ах, запрокинется твоя голова –
Иначе.

Голыми руками возьмут – ретив! упрям! –
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам,
Серафим! – Орленок! –

17 марта 1916

“Приключилась с ним странная хворь…”

Приключилась с ним странная хворь,
И сладчайшая на него нашла оторопь.
Все стоит и смотрит ввысь,
И не видит ни звезд, ни зорь
Зорким оком своим – отрок.

А задремлет – к нему орлы
Шумнокрылые слетаются с клекотом,
И ведут о нем дивный спор.
И один – властелин скалы –
Клювом кудри ему треплет.

Но дремучие очи сомкнув,
Но уста полураскрыв – спит себе.
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.

20 марта 1916

“Устилают – мои – сени…”

Устилают – мои – сени
Пролетающих голубей – тени.
Сколько было усыновлений!
Умилений!

Выхожу на крыльцо: веет,
Подымаю лицо: греет.
Но душа уже – не – млеет,
Не жалеет.

На ступеньке стою – верхней,
Развеваются надо мной – ветки.
Скоро купол на той церкви
Померкнет.

Облаками плывет Пасха,
Колоколами плывет Пасха...
В первый раз человек распят –
На Пасху.

22 марта 1916

“На крыльцо выхожу – слушаю…”

На крыльцо выхожу – слушаю,
На свинце ворожу – плачу.
Ночи душные,
Скушные.
Огоньки вдали, станица казачья.

Да и в полдень нехорош – пригород:
Тарахтят по мостовой дрожки,
Просит нищий грошик,
Да ребята гоняют кошку,
Да кузнечики в траве – прыгают.

В черной шали, с большим розаном

На груди, – как спадет вечер,
С рыжекудрым, розовым,
Развеселым озорем
Разлюбезные – поведу – речи.

Серебром меня не задаривай,
Крупным жемчугом материнским,
Перстеньком с мизинца.
Поценнее хочу гостинца:
Над станицей – зарева!

23 марта 1916

“В день Благовещенья…”

В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнущий,
Окна настежь распахнуты, –
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
– Летите, куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
– Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

23 марта 1916

“Канун Благовещенья…”

Канун Благовещенья.
Собор Благовещенский
Прекрасно светится.
Над главным куполом,
Под самым месяцем,
Звезда – и вспомнился
Константинополь.

На серой паперти
Старухи выстроились,
И просят милостыню
Голосами гнусными.
Большими бусами
Горят фонарики
Вкруг Божьей Матери.

Черной бессонницей

Сияют лики святых,
В черном куполе
Оконницы ледяные.
Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
– Благословен плод чрева
Твоего, Дева
Милая!

Пошла странствовать
По рукам – свеча.
Пошло странствовать
По устам слово:
– Богородице.

Светла, горяча
Зажжена свеча.

К Солнцу-Матери,
Затерянная в тени,
Воззываю и я, радуясь:
Матерь – матери
Сохрани
Дочку голубоглазую!
В светлой мудрости
Просвети, направь
По утерянному пути –
Блага.

Дай здоровья ей,
К изголовью ей
Отлетевшего от меня
Приставь – Ангела.
От словесной храни – пышности,
Чтоб не вышла как я – хищницей,
Чернокнижницей.

Служба кончилась.
Небо безоблачно.
Крестится истово
Народ и расходится.
Кто – по домам,
А кому – некуда,
Те – Бог весть куда,
Все – Бог весть куда!

Серых несколько
Бабок древних
В дверях замешкались, –
Докрещиваются
На самоцветные
На фонарики.

Я же весело
Как волны валкие
Народ расталкиваю.
Бегу к Москва-реке
Смотреть, как лед идет.

24 – 25 марта 1916

“Четвертый год…”

Четвертый год.
Глаза, как лед,
Брови уже роковые,
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки скрещены,
Рот нем.
Брови сдвинув – Наполеон! –
Ты созерцаешь – Кремль.

– Мама, куда – лед идет?
– Вперед, лебеденок.
Мимо дворцов, церквей, ворот –
Вперед, лебеденок!

Синий
Взор – озабочен.
– Ты меня любишь, Марина?
– Очень.
– Навсегда?
– Да.

Скоро – закат,
Скоро – назад:
Тебе – в детскую, мне –
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Всё
Идет.

24 марта 1916

“За девками доглядывать, не скис…”

За девками доглядывать, не скис

ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Всыпая в узкогорлые бутыли.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крёстным.

Кормилица с дородным петухом
В переднике – как ночь ее повойник! –
Докладывает древним шепотком,
Что молодой – в часовенке – покойник...

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони – что ангелы – белы,
И голуби на них – что ладан – сизы.

И странница, потягивая квас
Из чайника, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

“Димитрий! Марина! В мире…”

Димитрий! Марина! В мире
Согласнее нету ваших
Единой волною вскинутых,
Единой волною смытых
Судеб! Имен!

Над темной твоею люлькой,
Димитрий, над люлькой пышной
Твоею, Марина Мнишек,
Стояла одна и та же
Двусмысленная звезда.

Она же над вашим ложем,
Она же над вашим троном
– Как вкопанная – стояла
Без малого – целый год.

Взаправду ли знак родимый
На темной твоей ланите,
Димитрий, – все та же черная
Горошинка, что у отрока
У родного, у царевича
На смуглой и круглой щечке
Смеясь целовала мать?
Воистину ли, взаправду ли –
Нам сызмала деды сказывали,

Что грешных судить – не нам?

На нежной и длинной шее
У отрока – ожерелье.
Над светлыми волосами
Пресветлый венец стоит.

В Марфиной черной келье
Яркое ожерелье!
– Солнце в ночи! – горит.

Памятливыми глазами
Впилась – народ замер.
Памятливыми губами
Впилась – в чей – рот.

Сама инокиня
Признала сына!
Как же ты – для нас – не тот!

Марина! Царица – Царю,
Звезда – самозванцу!
Тебя пою,
Злую красу твою,
Лик без румянца.
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя
Славно ношу.

Правит моими бурями
Марина – звезда – Юрьевна,
Солнце – среди – звезд.

Крест золотой скинула,
Черный ларец сдвинула,
Маслом святым ключ
Масленный – легко движется.
Черную свою книжищу
Вынула чернокнижница.

Знать, уже делать нечего,
Отошел от ее от плечика
Ангел, – пошел несть
Господу злую весть:

– Злые, Господи, вести!
Загубил ее вор-прелестник!

Марина! Димитрий! С миром,
Мятежники, спите, милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас в соборе Архангельском
Большая свеча горит.

29, 30 марта 1916

Стихи о Москве

1. “Облака – вокруг…”

Облака – вокруг,
Купола – вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! –
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой – мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церквей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние –
На Ваганькове.

31 марта 1916

2. “Из рук моих – нерукотворный град…”

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По церковке – все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

И Спасские – с цветами – ворот*а* ,
Где шапка православного снята.

Часовню звездную – приют от зол –

Где вытертый от поцелуев – пол.

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3. “Мимо ночных башен…”

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая – ох – кровь!

Мой рот разгарчив,
Даром, что свят – вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было – как хочу.

31 марта 1916

4. “Настанет день – печальный, говорят…”

Настанет день – печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
– Остужены чужими пятаками –
Мои глаза, подвижные как пламя.
И – двойника нащупавший двойник –
Сквозь легкое лицо проступит лик.
О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали – завижу ли и Вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, –
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916
1-й день Пасхи

5. “Над городом, отвергнутым Петром…”

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о, царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6. “Над синевою подмосковных рощ…”

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой, –

Калужской – песенной – прекрасной, и она
Смывает и смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, –

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день 1916

7. “Над синевою подмосковных рощ…”

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи колоколах – колокольни.
Всех счетом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916. Казанская

8. “Москва! – Какой огромный…”

– Москва! – Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека-далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть –
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, –

Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916. Казанская

9. “Красною кистью…”

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

“Говорила мне бабка лютая…”

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
– Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, –
Царевать тебе – под заборами!
Целовать тебе, внучка, – ворона.

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления, да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет да за милость царскую,
За карманы твои порожние
Да за песни твои острожные,
За позор пополам со смутою, –
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол –

Сволокут меня черти волоком,
Я за чаркой, с тобою роспитой,
Говорила, скажу и Господу, –
Что любила тебя, мальчоночка,
Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916

“Да с этой львиною…”

Да с этой львиною
Златою россыпью,
Да с этим поясом,
Да с этой поступью, –
Как не бежать за ним
По белу по свету –
За этим поясом,
За этим посвистом!

Иду по улице –
Народ сторонится.
Как от разбойницы,
Как от покойницы.

Уж знают все, каким
Молюсь угодникам
Да по зелененьким,
Да по часовенкам.

Моя, подруженьки,
Моя, моя вина.
Из голубого льна
Не тките савана.

На вечный сон за то,
Что не спала одна –
Под дикой яблоней
Ложусь без ладана.

2 апреля 1916
Вербная Суббота

“Веселись, душа, пей и ешь…”

Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок –
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там где в*о* поле, во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян!

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
Вечной памяти не хочу
На родной земле.

4 апреля 1916

“Братья, один нам путь прямохожий…”

Братья, один нам путь прямохожий
Под небом тянется.
.....я тоже
Бедная странница...

Вы не выспрашивайте, на спросы
Я не ответчица.

Только и памятлив, что на песни
Рот мой улыбчивый.
Перекреститесь, родные, если
Что и попритчилось.

5 апреля 1916

“Всюду бегут дороги…”

Всюду бегут дороги,
По лесу, по пустыне,
В ранний и поздний час.

Люди по ним ходят,
Ходят по ним дроги,
В ранний и поздний час.

Топчут песок и глину
Страннические ноги,
Топчут кремень и грязь...

Кто на ветру – убогий?
Всяк на большой дороге –
Переодетый князь!

Треплются их отрепья
Всюду, где небо – сине,

Всюду, где Бог – судья.

Сталкивает их цепи,
Смешивает отрепья
Парная колея.

Так по земной пустыне,
Кинув земную пажить
И сторонясь жилья,

Нищенствуют и княжат –
Каторжные княгини,
Каторжные князья.

Вот и сошлись дороги,
Вот мы и сшиблись клином.
Темен, ох, темен час.

Это не я с тобою, –
Это беда с бедою
Каторжная – сошлась.

Что же! Целуй в губы,
Коли тебя, любый,
Бог от меня не спас.

Всех по одной дороге
Поволокут дроги –
В ранний ли, поздний час.

5 апреля 1916

“Люди на душу мою льстятся…”

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня – святцы,

А восприемников за душой
Цельный, поди, монастырь мужской!

Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот – орленком, щегленком – тот,
Всяк по-иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц –
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали – равн*о* , называли – разно,
Все называли, никто не н*а* звал.

6 апреля 1916

“Коли милым назову – не соскучишься…”

Коли милым назову – не соскучишься!
Богородицей – слыву – Троеручицей:
Одной – крепости крушу, друга – тамотка,
Третьей по морю пишу – рыбам грамотку.

А немилый кто взойдет да придвинется,
Подивится весь народ, что за схимница!
Филин ухнет, черный кот ощетинится.
Будешь помнить цельный год – чернокнижницу!

Черт: ползком не продерусь! – а мне едется!
Хочешь, с зеркальцем пройдусь – в гололедицу?
Ради барских твоих нужд – хошь в метельщицы!
Только в мамки – не гожусь – в колыбельщицы!

Коль похожа на жену – где повойник мой?
Коль похожа на вдову – где покойник мой?
Коли суженого жду – где бессонница?
Царь-Девицею живу – беззаконницей!

6 апреля 1916

Бессонница

1. “Обвела мне глаза кольцом…”

Обвела мне глаза кольцом
Теневым – бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись – идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало – тебе – дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала – и накликала
Теневой венец.

Мало – меня – звала?
Мало – со мной – спала?

Ляжешь, легка лицом.

Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

– Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы – спалось – легче,
Буду – тебе – певчим:

– Спи, подруженька
Неугомонная!

Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...
Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон – свят,
Все – спят.
Венец-снят.

8 апреля 1916

2. “Руки люблю…”

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще – раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.

Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.

27 мая 1916

3. “В огромном городе моем – ночь…”

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

17 июля 1916
Москва

4. “После бессонной ночи слабеет тело…”

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы –
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

19 июля 1916

5. “Нынче я гость небесный…”

Нынче я гость небесный

В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был – сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

6. “Сегодня ночью я одна в ночи…”

Сегодня ночью я одна в ночи –
Бессонная, бездомная черница! –
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
– О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль
мой! –
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воюющую землю!

Вздымаются не волосы – а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех, –
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

7. “Нежно-нежно, тонко-тонко…”

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне.
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи моей прекрасной
Ходит п*о* сердцу пила.

8 августа 1916

8. “Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая…”

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет – люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце – ночь!

9 августа 1916

9. “Кто спит по ночам? Никто не спит…”

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод – с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь – проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:

Не спи! крепись! говорю добром!
А то – вечный сон! а то – вечный дом!

12 декабря 1916

10. “Вот опять окно…”

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...

Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

11. “Бессонница! Друг мой…”

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно –
Звенящей ночи.

– Прельстись!
Пригубь!
Не в высь,
А в глубь –
Веду...
Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!
Прельстись!
Испей!
От всех страстей –
Устой,
От всех вестей –
Покой.
– Подруга! –
Удостой.
Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми –
Втяни,
Глотни:
– Не будь! –
О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей –
Страстнейшая, из всех смертей –
Нежнейшая... Из двух горстей
Моих – прельстись! – испей!

Мир б*е* з вести пропал. В нигде –
Затопленные берега...
– Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга...

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
С каким любовником кутеж
С моим
– Дитя –
Сравним?

А если спросят (научу!),
Что, дескать, щечки не свежи, –
С Бессонницей кучу, скажи,
С Бессонницей кучу...

Май 1921

Стихи к Блоку

1. “Имя твое – птица в руке…”

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно единственное движенье губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.

15 апреля 1916

2. “Нежный призрак…”

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий
Вечер я чую ворога.

Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне п*о* д ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом –
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпься!
Аминь.

1 мая 1916

3. “Ты проходишь на Запад Солнца…”

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.

Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег. –

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий – святыя славы –
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4. “Зверю – берлога…”

Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому – свое.

Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.

2 мая 1916

5. “У меня в Москве – купола горят…”

У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю –
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь

Не догонит заря – зари.

7 мая 1916

6. “Думали – человек…”

Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек.
– Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.

Шли от него лучи –
Жаркие струны по снегу!
Три восковых свечи –
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите, как
Веки ввалились темные!
О поглядите, как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные...
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 мая 1916

7. “Должно быть – за той рощей…”

Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.

– Эй, идолы, чтоб вы сдохли! –
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед – *о* хлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916

8. “И тучи оводов вокруг равнодушных кляч…”

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый – за синею рощей –
крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

9. “Как слабый луч сквозь черный морок адов…”

Как слабый луч сквозь черный морок адов –
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, –

Откуда-то из древних утр туманных –
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства – грех...
И как нежнее всех – ту, глубже всех

В ночь канувшую – на дела лихие!
И как *не* разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска – потерянным перстом
Все водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать – и как *не*
встанет...

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),

Предстало нам – всей площади широкой! –
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

10. “Вот он – гляди – уставший от чужбин…”

Вот он – гляди – уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот – горстью пьет из горной быстрины –
Князь без страны.

Там всё ему: и княжество, и рать,

И хлеб, и мать.

Красно твое наследие, – владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

11. “Останешься нам иноком…”

Останешься нам иноком:
Хорошеньким, любименьким,
Требником рукописным,
Ларчиком кипарисным.

Всем – до единой – женщинам,
Им, ласточкам, нам, венчанным,
Нам, злату, тем, сединам,
Всем – до единой – сыном

Останешься, всем – первенцем,
Покинувшим, отвергнувшим,
Посохом нашим странным,
Странником нашим ранним.

Всем нам с короткой надписью
Крест на Смоленском кладбище
Искать, всем никнуть в черед,
Всем, ..., не верить.

Всем – сыном, всем – наследником,
Всем – первеньким, последненьким.

15 августа 1921

12. “Други его – не тревожьте его…”

Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!
Было так ясно на лике его:
Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья изведали право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! –
Знают, что этого нет – умереть!

Зори пьет, море пьет – в полную сыть
Бражничает. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! –

Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

13. “А над равниной…”

А над равниной –
Крик лебединый.
Матерь, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной – он – версты,
Это последнее – он – прости.

А над равниной –
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: – Живи!

Над окаянной –
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал – осанна!
Каторжник койку-обрел-теплынь.
Пасынок к матери в дом. – Аминь.

Между 15 и 25 августа 1921

14. “Не проломанное ребро…”

Не проломанное ребро –
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навылет
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему – трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

15. “Без зова, без слова…”

Без зова, без слова, –
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, – в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

“Покамест не продан!”
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а терном –
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
– И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может, – проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.
Такую усталость –
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

16. “Как сонный, как пьяный…”

Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:
Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес –
Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?

25 ноября 1921

17. “Так, Господи! И мой обол…”

Так, Господи! И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь –
Гранит, коленами протертый.
Всем отданы герой и царь,
Всем – праведник – певец – и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гроб*о* вым не смущаясь тесом,
Русь – Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который? –
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору.

2 декабря 1921

“То-то в зеркальце – чуть брезжит…”

То-то в зеркальце – чуть брезжит –
Всё гляделась:
Хорошо ли для приезжих
Разоделась.

По сережкам да по бусам
Стосковалась.
То-то с купчиком безусым
Целовалась.

Целовалась, обнималась –
Не стыдилась!
Всяк тебе: “Прости за малость!”
– “Сделай милость!”

Укатила в половодье
На три ночи.
Желтоглазое отродье!
Ум сорочий!

А на третью – взвыла Волга,
Ходит грозно.
Оступиться, что ли, долго
С перевозу?

Вот тебе и мех бобровый,
Шелк турецкий!
Вот тебе и чернобровый
Сын купецкий!

Не купецкому же сыну
Плакать даром!
Укатил себе за винным
За товаром!

Бурлаки над нею, спящей,
Тянут барку. –
За помин души гулящей
Выпьем чарку.

20 апреля 1916

“В оны дни ты мне была, как мать…”

В оны дни ты мне была, как мать,
Я в ночи тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный,
Свет очей моих в ночи оны.

Благодатная, вспомяни,
Незакатные оны дни,
Материнские и дочерние,
Незакатные, невечерние.

Не смущать тебя пришла, прощай,
Только платья поцелую край,
Да взгляну тебе очами в очи,
Зацелованные в оны ночи.

Будет день – умру – и день – умрешь,
Будет день – пойму – и день – поймешь...
И вернется нам в день прощеный
Невозвратное время оно.

26 апреля 1916

“Я пришла к тебе черной полночью…”

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я – бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих – междуцарствие,
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псари царствуют.

Кто земель моих не оспаривал,
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи не варил – варева,
Не жег – зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я до тла расхищена.
У палат твоих, царь истинный,
Стою – нищая!

27 апреля 1916

“Продаю! Продаю! Продаю…”

Продаю! Продаю! Продаю!
Поспешайте, господа хорошие!
Золотой товар продаю,
Чистый товар, не ношенный,
Не сквозной, не крашенный, –
Не запрашиваю!

Мой товар – на всякий лад, на всякий вкус.
Держись, коробейники! –
Не дорожусь! не дорожусь! не дорожусь!
Во что оце*е* ните.

Носи – не сносишь!
Бросай – не сбросишь!

Эй, товары хороши-то хороши!
Эй, выкладывайте красные гроши!
Да молитесь за помин моей души!

28 апреля 1916

“Много тобой пройдено…”

Много тобой пройдено
Русских дорог глухих.
Ныне же вся родина
Причащается тайн твоих.

Все мы твои причастники,
Смилуйся, допусти! –
Кровью своей причастны мы
Крестному твоему пути.

Чаша сия – полная,
– Причастимся Св<ятых> даров! –
Слезы сии солоны,
– Причастимся Св<ятых> даров! –

Тянут к тебе матери
Кровную кровь свою.
Я же – слепец на паперти –
Имя твое пою.

2 мая 1916

Ахматовой

1. “О, Муза плача, прекраснейшая из муз…”

О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,

И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
– Ахматова! – и сердце свое в придачу.

19 июня 1916

2. “Охватила голову и стою…”

Охватила голову и стою,
– Что людские козни! –
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас – одна,
Как луна на небе!

Что, на сердце в*о* роном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна – милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою, как ремнем,
Мне стянула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь – нищей,

Что тебя, чей голос – о глубь, о мгла! –
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916

3. “Еще один огромный взмах…”

Еще один огромный взмах –
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней,
Так мало – тела.

Не человечески мила
Ее дремота.

От ангела и от орла
В ней было что-то.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!

Часы, года, века. – Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.

Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.

23 июня 1916

4. “Имя ребенка – Лев…”

Имя ребенка – Лев,
Матери – Анна.
В имени его – гнев,
В материнском – тишь.
Волосом он рыж
– Голова тюльпана! –
Что ж, осанна
Маленькому царю.

Дай ему Бог – вздох
И улыбку матери,
Взгляд – искателя
Жемчугов.
Бог, внимательней
За ним присматривай:
Царский сын – гадательней
Остальных сынов.

Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!

Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок – в твоей горсти!

24 июня 1916

5. “Сколько спутников и друзей…”

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.

Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия – и во рту
Крылышко розы.

Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...

И – выс*о* ко у парусов –
Отрока в синей блузе.
Гром моря и грозный зов
Раненой Музы.

25 июня 1916

6. “Не отстать тебе! Я – острожник…”

Не отстать тебе! Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

7. “Ты, срывающая покров…”

Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
– Чернокнижница! – Крепостница! –
Я заслышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу.

Слышу страстные голоса –
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса –
И один – между ними – черный.

Океаном ли правишь путь,
Или воздухом – всею грудью
Жду, как солнцу, подставив грудь

Смертоносному правосудью.

26 июня 1916

8. “На базаре кричал народ…”

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном – с цветиками – платке,
– Милости удостоиться
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергий-Троицы,

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою

27 июня 1916

9. “Златоустой Анне – всея Руси…”

Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! – Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне – всея Руси!

27 июня 1916

10. “У тонкой проволоки над волной овсов…”

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос – как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие – свят, свят, свят –
Не тем же ль голосом, Господи, говорят.

Стою и слушаю и растираю колос,
И темным куполом меня замыкает – голос.

Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истово, – а руки твоей.

Для всех, в томленьи славящих твой подъезд, –
Земная женщина, мне же – небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны,
И все *твоими* очами глядят иконы!

1 июля 1916

11. “Ты солнце в выси мне застишь…”

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы – двери настежь! –
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.

2 июля 1916

12. “Руки даны мне – протягивать каждому обе…”

Руки даны мне – протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы – давать имена,
Очи – не видеть, высокие брови над ними –
Нежно дивиться любви и – нежней – нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, –
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно
быть –
Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

<13>. “А что если кудри в плат…”

А что если кудри в плат
Упрячу – что вьются валом,
И в синий вечерний хлад
Побреду себе.....

– Куда это держишь путь,
Красавица – аль в обитель?
– Нет, милый, хочу взглянуть
На царицу, на царевича, на Питер.

– Ну, дай тебе Бог! – Тебе! –
Стоим опустив ресницы.
– Поклон от меня Неве,
Коль запомнишь, да царевичу с царицей.

...И вот меж крылец – крыльцо
Горит заревою пылью,
И вот – промеж лиц – лицо
Горбоносое и волосы как крылья.

На лестницу нам нельзя, –
Следы по ступенькам лягут.
И снизу – глаза в глаза:
– Не потребуется ли, барынька, ягод?

28 июня 1916

“Белое солнце и низкие, низкие тучи…”

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов – за белой стеною – погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд...
Старая баба – посыпанный крупною солью
Черный ломо ть у калитки жует и жует.

Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! – и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. – Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже ты мой!

3 июля 1916

“Вдруг вошла…”

Вдруг вошла
Черной и стройной тенью
В дверь дилижанса.
Ночь
Ринулась вслед.

Черный плащ
И черный цилиндр с вуалью.
Через руку
В крупную клетку – плед.

Если не хочешь муку
Принять, – спи, сосед.

Шаг лунатик. Лик
Узок и ярок.
Горячи
Глаз черные дыры.

Скользнул на колени
Платок нашейный,
И вонзились
Острия локтей – в острия колен.

В фонаре
Чахлый чадит огарок.
Дилижанс – корабль,
Дилижанс – корабль.
Лес
Ломится в окна.
Скоро рассвет.

Если не хочешь муку
Принять – спи, сосед!

23 июля 1916

“Искательница приключений…”

Искательница приключений,
Искатель подвигов – опять
Нам волей роковых стечений
Друг друга суждено узнать.

Но между нами – океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,
И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев, –
И эта ветреная лира!

Мне и тогда на земле
Не было места!
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.
А Вас ждала прелестная невеста
В поместье родовом.

По ночам, в дилижансе, –
И за бокалом Асти,
Я слагала Вам стансы
О прекрасной страсти.

Гнал веттурино,

Пиньи клонились: Salve![27]
Звали меня – Коринной,
Вас – Освальдом.

24 июля 1916

Даниил

1. “Села я на подоконник, ноги свесив…”

Села я на подоконник, ноги свесив.
Он тогда спросил тихонечко: Кто здесь?
– Это я пришла. – Зачем? – Сама не знаю.
– Время позднее, дитя, а ты не спишь.

Я луну увидела на небе,
Я луну увидела и луч.
Упирался он в твое окошко, –
Оттого, должно быть, я пришла...

О, зачем тебя назвали Даниилом?
Все мне снится, что тебя терзают львы!

26 июля 1916

2. “Наездницы, развалины, псалмы…”

Наездницы, развалины, псалмы,
И вереском поросшие холмы,
И наши кони смирные бок о бок,
И подбородка львиная черта,
И пасторской одежды чернота,
И синий взгляд, пронзителен и робок.

Ты к умирающему едешь в дом,
Сопровождаю я тебя верхом.
(Я девочка, – с тебя никто не спросит!)
Поет рожок меж сосенных стволов...
– Что означает, толкователь снов,
Твоих кудрей довременная проседь?

Озерная блеснула синева,
И мельница взметнула рукава,
И, отвернув куда-то взгляд горячий,
Он говорит про бедную вдову...
Что надобно любить Иегову...
И что не надо плакать мне – как плачу...

Запахло яблонями и дымком,
– Мы к умирающему едем в дом,

---

[27] Привет! *(итал.).*

Он говорит, что в мире все нам снится...
Что волосы мои сейчас как шлем...
Что все пройдет... Молчу – и надо всем
Улыбка Даниила-тайновидца.

26 июля 1916

3. “В полнолунье кони фыркали…”

В полнолунье кони фыркали,
К девушкам ходил цыган.
В полнолунье в красной кирке
Сам собою заиграл орган.

По лугу металась паства
С воплями: Конец земли!
Утром молодого пастора
У органа – мертвого нашли.

На его лице серебряном
Были слезы. Целый день
Притекали данью щедрой
Розы из окрестных деревень.

А когда покойник прибыл
В мирный дом своих отцов –
Рыжая девчонка Библию
Запалила с четырех концов.

28 июля 1916

“Не моя печаль, не моя забота…”

Не моя печаль, не моя забота,
Как взойдет посев,
То не я хочу, то огромный кто-то:
И ангел и лев.

Стерегу в глазах молодых – истому,
Черноту и жар.
Так от сердца к сердцу, от дома к дому
Вздымаю пожар.

Разметались кудри, разорван ворот...
Пустота! Полет!
Облака плывут, и горящий город
Подо мной плывет.

2 августа 1916

“И взглянул, как в первые раза…”

И взглянул, как в первые раза
Не глядят.
Черные глаза глотнули взгляд.

Вскинула ресницы и стою.
– Что, – светла? –
Не скажу, что выпита до тла.

Все до капли поглотил зрачок.
И стою.
И течет твоя душа в мою.

7 августа 1916

“Бог согнулся от заботы…”

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого –
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов его.

15 августа 1916

“Чтоб дойти до уст и ложа…”

Чтоб дойти до уст и ложа –
Мимо страшной церкви Божьей
Мне идти.

Мимо свадебных карет,
Похоронных дрог.
Ангельский запрет положен
На его порог.

Так, в ночи ночей безлунных,
Мимо сторожей чугунных:
Зорких врат –

К двери светлой и певучей
Через ладанную тучу
Тороплюсь,

Как торопится от века
Мимо Бога – к человеку
Человек.

15 августа 1916

“Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес…”

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты –
О проклятие! – у тебя остаешься – ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, –
Оттого что мир – твоя колыбель, и могила – мир!

15 августа 1916

“И поплыл себе – Моисей в корзине…”

И поплыл себе – Моисей в корзине! –
Через белый свет.
Кто же думает о каком-то сыне
В восемнадцать лет!

С юной матерью из чужого края
Ты покончил счет,
Не узнав, какая тебе, какая
Красота растет.

Раззолоченной роковой актрисе –
Не до тех речей!
А той самой ночи – уже пять тысяч
И пятьсот ночей.

И не знаешь ты, и никто не знает,
– Бог один за всех! –
По каким сейчас площадям гуляет
Твой прекрасный грех!

26 август 1916

“На завитки ресниц…”

На завитки ресниц
Невинных и наглых,
На золотой загар
И на крупный рот, –
На весь этот страстный,
Мальчишеский, краткий век
Загляделся один человек
Ночью, в трамвае.

Ночь – черна,
И глаза ребенка – черны,
Но глаза человека – черней.
– Ах! – схватить его, крикнуть:
– Идем! Ты мой!
Кровь – моя течет в твоих темных жилах.
Целовать ты будешь и петь,
Как никто на свете!
Насмерть
Женщины залюбят тебя!

И шептать над ним, унося его на руках
по большому лесу,
По большому свету,
Все шептать над ним это странное слово: – Сын!

29 августа 1916

“Соперница, а я к тебе приду…”

Соперница, а я к тебе приду
Когда-нибудь, такою ночью лунной,
Когда лягушки воют на пруду
И женщины от жалости безумны.

И, умиляясь на биенье век
И на ревнивые твои ресницы,
Скажу тебе, что я – не человек,
А только сон, который только снится.

И я скажу: – Утешь меня, утешь,
Мне кто-то в сердце забивает гвозди!
И я скажу тебе, что ветер – свеж,
Что горячи – над головою – звезды...

8 сентября 1916

“И другу на руку легло…”

И другу н*а* руку легло
Крылатки тонкое крыло.
Что я поистине крылата,
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки...
И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

21 сентября 1916

Стихотворения 1916 – 1920 гг.

“Так, от века здесь, на земле, до века…”

Так, от века здесь, на земле, до века,
И опять, и вновь
Суждено невинному человеку –
Воровать любовь.

По камням гадать, оступаться в лужи
……..
Сторожа часами – чужого мужа,
Не свою жену.

Счастье впроголодь? у закона в пасти!
Без свечей, печей...
О несчастное городское счастье
Воровских ночей!

У чужих ворот – не идут ли следом? –
Поцелуи красть...
– Так растет себе под дождем и снегом
Воровская страсть...

29 сентября 1916

“И не плача зря…”

И не плача зря
Об отце и матери – встать, и с Богом
По большим дорогам
В ночь – без собаки и фонаря.

Воровская у ночи пасть:
Стыд поглотит и с Богом тебя разлучит.
А зато научит
Петь и, в глаза улыбаясь, красть.

И кого-то звать

Длинным свистом, на перекрестках черных,
И чужих покорных
Жен под деревьями целовать.

Наливается поле льдом,
Или колосом – все по дорогам – чудно!
Только в сказке – блудный
Сын возвращается в отчий дом.

10 октября 1916

Евреям

Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!

В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

13 октября 1916

“Целую червонные листья и сонные рты…”

Целую червонные листья и сонные рты,
Летящие листья и спящие рты.
– Я в мире иной не искала корысти. –
Спите, спящие рты,
Летите, летящие листья!

17 октября 1916

“Погоди, дружок…”

Погоди, дружок!
Не довольно ли нам камень городской толочь?
Зайдем в погребок,
Скоротаем ночь.

Там таким – приют,

Там целуются и пьют, вино и слезы льют,
Там песни поют,
Пить и есть дают.

Там в печи – дрова,
Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах нож.
Там и я права,
Там и ты хорош.

Там одна – темней
Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней.
Ох, взгляд у ней!
Ох, голос у ней!

22 октября 1916

“Кабы нас с тобой да судьба свела…”

Кабы нас с тобой да судьба свела –
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!

Как последний сгас на мосту фонарь –
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, – всех собой дарю!

Кабы нас с тобой да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола!
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька – бела, бела, –
Кабы нас с тобой – да судьба свела!

25 октября 1916

“Каждый день все кажется мне: суббота…”

Каждый день все кажется мне: суббота!
Зазвонят колокола, ты войдешь.
Богородица из золотого киота
Улыбнется, как ты хорош.

Что ни ночь, то чудится мне: под камнем
Я, и камень сей на сердце – как длань.
И не встану я, пока не скажешь, пока мне
Не прикажешь: Девица, встань!

8 ноября 1916

“Словно ветер над нивой, словно…”

Словно ветер над нивой, словно
Первый колокол – это имя.
О, как нежно в ночи любовной
Призывать Элоима!

Элоим! Элоим! В мире
Полночь, и ветры стихли.
К невесте идет жених.
Благослови
На дело любви
Сирот своих!
Мы песчинок морских бесследней,
Мы бесследней огня и дыма.
Но как можно в ночи последней
Призывать Элоима!

11 ноября 1916

“Счастие или грусть…”

Счастие или грусть –
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теребить в руках,
И прослыть в веках –
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой –
Гончаровой.

Сон или смертный грех –
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно – кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать – Ланского.

11 ноября 1916

“Через снега, снега…”

Через снега, снега –
Слышишь голос, звучавший еще в Эдеме?
Это твой слуга
С тобой говорит, Господин мой – Время.

Черных твоих коней
Слышу топот.
Нет у тебя верней
Слуги – и понятливей ученицы.

Рву за цветком цветок,
И целует, целует мой рот поющий.
– О бытие! Глоток
Горячего грога на сон грядущий!

15 ноября 1916

“По дорогам, от мороза звонким…”

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Всё – снег, всё – смерть, всё – сон.

На кустах серебряные стрелы.
Было у меня когда-то тело,
Было имя, – но не все ли – дым?

Голос был, горячий и глубокий...
Говорят, что тот голубоокий,
Горностаевый ребенок – мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

15 ноября 1916

“Рок приходит не с грохотом и громом…”

Рок приходит не с грохотом и громом,
А так: падает снег,
Лампы горят. К дому
Подошел человек.
Длинной искрой звонок вспыхнул.
Взошел, вскинул глаза.
В доме совсем тихо.
И горят образа.

16 ноября 1916

“Я ли красному как жар киоту…”

Я ли красному как жар киоту
Не молилась до седьмого поту?
Гость субботний, унеси мою заботу,
Уведи меня с собой в свою субботу.

Я ли в день святого Воскресенья
Поутру не украшала сени?
Нету для души моей спасенья,
Нету за субботой воскресенья!

Я ль свечей не извожу по сотням?

Третью полночь воет в подворотне
Пес захожий. Коли душу отнял –
Отними и тело, гость субботний!

21 ноября 1916

“Ты, мерящий меня по дням…”

Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям –
Шатался – под луной огромной?

И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?

Каким я голосом во сне
Шепчу – слыхал? – О, дым и пепел! –
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и н*е* пил?

7 декабря 1916

“Я бы хотела жить с Вами…”

...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице –
Тонкий звон
Старинных часов – как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды –
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И может быть, Вы бы даже меня любили...

Посреди комнаты – огромная изразцовая печка,
На каждом изразце – картинка:
Роза – сердце – корабль. –
А в единственном окне –
Снег, снег, снег.

Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.

Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком – пепел.

Вам даже лень его стряхивать –
И вся папироса летит в огонь.

10 декабря 1916

“По ночам все комнаты черны…”

По ночам все комнаты черны,
Каждый голос темен. По ночам
Все красавицы земной страны
Одинаково – невинно – неверны.

И ведут друг с другом разговоры
По ночам красавицы и воры.

Мимо дома своего пойдешь –
И не тот уж дом твой по ночам!
И сосед твой – странно-непохож,
И за каждою спиною – нож.

И шатаются в бессильном гневе
Черные огромные деревья.

Ох, узка подземная кровать
По ночам, по черным, по ночам!

Ох, боюсь, что буду я вставать,
И шептать, и в губы целовать...

– Помолитесь, дорогие дети,
За меня в час первый и в час третий.

17 декабря 1916

“По ночам все комнаты черны…”

Так, одним из легких вечеров,
Без принятия Святых Даров,
– Не хлебнув из доброго ковша! –
Отлетит к тебе моя душа.
Красною причастной теплотой
Целый мир мне был горячий твой.
Мне ль дары твои вкушать из рук
Раззолоченных, неверных слуг?

Ртам и розам – разве помнит счет
Взгляд <бессонный> мой и грустный рот?
– Радостна, невинна и тепла
Благодать твоя в меня текла.

Так, тихонько отведя потир,
Отлетит моя душа в эфир –
Чтоб вечерней славе облаков
Причастил ее вечерний ковш.

1 января 1917

“Мне ль, которой ничего не надо…”

Мне ль, которой ничего не надо,
Кроме жаркого чужого взгляда,
Да янтарной кисти винограда, –
Мне ль, заласканной до тла и всласть,
Жаловаться на тебя, о страсть!

Все же в час как леденеет твердь
Я мечтаю о тебе, о смерть,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, уставший от объятий.

1 января 1917

“День идет…”

День идет.
Гасит огни.
Где-то взревел за рекою гудок фабричный.
Первый
Колокол бьет.
Ох!
Бог, прости меня за него, за нее,
за всех!

8 января 1917

“Мировое началось во мгле кочевье…”

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле – деревья,
Это бродят золотым вином – грозди,
Это странствуют из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять!
И мне хочется к тебе на грудь – спать.

14 января 1917

“Только закрою горячие веки…”

Только закрою горячие веки –
Райские розы, райские реки...

Где-то далече,
Как в забытьи,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

20 января 1917

“Милые спутники, делившие с нами ночлег…”

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...

Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек –
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?
Синий дымок на горе,
И о цыганском царе –
Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных – как ночь – сыновей,
Нищих – как ночь – сыновей...
И рокотал соловей –
Славу...

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры –
Звезды...

29 января 1917

“У камина, у камина…”

У камина, у камина
Ночи коротаю.
Все качаю и качаю
Маленького сына.

Лучше бы тебе по Нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.

Царский сон оберегая,
Затекли колена.
Ночь была... И ночь другая
Ей пришла на смену.

Так Агарь в своей пустыне

Шепчет Измаилу:
“Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!”

Дорастешь, царек сердечный,
До отцовской славы,
И поймешь: недолговечны
Царские забавы!

И другая, в час унылый
Скажет у камина:
“Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!”

2 февраля 1917. Сретение

“Август – астры…”

Август – астры,
Август – звезды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! – Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных
Август! – Месяц
Ливней звездных!

7 февраля 1917

Дон-Жуан

1. “На заре морозной…”

На заре морозной
Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!

Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц –
Строгие глаза.

И чтобы не слышать
Пустяков – красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.

Так вот и жила бы,
Да боюсь – состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу.

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

2. “Долго на заре туманной…”

Долго на заре туманной
Плакала метель.
Уложили Дон-Жуана
В снежную постель.

Ни гремучего фонтана,
Ни горячих звезд...
На груди у Дон-Жуана
Православный крест.

Чтобы ночь тебе светлее
Вечная – была,
Я тебе севильский веер,
Черный, принесла.

Чтобы видел ты воочью
Женскую красу,
Я тебе сегодня ночью
Сердце принесу.

А пока – спокойно спите!..
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список –
Полон, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

3. “После стольких роз, городов и тостов…”

После стольких роз, городов и тостов –

Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы – почти что остов,
Я – почти что тень.

И зачем мне знать, что к небесным силам
Вам взывать пришлось?
И зачем мне знать, что пахну ло – Нилом
От моих волос?

Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку:
Был тогда – январь.
Кто-то бросил розу. Монах под маской
Проносил фонарь.

Чей-то пьяный голос молил и злился
У соборных стен.
В этот самый час Дон-Жуан Кастильский
Повстречал – Кармен.

22 февраля 1917

4. “Ровно – полночь…”

Ровно – полночь.
Луна – как ястреб.
– Что – глядишь?
– Так – гляжу!

– Нравлюсь? – Нет.
– Узнаешь? – Быть может.
– Дон-Жуан я.
– А я – Кармен.

22 февраля 1917

5. “И была у Дон-Жуана – шпага…”

И была у Дон-Жуана – шпага,
И была у Дон-Жуана – Донна Анна.
Вот и все, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.

И белел в тумане посох странный...
– Не было у Дон-Жуана – Донны Анны!

14 мая 1917

6. “И падает шелковый пояс…”

И падает шелковый пояс
К ногам его – райской змеей...
А мне говорят – успокоюсь
Когда-нибудь, там, под землей.

Я вижу надменный и старый
Свой профиль на белой парче.
А где-то – гитаны – гитары –
И юноши в черном плаще.

И кто-то, под маскою кроясь:
– Узнайте! – Не знаю. – Узнай! –
И падает шелковый пояс
На площади – круглой, как рай.

14 мая 1917

7. “И разжигая во встречном взоре…”

И разжигая во встречном взоре
Печаль и блуд,
Проходишь городом – зверски-черен,
Небесно-худ.

Томленьем застланы, как туманом,
Глаза твои.
В петлице – роза, по всем карманам –
Слова любви!

Да, да. Под вой ресторанной скрипки
Твой слышу – зов.
Я посылаю тебе улыбку,
Король воров!

И узнаю, раскрывая крылья –
Тот самый взгляд,
Каким глядел на меня в Кастилье –
Твой старший брат.

8 июня 1917

“И сказал Господь…”

И сказал Господь:
– Молодая плоть,
Встань!

И вздохнула плоть:
– Не мешай, Господь,
Спать.

Хочет только мира

Дочь Иаира. –

И сказал Господь:
– Спи.

Март 1917

“Уж и лед сошел, и сады в цвету…”

Уж и лед сошел, и сады в цвету.
Богородица говорит сынку:
– Не сходить ли, сынок, сегодня мне
В преисподнюю?

Что за *грех* такой?
Видишь, и день какой!
Пусть хоть нынче они не злобятся
В мой субботний день, Богородицын!

Повязала Богородица – белый плат:
– Ну, смотри, – ей молвил сын. – *Ты* ответчица!
Увязала Богородица – целый сад
Райских розанов – в узелочке – через плечико.

И идет себе,
И смеется вслух.
А навстречу ей
Реет белый пух
С вишен, с яблонь...

(Не окончено. Жаль). Март 1917

“Над церковкой – голубые облака…”

Над церк*о* вкой – голубые облака,
Крик вороний...
И проходят – цвета пепла и песка –
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!

Нету лиц у них и нет имен, –
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!

Москва, 2 марта 1917

Царю – на пасху

Настежь, настежь
Царские врата!
Сгасла, схлынула чернота.

Чистым жаром
Горит алтарь.
– Христос Воскресе,
Вчерашний царь!

Пал без славы
Орел двуглавый.
– Царь! – Вы были неправы.

Помянет потомство
Еще не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

Ваши судьи –
Гроза и вал!
Царь! Не люди –
Вас Бог взыскал.

Но нынче Пасха
По всей стране,
Спокойно спите
В своем Селе,
Не видьте красных
Знамен во сне.

Царь! – Потомки
И предки – сон.
Есть – котомка,
Коль отнят – трон.

Москва, 2 апреля 1917,
первый день Пасхи

“За Отрока – за Голубя – за Сына…”

За Отрока – за Голубя – за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий – Димитрий.

Ласковая ты, Россия, матерь!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него – любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка – Алексия!

4 апреля 1917,
третий день Пасхи

“Во имя Отца и Сына и Святого Духа…”

Во имя Отца и Сына и Святого Духа –
Отпускаю ныне
Дорогого друга
Из прекрасной пустыни – в мир.

Научила я друга – как день встает,
Как трава растет,
И как ночь идет,
И как смерть идет,
И как звезды ходят из дома в дом –
Будет друг царем!

А как друг пошел – полегла трава
Как под злой косой,
Зашатались черные дерева,
Пал туман густой...

– Мы одни с тобой,
Голубь, дух святой!

9 апреля 1917

“Чуть светает…”

Чуть светает –
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы –
Старухи, воры.
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.
В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из черной тряпицы
Выползают на свет Божий –
Гроши нищие,
Гроши острожные,
Потом и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души
Отложенные.

Т*а* к, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры –
Старухи, воры:
За живот, за здравие
Раба Божьего – Николая.

Т*а* к, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.

10 апреля 1917

“А всё же спорить и петь устанет…”

А всё же спорить и петь устанет –
И этот рот!
А все же время меня обманет
И сон – придет.

И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья и птицы.

12 апреля 1917

Стенька Разин

1. “Ветры спать ушли – с золотой зарей…”

Ветры спать ушли – с золотой зарей,
Ночь подходит – каменною горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб,
Как гремит над жарким его шатром –
Соловьиный гром.

22 апреля 1917

2. “А над Волгой – ночь…”

А над Волгой – ночь,
А над Волгой – сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою – Брови Черные.

И не видно звезд, и не слышно волн,

Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов челн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь – такую речь:
– Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб –
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

А она – брови насупила,
Брови длинные.
А она – очи потупила
Персиянские.
И из уст ее –
Только вздох один:
– Джаль-Эддин!

А над Волгой – заря румяная,
А над Волгой – рай.
И грохочет ватага пьяная:
– Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она – что смерть,
Рот закушен в кровь. –
Так и ходит атаманова крутая бровь.

– Не поладила ты с нашею постелью,
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то – ясно,
Тёмно – на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан – ровно грозный дуб,
Побелел Степан – аж до самых губ.
Закачался, зашатался. – Ох, томно!
Поддержите, нехристи, – в очах тёмно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

25 апреля 1917

3. (Сон Разина)

И снится Разину – сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину – звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину дно:
Цветами – что плат ковровый.
И снится лицо одно –
Забытое, чернобровое.

Сидит, ровно Божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...

Сдавило дыханье – аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный – меж ними – полог.

Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:
– Затонуло ты, Степаново счастье!

8 мая 1917

“Так и буду лежать, лежать…”

Так и буду лежать, лежать
Восковая, да ледяная, да скорченная.
Так и будут шептать, шептать:
– Ох, шальная! ох, чумная! ох, порченная!

А монашки-то вздыхать, вздыхать,
А монашки-то – читать, читать:
– Святый Боже! Святый Боже! Святый Крепкий!

Не помилует, монашки, – ложь!
Захочу – хвать нож!
Захочу – и гроб в щепки!

Да нет – не хочу –
Молчу.

Я тебе, дружок,
Я слово скажу:
Кому – вверху гулять,
Кому – внизу лежать.

Хочешь – целуй
В желтый лоб,
А не хочешь – так
Заколотят в гроб.

Дело такое:
Стала умна.
Вот оттого я
Ликом темна.

2 мая 1917

“Что же! Коли кинут жребий…”

– Что же! Коли кинут жребий –
Будь, любовь!
В грозовом – безумном! – небе –
Лед и кровь.

Жду тебя сегодня ночью
После двух:
В час, когда во мне рокочут
Кровь и дух.

13 мая 1917

Гаданье

1. “В очи взглянула…”

В очи взглянула
Тускло и грозно.
Где-то ответил – гром.
– Ох, молодая!
Дай погадаю
О земном талане твоем.

Синие тучи свились в воронку.
Где-то гремит, – гремят!
Ворожея в моего ребенка
Сонный вперила взгляд.
– Что же нам скажешь?
– Все без обману.
– Мне уже поздно,
Ей еще рано...

– Ох, придержи язык, красота!
Что до поры говорить: не верю! –
И распахнула карточный веер
Черная – вся в серебре – рука.

– Речью дерзка,
Нравом проста,
Щедро живешь,
Красоты не копишь.
В ложке воды тебя – ох – потопит
Злой человек.

Скоро в ночи тебе путь нежданный.
Линии мало,
Мало талану. –
Позолоти!

И вырастает с ударом грома
Черный – на черном – туз.

19 мая 1917

2. “Как перед царями да князьями стены падают…”

Как перед царями да князьями стены падают –
Отпади, тоска-печаль-кручина,
С молодой рабы моей Марины,
Верноподданной.

Прошуми весеннею водою
Над моей рабою
Молодою.

(Кинь-ка в воду обручальное кольцо,
Покатай по белой грудке – яйцо!)

От бессонницы, от речи сладкой,
От змеи, от лихорадки,
От подружкина совета,
От лихого человека,
От младых друзей,
От чужих князей –
Заклинаю государыню-княгиню,
Молодую мою, верную рабыню.

(Наклони лицо,
Расколи яйцо!)

Да растут ее чертоги –
Выше снежных круч,
Да бегут ее дороги –
Выше синих туч,

Да поклонятся ей в ноги

Все князья земли, –
Да звенят в ее кошелке
Золотые рубли.

Ржа – с ножа,
С тебя, госпожа, –
Тоска!

21 мая 1917

3. “Голос – сладкий для слуха…”

Голос – сладкий для слуха,
Только взглянешь – светло.
Мне что? – Я старуха,
Мое время прошло.

Только солнышко скроется,
Да падет темнота,
Выходи ты под Троицу
Без Христа-без креста.

Пусть несут тебя ноженьки
Не к дружку твоему:
Непроезжей дороженькой –
В непроглядную тьму.

Да сними – не забудь же –
Образочек с груди.
А придешь на распутье,
К земле припади.

Позовет тебя глухо,
Ты откликнись – светло...
– Мне что? – Я старуха,
Мое время прошло.

21 мая 1917

“И кто-то, упав на карту…”

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:
– Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой –
Что ночь без звезд!

Горит на мундире впалом –
Солдатский крест[28].

Народы призвал к покою,
Смирил озноб –
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

21 мая 1917
Троицын день

“Из строгого, стройного храма…”

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

26 мая 1917

(Бальмонт, выслушав: – Мне не нравится – твое презрение к девке! Я – обижен за девку! Потому что – (блаженно-заведенные глаза) – иная девка... Я: – Как *жаль* , что я не могу тебе ответить: – “Как и иной солдат...”)

“В лоб целовать – заботу стереть…”

В лоб целовать – заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать – бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать – водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать – память стереть.
В лоб целую.

5 июня 1917

“Голубые, как небо, воды…”

Голубые, как небо, воды,
И серебряных две руки.
Мало лет – и четыре года:

---

[28] Крест, на каком-то собрании, сорванный с груди солдатом и надетый на грудь Керенскому. См. газеты лета 1917 г. *М. Ц* .

Ты и я – у Москвы-реки.

Лодки плыли, гудки гудели,
Распоясанный брел солдат.
Ребятишки дрались и пели
На отцовский унылый лад.

На ревнителей Бога Марса
Ты тихонько кривила рот.
Ледяными глазами барса
Ты глядела на этот сброд.

Был твой лик среди этих, темных,
До сиянья, до блеска – бел.
Не забуду – а ты не вспомнишь –
Как один на тебя глядел.

6 июня 1917

(NB! с ненавистью – как мне тогда показалось, и весь этот стих – ответ на этот – классовой ненависти – взгляд. ***М. Ц. – 1938 г. – при переписке***).

“А пока твои глаза…”

А пока твои глаза
– Черные – ревнивы,
А пока на образа
Молишься лениво –
Надо, мальчик, целовать
В губы – без разбору.
Надо, мальчик, под забором
И дневать и ночевать.

И плывет церковный звон
По дороге белой.
На заре-то – самый сон
Молодому телу!
(А погаснут все огни –
Самая забава!)
А не то – пройдут без славы
Черны ночи, белы дни.

Летом – светло без огня,
Летом – ходишь ходко.
У кого увел коня,
У кого красотку.
– Эх, и врет, кто нам поет
Спать в тобою розно!
Милый мальчик, будет поздно,
Наша молодость пройдет!

Не взыщи, шальная кровь,
Молодое тело!
Я про бедную любовь

Спела – как сумела!
Будет день – под образа
Ледяная – ляжу.
– Кто тогда тебе расскажет
Правду, мальчику, в глаза?

10 июня 1917

“Горечь! Горечь! Вечный привкус…”

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус –
Окончательнее пасть.

Я от горечи – целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи – другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

“И зажег, голубчик, спичку…”

И зажег, голубчик, спичку.
– Куды, матушка, дымок?
– В двери, родный, прямо в двери, –
Помирать тебе, сынок!

– Мне гулять еще охота.
Неохота помирать.
Хоть бы кто за меня помер!
...Только до ночи и пожил.

11 июня 1917

(Рассказ владимирской няни Нади.)

Але

А когда – когда-нибудь – как в воду
И тебя потянет – в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом – меня – мои стихи – забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.

Знай одно: никто тебе не пара –
И бросайся каждому на грудь.

Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь – миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!
(Я о них ***писала*** – столько раз!)

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись – добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка, – забудь.

11 июня 1917

“А царит над нашей стороной…”

А царит над нашей стороной –
Глаз дурной, дружок, да час худой.

А всего у нас, дружок, красы –
Что две русых, вдоль спины, косы,
Две несжатых, в поле, полосы.

А затем, чтобы в единый год
Не повис по рощам весь народ –

Для того у нас заведено
Зеленое шалое вино.

А по селам – ивы – дерева
Да плакун-трава, разрыв-трава...

Не снести тебе российской ноши.
– Проходите, господин хороший!

11 июня 1917

Кармен

1. “Божественно, детски-плоско…”

Божественно, детски-плоско
Короткое, в сборку, платье.
Как стороны пирамиды
От пояса мчат бока.

Какие большие кольца
На маленьких темных пальцах!
Какие большие пряжки
На крохотных башмачках!

А люди едят и спорят,

А люди играют в карты.
Не знаете, чт*о* на карту
Поставили, игроки!

А ей – ничего не надо!
А ей – ничего не надо!
– Вот грудь моя. Вырви сердце –
И пей мою кровь, Кармен!

13 июня 1917

2. “Стоит, запрокинув горло…”

Стоит, запрокинув горло,
И рот закусила в кровь.
А руку под грудь уперла –
Под левую – где любовь.

– Склоните колена! – Что вам,
Аббат, до моих колен?!
Так кончилась – этим словом –
Последняя ночь Кармен.

18 июня 1917

Иоанн

1. “Только живите! – Я уронила руки…”

Только живите! – Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг – словно с неба – ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
– Так молодую Бурю слушает Бог.

20 июня 1917

2. “Запах пшеничного злака…”

Запах пшеничного злака,
Ветер, туман и кусты...
Буду отчаянно плакать –
Я, и подумаешь – ты,

Длинной рукою незрячей
Гладя раскиданный стан,
Что на груди твоей плачет
Твой молодой Иоанн.

3. “Люди спят и видят сны…”

Люди спят и видят сны.
Стынет водная пустыня.
Все у Господа – сыны,
Человеку надо – сына.

Прозвенел кремнистый путь
Под усердною ногою,
И один к нему на грудь
Пал курчавой головою.

Люди спят и видят сны.
Тишина над гладью водной.
– Ты возьми меня в сыны!
– Спи, мой сын единородный.

4. “Встречались ли в поцелуе…”

Встречались ли в поцелуе
Их жалобные уста?
Иоанна кудри, как струи
Спадают на грудь Христа.

Умилительное бессилье!
Блаженная пустота!
Иоанна руки, как крылья,
Висят по плечам Христа.

22 – 27 июня 1917

Цыганская свадьба

Из-под копыт
Грязь летит.
Перед лицом
Шаль – как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь косматый!

Н*е* дали воли нам
Отец и мать,
Целое поле нам –
Брачная кровать!
Пьян без вина и без хлеба сыт, –
Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан,
Пуст стакан.

Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан.
Князем – цыган!
Цыганом – князь!
Эй, господин, берегись, – жжет!
Это цыганская свадьба пьет!

Там, на ворохе
Шалей и шуб,
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ – мониста.
Свистнул под чьей-то рукою
Шелк.
Кто-то завыл как волк,
Кто-то как бык храпит.
– Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

Князь тьмы

1. “Колокола – и небо в темных тучах…”

Князь! Я только ученица
Вашего ученика!

Колокола – и небо в темных тучах.
На перстне – герб и вязь.
Два голоса – плывучих и певучих:
– Сударыня? – Мой князь?

– Что Вас приводит к моему подъезду?
– Мой возраст – и Ваш взор.
Цилиндр снят, и тьму волос прорезал
Серебряный пробор.

– Ну, что сказали на денек вчерашний
Российские умы?

2. “Страстно рукоплеща…”

Страстно рукоплеща
Лает и воет чернь.
Медленно встав с колен
Кланяется Кармен.

Взором – кого ища?
– Тихим сейчас – до дрожи.
Безучастны в царской ложе
Два плаща.

И один – глаза темны –
Воротник вздымая стройный:
– Какова, Жуан? – Достойна
Вашей светлости, Князь Тьмы.

3 июля 1917

3. “Да будет день! – и тусклый день туманный…”

Да будет день! – и тусклый день туманный
Как саван пал над мертвою водой.
Взглянув на мир с полуулыбкой странной:
– Да будет ночь! – тогда сказал другой.

И отвернув задумчивые очи,
Он продолжал заоблачный свой путь.
Тебя пою, родоначальник ночи,
Моим ночам и мне сказавший: будь.

3 или 4 июля 1917

4. “И призвал тогда Князь света – Князя тьмы…”

И призвал тогда Князь света – Князя тьмы,
И держал он Князю тьмы – такую речь:
– Оба княжим мы с тобою. День и ночь
Поделили поровну с тобой.

Так чего ж за нею белым днем
Ходишь-бродишь, речь заводишь под окном?

Отвечает Князю света – Темный князь:
– То не я хожу-брожу, Пресветлый – нет!
То сама она в твой белый Божий день
По пятам моим гоняет, словно тень.

То сама она мне вздоху не дает,
Днем и ночью обо мне поет.

И сказал тогда Князь света – Князю тьмы:
– Ох, великий ты обманщик, Темный князь!
Ходит-бродит, речь заводит, песнь поет?
Ну, посмотрим, Князь темнейший, чья возьмет?

И пошел тогда промеж князьями – спор.
О сю пору он не кончен, княжий спор.

4 июля 1917

“Помнишь плащ голубой…”

ВОНЕМЕ [29]

Помнишь плащ голубой,
Фонари и лужи?
Как играли с тобой
Мы в жену и мужа.

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет,
Наш клетчатый плед?!

Ты, по воле судьбы,
Всё писал сонеты.
Я варила бобы
Юному поэту.

Как над картою вин
Мы на пальцы дули,
Как в дымящий камин
Полетели стулья.

Помнишь – шкаф под орех?
Холод был отчаянный!
Мой страх, твой смех,
Гнев домохозяина.

Как стучал нам сосед,
Флейтою разбужен...
Поцелуи – в обед,
И стихи – на ужин...

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет –
Наш клетчатый плед...

7 июля 1917

“Ну вот и окончена метка…”

Ну вот и окончена метка, –
Прощай, мой веселый поэт!
Тебе приглянулась – соседка,
А мне приглянулся – сосед.

Забита свинцовою крышкой
Любовь – и свободны рабы.
А помнишь: под мышкою – книжки,
А помнишь: в корзинке – бобы...

---

29 Богема *(фр.)*.

Пожалуйте все на поминки,
Кто помнит, как десять лет
Клялись: кружевная косынка
И сей апельсинный жилет...

(Не окончено). 7 июля 1917

Юнкерам, убитым в Нижнем

Сабли взмах –
И вздохнули трубы тяжко –
Провожать
Легкий прах.
С веткой зелени фуражка –
В головах.

Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал – душу.
Гул – смолк.
– Слуша – ай! Н*а* – кра – ул!

Три фуражки.
Трубный звон.
Рвется сердце.
– Как, без шашки?
Без погон
Офицерских?
Поутру –
В безымянную дыру?

Смолкли трубы.
Доброй ночи –
Вам, разорванные в клочья –
На посту!

17 июля 1917

“И в заточеньи зимних комнат…”

И в заточеньи зимних комнат
И сонного Кремля –
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля.

И легкий воздух деревенский,
И полдень, и покой, –
И дань моей гордыне женской
Твоей слезы мужской.

27 июля 1917

“Бороды – цвета кофейной гущи…”

Б*о* роды – цвета кофейной гущи,
В воздухе – гул голубиных стай.
Черное око, полное грусти,
Пусто, как полдень, кругло, как рай.

Все провожает: пеструю юбку,
Воз с кукурузой, парус в порту...
Трубка и роза, роза и трубка –
Попеременно – в маленьком рту.

Звякнет – о звонкий кувшин – запястье,
Вздрогнет – на звон кувшин*а* – халат...
Стройные снасти – строки о страсти –
И надо всеми и всем – Аллах.

Что ж, что неласков! что ж, что рассеян!
Много их с розой сидит в руке –
Там на пороге дымных кофеен, –
В синих шальварах, в красном платке.

4 августа 1917

Любви старинные туманы

1. “Над черным очертаньем мыса…”

Над черным очертаньем мыса –
Луна – как рыцарский доспех.
На пристани – цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, –
И горестный, огромный вздох:
– Ne laissez pas trainer mes lettres![30]

2. “Так, руки заложив в карманы…”

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синеет водный путь.
– Опять любить кого-нибудь? –
Ты уезжаешь утром рано.

Горячие туманы Сити –
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить – только рот
И страстный возглас твой: – Живите!

---

30 “Не раскидывайте мои письма!” *(фр.)*

3. “Смывает лучшие румяна…”

Смывает лучшие румяна –
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы – с*о* лоны. Боюсь,
Я завтра утром – мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? – Во сне.
– Как ветрено! – Привет жене,
И той – зеленоглазой – даме.

4. “Ревнивый ветер треплет шаль…”

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден – от века.
Я чувствую у рта и в в*е* ках
Почти звериную печаль.

Такая слабость вдоль колен!
– Так вот она, стрела Господня!
– Какое зарево! – Сегодня
Я буду бешеной Кармен.

...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом – туман, туман.
Любви старинные туманы.

19 августа 1917

“Из Польши своей спесивой…”

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,
Да руку с перстами длинными,
Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.

– А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

20 августа 1917

“Молодую рощу шумную…”

Молодую рощу шумную –
Дровосек перерубил.
То, что Господом задумано –
Человек перерешил.

И уж роща не колышется –
Только пни, покрыты ржой.
В голосах родных мне слышится
Темный голос твой чужой.

Все мерещатся мне дивные
Темных глаз твоих круги.
– Мы с тобою – неразрывные,
Неразрывные враги.

20 августа 1917

“С головою на блещущем блюде…”

С головою на блещущем блюде
Кто-то вышел. Не я ли сама?
На груди у меня – мертвой грудою –
Целый город, сошедший с ума!

А глаза у него – как у рыбы:
Стекленеют, глядят в небосклон,
А над городом – мертвою глыбой –
Сладострастье, вечерний звон.

22 августа 1917

“Собрались, льстецы и щеголи…”

Собрались, льстецы и щеголи,
Мы не страсти праздник праздновать.
Страсть-то с голоду, да с холоду, –
Распашная, безобразная.

Окаянствует и пьянствует,
Рвет Писание на части...
– Ах, гондолой венецьянскою
Подплывает сладострастье!

Роза опытных садовников
За оградою церковною,
Райское вино любовников –
Сладострастье, роза кровная!

Лейся, влага вдохновенная,
Вожделенное токайское –
За <нетленное> – блаженное
Сладострастье, роскошь райскую!

22 августа 1917

“Нет! Еще любовный голод…”

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен – оттого что молод,
Нежен – оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот – Шираза лепестки! –
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

Иосиф

Царедворец ушел во дворец.
Раб согнулся над коркою черствой.
Изломала – от скуки – ларец
Молодая жена царедворца.

Голубям раскусила зоба,
Исщипала служанку – от скуки,
И теперь молодого раба
Притянула за смуглые руки.

– Отчего твои очи грустны?
В погребах наших – царские вина!
– Бедный юноша – я, вижу сны!
И служу своему господину.

– Позабавь же свою госпожу!
Солнце жжет, господин наш – далёко...
– Я тому господину служу,
Чье не дремлет огромное око.

Длинный лай дозирающих псов,
Дуновение рощи миндальной.
Рокот спорящих голосов
В царедворческой опочивальне.

– Я сберег господину – казну.
– Раб! Казна и жена – не едино.
– Ты алмаз у него. Как дерзну –
На алмаз своего господина?!

Спор Иосифа! Перед тобой –
Что – Иакова единоборство!
И глотает – с улыбкою – вой
Молодая жена царедворца.

23 августа 1917

“Только в очи мы взглянули – без остатка…”

Только в очи мы взглянули – без остатка,

Только голос наш до вопля вознесен –
Как на горло нам – железная перчатка
Опускается – по имени – закон.
Слезы в очи загоняет, воды –
В берега, проклятие – в уста.
И стремит железная свобода
Вольнодумца с нового моста.
И на грудь, где наши рокоты и стоны,
Опускается железное крыло.
Только в обруче огромного закона
Мне просторно – мне спокойно – мне светло.

25 августа 1917

“Мое последнее величье…”

Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!
В сухие руки ростовщичьи
Снесен последний мой заклад.

Промотанному – в ночь – наследству
У Господа – особый счет.
Мой – не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь и рот.

Простимся ж коротко и просто
– Раз руки не умеют красть! –
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость! – страсть!

1 сентября 1917

“Без Бога, без хлеба, без крова…”

Без Бога, без хлеба, без крова,
– Со страстью! со звоном! со славой! –
Ведет арестант чернобровый
В Сибирь – молодую жену.

Когда-то с полуночных палуб
Взирали на Хиос и Смирну,
И мрамор столичных кофеен
Им руки в перстнях холодил.

Какие о страсти прекрасной
Велись разговоры под скрипку!
Тонуло лицо чужестранца
В египетском тонком дыму.

Под низким рассеянным небом
Вперед по сибирскому тракту
Ведет господин чужестранный
Домой – молодую жену.

3 сентября 1917

“Поздний свет тебя тревожит…”

Поздний свет тебя тревожит?
Не заботься, господин!
Я – бессонна. Спать не может
Кто хорош и кто один.

Нам бессонница не бремя,
Отродясь кипим в котле.
Так-то лучше. Будет время
Телу выспаться в земле.

Ни зевоты, ни ломоты,
Сын – уснул, а друг – придет.
Друг за матерью присмотрит,
Сына – Бог побережет.

Поделю ж, пока пригожа,
И пока одной невмочь, –
Бабью жизнь свою по-божьи:
Сыну – день, а другу – ночь.

4 сентября 1917

“Я помню первый день, младенческое зверство…”

Я помню первый день, младенческое зверство,
Истомы и глотка божественную муть,
Всю беззаботность рук, всю бессердечность сердца,
Что камнем падало – и ястребом – на грудь.

И вот – теперь – дрожа от жалости и жара,
Одно: завыть, как волк, одно: к ногам припасть,
Потупиться – понять – что сладострастью кара –
Жестокая любовь и каторжная страсть.

4 сентября 1917

Петров конь роняет подкову

(Отрывок)

И, дрожа от страстной спеси,
В небо вознесла ладонь
Раскаленный полумесяц,
Что посеял медный конь.

Сентябрь 1917

“Тот – щеголем наполовину мертвым…”

Тот – щеголем наполовину мертвым,
А этот – нищим, по двадцатый год.
Тот говорит, а этот дышит. Тот
Был ангелом, а этот ***будет*** чертом.

Встречают-провожают поезда
И..... слушают в пустынном храме,
И все глядит – внимательно – как даме –
Как женщине – в широкие глаза.

И все не может до конца вздохнуть
Товарищ младший, и глотает – яро,
Расширенными легкими – сигары
И города полу ночную муть.

И коротко кивает ангел падший,
Когда иссяк кощунственный словарь,
И расстаются, глядя на фонарь,
Товарищ старший и товарищ младший.

6 сентября 1917

“Ввечеру выходят семьи…”

Ввечеру выходят семьи.
Опускаются на скамьи.
Из харчевни – пар кофейный.
Господин клянется даме.

Голуби воркуют. Крендель
Правит триумфальный вход.
Мальчик вытащил занозу.
– Господин целует розу. –

Пышут пенковые трубки,
Сдвинули чепцы соседки:
Кто – про юбки, кто – про зубки.
Кто – про рыжую наседку.

Юноша длинноволосый,
Узкогрудый – жалкий стих
Сочиняет про разлуку.
– Господин целует руку.

Спят....., спят ребята,
Ходят прялки, ходят зыбки.
Врет матрос, портной горбатый
Встал, поглаживая скрипку.

Бледный чужестранец пьяный,
Тростью в грудь себя бия,
Возглашает: – Все мы братья!
– Господин целует платье.

Дюжина ударов с башни
– Доброй ночи! Доброй ночи!
– Ваше здравие! За Ваше!
(Господин целует в очи).

Спит забава, спит забота.
Скрипача огромный горб
Запрокинулся под дубом.
– Господин целует в губы.

6 сентября 1917

“И вот, навьючив на верблюжий горб…”

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый – стопудовую заботу,
Отправимся – верблюд смирен и горд –
Справлять неисправимую работу.

Под темной тяжестью верблюжьих тел –
Мечтать о Ниле, радоваться луже,
Как господин и как Господь велел –
Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи.

И будут в зареве пустынных зорь
Горбы – болеть, купцы – гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля,
Вперед, вперед, с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами.

14 сентября 1917

“Аймек-гуарузим – долина роз…”

Айм*е* к-гуар*у* зим – долина роз.
Еврейка – испанский гранд.
И ты, семилетний, очами врос
В истрепанный фолиант.

От розовых, розовых, райских чащ
Какой-то пожар в глазах.
Луна Сарагоссы – и черный плащ.
Шаль – д*о* полу – и монах.

Еврейская девушка – меж невест –
Что роза среди ракит!
И старый серебряный дедов крест
Сменен на Давидов щит.

От черного взора и красных кос
В глазах твоих – темный круг.
И целое дерево райских роз
Цветет меж библейских букв.

Айм*е* к-гуар*у* зим – так в первый раз
Предстала тебе любовь.
Так первая книга твоя звалась,
Так тигр почуял кровь.

И, стройное тело собрав в прыжок,
Читаешь – черно в глазах! –
Как в черную полночь потом их сжег
На красном костре – монах.

18 сентября 1917

“Запах, запах…”

Запах, запах
Твоей сигары!
Смуглой сигары
Запах!
Перстни, перья,
Глаза, панамы...
Синяя ночь
Монако.

Запах странный,
Немножко затхлый:
В красном тумане –
Запад.
Столб фонарный
И рокот Темзы,
Чем же еще?
Чем же?

Ах, Веной!
Духами, сеном,
Открытой сценой,
Изменой!

23 сентября 1917

“Бел, как мука, которую мелет…”

Бел, как мука, которую мелет,
Черен, как грязь, которую чистит,
Будет от Бога похвальный лист
Мельнику и трубочисту.

Нам же, рабам твоим непокорным,
Нам, нерадивым: мельникам – черным,
Нам, трубочистам белым – увы! –

Страшные – Судные дни твои;

Черным по белому в день тот черный
Будем стоять на доске позорной.

30 сентября 1917

“Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн…”

Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.
Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое – в ночи – пенье птиц.
Царский памятник вчерашний – пуст,
И над памятником царским – ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир – наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая – пьет.

В винном облаке – луна. – Кто здесь?
Будь товарищем, красотка: пей!
А по городу – веселый слух:
Где-то двое потонули в вине.

Феодосия, последние дни Октября

(NB! Птицы были – пьяные.)

“Плохо сильным и богатым…”

Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опущу.

Город буйствует и стонет,
В винном облаке – луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.

Феодосия, конец Октября

Корнилов

...Сын казака, казак...
Так начиналась – речь.
– Родина. – Враг. – Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
– Нечего есть. – Честь.
– Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня...

4 декабря 1917

(NB! Я уже тогда поняла, что это: “Да, и солдаты должны чистить своих лошадей!” (Москва, лето 1917 г. – речь на Московском Совещании) – куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили).

Руан

И я вошла, и я сказала: – Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь, Карл Седьмой!

Не ждите, принц, скупой и невеселый,
Бескровный принц, не распрямивший плеч,
Чтоб Иоанна разлюбила – голос,
Чтоб Иоанна разлюбила – меч.

И был Руан, в Руане – Старый рынок...
– Все будет вновь: последний взор коня,
И первый треск невинных хворостинок,
И первый всплеск соснового огня.

А за плечом – товарищ мой крылатый
Опять шепнет: – Терпение, сестра! –
Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра.

4 декабря 1917

Москве

1. “Когда рыжеволосый Самозванец…”

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил – ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? – Румянец,
Красавица? – Разумница, – где речь?

Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою –
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.

Не в первый раз в твоих соборах – стойла.
Все вынесут кремлевские бока.

9 декабря 1917

2. “Гришка-Вор тебя не ополячил…”

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? – Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? – Далече.

– Голубочки где твои? – Нет корму.
– Кто унес его? – Да ворон черный.
– Где кресты твои святые? – Сбиты.
– Где сыны твои, Москва? – Убиты.

10 декабря 1917

3. “Жидкий звон, постный звон…”

Жидкий звон, постный звон.
На все стороны – поклон.

Крик младенца, рев коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плёток свист и снег в крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.
Черные глаза Стрельчихи.

10 декабря 1917

“Расцветает сад, отцветает сад…”

Расцветает сад, отцветает сад.
Ветер встреч подул, ветер мчит разлук.
Из обрядов всех чту один обряд:
Целованье рук.

Города стоят, и стоят дома.
Юным женщинам – красота дана,
Чтоб сходить с ума – и сводить с ума
Города. Дома.

В мире музыка – изо всех окон,
И цветет, цветет Моисеев куст.
Из законов всех – чту один закон:
Целованье уст.

12 декабря 1917

“Как рука с твоей рукой…”

Как рука с твоей рукой
Мы стояли на мосточку.
Юнкерочек мой морской
Невысокого росточку.

Низкий, низкий тот туман,
Буйны, злы морские хляби.
Твой сердитый – капитан,
Быстрый, быстрый твой корабль.

Я пойду к себе домой,
Угощусь из смертной рюмки.
Юнга, юнга, юнга мой,
Юнга, морской службы юнкер!

22 декабря 1917

“Новый год я встретила одна…”

Новый год я встретила одна.
Я, богатая, была бедна,
Я, крылатая, была проклятой.
Где-то было много-много сжатых
Рук – и много старого вина.
А крылатая была – проклятой!
А единая была – одна!
Как луна – одна, в глазу окна.

31 декабря 1917

“Кавалер де Гриэ! – Напрасно…”

Кавалер де Гриэ! – Напрасно
Вы мечтаете о прекрасной,
Самовластной – в себе не властной –
Сладострастной своей Manon.

Вереницею вольной, томной
Мы выходим из ваших комнат.
Дольше вечера нас не помнят.
Покоритесь, – таков закон.

Мы приходим из ночи вьюжной,
Нам от вас ничего не нужно,
Кроме ужина – и жемчужин,
Да быть может еще – души!

Долг и честь, Кавалер, – условность.
Дай Вам Бог целый полк любовниц!

Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая Вас
– М.

31 декабря 1917

Братья

1. “Спят, не разнимая рук…”

Спят, не разнимая рук,
С братом – брат,
С другом – друг.
Вместе, на одной постели.

Вместе пили, вместе пели.

Я укутала их в плед,
Полюбила их навеки.
Я сквозь сомкнутые веки
Странные читаю вести:

Радуга: двойная слава,
Зарево: двойная смерть.

Этих рук не разведу.
Лучше буду,
Лучше буду
Полымем пылать в аду!

2. “Два ангела, два белых брата…”

Два ангела, два белых брата,
На белых вспененных конях!
Горят серебряные латы
На всех моих грядущих днях.
И оттого, что вы крылаты –
Я с жадностью целую прах.

Где стройный благовест негромкий,
Бредущие через поля
Купец с лотком, слепец с котомкой...
– Дымят, пылая и гремя,
Под конским топотом – обломки
Китай-города и Кремля!

Два всадника! Две белых славы!
В безумном цирковом кругу
Я вас узнала. – Ты, курчавый,
Архангелом вопишь в трубу.
Ты – над Московскою Державой
Вздымаешь радугу-дугу.

3. “Глотаю соленые слезы…”

Глотаю соленые слезы.
Роман неразрезанный – глуп.
Не надо ни робы, ни розы,
Ни розовой краски для губ,

Ни кружев, ни белого хлеба,
Ни солнца над вырезом крыш,
Умчались архангелы в небо,
Уехали братья в Париж!

11 января 1918

“Ветер звонок, ветер нищ…”

Ветер звонок, ветер нищ,
Пахнет розами с кладбищ.
.....ребенок, рыцарь, хлыщ.

Пастор с книгою святою, –
Всяк.....красотою
Над беспутной сиротою.

Только ты, мой блудный брат,
Ото рта отводишь яд!

В беззаботный, скалозубый
Разговор – и в ворот шубы
Прячешь розовые губы.

13 января 1918

“На кортике своем: Марина…”

На кортике своем: Марина –
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

Москва, 18 января 1918

“Вам грустно. – Вы больны…”

Ю. З.

Beau t*e* n*e* breux![31] – Вам грустно. – Вы больны.
Мир неоправдан, – зуб болит! – Вдоль нежной
Раковины щеки – фуляр, как ночь.

Ни тонкий звон венецианских бус,
(Какая-нибудь память Казановы
Монахине преступной) – ни клинок

Дамасской стали, ни крещенский гул
Колоколов по сонной Московии –
Не расколдуют нынче Вашей мглы.

Доверьте мне сегодняшнюю ночь.

Я потайной фонарь держу под шалью.
Двенадцатого – ровно – половина.
И вы совсем не знаете – кто я.

Январь 1918

“Уедешь в дальние края…”

Уедешь в дальние края,
Остынешь сердцем. – Не остыну.
Распутица – заря – румыны –
Младая спутница твоя...

Кто бросил розы на снегу?
Ах, это шкурка мандарина...
И крутятся в твоем мозгу:
Мазурка – море – смерть – Марина...

Февраль 1918

“Как много красавиц, а ты – один…”

Как много красавиц, а ты – один,
Один – против ста тридцати Кармен,
И каждая держит цветок в зубах,
И каждая просит – роли.

У всех лихорадка в глазах и лесть
На красных губах, и такая страсть
К мехам и духам, и невинны все,
И все они – примадонны.

Вся каторга рампы – вокруг юных глаз.
Но занавес падает, гром гремит,
В надушенный шелк окунулся стан,
И кто-то целует руки.

---

[31] Красавец мрачный! *(фр.)*

От гения, грима, гримас, грошей –
В кабак, на расправу, на страстный смотр!
И возглас в четвертом часу утра,
С закинутым лбом: – Любите!

19 февраля 1918

Плащ

Плащ – для всех, кто строен и высок,
Плащ – для всех, кто смотрит на Восток.

1. “Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет…”

Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет.
Пили всю ночь, всю ночь. Вплоть до седьмого часа.
А на мосту, как черт, черный взметнулся плащ.
– Женщина или черт? – Доминиканца ряса?

Оперный плащ певца? – Вдовий смиренный плат?
Резвой интриги щит? – Или заклад последний?
– Хочется целовать. – Воет завод. – Бредет
Дряхлая знать – в кровать, глупая голь – к обедне.

8 марта 1918

2. “Век коронованной Интриги…”

Век коронованной Интриги,
Век проходимцев, век плаща!
– Век, коронованный Голгофой! –
Писали маленькие книги
Для куртизанок – филоз*о* фы.
Великосветского хлыща
Взмывало – умереть за благо.
Сверкал витийственною шпагой
За океаном – Лафайет.
А герцогини, лучший цвет
Вздыхателей обезоружив,
Согласно сердцу – и Руссо –
Купались в море детских кружев.

Катали девочки серсо,
С мундирами шептались Сестры...
Благоухали Тюилери...
А Королева-Колибри,
Нахмурив бровки, – до зари
Беседовала с Калиостро.

11 марта 1918

3. “Ночные ласточки Интриги…”

Ночные ласточки Интриги –
Плащи, – крылатые герои
Великосветских авантюр.
Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ вольнодумца, плащ расстриги,
Плащ-Проходимец, плащ-Амур.

Плащ прихотливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: – темно...
Гудок дозора. – Рокот Сены.
Плащ Казановы, плащ Лозэна. –
Антуанетты домино.

Но вот, как черт из черных чащ –
Плащ – чернокнижник, вихрь – плащ,
Плащ – вороном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков.
Плащ цвета времени и снов –
Плащ Кавалера Калиостро.

10 апреля 1918

“Закинув голову и опустив глаза…”

Закинув голову и опустив глаза,
Пред ликом Господа и всех святых – стою.
Сегодня праздник мой, сегодня – Суд.

Сонм юных ангелов смущен до слез.
Бесстрастны праведники. Только ты,
На тронном облаке, глядишь как друг.

Что хочешь – спрашивай. Ты добр и стар,
И ты поймешь, что с эдаким в груди
Кремлевским колоколом – лгать нельзя.

И ты поймешь, как страстно день и ночь
Боролись Промысел и Произвол
В ворочающей жернова – груди.

Так, смертной женщиной, – опущен взор,
Так, гневным ангелом – закинут лоб,
В день Благовещенья, у Царских врат,
Перед лицом твоим – гляди! – стою.

А голос, голубем покинув в грудь,
В червонном куполе обводит круг.

Март 1918

“Кровных коней запрягайте в дровни…”

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте – на вес – часовни,
Монастыри – с молотка – на слом.
Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

Стойла – в соборы! Соборы – в стойла!
В чертову дюжину – календарь!
Нас под рогожу за слово: царь!

Единодержцы грошей и часа!
На куполах вымещайте злость!
Распродавая нас всех на мясо,
Раб худородный увидит – Расу:
Черная кость – белую кость.

Москва. 2 марта 1918
Первый день весны.

Дон

1. “Белая гвардия, путь твой высок…”

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу – грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое – в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.

24 марта 1918

2. “Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет…”

Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были *вы* ? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!

– Что делали? – Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

30 марта 1918

NB! мои любимые.

3. “Волны и молодость – вне закона…”

Волны и молодость – вне закона!
Тронулся Дон. – Погибаем. – Тонем.
Ветру веков доверяем снесть
Внукам – лихую весть:

Да! Проломилась донская глыба!
Белая гвардия – да! – погибла.
Но покидая детей и жен,
Но уходя на Дон,

Белою стаей летя на плаху,
Мы за одно умирали: хаты!

Перекрестясь на последний храм,
Белогвардейская рать – векам.

Москва, Благовещение 1918
– дни разгрома Дона –

“Идет по луговинам лития…”

Идет по луговинам лития.
Таинственная книга бытия
Российского – где судьбы мира скрыты –
Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи:
– Россия! – Мученица! – С миром – спи!

30 марта 1918

“Трудно и чудно – верность до гроба…”

Трудно и чудно – верность до гроба!
Царская роскошь – в век площадей!
Стойкие души, стойкие ребра, –
Где вы, о люди минувших дней?!

Рыжим татарином рыщет вольность,
С прахом равняя алтарь и трон.
Над пепелищами – рев застольный
Беглых солдат и неверных жен.

11 апреля 1918

“О, самозванцев жалкие усилья…”

...О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть – святыни – всем.
Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
И потому – запрета нет на Кремль!

Страстной понедельник 1918

“Марина! Спасибо за мир…”

– Марина! Спасибо за мир!
Дочернее странное слово.
И вот – расступился эфир
Над женщиной светлоголовой.

Но рот напряжен и суров.
Умру, – а восторга не выдам!
Так с неба Господь Саваоф
Внимал молодому Давиду.

Страстной понедельник 1918

Андрей Шенье

1. “Андрей Шенье взошел на эшафот…”

Андрей Шенье взошел на эшафот,
А я живу – и это страшный грех.
Есть времена – железные – для всех.
И не певец, кто в порохе – поет.

И не отец, кто с сына у ворот
Дрожа срывает воинский доспех.
Есть времена, где солнце – смертный грех.
Не человек – кто в наши дни живет.

17 апреля 1918

2. “Не узнаю в темноте…”

Не узнаю в темноте
Руки – свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте
Черная Консьержерия.

Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею.
Утро крадется как тать.
Я дописать не успею.

17 апреля 1918

“Не самозванка – я пришла домой…”

Не самозванка – я пришла домой,
И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там на земле мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
– Возлюбленный! – Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя – Психея!

Апрель 1918

“Страстный стон, смертный стон…”

Страстный стон, смертный стон,
А над стонами – сон.
Всем престолам – престол,
Всем законам – закон.

Где пустырь – поле ржи,
Реки с синей водой...
Только веки смежи,
Человек молодой!

В жилах – мед. Кто идет?
Это – он, это – сон –
Он уймет, он отрет
Страстный пот, смертный пот.

24 апреля 1918

“Ходит сон с своим серпом…”

Ходит сон с своим серпом,
Ходит смерть с своей косой –
Царь с царицей, брат с сестрой.

– Ходи в сени, ходи в рай!
– Ходи в дедушкин сарай!

Шли по рекам синим,
Шли мы по пустыням,
– Странники – к святыням.

– Мы тебя не при – имем!
– Мы тебя не при – имем!

– Я Христова сирота,
Растворяю ворота
Ключиком-замочком,
Шелковым платочком.

– И до вас доплелась.

– Проходи! – Бог подаст!

– Дом мой – немалый,
Мед мой – хваленый,
Розан мой – алый,
Виноград – зеленый...

Хлеба-то! Хлеба!
Дров – полон сад!
Глянь-ка на небо –
Птички летят!

25 апреля 1918

“Серафим – на орла! Вот бой…”

Евгению Багратионовичу Вахтангову

Серафим – на орла! Вот бой! –
Примешь вызов? – Летим за тучи!
В год кровавый и громовой –
Смерть от равного – славный случай.

Гнев Господень нас в мир изв*е* рг,
Дабы помнили люди – небо.
Мы сойдемся в Страстной Четверг
Над церковкой Бориса – и – Глеба.

Москва, Вербное воскресенье 1918

“С вербочкою светлошерстой…”

С вербочкою светлошерстой –
Светлошерстая сама –
Меряю Господни версты
И господские дома.

Вербочка! Небесный житель!
– Вместе в небо! – Погоди! –
Так и в землю положите
С вербочкою на груди.

Вербное воскресенье 1918

“Коли в землю солдаты всадили – штык…”

Коли в землю солдаты всадили – штык,
Коли красною тряпкой затмили – Лик[32],
Коли Бог под ударами – глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль –

---

[32] Красный флаг, к<отор>ым завесили лик Николая Чудотворца. Продолжение – известно ***(примеч. М. Цветаевой)*** .

Надо бражникам старым засесть за холст,
Рыбам – петь, бабам – умствовать, птицам – ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином[33],

Реки – жечь, мертвецов выносить – в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених...

Государыням нужно любить – простых[34].

3-ий день Пасхи 1918

“Это просто, как кровь и пот…”

Это просто, как кровь и пот:
Царь – народу, царю – народ.

Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий – Дух.

Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.

Царь опять на престол взойдет –
Это свято, как кровь и пот.

7 мая 1918, 3-ий день Пасхи
(а оставалось ему жить меньше трех месяцев!)

“Орел и архангел! Господень гром…”

Орел и архангел! Господень гром!
Не храм семиглавый, не царский дом
Да будет тебе гнездом.

Нет, – Красная площадь, где весь народ!
И – Лобное место сравняв – в поход:
Птенцов – собирать – сирот.

Народ обезглавлен и ждет главы.
Уж воздуху нету ни в чьей груди.
Архангел! – Орел! – Гряди!

Не зарева рыщут, не вихрь встает,
Не радуга пышет с небес, – то Петр
Птенцам производит смотр.

---

[33] Поили: г<оспо>жу де Жанлис. В Бургундии. Называлось “la miaul*e* e”. И жила, кажется, до 90-ста лет. Но была ужасная лицемерка ***(примеч. М. Цветаевой)*** .

[34] Любили ***(примеч. М. Цветаевой)*** .

7 мая 1918,
третий день Пасхи

“Змея оправдана звездой…”

Змея оправдана звездой,
Застенчивая низость – небом.
Топь – водопадом, камень – хлебом.
Чернь – Марсельезой, царь – бедой.
Стан несгибавшийся – горбом
Могильным, – горб могильный – розой...

9 мая 1918

“Плоти – плоть, духу – дух…”

Плоти – плоть, духу – дух,
Плоти – хлеб, духу – весть,
Плоти – червь, духу – вздох,
Семь венцов, семь небес.

Плачь же, плоть! – Завтра прах!
Дух, не плачь! – Славься, дух!
Нынче – раб, завтра – царь
Всем семи – небесам.

9 мая 1918

“Московский герб: герой пронзает гада…”

Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.

Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!

Верни нам вольность, Воин, им – живот.
Страж роковой Москвы – сойди с ворот!

И докажи – народу и дракону –
Что спят мужи – сражаются иконы.

9 мая 1918

“Заклинаю тебя от злата…”

Заклинаю тебя от злата,
От полночной вдовы крылатой,
От болотного злого дыма,
От старухи, бредущей мимо,

Змеи под кустом,

Воды под мостом,
Дороги крестом,
От бабы – постом.

От шали бухарской,
От грамоты царской,
От черного дела,
От лошади белой!

10 мая 1918

“Бог – прав…”

Бог – прав
Тлением трав,
Сухостью рек,
Воплем калек,

Вором и гадом,
Мором и гладом,
Срамом и смрадом,
Громом и градом.

Попранным Словом.
Проклятым годом.
Пленом царевым.
Вставшим народом.

12 мая 1918

(NB! Очевидно, нужно понять: Бог ***всё-таки*** прав, прав – ***вопреки***).

“На тебе, ласковый мой, лохмотья…”

Н*а* тебе, ласковый мой, лохмотья,
Бывшие некогда нежной плотью.
Всю истрепала, изорвала, –
Только осталось что два крыла.

Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.
А бедные истлевшие отрепья
Ты в ризницу снеси.

13 мая 1918

“В черном небе слова начертаны…”

В черном небе слова начертаны –
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте – пишущий, в поте пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь, над кудрями пляшущий, –
Дуновение – Вдохновения!

14 мая 1918

“Простите меня, мои горы…”

“Простите меня, мои горы!
Простите меня, мои реки!
Простите меня, мои нивы!
Простите меня, мои травы!”

Мать – крест надевала солдату,
Мать с сыном прощались навеки...
И снова из сгорбленной хаты:
“Простите меня, мои реки!”

14 мая 1918

“Благословляю ежедневный труд…”

Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость и Господень суд,
Благой закон – и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр,
И пыльный посох свой, где все лучи...
– Еще, Господь, благословляю мир
В чужом дому – и хлеб в чужой печи.

21 мая 1918

“Полюбил богатый – бедную…”

Полюбил богатый – бедную,
Полюбил ученый – глупую,
Полюбил румяный – бледную,
Полюбил хороший – вредную:
Золотой – полушку медную.

– Где, купец, твое роскошество?
“Во дырявом во лукошечке!”

– Где, гордец, твои учености?
“Под подушкой у девчоночки!”

– Где, красавец, щеки алые?
“З*а* ночь черную – растаяли”.

– Крест серебряный с цепочкою?

“У девчонки под сапожками!”

Не люби, богатый, – бедную,
Не люби, ученый, – глупую,
Не люби, румяный, – бледную,
Не люби, хороший, – вредную:
Золотой – полушку медную!

Между 21 и 26 мая 1918

“Полюбил богатый – бедную…”

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое – семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней – утешаюсь.
Если встретится – скажи.

25 мая 1918

“Слезы, слезы – живая вода…”

Слезы, слезы – живая вода!
Слезы, слезы – благая беда!
Закипайте из жарких недр,
Проливайтесь из жарких век.
Гнев Господень – широк и щедр.
Да снесет его – человек.

Дай разок вздохнуть
Свежим воздухом.
Размахни мне в грудь –
Светлым посохом!

26 мая 1918

“Наградил меня Господь…”

Наградил меня Господь
Сердцем светлым и железным,
Даром певчим, даром слезным.

Оградил меня Господь
Белым знаменем.
Обошел меня Господь
Плотским пламенем.

Выше – знамя!
Бог над нами!
Тяжче камня –
Плотский пламень!

Май 1918

“Хочешь знать мое богачество…”

Хочешь знать мое богачество?
Скакуну на свете – скачется,
Мертвым – спится, птицам – свищется.

Юным – рыщется да ищется,
Неразумным бабам – плачется.
– Слезный дар – мое богачество!

Май 1918

“Белье на речке полощу…”

Белье на речке полощу,
Два цветика своих ращу.

Ударит колокол – крещусь,
Посадят голодом – пощусь.

Душа и волосы – как шелк.
Дороже жизни – добрый толк.

Я свято соблюдаю долг.
– Но я люблю вас – вор и волк!

Между 26 мая и 4 июня 1918

“Я расскажу тебе – про великий обман…”

Я расскажу тебе – про великий обман:
Я расскажу тебе, как ниспадает туман
На молодые деревья, на старые пни.
Я расскажу тебе, как погасают огни
В низких домах, как – пришелец египетских стран –
В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе – про великую ложь:
Я расскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке, – как вздымаются ветром веков
Кудри у юных – и бороды у стариков.

Рокот веков.
Топот подков.

4 июня 1918

“Юношам – жарко…”

Юношам – жарко,
Юноши – рдеют,
Юноши бороду бреют.

Старость – жалеет:
Бороды греют.

(Проснулась с этими стихами 22 мая 1918)

“Осторожный троекратный стук…”

Осторожный троекратный стук.
Нежный недруг, ненадежный друг, –
Не обманешь! То не странник путь
Свой кончает. – Так стучатся в грудь –
За любовь. Так, потупив взгляд,
В светлый Рай стучится черный Ад.

6 июня 1918

“Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна…”

Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.

Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты – будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есть! – а я скажу: – когда-то...

6 июня 1918

“Дороги – хлебушек и мука…”

Д*о* роги – хлебушек и мука!
Кушаем – дырку от кренделька.
Да, на дороге теперь большой
С коробом – страшно, страшней – с душой!
Тыщи – в кубышку, товар – в камыш...
Ну, а души-то не утаишь!

6 июня 1918

“Мракобесие. – Смерч. – Содом…”

Мракобесие. – Смерч. – Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,

Человек молодой – не спи!
В ворот*а* х, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет – Честь.

Обведите свой дом – межой,
Да не внидет в него – Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы –
Выше – прадедовы дубы!

6 июня 1918

“Умирая, не скажу: была…”

Умирая, не скажу: *была* .
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты, – крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья –
Я тебе повелеваю: – будь!
Я – не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

“Ночи без любимого – и ночи…”

Ночи без любимого – и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому –
Кто от века не был – и не будет,
Кто не может быть – и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен – вниз...

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется – Жизнь.

<Между 30 июня и 6 июля 1918>

Памяти Беранже

Дурная мать! – Моя дурная слава
Растет и расцветает с каждым днем.
То на пирушку заведет Лукавый,
То первенца забуду за пером...

Завидуя императрицам моды
И маленькой танцовщице в трико,
Гляжу над люлькой, как уходят – годы,
Не видя, что уходит – молоко!

И кто из вас, ханжи, во время оно
Не пировал, забыв о платеже!
Клянусь бутылкой моего патрона
И вашего, когда-то, – Беранже!

Но одному – сквозь бури и забавы –
Я, несмотря на ветреность, – верна.
Не ошибись, моя дурная слава:
– Дурная мать, но верная жена!

6 июля 1918

“Я сказала, а другой услышал…”

Я сказала, а другой услышал
И шепнул другому, третий – понял,
А четвертый, взяв дубовый посох,
В ночь ушел – на подвиг. Мир об этом
Песнь сложил, и с этой самой песней
На устах – о жизнь! – встречаю смерть.

6 июля 1918

“Руки, которые не нужны…”

Руки, которые не нужны
Милому, служат – Миру.
Горестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.

Много незваных на царский пир.
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен – Мир.
Не понапрасну служим.

6 июля 1918

“Белизна – угроза Черноте…”

Белизна – угроза Черноте.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому
Не мечом – а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!
Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина

По цветку, цветущему из рук.

Только агнца убоится – волк,
Только ангелу сдается крепость.
Торжество – в подвалах и в вертепах!
И взойдет в Столицу – Белый полк!

7 июля 1918

“Пахнет ладаном воздух. Дождь был и прошел…”

Пахнет ладаном воздух. Дождь был и прошел.
Из зияющих пастей домов –
Громовыми руладами рвется рояль,
Разрывая июньскую ночь.

Героическим громом бетховенских бурь
Город мстит...

<Между 6 и 10 июля 1918>

“Я – страница твоему перу…”

Я – страница твоему перу.
Все приму. Я белая страница.
Я – хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я – деревня, черная земля.
Ты мне – луч и дождевая влага.
Ты – Господь и Господин, а я –
Чернозем – и белая бумага!

10 июля 1918

“Память о Вас – легким дымком…”

Память о Вас – легким дымком,
Синим дымком за моим окном.
Память о Вас – тихим домком.
Тихий домок – Ваш – под замком.

Что за дымок? Что за домок?
Вот уже пол – мчит из-под ног!
Двери – с петлей! Ввысь – потолок!
В синий дымок – тихий домок!

10 июля 1918

“Так, высоко запрокинув лоб…”

Так, высок*о* запрокинув лоб,
– Русь молодая! – Слушай! –

Опровергаю лихой поклеп
На Красоту и Душу.

Над кабаком, где грехи, гроши,
Кровь, вероломство, дыры –
Встань, Триединство моей души:
Лилия – Лебедь – Лира!

Июль 1918

“Как правая и левая рука…”

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!

10 июля 1918

“Рыцарь ангелоподобный…”

Рыцарь ангелоподобный –
Долг! – Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь.

Страсть, и юность, и гордыня –
Все сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: – Госпожа!

14 июля 1918

“Доблесть и девственность! – Сей союз…”

Доблесть и девственность! – Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой –

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши – Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

27 июля 1918

“Свинцовый полдень деревенский…”

Свинцовый полдень деревенский.
Гром отступающих полков.
Надменно – нежный и не женский
Блаженный голос с облаков:

– Вперед на огненные муки!
В ручьях овечьего руна
Я к небу воздеваю руки –
Как – древле – девушка одна...

Июль 1918

“Мой день беспутен и нелеп…”

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю – луч,
Грабителю вручаю – ключ,
Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья –
Над днем без славы и без толку.

27 июля 1918

“Клонится, клонится лоб тяжелый…”

Клонится, клонится лоб тяжелый,
Колосом клонится, ждет жнеца.
Друг! Равнодушье – дурная школа!
Ожесточает оно сердца.

Жнец – милосерден: сожнет и свяжет,
Поле опять прорастет травой...
А равнодушного – Бог накажет!
Страшно ступать по душе живой.

Друг! Неизжитая нежность – душит.
Хоть на алтын полюби – приму!
Друг равнодушный! – Так страшно слушать
Черную полночь в пустом дому!

Июль 1918

“Есть колосья тучные, есть колосья тощие…”

Есть колосья тучные, есть колосья тощие.
Всех – равно – без промаху – бьет Господен цеп.
Я видала нищего на соборной площади:
Сто годов без малости, – и просил на хлеб.

Борода столетняя! – Чай, забыл, что смолоду
Есть беда насущнее, чем насущный хлеб.
Ты на старость, дедушка, просишь, я – на молодость!
Всех равно – без промаху – бьет Господен цеп!

5 августа 1918

“Где лебеди? – А лебеди ушли…”

– Где лебеди? – А лебеди ушли.
– А в*о* роны? – А в*о* роны – остались.
– Куда ушли? – Куда и журавли.
– Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались.

– А папа где? – Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
– Куда возьмет? – На лебединый Дон.
Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь...

9 августа 1918

“Белогвардейцы! Гордиев узел…”

Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!
Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра Антихристу!

9 августа 1918

“Пусть не помнят юные…”

Пусть не помнят юные
О согбенной старости.
Пусть не помнят старые
О блаженной юности.

Все уносят волны.
Море – не твое.

На людские головы
Лейся, забытье!

Пешеход морщинистый,
Не любуйся парусом!
Ах, не надо юностью
Любоваться – старости!

Кто в песок, кто – в школу.
Каждому свое.
На людские головы
Лейся, забытье!

Не учись у старости,
Юность златорунная!
Старость – дело темное,
Темное, безумное.

...На людские головы
Лейся, забытье!

9 августа 1918

“Ночь – преступница и монашка…”

Ночь – преступница и монашка.
Ночь проходит, потупив взгляд.
Дышит – часто и дышит – тяжко.
Ночь не любит, когда глядят.

Не стоит со свечой во храме,
Никому не жена, не дочь.
Ночь ночует на твердом камне,
Никого не целует ночь.

Даром, что сквозь
Слезинки – свищем,
Даром, что – врозь
По свету рыщем, –

Нет, не помочь!
Завтра ль, сегодня –
Скрутит нас
Старая сводня –
Ночь!

9 августа 1918

“День – плащ широкошумный…”

День – плащ широкошумный,
Ночь – бархатная шуба.
Кто – умный, кто – безумный,
Всяк выбирай, что любо!

Друзья! Трубите в трубы!
Друзья! Взводите срубы!
Одел меня по губы
Сон – бархатная шуба.

12 августа 1918

“Не по нраву я тебе – и тебе…”

Не по нраву я тебе – и тебе,
И тебе еще – и целой орде.
Пышен волос мой – да мало одёж!
Вышла голосом – да нрав нехорош!
Полно, Дева-Царь! Себя – не мытарь!
Псарь не жалует – пожалует – царь!

14 августа 1918

“Стихи растут, как звезды и как розы…”

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота – ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы –
Один ответ: – Откуда мне сие?

Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

“Пожирающий огонь – мой конь…”

Пожирающий огонь – мой конь!
Он копытами не бьет, не ржет.
Где мой конь дохнул – родник не бьет,
Где мой конь махнул – трава не растет.

Ох, огонь мой конь – несытый едок!
Ох, огонь на нем – несытый ездок!
С красной гривою свились волоса...
Огневая полоса – в небеса!

14 августа 1918

“Каждый стих – дитя любви…”

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто отец? – Может – царь.
Может – царь, может – вор.

14 августа 1918

“Надобно смело признаться, Лира…”

Надобно смело признаться, Лира!
Мы тяготели к великим мира:
Мачтам, знаменам, церквам, царям,
Бардам, героям, орлам и старцам,
Так, присягнувши на верность – царствам,
Не доверяют Шатра – ветрам.

Знаешь царя – так псаря не жалуй!
Верность как якорем нас держала:
Верность величью – вине – беде,
Верность великой вине венчанной!
Так, присягнувши на верность – Хану,
Не присягают его орде.

Ветреный век мы застали, Лира!
Ветер в клоки изодрав мундиры,
Треплет последний лоскут Шатра...
Новые толпы – иные флаги!
Мы ж остаемся верны присяге,
Ибо дурные вожди – ветра.

14 августа 1918

“Мое убежище от диких орд…”

Мое убежище от диких орд,
Мой щит и панцирь, мой последний форт
От злобы добрых и от злобы злых –
Ты – в самых ребрах мне засевший стих!

16 августа 1918

“А потом поили медом…”

А потом поили медом,
А потом поили брагой,
Чтоб потом, на месте лобном,
На коленках признавалась
В несодеянных злодействах!

Опостылели мне вина,
Опостылели мне яства.
От великого богатства

Заступи, заступник – заступ!

18 августа 1918

Гению

Крестили нас – в одном чану,
Венчали нас – одним венцом,
Томили нас – в одном плену,
Клеймили нас – одним клеймом.

Поставят нам – единый дом.
Прикроют нас – одним холмом.

18 августа 1918

“Если душа родилась крылатой…”

Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы – и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что – Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных – и сытость сытых!

18 августа 1918

Але

1. “Не знаю, где ты и где я…”

Не знаю, где ты и где я.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоем:
Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали – поём.
Две странницы: кормимся миром.

2. “И бродим с тобой по церквам…”

И бродим с тобой по церквам
Великим – и малым, приходским.
И бродим с тобой по домам
Убогим – и знатным, господским.

Когда-то сказала: – Купи! –
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль – твой от рождения. – Спи,
Мой первенец светлый и страшный.

3. “И как под землею трава…”

И как под землею трава
Дружится с рудою железной, –
Все видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

Сивилла! – Зачем моему
Ребенку – такая судьбина?
Ведь русская доля – ему...
И век ей: Россия, рябина...

24 августа 1918

“Безупречен и горд…”

Безупречен и горд
В небо поднятый лоб.
Непонятен мне герб,
И не страшен мне гроб.

Меж вельмож и рабов,
Меж горбов и гербов,
Землю роющих лбов –
Я – из рода дубов.

26 августа 1918

“Ты мне чужой и не чужой…”

Ты мне чужой и не чужой,
Родной и не родной,
Мой и не мой! Идя к тебе
Домой – я “в гости” не скажу,
И не скажу “домой”.

Любовь – как огненная пещь:
А все ж и кольцо – большая вещь,
А все ж и алтарь – великий свет.
– Бог – не благословил!

26 августа 1918

“Там, где мед – там и жало…”

Там, где мед – там и жало.
Там, где смерть – там и смелость.
Как встречалось – не знала,
А уж так: встрелось – спелось.

В поле дуб великий, –
Разом рухнул главою!
Так, без женского крика
И без бабьего вою –

Разлучаюсь с тобою:
Разлучаюсь с собою,
Разлучаюсь с судьбою.

26 августа 1918

“Кто дома не строил…”

Кто д*о* ма не строил –
Земли недостоин.

Кто дома не строил –
Не будет землею:
Соломой – золою...

– Не строила дома.

26 августа 1918

“Проще и проще…”

Проще и проще
Пишется, дышится.
Зорче и зорче
Видится, слышится.

Меньше и меньше
Помнится, любится.
– Значит уж скоро
Посох и рубище.

26 августа 1918

“Со мной не надо говорить…”

Со мной не надо говорить,
Вот губы: дайте пить.
Вот волосы мои: погладь.
Вот руки: можно целовать.
– А лучше дайте спать.

28 августа 1918, Успение

“Что другим не нужно – несите мне…”

Что другим не нужно – несите мне:
Все должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню

В легкий дар моему огню.

Пламень любит легкие вещества:
Прошлогодний хворост – венки – слова...
Пламень пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете – пепла чище!

Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю и горю до тла,
И да будет вам ночь светла.

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан –
Собеседницы и Наследницы!

2 сентября 1918

“Под рокот гражданских бурь…”

Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя – мир,
В наследье – лазурь.

Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

8 сентября 1918

“Колыбель, овеянная красным…”

Колыбель, овеянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!
Гром солдат – вдоль храмов – за вечерней...
А ребенок вырастет – прекрасным.

С молоком кормилицы рязанской
Он всосал наследственные блага:
Триединство Господа – и флага.
Русский гимн – и русские пространства.

В нужный День, на Божьем солнце ясном,
Вспомнит долг дворянский и дочерний –
Колыбель, качаемая чернью,
Колыбель, овеянная красным!

8 сентября 1918

(Моя вторая дочь Ирина – родилась 13-го апреля 1917 г., умерла 2-го февраля 1920 г. в Сретение, от голода, в Кунцевском детском приюте.)

“Офицер гуляет с саблей…”

Офицер гуляет с саблей,
А студент гуляет с книжкой.
Служим каждому мальчишке:
Наше дело – бабье, рабье.

Сад цветочками засажен –
Сапожищами зашибли.
Что увидели – не скажем:
Наше дело – бабье, рыбье.

9 сентября 1918

Глаза

Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зеленые – соленые –
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой –
Всегда б платили за постой –
Все эти же – веселые –
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой –
От солнца б застилась рукой,
Качала бы – молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные – степенные –
Крестьянские глаза.

Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза...
Что видели – не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

“А взойдешь – на краешке стола…”

А взойдешь – на краешке стола –
Недоеденный ломоть, – я ела,
И стакан неполный – я пила,
.....……..., – я глядела.

Ты присядь на красную скамью,
Пей и ешь – и не суди сурово!

Я теперь уже не ем, не пью,
Я пою – кормлю орла степного.

28 сентября 1918

1918 год

(Отрывок из баллады)

...Корабль затонул – без щеп,
Король затанцевал в Совете,
Зерна не выбивает цеп,
Ромео не пришел к Джульетте,
Клоун застрелился на рассвете,
Вождь слушает ворожею...

(А балладу уничтожила: слабая. 1939 г.)

“Два цветка ко мне на грудь…”

Два цветка ко мне на грудь
Положите мне для воздуху.
Пусть нарядной тронусь в путь, –
Заработала я отдых свой.

В год.....…….....
Было у меня две дочери, –
Так что мучилась с мукой
И за всем вставала в очередь.

Подойдет и поглядит
Смерть – усердная садовница.
Скажет – “Бог вознаградит, –
Не бесплодная смоковница!”

30 сентября 1918

“Ты дал нам мужества…”

Ты дал нам мужества –
На сто жизней!
Пусть земли кружатся,
Мы – недвижны.

И ребра – стойкие
На мытарства:
Дабы на койке нам
Помнить – Царство!

Свое подобье
Ты в небо поднял –
Великой верой
В свое подобье.

Так дай нам вздоху
И дай нам поту –
Дабы снести нам
Твои щедроты!

30 сентября 1918

“Поступью сановнически-гордой…”

Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди – ценою в три угодья –
Господом пожалованный орден.

Нынче праздник слуг нелицемерных:
Целый дождь – в подхваченные полы!
Это Царь с небесного престола
Орденами оделяет – верных.

Руки прочь, народ! Моя – добыча!
И сияет на груди суровой
Страстный знак Величья и Отличья,
Орден Льва и Солнца – лист кленовый.

8 октября 1918
Сергиев день

“Был мне подан с высоких небес…”

Был мне подан с высоких небес
Меч серебряный – воинский крест.

Был мне с неба пасхальный тропарь:
– Иоанна! Восстань, Дева-Царь!

И восстала – миры побороть –
Посвященная в рыцари – Плоть.

Подставляю открытую грудь.
Познаю серединную суть.
Обязуюсь гореть и тонуть.

8 октября 1918

“Отнимите жемчуг – останутся слезы…”

Отнимите жемчуг – останутся слезы,
Отнимите злато – останутся листья
Осеннего клена, отнимите пурпур –
Останется кровь.

9 октября 1918

“Над черною пучиной водною…”

Над черною пучиной водною –
Последний звон.
Лавиною простонародною
Низринут трон.

Вол*о* чится кровавым в*о* локом
Пурпур царей.
Греми, греми, последний колокол
Русских церквей!

Кропите, слезные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и царь!

Цари земные низвергаются.
– Царствие! – Будь!
От колокола содрогаются
Город и грудь.

9 октября 1918

“Молодой колоколенкой…”

Молодой колоколенкой
Ты любуешься – в воздухе.
Голосок у ней тоненький,
В ясном куполе – звездочки.

Куполок твой золотенький,
Ясны звезды – под лобиком.
Голосочек твой тоненький,
Ты сама колоколенка.

Октябрь 1918

“Любовь! Любовь! Куда ушла ты…”

Любовь! Любовь! Куда ушла ты?
– Оставила свой дом богатый,
Надела воинские латы.

– Я стала Голосом и Гневом,
Я стала Орлеанской Девой.

10 октября 1918

“Осень. Деревья в аллее – как воины…”

Осень. Деревья в аллее – как воины.

Каждое дерево пахнет по-своему.
Войско Господне.

14 октября 1918

“Ты персияночка – луна, а месяц – турок…”

Ты персияночка – луна, а месяц – турок,
Ты полоняночка, луна, а он – наездник,
Ты нарумянена, луна, а он, поджарый,
Отроду желт, как Знание и Знать.

Друг! Буду Вам верна, доколе светят:
Персидская луна – турецкий месяц.

14 октября 1918

“Утро. Надо чистить чаши…”

Утро. Надо чистить чаши,
Надо розы поливать.

Полдень. Смуглую маслину
Держат кончики перстов.

Колокол звонит. Четыре.
Голос. Ангельская весть.

Розы политы вторично.
Звон. Вечерняя заря.

Ночь. Чугунная решетка.
Битва голосов и крыл.

15 октября 1918

“А всему предпочла…”

А всему предпочла
Нежный воздух садовый.
В монастырском саду,
Где монашки и вдовы,

– И монашка, и мать –
В добровольной опале,
Познаю благодать
Тишины и печали.

Благодать ремесла,
Прелесть твердой основы
– Посему предпочла
Нежный воздух садовый.

В неизвестном году
Ляжет строго и прямо
В монастырском саду –
Многих рыцарей – Дама,

Что казне короля
И глазам Казановы –
Что всему предпочла
Нежный воздух садовый!

15 октября 1918

“Дочери катят серсо…”

Дочери катят серсо,
Матери катят – сердца.
И по дороге столбом
Пыль от сердец и серсо.

15 октября 1918

“Не смущаю, не пою…”

Не смущаю, не пою
Женскою отравою.
Руку верную даю –
Пишущую, правую.

Той, которою крещу
На ночь – ненаглядную
Той, которою пишу
То, что Богом задано.

Левая – она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука –
Праведная, правая!

23 октября 1918

“Героизму пристало стынуть…”

Героизму пристало стынуть.
Холод статен, как я сама.
Здравствуй, – белая-свет-пустыня,
Героическая зима!

Белый всадник – мой друг любимый,
Нынче жизнь моя – лбом в снегу.
В первый раз воспеваю зиму
В восемнадцатом сем году.

23 октября 1918

“Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли…”

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне – белы-лебеди!

Знамя, шитое *крестами* , в саван выцвело.
А и будет ваша память – белы-рыцари.

И никто из вас, сынки! – не воротится.
А ведет ваши полки – Богородица!

25 октября 1918

“Я берег покидал туманный Альбиона...”

Я берег покидал туманный Альбиона...
Батюшков.

“Я берег покидал туманный Альбиона”...
Божественная высь! – Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод, знакомый наизусть.

И, прислоненного к вольнолюбивой мачте,
Укутанного в плащ – прекрасного, как сон –
Я вижу юношу. – О плачьте, девы, плачьте!
Плачь, мужественность! – Плачь, туманный Альбион!

Свершилось! – Он один меж небом и водою!
Вот школа для тебя, о, ненавистник школ!
И в роковую грудь, пронзенную звездою,
Царь роковых ветров врывается – Эол.

А рокот тусклых вод слагается в балладу
О том, как он погиб, звездою заклеймен...
Плачь, Юность! – Плачь, Любовь! – Плачь, Мир! –
Рыдай, Эллада!
Плачь, крошка Ада! – Плачь, туманный Альбион!

30 октября 1918

“Сладко вдвоем – на одном коне…”

Сладко вдвоем – на одном коне,
В том же челне – на одной волне,
Сладко вдвоем – от одной краюшки –
Слаще всего – на одной подушке.

1 ноября 1918

“Поступь легкая моя…”

Поступь легкая моя,

– Чистой совести примета –
Поступь легкая моя,
Песня звонкая моя –

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
– Ты не женщина, а птица,
Посему – летай и пой.

1 ноября 1918

“На плече моем на правом…”

На плече моем на правом
Примостился голубь-утро,
На плече моем на левом
Примостился филин-ночь.

Прохожу, как царь казанский.
И чего душе бояться –
Раз враги соединились,
Чтоб вдвоем меня хранить!

2 ноября 1918

“Чтобы помнил не часочек, не годок…”

Чтобы помнил не часочек, не годок –
Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки –
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня –
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны – зубья у расчески моей!

Чуть притронешься – пойдет трескотня
Про меня одну, да все про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня –
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек – с версту,

Чтоб ко мне ему все версты – с вершок,
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня –
Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

“Кружка, хлеба краюшка…”

Кружка, хлеба краюшка
Да малинка в лукошке,
Эх, – да месяц в окошке, –
Вот и вся нам пирушка!

А мальчишку – погреться –
Подарите в придачу –
Я тогда и без хлебца
Никогда не заплачу!

2 ноября 1918

“Развела тебе в стакане…”

Развела тебе в стакане
Горстку жженых волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилось, не спалось.

Чтобы младость – не в радость,
Чтобы сахар – не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

Как власы мои златые
Стали серой золой,
Так года твои младые
Станут белой зимой.

Чтоб ослеп-оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.

3 ноября 1918

Але

Есть у тебя еще отец и мать,
А все же ты – Христова сирота.

Ты родилась в водовороте войн, –
А все же ты поедешь на Иордань.

Без ключика Христовой сироте
Откроются Христовы ворота.

5 ноября 1918

“Царь и Бог! Простите малым…”

Царь и Бог! Простите малым
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, –

Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Сашеньку Разина!

Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!

В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!

Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирен и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,

Да за удаль несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!

Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселися, сердце русское!

Царь и Бог! Для ради празднику –
Отпустите Стеньку Разина!

Москва, 1-ая годовщина Октября.

———

Дни, когда Мамонтов подходил к Москве – и вся буржуазия меняла керенские на царские – а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и) потому что знала, что ***не*** войдет в Столицу – Белый Полк!

“Мир окончится потопом…”

– Мир окончится потопом.
– Мир окончится пожаром;
Так вода с огнем, так дочерь
С матерью схватились в полночь.

– Дух Святой – озерный голубь,
Белый голубочек с веткой.
– Пламенный язык над <русым>
Теменем – и огнь в гортани.

7 ноября 1918

“Песня поется, как милый любится…”

Песня поется, как милый любится:
Радостно! – Всею грудью!
Что из того, что она забудется –
Богу пою, не людям!

Песня поется, как сердце бьется –
Жив, так поёшь...

9 ноября 1918

“Дело Царского Сына…”

Дело Царского Сына –
Быть великим и добрым.
.....
Чтить голодные ребра,

Выть с последней солдаткой,
Пить с последним бродягой,
Спать.....……..
В сапогах и при шпаге.

А еще ему дело:
Встать в полночную пору,
Прочь с дороженьки белой –
Ввысь на вышнюю гору...

Над пучиной согнуться,
Бросить что-то в пучину...
– Никогда не вернуться –
Дело Царского Сына!

9 ноября 1918

“Благодарю, о Господь…”

Благодарю, о Господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,

И за горячую кровь,
И за холодную воду.
– Благодарю за любовь.
Благодарю за погоду.

9 ноября 1918

“Радость – что сахар…”

Радость – что сахар,

Нету – и охаешь,
А завелся как –
Через часочек:
Сладко, да тошно!

Горе ты горе, – соленое море!
Ты и накормишь,
Ты и напоишь,
Ты и закружишь,
Ты и отслужишь!

9 ноября 1918

“Радость – что сахар…”

Красный бант в волосах!
Красный бант в волосах!
А мой друг дорогой –
Часовой на часах.

Он под ветром холодным,
Под холодной луной,
У палатки походной –
Что столб соляной.

Подкрадусь к нему тихо –
Зычно крикнет: – “Пароль!”
– Это я! – Проходи-ка,
Здесь спит мой Король!

– Это я, мое сердце,
Это – сердце твое!
– Здесь для шуток не место,
Я возьму под ружье.

– Не проспать бы обедни
Твоему Королю!
– В третий раз – и в последний:
Проходи, говорю!

Грянет выстрел. На вереск
Упаду – хоть бы звук.
Поглядит он на Север,
Поглядит он на Юг,

На Восток и на Запад.
– Не зевай на часах! –
Красный бант в волосах!
Красный бант в волосах!

10 ноября 1918

“Нет, с тобой, дружочек чудный…”

Нет, с тобой, дружочек чудный,
Не делиться мне досугом.
Я сдружилась с новым другом,
С новым другом, с сыном блудным.

У тебя – дворцы-палаты,
У него – леса-пустыни,
У тебя – войска-солдаты,
У него – пески морские.

Нынче в море с ним гуляем,
Завтра по лесу с волками.
Что ни ночь – постель иная:
Нынче – щебень, завтра – камень.

И уж любит он, сударик,
Чтобы св*е* тло, как на Пасху:
Нынче месяц нам фонарик,
Завтра звезды нам лампадки.

Был он всадником завидным,
Милым гостем, Царским Сыном, –
Да глаза мои увидел –
И войска свои покинул.

10 ноября 1918

“Новый Год. Ворох роз…”

Новый Год. Ворох роз.
Старый лорд в богатой раме.
Ты мне ленточку принес?
Дэзи стала знатной дамой.

С длинных крыл – натечет.
Мне не надо красной ленты.
Здесь не больно почет
Серафимам и студентам.

Что? Один не уйдешь,
Увези меня на Мальту.
Та же наглость и то ж
Несравненное контральто!

Новый Год! Новый Год!
Чек на Смитсона в букете!
– Алчет у моих ворот
Зябкий серафим Россетти!

10 ноября 1918

“Ты тогда дышал и бредил Кантом…”

Ты тогда дышал и бредил Кантом.

Я тогда ходила с красным бантом.
Бриллиантов не было и <франтов>
……...

Ели мы горох и чечевицу.
Ты однажды с улицы певицу
– Мокрую и звонкую, как птица –
В дом привел. Обедали втроем.

А потом – ..... как боги –
Говорили о горячем гроге
И, дрожа, протягивали ноги
В черную каминную дыру.

Пили воду – ..... попойка! –
Ты сказал: – “Теперь, сестричка, спойте!”
И она запела нам о стойкой
Всаднице и юном короле.

Ты сказал: “Любовь и Дружба – сестры”,
И она надела мне свой пестрый
Мокрый бант – и вспыхнул – красный остров! –
.....……..

Целовались – и играли в кости.
Мы с тобой уснули на помосте
Для углей, – звонкоголосой гостье
Уступив единственный тюфяк.

10 ноября 1918

Барабанщик

1. “Барабанщик! Бедный мальчик…”

Барабанщик! Бедный мальчик!
Вправо-влево не гляди!
Проходи перед народом
С Божьим громом на груди.

Не наемник ты – вся ноша
На груди, не на спине!
Первый в глотку смерти вброшен
На ногах – как на коне!

Мать бежала спелой рожью,
Мать кричала в облака,
Воззывала: – Матерь Божья,
Сберегите мне сынка!

Бедной матери в оконце
Вечно треплется платок.
– Где ты, лагерное солнце!
Алый лагерный цветок!

А зато – какая воля –
В подмастерьях – старший брат,
Средний в поле, третий в школе,
Я один – уже солдат!

Выйдешь цел из перебранки –
Что за радость, за почет,
Как красотка-маркитантка
Нам стаканчик поднесет!

Унтер ропщет: – Эх, мальчонка!
Рано начал – не к добру!
– Рано начал – рано кончил!
Кто же выпьет, коль умру?

А настигнет смерть-волчица –
Весь я тут – вся недолга!
Императору – столицы,
Барабанщику – снега.

А по мне – хоть дно морское!
Пусть сам черт меня заест!
Коли Тот своей рукою.
Мне на грудь нацепит крест!

11 ноября 1918

2. “Молоко на губах не обсохло…”

Молоко на губах не обсохло,
День и ночь в барабан колочу.
Мать от грохота было оглохла,
А отец потрепал по плечу.

Мать и плачет и стонет и тужит,
Но отцовское слово – закон:
– Пусть идет Императору служит, –
Барабанщиком, видно, рожден.

Брали сотнями царства, – столицы
Мимоходом совали в карман.
Порешили судьбу Аустерлица
Двое: солнце – и мой барабан.

Полегло же нас там, полегло же
За величье имперских знамен!
Веселись, барабанная кожа!
Барабанщиком, видно, рожден!

Загоняли мы немца в берлогу.
Всадник. Я – барабанный салют.
Руки скрещены. В шляпе трирогой.
– Возраст? – Десять. – Не меньше ли, плут?

– Был один, – тоже ростом не вышел.
Выше солнца теперь вознесен!
– Ты потише, дружочек, потише!
Барабанщиком, видно, рожден!

Отступилась от нас Богоматерь,
Не пошла к московитским волкам.
Дальше – хуже. В плену – Император,
На отчаянье верным полкам.

И молчит собеседник мой лучший,
Сей рукою к стене пригвожден.
И никто не побьет в него ручкой:
Барабанщиком, видно, рожден!

12 ноября 1918

“Мать из хаты за водой…”

Мать из хаты за водой,
А в окно – дружочек:
Голубочек голубой,
Сизый голубочек.

Коли днем одной – тоска,
Что же в темь такую?
И нежнее голубка
Я сама воркую.

С кем дружился в ноябре –
Не забудь в июле.
.....……
Гули-гули-гули.

.....…….
Возвратилась мать!
…….
Ладно – ворковать!

Чтобы совы страсть мою
Стоном не спугнули –
У окна стою – пою:
Гули-гули-гули.

Подари-ка золотой
Сыну на зубочек,
Голубочек голубой,
Сизый голубочек!

14 ноября 1918

“Соловьиное горло – всему взамен…”

Соловьиное горло – всему взамен! –
Получила от певчего бога – я.
Соловьиное горло! – .....……..
Рокочи, соловьиная страсть моя!

Сколько в горле струн – все сорву до тла!
Соловьиное горло свое сберечь
На на тот на свет – соловьем пришла!
……..

20 ноября 1918

“Я счастлива жить образцово и просто…”

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце – как маятник – как календарь.
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой – как всякая Божия тварь.

Знать: Дух – мой сподвижник, и Дух – мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, –
Как Бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1919

“Вот: слышится – а слов не слышу…”

Вот: слышится – а слов не слышу,
Вот: близится – и тьмится вдруг...
Но знаю, с поля – или свыше –
Тот звук – из сердца ли тот звук...

– Вперед на огненные муки! –
В волнах овечьего руна
Я к небу воздеваю руки –
Как – древле – девушка одна...

<1918 – 1939>

Комедьянт

– Посвящение –
– Комедьянту, игравшему Ангела, –
или Ангелу, игравшему Комедьянта –
не все равно ли, раз – Вашей милостью –
я, вместо снежной повинности Москвы
19 года несла – нежную.

1. “Я помню ночь на склоне ноября…”

Я помню ночь на склоне ноября.

Туман и дождь. При свете фонаря
Ваш нежный лик – сомнительный и странный,
По-диккенсовски – тусклый и туманный,
Знобящий грудь, как зимние моря...
– Ваш нежный лик при свете фонаря.

И ветер дул, и лестница вилась...
От Ваших губ не отрывая глаз,
Полусмеясь, свивая пальцы в узел,
Стояла я, как маленькая Муза,
Невинная – как самый поздний час...
И ветер дул и лестница вилась.

А на меня из-под усталых вежд
Струился сонм сомнительных надежд.
– Затронув губы, взор змеился мимо... –
Так серафим, томимый и хранимый
Таинственною святостью одежд,
Прельщает Мир – из-под усталых вежд.

Сегодня снова диккенсова ночь.
И тоже дождь, и так же не помочь
Ни мне, ни Вам, – и так же хлещут трубы,
И лестница летит... И те же губы...
И тот же шаг, уже спешащий прочь –
Туда – куда-то – в диккенсову ночь.

2 ноября 1918

2. “Мало ли запястий…”

Мало ли запястий
Плелось, вилось?
Что тебе запястье
Мое – далось?

Всё кругом да около –
Что кот с мышом!
Нет, – очами, сокол мой,
Глядят – не ртом!

19 ноября 1918

3. “Не любовь, а лихорадка…”

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен – и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.

Жезл пастуший – или шпага?
Зритель, бой – или гавот?
Шаг вперед – назад три шага,
Шаг назад – и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство – не любовь!

И итогом этих (в скобках –
Несодеянных!) грехов –
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

20 ноября 1918

4. “Концами шали…”

Концами шали
Вяжу печаль твою.
И вот – без шали –
На площадях пою.

Снят*о* проклятие!
Я госпожа тебе!

20 ноября 1918

5. “Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно…”

Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице – вертеться.
Тебе ль остановить круж*а* щееся сердце?

Порукою тетрадь – не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действом комедийным?

Любовный крест тяжел – и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел – и мы его схороним.

20 ноября 1918

6. “Волосы я – или воздух целую…”

Волосы я – или воздух целую?
Веки – иль веянье ветра над ними?
Губы – иль вздох под губами моими?
Не распознаю и не расколдую.

Знаю лишь: целой блаженной эпохой,
Царственным эпосом – струнным и странным –
Приостановится...
Это короткое облачко вздоха.

Друг! Все пройдет на земле, – аллилуйя!
Вы и любовь, – и ничто не воскреснет.
Но сохранит моя темная песня –
Голос и волосы: струны и струи.

22 ноября 1918

7. “Не успокоюсь, пока не увижу…”

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится – самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!

– Баба! – мне внуки на урне напишут.
И повторяю – упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

8. “Вы столь забывчивы, сколь незабвенны…”

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! –
Сказать еще? – Златого утра краше!
Сказать еще? – Один во всей вселенной!
Самой Любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. – В камине воет ветер.
Облокотясь – уставясь в жар каминный –
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Все пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! – Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но – вдохновенный –
Всем пророкочет голос мой крылатый –
О том, что жили на земле когда-то
Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

9. “Короткий смешок…”

Короткий смешок,
Открывающий зубы,
И легкая наглость прищуренных глаз.
– Люблю Вас! – Люблю Ваши зубы и губы,
(Все это Вам сказано – тысячу раз!)

Еще полюбить я успела – постойте! –
Мне помнится: руки у Вас хороши!
В долгу не останусь, за все – успокойтесь –
Воздам неразменной деньгою души.

Посмейтесь! Пусть нынешней ночью приснятся
Мне впадины чуть-улыбнувшихся щек.
Но даром – не надо! Давайте меняться:
Червонец за грошик: смешок – за стишок!

27 ноября 1918

10. “На смех и на зло…”

Н*а* смех и н*а* зло:
Здравому смыслу,
Ясному солнцу,
Белому снегу –

Я полюбила:
Мутную полночь,
Льстивую флейту,
Праздные мысли.

Этому сердцу
Родина – Спарта.
Помнишь лисёнка,
Сердце спартанца?

– Легче лисёнка
Скрыть под одеждой,
Чем утаить вас,
Ревность и нежность!

1 декабря 1918

11. “Мне тебя уже не надо…”

Мне тебя уже не надо,
Милый – и не оттого что
С первой почтой – не писал.

И не оттого что эти

Строки, писанные с грустью,
Будешь разбирать – смеясь.

(Писанные мной одною –
Одному тебе! – впервые! –
Расколдуешь – не один.)

И не оттого что кудри
До щеки коснутся – мастер
Я сама читать вдвоем! –

И не оттого что вместе
– Над неясностью заглавных! –
Вы вздохнете, наклонясь.

И не оттого что дружно
Веки вдруг смежатся – труден
Почерк, – да к тому – стихи!

Нет, дружочек! – Это проще,
Это пуще, чем досада:

Мне тебя уже не надо –
Оттого что – оттого что –
Мне тебя уже не надо!

3 декабря 1918

12. “Розовый рот и бобровый ворот…”

Розовый рот и бобровый ворот –
Вот лицедеи любовной ночи.
Третьим была – Любовь.

Рот улыбался легко и нагло.
Ворот кичился бобровым мехом.
Молча ждала Любовь.

13. “Сядешь в кресла, полон лени…”

Сядешь в кресла, полон лени.
Встану рядом на колени,
Без дальнейших повелений.

С сонных кресел свесишь руку.
Подыму ее без звука,
С перстеньком китайским – руку.

Перстенек начищен мелом.
– Счастлив ты? – Мне нету дела!
Так любовь моя велела.

5 декабря 1918

14. “Ваш нежный рот – сплошное целованье...”

Ваш нежный рот – сплошное целованье...
– И это все, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!
Завоеватель? – Нет, завоеванье!

Любовь ли это – или любованье,
Пера причуда – иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину –
Иль чуточку притворства – по призванью...

– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! – не все равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье!

Декабрь 1918

15. “Поцелуйте дочку…”

“Поцелуйте дочку!”
Вот и все. – Как скупо! –
Быть несчастной – глупо.
Значит, ставим точку.

Был у Вас бы малый
Мальчик, сын единый –
Я бы Вам сказала:
“Поцелуйте сына!”

16. “Это и много и мало…”

Это и много и мало.
Это и просто и тёмно.
Та, что была вероломной,
З*а* вечер – верная стала.

Белой монашкою скромной,
– Парой опущенных глаз. –
Та, что была неуемной,
З*а* вечер вдруг унялась.

Начало января 1919

17. “Бренные губы и бренные руки…”

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной Душою своею в разлуке –
Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности – глуше.

Только порою, в предутренний час –
С темного неба – таинственный глас:
– Женщина! – Вспомни бессмертную душу!

Конец декабря 1918

18. “Не поцеловали – приложились…”

Не поцеловали – приложились.
Не проговорили – продохнули.
Может быть – Вы на земле не жили,
Может быть – висел лишь плащ на стуле.

Может быть – давно под камнем плоским
Успокоился Ваш нежный возраст.
Я себя почувствовала воском:
Маленькой покойницею в розах.

Руку на сердце кладу – не бьется.
Так легко без счастья, без страданья!
– Так прошло – что у людей зовется –
На миру – любовное свиданье.

Начало января 1919

19. “Друзья мои! Родное триединство…”

Друзья мои! Родное триединство!
Роднее чем в родстве!
Друзья мои в советской – якобинской –
Маратовой Москве!

С вас начинаю, пылкий Антокольский,
Любимец хладных Муз,
Запомнивший лишь то, что – панны польской
Я именем зовусь.

И этого – виновен холод братский,
И сеть иных помех! –
И этого не помнящий – Завадский!
Памятнейший из всех!

И, наконец – герой меж лицедеев –
От слова ***бытиё***
Все имена забывший – Алексеев!
Забывший и свое!

И, упражняясь в старческом искусстве
Скрывать себя, как черный бриллиант,
Я слушаю вас с нежностью и грустью,
Как древняя Сивилла – и Жорж Занд.

13 января 1919

20. “В ушах два свиста: шелка и метели…”

В ушах два свиста: шелка и метели!
Бьется душа – и дышит кровь.
Мы получили то, чего хотели:
Вы – мой восторг – до снеговой постели,
Я – Вашу смертную любовь.

27 января 1919

21. “Шампанское вероломно…”

Шампанское вероломно,
А все ж наливай и пей!
Без розовых без цепей
Наспишься в могиле темной!

Ты мне не жених, не муж,
Твоя голова в тумане...
А вечно одну и ту ж –
Пусть любит герой в романе!

22. “Скучают после кутежа…”

Скучают после кутежа.
А я как веселюсь – не чаешь!
Ты – господин, я – госпожа,
А главное – как ты, такая ж!

Не обманись! Ты знаешь сам
По злому холодку в гортани,
Что я была твоим устам –
Лишь пеною с холмов Шампани!

Есть золотые кутежи.
И этот мой кутеж оправдан:
Шампанское любовной лжи –
Без патоки любовной правды!

23. “Солнце – одно, а шагает по всем городам…”

Солнце – одно, а шагает по всем городам.
Солнце – мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. – Никому. – Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет – погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

24. “Да здравствует черный туз…”

Да здравствует черный туз!
Да здравствует сей союз
Тщеславья и вероломства!
На темных мостах знакомства,
Вдоль всех фонарей – любовь!

Я лживую кровь свою
Пою – в вероломных жилах.
За всех вероломных милых
Грядущих своих – я пью!

Да здравствует комедьянт!
Да здравствует красный бант
В моих волосах веселых!
Да здравствуют дети в школах,
Что вырастут – пуще нас!

И, юности на краю,
Под тенью сухих смоковниц –
За всех роковых любовниц
Грядущих твоих – я пью!

Москва, март 1919

25. “Сам Черт изъявил мне милость…”

Сам Черт изъявил мне милость!
Пока я в полночный час
На красные губы льстилась –
Там красная кровь лилась.

Пока легион гигантов
Редел на донском песке,
Я с бандой комедиантов
Браталась в чумной Москве.

Хребет вероломства – гибок.
О, сколько их шло на зов
..... моих улыбок
..... моих стихов.

Чтоб Совесть не жгла под шалью –
Сам Черт мне вставал помочь.
Ни утра, ни дня – сплошная
Шальная, чумная ночь.

И только порой, в тумане,
Клонясь, как речной тростник,
Над женщиной плакал – Ангел
О том, что забыла – Лик.

Март 1919

“Я Вас люблю всю жизнь и каждый день…”

Я Вас люблю всю жизнь и каждый день,
Вы надо мною, как большая тень,
Как древний дым полярных деревень.

Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.
Но мне не надо Ваших губ и глаз.
Все началось – и кончилось – без Вас.

Я что-то помню: звонкая дуга,
Огромный ворот, чистые снега,
Унизанные звездами рога...

И от рогов – в полнебосвода – тень...
И древний дым полярных деревень...
– Я поняла: Вы северный олень.

7 декабря 1918

П. Антокольскому

Дарю тебе железное кольцо:
Бессонницу – восторг – и безнадежность.
Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,
Чтоб позабыл ты даже слово – нежность.

Чтоб голову свою в шальных кудрях
Как пенный кубок возносил в пространство,
Чтоб обратило в угль – и в пепл – и в прах
Тебя – сие железное убранство.

Когда ж к твоим пророческим кудрям
Сама Любовь приникнет красным углем,
Тогда молчи и прижимай к губам
Железное кольцо на пальце смуглом.

Вот талисман тебе от красных губ,
Вот первое звено в твоей кольчуге, –
Чтоб в буре дней стоял один – как дуб,
Один – как Бог в своем железном круге!

Март 1919

“О нет, не узнает никто из вас…”

О нет, не узнает никто из вас
– Не сможет и не захочет! –
Как страстная совесть в бессонный час

Мне жизнь молодую точит!

Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово...
– В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!

Март 1919

Памяти А. А. Стаховича

A Dieu – mon ame,
Mon corps – au Roy,
Mon coeur – aux Dames,
L'honneur – pour moi.[35]

1. "Не от запертых на семь замков пекарен…"

Не от запертых на семь замков пекарен
И не от заледенелых печек –
Барским шагом – распрямляя плечи –
Ты сошел в могилу, русский барин!

Старый мир пылал. Судьба свершалась.
– Дворянин, дорогу – дровосеку![36]
Чернь цвела... А вблизь тебя дышалось
Воздухом Осьмнадцатого Века.

И пока, с дворцов срывая крыши,
Чернь рвалась к добыче вожделенной –
Вы bon ton, maintien, tenue[37] – мальчишек
Обучали – под разгром вселенной!

Вы не вышли к черни с хлебом-солью,
И скрестились – от дворянской скуки! –
В черном царстве трудовых мозолей –
Ваши восхитительные руки.

Москва, март 1919

(NB! Даже *труд* может быть – отвратителен: даже – *чужой!* если он в любовь – навязан и в славословие – вменен. *М. Ц. – тогда и всегда* .)

2. "Высокой горести моей…"

---

[35] Господу – мою душу,
Тело мое – королю,
Сердце – прекрасным дамам,
Честь – себе самому *(фр.).*

[36] NB! Если бы дровосеку! *(примеч. М. Цветаевой)*

[37] Правила хорошего тона, осанка *(фр.)* .

Высокой горести моей –
Смиренные следы:
На синей варежке моей –
Две восковых слезы.

В продрогшей церковке – мороз,
Пар от дыханья – густ.
И с синим ладаном слилось
Дыханье наших уст.

Отметили ли Вы, дружок,
– Смиреннее всего –
Среди других дымков – дымок
Дыханья моего?

Безукоризненностью рук
Во всем родном краю
Прославленный – простите, друг,
Что в варежках стою!

Март 1919

3. “Пустыней Девичьего Поля…”

Пустыней Девичьего Поля
Бреду за ныряющим гробом.
Сугробы – ухабы – сугробы.
Москва. – Девятнадцатый год. –

В гробу – несравненные руки,
Скрестившиеся самовольно,
И сердце – высокою жизнью
Купившее право – не жить.

Какая печальная свита!
Распутицу – холод – и голод
Последним почетным эскортом
Тебе отрядила Москва.

Кто помер? – С дороги, товарищ!
Не вашего разума дело:
– Исконный – высокого рода –
Высокой души – дворянин.

Пустыней Девичьего Поля
.....……
Молюсь за блаженную встречу
В тепле Елисейских Полей!

Март 1919

4. “Елисейские Поля: ты да я…”

Елисейские Поля: ты да я.
И под нами – огневая земля.
..... и лужи морские
– И родная, роковая Россия,
Где покоится наш нищенский прах
На кладбищенских Девичьих Полях.

Вот и свиделись! – А воздух каков! –
Есть же страны без мешков и штыков!
В мир, где “Равенство!” вопят даже дети,
Опоздавшие на дважды столетье, –
Там маячили – дворянская спесь! –
Мы такими же тенями, как здесь.

Что Россия нам? – черны купола!
Так, заложниками бросив тела,
Ненасытному червю – черни черной,
Нежно встретились: Поэт и Придворный. –
Два посмешища в державе снегов,
Боги – в сонме королей и Богов!

Март 1919

Посылка к маленькой сигарере

Не ждет, не ждет мой кучер нанятый,
Торопит ветер-господин.
Я принесла тебе для памяти
Еще подарочек один.

1919

Стихи к Сонечке

1. “Кто покинут – пусть поет…”

Кто покинут – пусть поет!
Сердце – пой!
Нынче мой – румяный рот,
Завтра – твой.

Ах, у розы-красоты
Все – друзья!
Много нас – таких, как ты
И как я.

Друг у друга вырывать
Розу-цвет –
Можно розу разорвать:
Хуже нет!

Чем за розовый за рот

Воевать –
Лучше мальчика в черед
Целовать!

Сто подружек у дружка:
Все мы тут.
Н*а* , люби его – пока
Не возьмут.

21 апреля 1919

2. “Пел в лесочке птенчик…”

Пел в лесочке птенчик,
Под окном – шарманщик:
– Обманщик, изменщик,
Изменщик, обманщик!

Подпевали хором
Черти из бочонка:
– Всю тебя, девчонка,
За копейку продал!

А коровки в травке:
– Завела аму – уры!
В подворотне – шавки:
– Урры, урры, дура!

Вздумала топиться –
Бабка с бородою:
– Ничего, девица!
Унесет водою!

Расчеши волосья,
Ясны очи вымой.
Один милый бросил,
А другой – подымет!

3. “В мое окошко дождь стучится…”

В мое окошко дождь стучится.
Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.

Я пела про судьбу-злодейку,
И с раззолоченных перил
Ты мне не рупь и не копейку, –
Ты мне улыбку подарил.

Но старый князь узнал затею:
Сорвал он с сына ордена
И повелел слуге-лакею
Прогнать девчонку со двора.

И напилась же я в ту ночку!
Зато в блаженном мире – ***том*** –
Была я – княжескою дочкой,
А ***ты*** был уличным певцом!

24 апреля 1919

4. “Заря малиновые полосы…”

Заря малиновые полосы
Разбрасывает на снегу,
А я пою нежнейшим голосом
Любезной девушки судьбу.

О том, как редкостным растением
Цвела в светлейшей из теплиц:
В высокосветском заведении
Для благороднейших девиц.

Как белым личиком в передничек
Ныряла от словца “жених”;
И как перед самим Наследником
На выпуске читала стих,

И как чужих сирот-проказников
Водила в храм и на бульвар,
И как потом домой на праздники
Приехал первенец-гусар.

Гусар! – Еще не кончив с куклами,
– Ах! – в люльке мы гусара ждем!
О, дом вверх дном! Букварь – вниз буквами!
Давайте дух переведем!

Посмотрим, как невинно-розовый
Цветок сажает на фаянс.
Проверим три старинных козыря:
Пасьянс – романс – и контраданс.

Во всей девчонке – ни кровиночки...
Вся, как косыночка, бела.
Махнула белою косыночкой,
Султаном помахал с седла.

И как потом к старухе чопорной
Свалилась под ноги, как сноп,
И как сам граф, ногами топая,
Ее с крыльца спустил в сугроб...

И как потом со свертком капельным
– Отцу ненадобным дитём! –
В царевом доме Воспитательном
Прощалася... И как – потом –

Предавши розовое личико
Пустоголовым мотылькам,
Служило бедное девичество
Его Величества полкам...

И как художникам-безбожникам
В долг одолжала красоту,
И как потом с вор*о* м-острожником
Толк заводила на мосту...

И как рыбак на дальнем взмории
Нашел двух туфелек следы...
Вот вам старинная история,
А мне за песню – две слезы.

Апрель 1919

5. “От лихой любовной думки…”

От лихой любовной думки
Как уеду по чугунке –
Распыхтится паровоз,

И под гул его угрюмый
Буду думать, буду думать,
Что сам Черт меня унес.

От твоих улыбок сладких,
И от рук твоих в перчатках,
И от лика твоего –

И от слов твоих шумящих,
И от ног твоих, спешащих
Мимо дома моего.

Ты прощай, злодей – прельститель,
Вы, холмы мои, простите
Над..... Москвой, –

Что Москва! Черт с ней, с Москвою!
Черт с Москвою, черт со мною, –
И сам Свет-Христос с собой!

Лейтесь, лейтесь, слезы, лейтесь,
Вейтесь, вейтесь, рельсы, вейтесь,
Ты гуди, чугун, гуди...

Может, горькую судьбину
Позабуду на чужбине
На другой какой груди.

6. “Ты расскажи нам про весну…”

– Ты расскажи нам про весну! –
Старухе внуки говорят.
Но, головою покачав,
Старуха отвечала так:
– Грешна весна,
Страшна весна.

– Так расскажи нам про Любовь! –
Ей внук поет, что краше всех.
Но, очи устремив в огонь,
Старуха отвечала: – Ох!
Грешна Любовь,
Страшна Любовь!

И долго-долго на заре
Невинность пела во дворе:
– Грешна любовь,
Страшна любовь...

1919

7. “Маленькая сигарера…”

Маленькая сигарера!
Смех и танец всей Севильи!
Что тебе в том длинном, длинном
Чужестранце длинноногом?

Оттого, что ноги длинны, –
Не суди: приходит первым!
И у цапли ноги – длинны:
Всё на том же на болоте!

Невидаль, что белорук он!
И у кошки ручки – белы.
Оттого, что белы ручки, –
Не суди: ласкает лучше!

Невидаль – что белокур он!
И у пены – кудри белы,
И у дыма – кудри белы,
И у куры – перья белы!

Берегись того, кто утром
Подымается без песен,
Берегись того, кто трезвым
– Как капель – ко сну отходит,

Кто от солнца и от женщин
Прячется в собор и в погреб,
Как ножа бежит – загару,
Как чумы бежит – улыбки.

Стыд и скромность, сигарера,

Украшенье для девицы,
Украшенье для девицы,
Посрамленье для мужчины.

Кто приятелям не должен –
Тот навряд ли щедр к подругам.
Кто к жидам не знал дороги –
Сам жидом под старость станет.

Посему, малютка-сердце,
Маленькая сигарера,
Ты иного приложенья
Поищи для красных губок.

Губки красные – что розы:
Нынче пышут, завтра вянут,
Жалко их – на привиденье,
И живой души – на камень.

Москва – Ванв, 1919 – 1937

8. “Твои руки черны от загару…”

Твои руки черны от загару,
Твои ногти светлее стекла...
– Сигарера! Скрути мне сигару,
Чтобы дымом любовь изошла.

Скажут люди, идущие мимо:
– Что с глазами-то? Свет, что ль, не мил?
А я тихо отвечу: – От дыму.
Я девчонку свою продымил!

Весна 1919

9. “Не сердись, мой Ангел Божий…”

Не сердись, мой Ангел Божий,
Если правда выйдет ложью.
Встречный ветер не допрашивают,
Правды с соловья не спрашивают.

1919

10. “Ландыш, ландыш белоснежный…”

Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
“Моя маленькая!”

– Ликом – чистая иконка,
Пеньем – пеночка... –

И качал ее тихонько
На коленочках.

Ходит вправо, ходит влево
Божий маятник.
И кончалось все припевом:
“Моя маленькая!”

Божьи думы нерушимы,
Путь – указанный.
Маленьким не быть большими,
Вольным – связанными.

И предстал – в кого не целят
Девки – пальчиком:
Божий ангел встал с постели –
Вслед за мальчиком.

– Будешь цвесть под райским древом,
Розан аленький! –
Так и кончилась с припевом:
“Моя маленькая!”

16 июня 1919

<11>. “На коленях у всех посидела…”

На коленях у всех посидела
И у всех на груди полежала.
Все до страсти она обожала
И такими глазами глядела,
Что сам Бог в небесах.

16 июня 1919

Але

В шитой серебром рубашечке,
– Грудь как звездами унизана! –
Голова – цветочной чашечкой
Из серебряного выреза.

Очи – два пустынных озера,
Два Господних откровения –
На лице, туманно-розовом
От Войны и Вдохновения.

Ангел – ничего – всё! – знающий,
Плоть – былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне –
Тоже Ангела и Воина.

Может – все мое достоинство –

За руку с тобою странствовать.
– Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую!

18 июля 1919

“Ты думаешь: очередной обман…”

Ты думаешь: очередной обман!
Одна к одной, как солдатье в казармах!
Что из того, что ни следа румян
На розовых устах высокопарных, –
Все та же смерть из розовых семян!
Ты думаешь: очередной обман!

И думаете Вы еще: зачем
В мое окно стучаться светлым перстнем?
Ты любишь самозванцев – где мой Кремль?
Давным-давно любовный ход мой крестный
Окончен. Дом мой темен, глух и нем.
И семь печатей спят на сердце сем.

И думаешь: сиротскую суму
Ты для того надела в год сиротский,
Чтоб разносить любовную чуму
По всем домам, чтоб утверждать господство
На каждом..... Черт в моем дому!
– И отвечаю я: – Быть по сему!

Июль 1919

Бабушка

1. “Когда я буду бабушкой…”

Когда я буду бабушкой –
Годов через десяточек –
Причудницей, забавницей, –
Вихрь с головы до пяточек!

И внук – кудряш – Егорушка
Взревет: “Давай ружье!”
Я брошу лист и перышко –
Сокровище мое!

Мать всплачет: “Год три месяца,
А уж, гляди, как зол!”
А я скажу: “Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!”

Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрышка!
Егорушка, Егорушка,

Егорий – свет – храбрец!

Когда я буду бабушкой –
Седой каргою с трубкою! –
И внучка, в полночь крадучись,
Шепнет, взметнувши юбками:

“Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?” –
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.

Мать: “Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!”
А я-то: “На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!”

Кто х*о* док в пляске рыночной –
Тот лих и на перинушке, –
Маринушка, Маринушка,
Марина – синь-моря!

“А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?”
– “Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.

Ни ночки даром проспанной:
Все в райском во саду!”
– “А как же, бабка, Господу
Предстанешь на суду?”

“Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то – глянь! – бела...
Скажу: – Родимый, – грешница!
Счастливая была!

Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок”.

23 июля 1919

2. “А как бабушке…”

А как бабушке
Помирать, помирать, –
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

“Что ты, старая,
Так лихуешься?
А она в ответ:

“Что воркуете?”

– “А воркуем мы
Про твою весну!”
– “А лихуюсь я,
Что идти ко сну,

Что навек засну
Сном закованным –
Я, бессонная,
Я, фартовая!

Что луга мои яицкие не скошены,
Жемчуга мои бурмицкие не сношены,
Что леса мои волынские не срублены,
На Руси не все мальчишки перелюблены!”

А как бабушке
Отходить, отходить, –
Стали голуби
В окно крыльями бить.

“Что уж страшен так,
Бабка, голос твой?”
– “Не хочу отдать
Девкам – м*о* лодцев”.

– “Нагулялась ты, –
Пора знать и стыд!”
– “Этой малостью
Разве будешь сыт?

Что над тем костром
Я – холодная,
Что за тем столом
Я – голодная”.

А как бабушку
Понесли, понесли, –
Все-то голуби
Полегли, полегли:

Книзу – крылышком,
Кверху – лапочкой...
– Помолитесь, внучки юные, за бабушку!

25 июля 1919

“Ты меня никогда не прогонишь…”

Ты меня никогда не прогонишь:
Не отталкивают весну!
Ты меня и перстом не тронешь:

Слишком нежно пою ко сну!

Ты меня никогда не ославишь:
Мое имя – вода для уст!
Ты меня никогда не оставишь:
Дверь открыта, и дом твой – пуст!

Июль 1919

“А во лбу моем – знай…”

А во лбу моем – знай! –
Звезды горят.
В правой рученьке – рай,
В левой рученьке – ад.

Есть и шелковый пояс –
От всех мытарств.
Головою покоюсь
На Книге Царств.

Много ль нас таких
На святой Руси –
У ветров спроси,
У волков спроси.

Так из края в край,
Так из града в град.
В правой рученьке – рай,
В левой рученьке – ад.

Рай и ад намешала тебе в питье,
День единый теперь – житие твое.

Проводи, жених,
До седьмой версты!
Много нас таких
На святой Руси.

Июль 1919

Тебе – через сто лет

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, –
Из самых недр, – как н*а* смерть осужденный,
Своей рукой – пишу:

– Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
– Ртом не достать! – Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,

Пылающие мне в могилу – в ад, –
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке – почти что горстка пыли –
Мои стихи! – я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я – или
В котором я умру.

На встречных женщин – тех, живых, счастливых, –
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
– Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, –
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний – так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, – и навстречу
Тебе – через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
– Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! – Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, – корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? – Скажу! Небытие – условность.
Ты мне сейчас – страстнейший из гостей,
И ты окажешь перлу всех любовниц
Во имя той – костей.

Август 1919

“А плакала я уже бабьей…”

А плакала я уже бабьей
Слезой – солонейшей солью.
Как та – на лужочке – с граблей –
Как эта – с серпочком – в поле.

От голосу – слабже воска,

Как сахар в чаю моченный.
Стрелочкам своим поноску
Носила, как пес ученый.

– “Ешь зернышко, я ж единой
Скорлупкой сыта с орешка!”
Никто не видал змеиной
В углах – по краям – усмешки.

Не знали мои герои,
Что сей голубок под схимой –
Как Царь – за святой горою
Гордыни несосвятимой.

Август 1919

“Два дерева хотят друг к другу…”

Два дерева хотят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, – смотреть жестоко,
Как тянется – к тому, другому,
Что старше, стойче и – кто знает? –
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем – еще под снегом –
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

Август 1919

“Консуэла! – Утешенье…”

Консуэла! – Утешенье!
Люди добрые, не сглазьте!
Наградил второю тенью
Бог меня – и первым счастьем.

Видно с ангелом спала я,
Бога приняла в объятья.
Каждый час благословляю
Полночь твоего зачатья.

И ведет меня – до сроку –
К Богу – по дороге белой –
Первенец мой синеокий:

Утешенье! – Консуэла!

Ну, а раньше – стать другая!
Я была счастливой тварью!
Все мой дом оберегали, –
Каждый под подушкой шарил!

Награждали – как случалось:
Кто – улыбкой, кто – полушкой...
А случалось – оставалось
Даже сердце под подушкой!..

Времячко мое златое!
Сонм чудесных прегрешений!
Всех вас вымела метлою
Консуэла – Утешенье.

А чердак мой чисто м*е* тен,
Сор подобран – на жаровню.
Смерть хоть сим же часом встретим:
Ни сориночки любовной!

– Вор! – Напрасно ждешь! – Не выйду!
Буду спать, как повелела
Мне – от всей моей Обиды
Утешенье – Консуэла!

Москва, октябрь 1919

Але

1. “Ни кровинки в тебе здоровой…”

Ни кровинки в тебе здоровой. –
Ты похожа на циркового.

Вон над бездной встает, ликуя,
Рассылающий поцелуи.

Напряженной улыбкой хлещет
Эту сволочь, что рукоплещет.

Ни кровиночки в тонком теле, –
Все новиночек мы хотели.

Что, голубчик, дрожат поджилки?
Все как надо: канат – носилки.

Разлетается в ладан сизый
Материнская антреприза.

Москва, октябрь 1919

2. “Упадешь – перстом не двину…”

Упадешь – перстом не двину.
Я люблю тебя как сына.

Всей мечтой своей довлея,
Не щадя и не жалея.

Я учу: губам полезно
Раскаленное железо,

Бархатных ковров полезней –
Гвозди – молодым ступням.

А еще в ночи беззвездной
Под ногой – полезны – бездны!

Первенец мой крутолобый!
Вместо всей моей учебы –
Материнская утроба
Лучше – для тебя была б.

Октябрь 1919

“Бог! – Я живу! – Бог! – Значит ты не умер…”

Бог! – Я живу! – Бог! – Значит ты не умер!
Бог, мы союзники с тобой!
Но ты старик угрюмый,
А я – герольд с трубой.

Бог! Можешь спать в своей ночной лазури!
Доколе я среди живых –
Твой дом стоит! – Я лбом встречаю бури,
Я барабанщик войск твоих.

Я твой горнист. – Сигнал вечерний
И зорю раннюю трублю.
Бог! – Я любовью не дочерней, –
Сыновне я тебя люблю.

Смотри: кустом неопалимым
Горит походный мой шатер.
Не поменяюсь с серафимом:
Я твой Господен волонтер.

Дай срок: взыграет Царь-Девица
По всем по селам! – А дотоль –
Пусть для других – чердачная певица
И старый карточный король!

Октябрь 1919

“А человек идет за плугом…”

А человек идет за плугом
И строит гнезда.
Одна пред Господом заслуга:
Глядеть на звезды.

И вот за то тебе спасибо,
Что, цепенея,
Двух звезд моих не видишь – ибо
Нашел – вечнее.

Обман сменяется обманом,
Рахилью – Лия.
Все женщины ведут в туманы:
Я – как другие.

Октябрь 1919

“Маска – музыка... А третье…”

Маска – музыка... А третье
Что любимое? – Не скажет.
И я тоже не скажу.

Только знаю, только знаю
– Шалой головой ручаюсь! –
Что не мать – и не жена.

Только знаю, только знаю,
Что как музыка и маска,
Как Москва – маяк – магнит –

Как метель – и как мазурка
Начинается на М.

– Море или мандарины?

Москва, октябрь 1919

“Чердачный дворец мой, дворцовый чердак…”

Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!
Взойдите. Гора рукописных бумаг...
Так. – Руку! – Держите направо, –
Здесь лужа от крыши дырявой.

Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук,
Какую мне Фландрию вывел паук.
Не слушайте толков досужих,
Что женщина – может без кружев!

Ну-с, перечень наших чердачных чудес:

Здесь нас посещают и ангел, и бес,
И тот, кто обоих превыше.
Недолго ведь с неба – на крышу!

Вам дети мои – два чердачных царька,
С веселою музой моею, – пока
Вам призрачный ужин согрею, –
Покажут мою эмпирею.

– А что с Вами будет, как выйдут дрова?
– Дрова? Но на то у поэта – слова
Всегда – огневые – в запасе!
Нам нынешний год не опасен...

От века поэтовы корки черствы,
И дела нам нету до красной Москвы!
Глядите: от края – до края –
Вот наша Москва – голубая!

А если уж слишком поэта доймет
Московский, чумной, девятнадцатый год, –
Что ж, – мы проживем и без хлеба!
Недолго ведь с крыши – на небо.

Октябрь 1919

“Поскорее бы с тобою разделаться…”

Поскорее бы с тобою разделаться,
Юность – молодость, – эка невидаль!
Все: отселева – и доселева
Зачеркнуть бы крест на крест – наотмашь!

И почить бы в глубинах кресельных,
Меж небесных планид бесчисленных,
И учить бы науке висельной
Юных крестниц своих и крестников.

– Как пожар зажечь, – как пирог испечь,
Чтобы в рот – да в гроб, как складнее речь
На суду держать, как отца и мать
.....……. продать.

Подь-ка, подь сюда, мой воробушек!
В том дому жемчуга с горошину.
Будет жемчуг.....…….
А воробушек – на веревочке!

На пути твоем – целых семь планид,
Чтоб высоко встать – надо кровь пролить.
Лей да лей, не жалей учености,
Весельчак ты мой, висельченочек!

– Ну, а ты зачем? – Душно с мужем спать!

– Уложи его, чтоб ему не встать,
Да с ветрами вступив в супружество –
Берегись! – голова закружится!

И плетет – плетет ……..... паук
– “От румян-белил встал горбом – сундук,
Вся, как купол, красой покроешься, –
После виселицы – отмоешься!”

Так – из темных обвалов кресельных,
Меж небесных планид бесчисленных
.....…….
Юных висельников и висельниц.

Внук с пирушки шел, видит – свет зажжен,
.....в полу круг прожжен.
– Где же бабка? – В краю безвестном!
Прямо в ад провалилась с креслом!

Октябрь 1919

“Уходящее лето, раздвинув лазоревый полог…”

Уходящее лето, раздвинув лазоревый полог
(Которого нету – ибо сплю на рогоже – девятнадцатый год)
Уходящее лето – последнюю розу
– От великой любви – прямо на сердце бросило мне.

На кого же похоже твое уходящее лето?
На поэта?
– Ну нет!
На г.....д.....в.....!

Октябрь 1919

“А была я когда-то цветами увенчана…”

А была я когда-то цветами увенчана
И слагали мне стансы – поэты.
Девятнадцатый год, ты забыл, что я женщина...
Я сама позабыла про это!

Скажут имя мое – и тотчас же, как в зеркале
.....
И повис надо мной, как над брошенной церковью,
Тяжкий вздох сожалений бесплодных.

Так, в..... Москве погребенная заживо,
Наблюдаю с усмешкою тонкой,
Как меня – даже ты, что три года охаживал! –
Обходить научился сторонкой.

Октябрь 1919

“Сам посуди: так топором рубила…”

Сам посуди: так топором рубила,
Что невдомек: дрова трещат – аль ребра?
А главное: тебе не согрубила,
А главное: <сама> осталась доброй.

Работала за мужика, за бабу,
А больше уж нельзя – лопнут виски!
– Нет, руку приложить тебе пора бы:
У человека только две руки!

Октябрь 1919

С. Э.

Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилою водят,
Сердце – имя говорит.

Эх! Прошел бы ты по дому –
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому –
Не по дереву – пилю.

И чудят, чудят пилою
Руки – вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.

Ноябрь 1919

“Дорожкою простонародною…”

Дорожкою простонародною,
Смиренною, богоугодною,
Идем – свободные, немодные,
Душой и телом – благородные.

Сбылися древние пророчества:
Где вы – Величества? Высочества?

Мать с дочерью идем – две странницы.
Чернь черная навстречу чванится.
Быть может – вздох от нас останется,
А может – Бог на нас оглянется...

Пусть будет – как ***Ему*** захочется:
Мы не Величества, Высочества.

Так, скромные, богоугодные,
Душой и телом – благородные,

Дорожкою простонародною –
Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества –
Где ***мы*** – Величества, Высочества.

<1919>

Бальмонту

Пышно и бесстрастно вянут
Розы нашего румянца.
Лишь камзол теснее стянут:
Голодаем как испанцы.

Ничего не можем даром
Взять – скорее гору сдвинем!
И ко всем гордыням старым –
Голод: новая гордыня.

В вывернутой наизнанку
Мантии Врагов Народа
Утверждаем всей осанкой:
Луковица – и свобода.

Жизни ломовое дышло
Спеси не перешибило
Скакуну. Как бы не вышло:
– Луковица – и могила.

Будет наш ответ у входа
В Рай, под деревцем миндальным:
– Царь! На пиршестве народа
Голодали – как гидальго!

Ноябрь 1919

“Высоко мое оконце…”

Высок*о* мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.

Тонкий крест оконной рамы.
Мир. – На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!

Ноябрь 1919

Але

1. “Когда-нибудь, прелестное созданье…”

Когда-нибудь, прелестное созданье,
Я стану для тебя воспоминаньем.

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далек*о* -далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей –

Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты – маленькой была, я – молодою.

2. “О бродяга, родства не помнящий…”

О бродяга, родства не помнящий –
Юность! – Помню: метель мела,
Сердце пело. – Из нежной комнаты
Я в метель тебя увела.

.....…….
И твой голос в метельной мгле:
– “Остригите мне, мама, волосы!
Они тянут меня к земле!”

Ноябрь 1919

3. “О бродяга, родства не помнящий…”

Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!

Жалко мне, когда в печи
Жар, – а ты не видишь!
В дверь – звезда в моей ночи! –
Не взойдешь, не выйдешь!

Платьица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном – сад
Расцветает – тщетно.

Голуби в окно стучат, –
Скучно с голубями!

Мне ветра привет кричат, –
Бог с ними, с ветрами!

Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным –
Чудодейственным твоим
Голосом: – Марина!

Ноябрь 1919

“В темных вагонах…”

В темных вагонах
На шатких, страшных
Подножках, смертью перегруженных,
Между рабов вчерашних
Я все думаю о тебе, мой сын, –
Принц с головой обритой!

Были волосы – каждый волос –
В царство ценою .....……

На волосок от любви народы –
В гневе – одним волоском дитяти
Можно..... сковать!
– И на приютской чумной кровати
Принц с головой обритой.

Принц мой приютский!
Можешь ли ты улыбнуться?
Слишком уж много снегу
В этом году!

Много снегу и мало хлеба.

Шатки подножки.

Кунцево, ноябрь 1919

“О души бессмертный дар…”

О души бессмертный дар!
Слезный след жемчужный!
Бедный, бедный мой товар,
Никому не нужный!

Сердце нынче не в цене, –
Все другим богаты!
Приговор мой на стене:
– Чересчур легка ты!..

19 декабря 1919

“Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить…”

Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить.
А так: руки скрестить – тихонько плыть
Глазами по пустому небосклону.
Ни за свободу я – ни против оной
– О, Господи! – не шевельну перстом.
Я не дышать хочу – руки крестом!

Декабрь 1919

“Поцеловала в голову…”

Поцеловала в голову,
Не догадалась – в губы!
А все ж – по старой памяти –
Ты хороша, Любовь!

Немножко бы веселого
Вина, – да скинуть шубу, –
О как – по старой памяти –
Ты б загудела, кровь!

Да нет, да нет, – в таком году
Сама любовь – не женщина!
Сама Венера, взяв топор,
Громит в щепы подвал.

В чумном да ледяном аду,
С Зимою перевенчанный,
Амур свои два крылышка
На валенки сменял.

Прелестное создание!
Сплети-ка мне веревочку
Да сядь – по старой памяти –
К девчонке на кровать.

– До дальнего свидания!
– Доколь опять научимся
Получше, чем в головочку
Мальчишек целовать.

Декабрь 1919

Четверостишия

1

На скольких руках – мои кольца,
На скольких устах – мои песни,
На скольких очах – мои слезы...
По всем площадям – моя юность!

2

Бабушке – и злая внучка мила!
Горе я свое за ручку взяла:
“Сто ночей подряд не спать – невтерпеж!
Прогуляйся, – может, лучше уснешь!”

3

Так, выбившись из страстной колеи,
Настанет день – скажу: “не до любви!”
Но где же, на календаре веков,
Ты, день, когда скажу: “не до стихов!”

4

Словно теплая слеза –
Капля капнула в глаза.
Там, в небесной вышине,
Кто-то плачет обо мне.

5

Плутая по своим же песням,
Случайно попадаю – в души.
Предупреждаю – не жилица!
Еще не выстроен мой дом.

6

“Завтра будет: после-завтра” –
Так Любовь считает в первый
День, а в день последний: “хоть бы
Нынче было век назад!”

7

Птичка все же рвется в рощу,
Как зерном ни угощаем,
Я взяла тебя из грязи, –
В грязь родную возвращаю.

8

Ты зовешь меня блудницей, –
Прав, – но малость упустил:
Надо мне, чтоб гость был статен,
Во-вторых – чтоб не платил.

9

Пятистишие

Решено – играем оба,
И притом: играем разно:
Ты – по чести, я – плутуя.
Но, при всей игре нечистой,
Насмерть заиграюсь – я.

10

Как пойманную птицу – сердце
Несу к тебе, с одной тревогой:
Как бы не отняли мальчишки,
Как бы не выбилась – сама!

11

И если где прольются слезы, –
Всех помирю, войдя!
Я – иволга, мой голос первый
В лесу, после дождя.

12

Всё в ваших домах
Под замком, кроме сердца.
Лишь то мое в доме,
Что плохо лежит.

13

Я не мятежница – и чту устав:
Через меня шагнувший ввысь – мне друг.
Однако, памятуй, что, в руки взяв
Себя , ты выпустил – *меня* из рук.

14

У – в мир приходящих – ручонки зажаты:
Как будто на приступ, как будто в атаку!
У – в землю идущих – ладони раскрыты:
Все наши полки разбиты!

15

Не стыдись, страна Россия!
Ангелы – всегда босые...
Сапоги сам черт унес.
Нынче страшен – кто не бос!

<16>

Так, в землю проводив меня глазами,
Вот что напишите мне на кресте, – весь сказ!
– “Вставала с песнями, ложилась со слезами,

А умирала – так смеясь!”

<17>

Плутая по своим же песням,
Случайно попадаю в души.
Но я опасная приблуда:
С собою уношу – весь дом.

<18>

Ты принес мне горсть рубинов, –
Мне дороже розы уст,
Продаюсь я за мильоны,
За рубли не продаюсь.

<19>

Ты зовешь меня блудницей, –
Прав, – но все ж не забывать:
Лучше к печке приложиться,
Чем тебя поцеловать.

<20>

Ты зовешь меня блудницей:
– Слушай, выученик школ!
Надо мне, чтоб гость был вежлив,
Во-вторых – чтоб ты ушел.

<21>

Твой дом обокраден,
Не я виновата.
Лишь то – мое – в доме,
Что плохо лежит.

<22>

Шаги за окном стучат.
Не знаю, который час.
Упаси тебя Божья Мать
Шаги по ночам считать!

<23>

Шаг у моего порога.
Снова ложная тревога.
Но не ложью будет то что
Новый скоро будет шаг.

<24>

В книге – читай – гостиничной:
– Не обокравши – выбыл.
Жулик – по жизни – нынешней
Гость – и на том спасибо.

1919 – 1920

“Между воскресеньем и субботой…”

Между воскресеньем и субботой
Я повисла, птица вербная.
На одно крыло – серебряная,
На другое – золотая.

Меж Забавой и Заботой
Пополам расколота, –
Серебро мое – суббота!
Воскресенье – золото!

Коли грусть пошла по жилушкам,
Не по нраву – корочка, –
Знать, из правого я крылушка
Обронила перышко.

А коль кровь опять проснулася,
Подступила к щеченькам, –
Значит, к миру обернулася
Я бочком золотеньким.

Наслаждайтесь! – Скоро-скоро
Канет в страны дальние –
Ваша птица разноперая –
Вербная – сусальная.

29 декабря 1919

“В синем небе – розан пламенный…”

В синем небе – розан пламенный:
Сердце вышито на знамени.
Впереди – без роду-племени
Знаменосец молодой.

В синем поле – цвет садовый:
Вот и дом ему, – другого
Нет у знаменосца дома.
Волоса его как лен.

Знаменосец, знаменосец!
Ты зачем врагу выносишь
В синем поле – красный цвет?

А как грудь ему проткнули –

Тут же в знамя завернули.
Сердце на-сердце пришлось.

Вот и дом ему. – Другого
Нет у знаменосца дома.

29 декабря 1919

“Простите Любви – она нищая…”

Простите Любви – она нищая!
У ней башмаки нечищены, –
И вовсе без башмаков!

Стояла вчерась на паперти,
Молилася Божьей Матери, –
Ей в дар башмачок сняла.

Другой – на углу, у булочной,
Сняла ребятишкам уличным:
Где милый – узнать – прошел.

Босая теперь – как ангелы!
Не знает, что ей сафьянные
В раю башмачки стоят.

30 декабря 1919, Кунцево – Госпиталь

“Звезда над люлькой – и звезда над гробом…”

Звезда над люлькой – и звезда над гробом!
А посредине – голубым сугробом –
Большая жизнь. – Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..

4 января 1920, Кунцево – Госпиталь

“Дитя разгула и разлуки…”

Дитя разгула и разлуки,
Ко всем протягиваю руки.

Тяну, ресницами плеща,
Всех юношей за край плаща.

Но голос: – Мариула, в путь!
И всех отталкиваю в грудь.

Январь 1920

“Править тройкой и гитарой…”

Править тройкой и гитарой
Это значит: каждой бабой
Править, это значит: старой
Брагой по башкам кружить!
Раскрасавчик! Полукровка!
Кем крещен? В какой купели?
Все цыганские метели
Оттопырили поддевку
Вашу, бравый гитарист!
Эх, боюсь – уложат влежку
Ваши струны да ухабы!
Бог с тобой, ямщик Сережка!
Мы с Россией – тоже бабы!

<Начало января 1920>

“У первой бабки – четыре сына…”

У первой бабки – четыре сына,
Четыре сына – одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки, –
Четыре сына – да две руки!

Как ни навалишь им чашку – чисто!
Чай, не барчата! – Семинаристы!

А у другой – по иному трахту! –
У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот – смеется у камелька:
“Сто богомольцев – одна рука!”

И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками...

Обеим бабкам я вышла – внучка:
Чернорабочий – и белоручка!

Январь 1920

“Я эту книгу поручаю ветру…”

Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям.
Давным-давно – перекричать разлуку –
Я голос сорвала.

Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она – свечой под праздник –
Вот так: из длани в длань.

О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,
Что еженощно я во сне свершаю
Путь – с Севера на Юг.

Москва, февраль 1920

“Доброй ночи чужестранцу в новой келье…”

Доброй ночи чужестранцу в новой келье!
Пусть привидится ему на новоселье
Старый мир гербов и эполет.
Вольное, высокое веселье
Нас – что были, нас – которых нет!

Камердинер расстилает плед.
Пунш пылает. – В памяти балет
Розовой взметается метелью.

Сколько лепестков в ней – столько лет
Роскоши, разгула и безделья
Вам желаю, чужестранец и сосед!

Начало марта 1920

Психея

Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,
Пунш – и пенковая трубка
Пышущая. Пунш – и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И – как призрак –
В полукруге арки – птицей –
Бабочкой ночной – Психея!
Шепот: “Вы еще не спите?
Я – проститься...” Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках – как пери! –
Пируэтом – привиденьем –
Выпорхнула.
Пунш – и полночь.
Вновь впорхнула: “Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...”
Плащ накинув
На одно плечо – покорно –
Под руку поэт – Психею
По трепещущим ступенькам

Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... – “С Богом!”

А Психея,
К спутнице припав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспаденье на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...

Начало марта 1920

“Малиновый и бирюзовый…”

Малиновый и бирюзовый
Халат – и перстень талисманный
На пальце – и такой туманный
В веках теряющийся взгляд,

Влачащийся за каждым валом
Из розовой хрустальной трубки.
А рядом – распластавши юбки,
Как роза распускает цвет –

Под полами его халата,
Припав к плечам его, как змеи,
Две – с ожерельями на шее –
Над шахматами клонят лоб.

Одна – малиновой полою
Прикрылась, эта – бирюзовой.
Глаза опущены. – Ни слова. –
Ресницами ведется спор.

И только челночков узорных
Носок – порой, как хвост змеиный,
Шевелится из-под павлиньей
Широкой юбки игроков.

А тот – игры упорной ставка –
Дымит себе с улыбкой детской.
И Месяц, как кинжал турецкий,
Коварствует в окно дворца.

19 марта 1920

“Она подкрадётся неслышно…”

Она подкрадётся неслышно –
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.

Так: встану в дверях – и ни с места!
Свинцовыми гирями – стыд.
Но птице в переднике – тесно,
И птица – сама полетит!

19 марта 1920

Старинное благоговенье

Двух нежных рук оттолкновенье –
В ответ на ангельские плутни.
У нежных ног отдохновенье,
Перебирая струны лютни.

Где звонкий говорок бассейна,
В цветочной чаше откровенье,
Где перед робостью весенней
Старинное благоговенье?

Окно, светящееся долго,
И гаснущий фонарь дорожный...
Вздох торжествующего долга
Где непреложное: “не можно”...

В последний раз – из мглы осенней –
Любезной ручки мановенье...
Где перед крепостью кисейной
Старинное благоговенье?

Он пишет кратко – и не часто...
Она, Психеи бестелесней,
Читает стих Экклезиаста
И ***не*** читает Песни Песней.

А песнь все та же, без сомненья,
Но, – в Боге все мое именье –
Где перед Библией семейной
Старинное благоговенье?

Между 19 марта и 2 апреля 1920

“Та ж молодость, и те же дыры…”

Та ж молодость, и те же дыры,
И те же ночи у костра...
Моя божественная лира
С твоей гитарою – сестра.

Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
– Грабительница душ! – Сей титул
И мне опущен в колыбель!

В тоске заламывая руки,
Знай: не одна в тумане дней
Цыганским варевом разлуки
Дурманишь молодых князей.

Знай: не одна на ножик вострый
Глядишь с томлением в крови, –
Знай, что еще одна... – Что сестры
В великой низости любви.

<Март 1920>

“Люблю ли вас…”

Люблю ли вас?
Задумалась.
Глаза большие сделались.

В лесах – река,
В кудрях – рука
– Упрямая – запуталась.

Любовь. – Старо.
Грызу перо.
Темно, – а свечку лень зажечь.

Быть – повести!
На то ведь и
Поэтом – в мир рождаешься!

На час дала,
Назад взяла.
(Уже перо летит в потемках!)

Так. Справимся.
Знак равенства
Между любовь – и Бог с тобой.

Что страсть? – Старо.
Вот страсть! – Перо!
– Вдруг – розовая роща – в дом!

Есть запахи –
Как заповедь...
Лоб уронила н*а* руки.

Вербное воскресенье
22 марта 1920

“От семи и до семи…”

От семи и до семи
Мы справляли новоселье.
Высоко было веселье –
От семи и до семи!

Между юными людьми
– С глазу на глаз – в темной келье
Что бывает? (– Не томи!
Лучше душу отними!)

Нет! – Подобного бесчинства
Не творили мы (не поздно –
Сотворить!) – В сердцах – единство,
Ну а руки были розно!

Двух голов над колыбелью
Избежал – убереглась! –
Только хлебом – не постелью
В полночь дружную делясь.

Еженощная повинность,
Бог с тобою, рай условный!
Нет – да здравствует невинность
Ночи – все равно любовной!

В той же келье новоселье –
От семи и до семи
Без “.....” и “обними”, –
Благоправное веселье
От семи и до семи!

Март 1920

“Я страшно нищ, Вы так бедны…”

“Я страшно нищ, Вы так бедны,
Так одинок и так один.
Так оба проданы за грош.
Так хороши – и так хорош...

Но нету у меня жезла...”
– Запиской печку разожгла...

Вербное воскресенье 1920

“На царевича похож он…”

На царевича похож он.
– Чем? – Да чересчур хорош он:
На простого не похож.

Семилетняя сболтнула,
А большая – вслед вздохнула...
Дуры обе. – Да и где ж

Ждать ума от светлоглазых?
Обе начитались сказок, –
Ночь от дня не отличат.

А царевичу в поддевке
Вот совет наш: по головке
Семилетнюю погладь.

Раз за дочку, раз за мать.
.....……
Впрочем, можно и однажды.

Март 1920

“Буду жалеть, умирая, цыганские песни…”

Буду жалеть, умирая, цыганские песни,
Буду жалеть, умирая .....…… перстни,
Дым папиросный – бессонницу – легкую стаю
Строк под рукой.

Бедных писаний своих Вавилонскую башню,
Писем – своих и чужих – огнедышащий холмик.
Дым папиросный – бессонницу – легкую смуту
Лбов под рукой.

3-й день Пасхи 1920

Баллада о проходимке

Когда малюткою была
– Шальной девчонкой полуголой –
Не липла – Господу хвала! –
Я к материнскому подолу.

Нет, – через пни и частоколы –
Сады ломать! – Коней ковать! –
А по ночам – в чужие села:
– “Пустите переночевать!”

Расту – прямая как стрела.
Однажды – день клонился долу –
Под дубом – черный, как смола –
Бродячий музыкант с виолой.

Спят ….., спят цветы и пчелы...
Ну словом – как сие назвать?
Я женский стыд переборола:
– “Пустите переночевать!”

Мои бессонные дела!
Кто не спрягал со мной глаголу:
…....? Кого-то не звала
В опустошительную школу?

Ах, чуть закутаешься в полы
Плаща – прощайте, рвань и знать! –
Как по лбу – молотом тяжелым:
– “Пустите переночевать!”

Посылка:

Вы, Ангелы вокруг Престола,
И ты, младенческая Мать!
Я так устала быть веселой, –
Пустите переночевать!

2 апреля 1920

Памяти Г. Гейне

Хочешь не хочешь – дам тебе знак!
Спор наш не кончен – а только начат!
В нынешней жизни – выпало так:
Мальчик поет, а девчонка плачет.

В будущей жизни – любо глядеть! –
Ты будешь плакать, *я* буду – петь!

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

Красною юбкой – в небо пылю!
Честь молодую – ковром подстелешь.
Как с мотыльками тебя делю –
Так с моряками меня поделишь!

Красная юбка? – Как бы не так!
Огненный парус! – Красный маяк!

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

Слушай приметы: бела как мел,
И не смеюсь, а губами движу.
А чтобы – как увидал – сгорел! –
Не позабудь, что приду я – рыжей.

Рыжей, как этот кленовый лист,
Рыжей, как тот, что в лесах повис.

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

<Начало апреля 1920>

“А следующий раз – глухонемая…”

А следующий раз – глухонемая
Приду на свет, где всем свой стих дарю,
свой слух дарю.

Ведь все равно – что говорят – не понимаю.
Ведь все равно – кто разберет? – что говорю.

Бог упаси меня – опять Коринной
В сей край придти, где люди тверже льдов,
а льдины – скал.

Глухонемою – и с такою длинной –
– Вот – до полу – косой, чтоб не узнал!

7 апреля 1920

“Две руки, легко опущенные…”

Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были – по одной на каждую –
Две головки мне дарованы.

Но обеими – зажатыми –
Яростными – как могла! –
Старшую у тьмы выхватывая –
Младшей не уберегла.

Две руки – ласкать – разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки – и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя.

Светлая – на шейке тоненькой –
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле.

Пасхальная неделя 1920

Сын

Так, левою рукой упершись в талью,

И ногу выставив вперед,
Стоишь. Глаза блистают сталью,
Не улыбается твой рот.

Краснее губы и чернее брови
Встречаются, но эта масть!
Светлее солнца! Час не пробил
Руну – под ножницами пасть.

Все женщины тебе целуют руки
И забывают сыновей.
Весь – как струна! Славянской скуки
Ни тени – в красоте твоей.

Остолбеневши от такого света,
Я знаю: мой последний час!
И как не умереть поэту,
Когда поэма удалась!

Так, выступив из черноты бессонной
Кремлевских башенных вершин,
Предстал мне в предрассветном сонме
Тот, кто еще придет – ***мой сын*** .

Пасхальная неделя 1920

Вячеславу Иванову

1. “Две руки, легко опущенные…”

Ты пишешь перстом на песке,
А я подошла и читаю.
Уже седина на виске.
Моя голова – золотая.

Как будто в песчаный сугроб
Глаза мне зарыли живые.
Так дети сияющий лоб
Над Библией клонят впервые.

Уж лучше мне камень толочь!
Нет, горлинкой к воронам в стаю!
Над каждой песчинкою – ночь.
А я все стою и читаю.

2. “Ты пишешь перстом на песке…”

Ты пишешь перстом на песке,
А я твоя горлинка, Равви!
Я первенец твой на листке
Твоих поминаний и здравий.

Звеню побрякушками бус,

Чтоб ты оглянулся – не слышишь!
О Равви, о Равви, боюсь –
Читаю не то, что ты пишешь!

А сумрак крадется, как тать,
Как черная рать роковая.
Ты знаешь – чтоб лучше читать –
О Равви – глаза закрываю...

Ты пишешь перстом на песке...

Москва, Пасхи 1920

3. “Не любовницей – любимицей…”

Не любовницей – любимицей
Я пришла на землю нежную.
От рыданий не подымется
Грудь мальчишая моя.

Оттого-то так и нежно мне –
Не вздыхаючи, не млеючи –
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

Если я к руке опущенной
Ртом прильну – не вздумай хмуриться!
Любованье – хлеб насущный мой:
Я молитву говорю.

Всех кудрей златых – дороже мне
Нежный иней индевеющий
Над малиновой скамеечкой
У подножья твоего.

Головой в колени добрые
Утыкаючись – все думаю:
Все ли – до последней – собраны
Розы для тебя в саду?

Но в одном клянусь: обобраны
Все – до одного! – царевичи –
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

А покамест песни пела я,
Ты уснул – и вот блаженствую:
Самое святое дело мне –
Сонные глаза стеречь!

– Если б знал ты, как божественно
Мне дышать – дохнуть не смеючи –
На малиновой скамеечке
У подножья твоего!

1-е Воскресенье после Пасхи 1920

<Н. Н. В.>

“Не позволяй страстям своим
переступать порог воли твоей.
– Но Аллах мудрее...”
(Тысяча и одна ночь)

1. “Большими тихими дорогами…”

Большими тихими дорогами,
Большими тихими шагами...
Душа, как камень, в воду брошенный –
Все расширяющимися кругами...

Та глубока – вода, и та темна – вода...
Душа на все века – схоронена в груди.
И так достать ее оттуда надо мне,
И так сказать я ей хочу: в мою иди!

27 апреля 1920

2. “Целому морю – нужно все небо…”

Целому морю – нужно все небо,
Целому сердцу – нужен весь Бог.

27 апреля 1920

3. “Пахнуло Англией – и морем…”

“то – вопреки всему – Англия...”

Пахн*у* ло Англией – и морем –
И доблестью. – Суров и статен.
– Так, связываясь с новым горем,
Смеюсь, как юнга на канате

Смеется в час великой бури,
Наедине с господним гневом,
В блаженной, обезьяньей дури
Пляша над пенящимся зевом.

Упорны эти руки, – прочен
Канат, – привык к морской метели!
И сердце доблестно, – а впрочем,
Не всем же умирать в постели!

И вот, весь холод тьмы беззвездной
Вдохнув – на самой мачте – с краю –
Над разверзающейся бездной

– Смеясь! – ресницы опускаю...

27 апреля 1920

4. “Времени у нас часок…”

Времени у нас часок.
Дальше – вечность друг без друга!
А в песочнице – песок –
Утечет!

Что меня к тебе влечет –
Вовсе не твоя заслуга!
Просто страх, что роза щек –
Отцветет.

Ты на солнечных часах
Монастырских – вызнал время?
На небесных на весах –
Взвесил – час?

Для созвездий и для нас –
Тот же час – один – над всеми.
Не хочу, чтобы зачах –
Этот час!

Только маленький часок
Я у Вечности украла.
Только час – на .....
Всю любовь.

Мой весь грех, моя – вся кара.
И обоих нас – укроет –
Песок.

5. “Да, друг невиданный, неслыханный…”

“я в темноте ничего не чувствую:
что рука – что доска...”

Да, друг невиданный, неслыханный
С тобой. – Фонарик потуши!
Я знаю все ходы и выходы
В тюремной крепости души.

Вся стража – розами увенчана:
Слепая, шалая толпа!
– Всех ослепила – ибо женщина,
Все вижу – ибо я слепа.

Закрой глаза и не оспаривай
Руки в руке. – Упал засов. –
Нет – то не туча и не зарево!
То конь мой, ждущий седоков!

Мужайся: я твой щит и мужество!
Я – страсть твоя, как в оны дни!
А если голова закружится,
На небо звездное взгляни!

6. “Мой путь не лежит мимо дому – твоего…”

– “А впрочем, Вы ведь никогда
не ходите мимо моего дому...”

Мой путь не лежит мимо дому – твоего.
Мой путь не лежит мимо дому – ничьего.

А все же с пути сбиваюсь,
(Особо весной!)
А все же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостья!
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком – пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я – голос и взгляд.
И мне не один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю з*а* ночь –
Мосты и дворцы.

(А что говорю, не слушай!
Все мелет – бабье!)
Сама поутру разрушу
Творенье свое.

Хоромы – как сноп соломы – ничего!
Мой путь не лежит мимо дому – твоего.

27 апреля 1920

7. “Глаза участливой соседки…”

Глаза участливой соседки
И ровные шаги старушьи.
В руках, свисающих как ветки –
Божественное равнодушье.

А юноша греметь с трибуны
Устал. – Все молнии иссякли. –
Лишь изредка на лоб мой юный

Слова – тяжелые, как капли.

Луна как рубище льняное
Вдоль членов, кажущихся дымом.
– Как хорошо мне под луною –
С нелюбящим и нелюбимым.

29 апреля 1920

8. “Нет, легче жизнь отдать, чем час…”

“День – для работы, вечер – для беседы,
а ночью нужно спать”.

Нет, легче жизнь отдать, чем час
Сего блаженного тумана!
Ты мне велишь – единственный приказ! –
И засыпать и просыпаться – рано.

Пожалуй, что и снов нельзя
Мне видеть, как глаза закрою.
Не проще ли тогда – глаза
Закрыть мне собственной рукою?

Но я боюсь, что все ж не будут спать
Глаза в гробу – мертвецким сном законным.
Оставь меня. И отпусти опять:
Совенка – в ночь, бессонную – к бессонным.

14 мая 1920

9. “В мешок и в воду – подвиг доблестный…”

В мешок и в воду – подвиг доблестный!
Любить немножко – грех большой.
Ты, ласковый с малейшим волосом,
Неласковый с моей душой.

Червонным куполом прельщаются
И вороны, и голубки.
Кудрям – все прихоти прощаются,
Как гиацинту – завитки.

Грех над церковкой златоглавою
Кружить – и не молиться в ней.
Под этой шапкою кудрявою
Не хочешь ты души моей!

Вникая в прядки золотистые,
Не слышишь жалобы смешной:
О, если б ты – вот так же истово
Клонился над моей душой!

14 мая 1920

10. “На бренность бедную мою…”

На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.
Ты – каменный, а я пою,
Ты – памятник, а я летаю.

Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности – ничтожен.
Но птица я – и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.

16 мая 1920

11. “Когда отталкивают в грудь…”

Когда отталкивают в грудь,
Ты на ноги надейся – встанут!
Стучись опять к кому-нибудь,
Чтоб снова вечер был обманут.

..... с канатной вышины
Швыряй им жемчуга и розы.
....., друзьям твоим нужны –
Стихи, а не простые слезы.

16 мая 1920

12. “Сказавший всем страстям: прости…”

Сказавший всем страстям: прости –
Прости и ты.
Обиды наглоталась всласть.
Как хлещущий библейский стих,
Читаю я в глазах твоих:
“Дурная страсть!”

В руках, тебе несущих есть,
Читаешь – лесть.
И смех мой – ревность всех сердец! –
Как прокаженных бубенец –
Гремит тебе.

И по тому, как в руки вдруг
Кирку берешь – чтоб рук
Не взять (не те же ли цветы?),
Так ясно мне – до тьмы в очах! –
Что не было в твоих стадах
Черней – овцы.

Есть остров – благостью Отца, –
Где мне не надо бубенца,

Где черный пух –
Вдоль каждой изгороди. – Да. –
Есть в мире – черные стада.
Другой пастух.

17 мая 1920

13. “Да, вздохов обо мне – край непочатый…”

Да, вздохов обо мне – край непочатый!
А может быть – мне легче быть проклятой!
А может быть – цыганские заплаты –
Смиренные – мои

Не меньше, чем несмешанное злато,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.

Долг плясуна – не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна – забыть, что знал когда-то –
Иное вещество,

Чем воздух – под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он – как и ты – глашатай
Господа своего.

17 мая 1920

14. “Суда поспешно не чини…”

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной – не черни
Галчонка – белизной.

А впрочем – что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь – белей тебя!

17 мая 1920

15. “Так из дому, гонимая тоской…”

“Я не хочу – не могу – и не умею Вас обидеть...”

Так из дому, гонимая тоской,
– Тобой! – всей женской памятью, всей жаждой,
Всей страстью – позабыть! – Как вал морской,
Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан.

О вспененный высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской!

Над дремлющей борзой склонюсь – и вдруг –
Твои глаза! – Все руки по иконам –
Твои! – О, если бы ты был без глаз, без рук,
Чтоб мне не помнить их, не помнить их, не помнить!

И, приступом, как резвая волна,
Беру головоломные дома.

Всех перецеловала чередом.
Вишу в окне. – Москва в кругу просторном.
Ведь любит вся Москва меня! – А вот твой дом...
Смеюсь, смеюсь, смеюсь с зажатым горлом.

И пятилетний, прожевав пшено:
– “Без Вас нам скучно, а с тобой смешно”...

Так, оплетенная венком детей,
Сквозь сон – слова: “Боюсь, под корень рубит –
Поляк... Ну что? – Ну как? – Нет новостей?”
– “Нет, – впрочем, есть: что он меня не любит!”

И, репликою мужа изумив,
Иду к жене – внимать, как друг ревнив.

Стихи – цветы – (И кто их не дает
Мне за стихи?) В руках – целая вьюга!
Тень на домах ползет. – Вперед! Вперед!
Чтоб по людскому цирковому кругу

Дурную память загонять в конец, –
Чтоб только не очнуться, наконец!

Так от тебя, как от самой Чумы,
Вдоль всей Москвы – ..... длинноногой
Кружить, кружить, кружить до самой тьмы –
Чтоб, наконец, у своего порога

Остановиться, дух переводя...
– И в дом войти, чтоб вновь найти – тебя!

17 – 19 мая 1920

16. “Восхищенной и восхищённой…”

Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться – лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

17 – 19 мая 1920

17. “Пригвождена к позорному столбу…”

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.

Пересмотрите все мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке – лишь горстка пепла!

И это все, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это все, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

18. “Пригвождена к позорному столбу…”

Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю.

Что ни одна до самых недр – мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.
Ты не поймешь, – малы мои слова! –
Как мало мне позорного столба!

Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы *ты* предстал перед глазами –
С другим в руке – окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
И эту честь последнюю поправ,
Пренижe ног твоих, пренижe трав.

Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена – березкой на лугу

Сей столб встает мне, и не рокот толп –
То голуби воркуют утром рано...
И все уже отдав, сей черный столб
Я не отдам – за красный нимб Руана!

19. “Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя…”

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня, целую.

В грудь оттолкнувшую – к груди тяну,
Чтоб, удивясь, прослушал – тишину.

И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:
– Мое дитя становится послушным!

Не первый день, а многие века
Уже тяну тебя к груди, рука

Монашеская – хладная до жара! –
Рука – о Элоиза! – Абеляра.

В гром кафедральный – дабы насмерть бить! –
Ты, белой молнией взлетевший бич!

19 мая 1920, Канун Вознесения

20. “Сей рукой, о коей мореходы…”

Сей рукой, о коей мореходы
Протрубили н*а* сто солнц окрест,
Сей рукой, в ночах ковавшей – оды,
Как неграмотная ставлю – крест.

Если ж мало, – наперед согласна!
Обе их на плаху, чтоб в ночи
Хлынувшим – веселым валом красным
Затопить чернильные ручьи!

20 мая 1920

21. “И не спасут ни стансы, ни созвездья…”

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется – возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру,
– Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных –
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям

Была – как снег, что здесь, под левой грудью –
Вечный апофеоз!

Что с глазу н*а* глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

22. “Не так уж подло и не так уж просто…”

Не так уж подло и не так уж просто,
Как хочется тебе, чтоб крепче спать.
Теперь иди. С высокого помоста
Кивну тебе опять.

И, удивленно подымая брови,
Увидишь ты, что зря меня чернил:
Что я писала – чернотою крови,
Не пурпуром чернил.

23. “Кто создан из камня, кто создан из глины…”

Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволье.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!

23 мая 1920

24. “Возьмите всё, мне ничего не надо…”

Возьмите всё, мне ничего не надо.
И вывезите в .....……..
Как за решетку розового сада
Когда-то Бог – своей рукою – ту.

Возьмите все, чего не покупала:

Вот .....……., и....., и тетрадь.
Я все равно – с такой горы упала,
Что никогда мне жизни не собрать!

Да, в этот час мне жаль, что так бесславно
Я прожила, в таком глубоком сне, –
Щенком слепым! – Столкнув меня в канаву,
Благое дело сотворите мне.

И вместо той – как.....…….
Как рокот площадных вселенских волн –
Вам маленькая слава будет – эта:
Что из-за Вас ..... – новый холм.

23 мая 1920

25. Смерть танцовщицы

Вижу комнату парадную,
Белизну и блеск шелков.
Через все – тропу громадную –
– Черную – к тебе, альков.

В головах – доспехи бранные
Вижу: веер и канат.
– И глаза твои стеклянные,
Отражавшие закат.

24 мая 1920

26. “Я не танцую, – без моей вины…”

Я не танцую, – без моей вины
Пошло волнами розовое платье.
Но вот обеими руками вдруг
Перехитрен, накрыт и пойман – ветер.

Молчит, хитрец. – Лишь там, внизу колен,
Чуть-чуть в краях подрагивает. – Пойман!
О, если б Прихоть я сдержать могла,
Как разволнованное ветром платье!

24 мая 1920

27. “Глазами ведьмы зачарованной…”

Глазами ведьмы зачарованной
Гляжу на Божие дитя запретное.
С тех пор как мне душа дарована,
Я стала тихая и безответная.

Забыла, как речною чайкою
Всю ночь стонала под людскими окнами.

Я в белом чепчике теперь – хозяйкою
Хожу степенною, голубоокою.

И даже кольца стали тусклые,
Рука на солнце – как мертвец спеленутый.
Так солон хлеб мой, что нейдет, во рту стоит, –
А в солонице соль лежит нетронута...

25 мая 1920

“О, скромный мой кров! Нищий дым…”

О, скромный мой кров! Нищий дым!
Ничто не сравнится с родным!

С окошком, где вместе горюем,
С вечерним, простым поцелуем
Куда-то в щеку, мимо губ...

День кончен, заложен засов.
О, ночь без любви и без снов!

– Ночь всех натрудившихся жниц, –
Чтоб завтра до света, до птиц

В упорстве души и костей
Работать во имя детей.

О, знать, что и в пору снегов
Не будет мой холм без цветов...

14 мая 1920

“Сижу без света, и без хлеба…”

С. Э.

Сижу без света, и без хлеба,
И без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.

Сижу, – с утра ни корки черствой –
Мечту такую полюбя,
Что – может – всем своим покорством
– Мой Воин! – выкуплю тебя.

16 мая 1920

“Писала я на аспидной доске…”

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, –

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец – чтоб было всем известно! –
Что ты любим! любим! любим! – любим! –
Расписывалась – радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала – имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! ***внутри*** кольца!
Ты – уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

“Тень достигла половины дома…”

Тень достигла половины дома,
Где никто не знает про меня.
Не сравню с любовною истомой
Благородство трудового дня.

Этою короной коронован
Будет Царь... – Пот на державном лбу! –
Мне ж от Бога будет сон дарован
В безымянном, но честном гробу.

21 мая 1920

“Все братья в жалости моей…”

Все братья в жалости моей!
Мне жалко нищих и царей,
Мне жалко сына и отца...

За будущую тень лица,
За тень грядущего венца,
За тень сквозного деревца...

– Впалость плечей...

21 мая 1920

“Руку на сердце положа…”

Кричали женщины ура
И в воздух чепчики бросали...

Руку н*а* сердце положа:
Я не знатная госпожа!
Я – мятежница лбом и чревом.

Каждый встречный, вся площадь, – все! –
Подтвердят, что в дурном родстве
Я с своим родословным древом.

Кремль! Черна чернотой твоей!
Но не скрою, что всех мощней
Преценнее мне – пепел Гришки!

Если ж чепчик кидаю вверх, –
Ах! не так же ль кричат на всех
Мировых площадях – мальчишки?!

Да, ура! – За царя! – Ура!
Восхитительные утра
Всех, с начала вселенной, въездов!

Выше башен летит чепец!
Но – минуя литой венец
На челе истукана – к звездам!

21 мая 1920

“Одна половинка окна растворилась…”

Одна половинка окна растворилась.
Одна половинка души показалась.
Давай-ка откроем – и ту половинку,
И ту половинку окна!

25 мая 1920

Песенки из пьесы “Ученик”

1. “В час прибоя…”

В час прибоя
Голубое
Море станет серым.

В час любови
Молодое
Сердце станет верным.

Бог, храни в часы прибоя –
Лодку, бедный дом мой!
Охрани от злой любови

Сердце, где я дома!

2. “Сказать: верна…”

Сказать: верна,
Прибавить: очень,
А завтра: ты мне не танцор, –
Нет, чем таким цвести цветочком, –
Уж лучше шею под топор!

Пускай лесник в рубахе красной
Отделит купол от ствола –
Чтоб мать не мучилась напрасно,
Что не одна в ту ночь спала.

Не снился мне сей дивный ужас:
Венчаться перед королем!
Мне женихом – топор послужит,
Помост мне будет – алтарем!

3. “Я пришел к тебе за хлебом…”

Я пришел к тебе за хлебом
За святым насущным.
Точно в самое я небо –
Не под кровлю впущен!

Только Бог на звездном троне
Так накормит вдоволь!
Бог, храни в своей ладони
Пастыря благого!

Не забуду я хлеб-соли,
Как поставлю парус!
Есть на свете три неволи:
Голод – страсть – и старость...

От одной меня избавил,
До другой – далёко!
Ничего я не оставил
У голубоокой!

Мы, певцы, что мореходы:
Покидаем вскоре!
Есть на свете три свободы:
Песня – хлеб – и море...

4. “Там, на тугом канате…”

Там, на тугом канате,
Между картонных скал,
Ты ль это как лунатик
Приступом небо брал?

Новых земель вельможа,
Сын неземных широт –
Точно содрали кожу –
Так улыбался рот.

Грохнули барабаны.
Ринулась голь и знать
Эту живую рану
Бешеным ртом зажать.

Помню сухой и жуткий
Смех – из последних жил!
Только тогда – как будто –
Юбочку ты носил...

5. (моряки и певец)

Среди диких моряков – простых рыбаков
Для шутов и для певцов
Стол всегда готов.

Само море нам – хлеб,
Само море нам – соль,
Само море нам – стакан,
Само море нам – вино.

Мореходы и певцы – одной материи птенцы,
Никому – не сыны,
Никому – не отцы.

Мы – веселая артель!
Само море – нам купель!
Само море нам – качель!
Само море – карусель!

А девчонка у нас – заведется в добрый час,
Лишь одна у нас опаска:
Чтоб по швам не разошлась!

Бела пена – нам полог,
Бела пена – нам перинка,
Бела пена – нам подушка,
Бела пена – пуховик.

6. (певец – девушкам)

Вам, веселые девицы,
– Не упомнил всех имен –
Вам, веселые девицы,
От певца – земной поклон.

Блудного – примите – сына
В круг отверженных овец:

Перед Господом едино:
Что блудница – что певец.

Все мы за крещенский крендель
Отдали людской почет:
Ибо: кто себя за деньги,
Кто за душу – продает.

В пышущую печь Геенны,
Дьявол, не жалей дровец!
И взойдет в нее смиренно
За блудницею – певец.

Что ж что честь с нас пооблезла,
Что ж что совесть в нас смугла, –
Разом побелят железом,
Раскаленным добела!

Не в харчевне – в зале тронном
Мы – и нынче Бог-Отец –
Я, коленопреклоненный
Пред блудницею – певец!

7. “Хоровод, хоровод…”

– Хоровод, хоровод,
Чего ножки бьешь?
– Мореход, мореход,
Чего вдаль плывешь?

Пляшу, – пол горячий!
Боюсь, обожгусь!
– Отчего я не плачу?
Оттого что смеюсь!

Наш моряк, моряк –
Морячок морской!
А тоска – червяк,
Червячок простой.

Поплыл за удачей,
Привез – нитку бус.
– Отчего я не плачу?
Оттого что смеюсь!

Глубоки моря!
Вороч*а* йся вспять!
Зачем рыбам – зря
Красоту швырять?

Бог дал, – я растрачу!
Крест медный – весь груз.
– Отчего я не плачу?
Оттого что смеюсь!

Между 25 мая и 13 июля 1920

<8>. “И что тому костер остылый…”

И что тому костер остылый,
Кому разлука – ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко – весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом –
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, ***наши*** девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пущусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, –
Одна не ведаю о том, –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Такое уж мое именье:
Весь век дарю – не издарю!
Зато прибрежные каменья
Дробя, – свою же грудь дроблю!

Подобно пленной королеве,
Что молвлю на суду простом –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

13 июня 1920

<9>. “Вчера еще в глаза глядел…”

А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, –
Все жаворонки нынче – вороны!

Я глупая, а ты умен,

Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
“Мой милый, чт*о* тебе я сделала?!”

И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
“Мой милый, что тебе я сделала?”

Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, –
Жизнь выпала – копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
“Мой милый, что тебе я сделала?”

Спрошу я стул, спрошу кровать:
“За что, за что терплю и бедствую?”
“Отцеловал – колесовать:
Другую целовать”, – ответствуют.

Жить приучил в сам*о* м огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ***ты***, милый, сделал мне!
Мой милый, чт*о* тебе – *я* сделала?

Все ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само – чт*о* дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...
– За все, за все меня прости,
Мой милый, – что тебе я сделала!

14 июня 1920

Евреям

Так бессеребренно – так бескорыстно,
Как отрок – нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков. – Аминь. –

Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской – стираю письмена.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!

Кремль почерневший! Попран! – Предан! – Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь – со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.

И мне – в братоубийственном угаре –
Крест православный – Бога затемнял!
Но есть один – напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!

Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, –
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Май 1920

“Где слезиночки роняла…”

Где слезиночки роняла,
Завтра розы будут цвесть.
Я кружавчики сплетала,
Завтра сети буду плесть.

Вместо моря мне – все небо,
Вместо моря – вся земля.
Не простой рыбацкий невод –
Песенная сеть моя!

15 июня 1920

Земное имя

Стакан воды во время жажды жгучей:
– Дай – или я умру! –
Настойчиво – расслабленно – певуче –
Как жалоба в жару –

Все повторяю я – и все жесточе
Снова – опять –
Как в темноте, когда так страшно хочешь
Спать – и не можешь спать.

Как будто мало по лугам снотворной
Травы от всяческих тревог!
Настойчиво – бессмысленно – повторно –
Как детства первый слог...

Так с каждым мигом все неповторимей

К горлу – ремнем...
И если здесь – всего – земное имя, –
Дело не в нем.

Между 16 и 25 июня 1920

“Заря пылала, догорая…”

Заря пылала, догорая,
Солдатики шагали в ряд.
Мне мать сказала, умирая:
– Надень мальчишеский наряд.

Вся наша белая дорога
У них, мальчоночков, в горсти.
Девчонке самой легконогой
Все ж дальше сердца не уйти!

Мать думала, солдаты пели.
И все, пока не умерла,
Подрагивал конец постели:
Она танц*о* вщицей была!

...И если сердце, разрываясь,
Без лекаря снимает швы, –
Знай, что от сердца – голова есть,
И есть топор – от головы...

Июнь 1920

“Руки заживо скрещены…”

Руки заживо скрещены,
А помру без причастья.
Вдоль души моей – трещина.
Мое дело – пропащее.

А узнать тебе хочется
А за что я наказана –
Взглянь в окно: в небе дочиста
Мое дело рассказано.

Июнь 1920

“Был Вечный Жид за то наказан…”

Был Вечный Жид за то наказан,
Что Бога прогневил отказом.
Судя по нашей общей каре –
Творцу кто отказал – и тварям
Кто не отказывал – равны.

Июнь 1920

“Дом, в который не стучатся…”

Дом, в который не стучатся:
Нищим нечего беречь.
Дом, в котором – не смущаться:
Можно сесть, а можно лечь.

Не судить – одно условье,
……..
Окна выбиты любовью,
Крышу ветром сорвало.

Всякому – .... ты сам Каин –
Всем стаканы налиты!
Ты такой как я – хозяин,
Так же гостья, как и ты.

Мне добро досталось даром, –
Так и спрячь свои рубли!
Окна выбиты пожаром,
Дверь Зима сняла с петли!

Чай не сладкий, хлеб не белый –
Личиком бела зато!
Тем делюсь, что уцелело,
Всем делюсь, что не взято.

Трудные мои завязки –
Есть служанка – подсобит!
А плясать – пляши с опаской,
Пол поклонами пробит!

Хочешь в пляс, а хочешь в лежку, –
Спору не встречал никто.
Тесные твои сапожки?
Две руки мои на что?

А насытила любовью, –
В очи плюнь, – на то рукав!
Не судить: одно условье.
Не платить: один устав.

28 июня 1920

“Уравнены: как да и нет…”

Уравнены: как да и нет,
Как черный цвет – и белый цвет.
Как в творческий громовый час:
С громадою Кремля – Кавказ.

Не путал здесь – земной аршин.
Все равные – дети вершин.

Равняться в низости своей –
Забота черни и червей.
В час благодатный громовой
Все горы – братья меж собой!

Так, всем законам вопреки,
Сцепились наши две руки.

И оттого что оком – желт,
Ты мне орел – цыган – и волк.

Цыган в мешке меня унес,
Орел на вышний на утес
Восхитил от страды мучной.

– А волк у ног лежит ручной.

<Июнь – июль 1920>

Ex-Ci-Devant[38]

(Отзвук Стаховича)

Хоть сто мозолей – трех веков не скроешь!
Рук не исправишь – топором рубя!
О, откровеннейшее из сокровищ:
Порода! – узнаю Тебя.

Как ни коптись над ржавой сковородкой –
Всё вкруг тебя твоих Версалей – тишь.
Нет, самою косой косовороткой
Ты шеи не укоротишь.

Над снежным валом иль над трубной сажей
Дугой согбен, всё ж – гордая спина!
Не окриком, – всё той же барской блажью
Тебе работа задана.

Выменивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирос –
Всё равенство нарушит – нос горбатый:
Ты – горбонос, а он – курнос.

Но если вдруг, утомлено получкой,
Тебе дитя цветок протянет – в дань,
Ты так же поцелуешь эту ручку,
Как некогда – Царицы длань.

Июль 1920

---

38 Здесь: бывшему из бывших *(фр.)*.

“И если руку я даю…”

И если руку я даю –
То погадать – не целовать.

Скажи мне, встречный человек,
По синим по дорогам рек

К какому морю я приду?
В каком стакане потону?

– Чтоб навзничь бросил наповал –
Такой еще не вырос – вал.

Стакан твой каждый – будет пуст.
Сама ты – океан для уст.

Ты за стаканом бей стакан,
Топи нас, море-окиян!

А если руку я беру –
То не гадать – поцеловать.

Сама запуталась, паук,
В изделии своих же рук.

– Сама не разгибаю лба, –
Какая я тебе судьба?

<Июль 1920>

“Сколько у тебя дружочков…”

– Сколько у тебя дружочков?
Целый двор, пожалуй?
– После кройки лоскуточков,
Прости, не считала.

– Скольких переприщащала?
Поди, целый рынок?
– А на шали бахроминок,
Прости, не считала.

– А сердца покласть в рядочек –
Дойдешь до Китая?
– Нынче тиф косит, дружочек!
Помру – сосчитаю.

Две руки – и пять на каждой –
Пальчиков проворных.
И на каждом – перстенечек.

(На котором – п*о* два.)

К двум рукам – все пальцы – к ним же
Перстеньки прибавить –
Не начтешь и пятой доли
<Всех>, кого любила!

<Июнь – июль 1920>

“Ветер, ветер, выметающий…”

Ветер, ветер, выметающий,
Заметающий следы!
Красной птицей залетающий
В белокаменные лбы.

Длинноногим псом ныряющий
Вдоль равнины овсяной.
– Ветер, голову теряющий
От юбчонки кружевной!

Пурпуровое поветрие,
Первый вестник мятежу, –
Ветер – висельник и ветреник, –
В кулачке тебя держу!

Полно баловать над кручами,
Головы сбивать снегам, –
Ты – моей косынкой скрученный
По рукам и по ногам!

За твои дела острожные, –
Расквитаемся с тобой, –
Ветер, ветер в куртке кожаной,
С красной – да во лбу – звездой!

<Июль 1920>

“Не хочу ни любви, ни почестей…”

Не хочу ни любви, ни почестей:
– Опьянительны. – Не падка!
Даже яблочка мне не хочется
– Соблазнительного – с лотка...

Что-то цепью за мной волочится,
Скоро громом начнет греметь.

– Как мне хочется,
Как мне хочется –
Потихонечку умереть!

<Июль 1920>

“Смерть – это нет…”

Смерть – это нет,
Смерть – это нет,
Смерть – это нет.
Нет – матерям,
Нет – пекарям.
(Выпек – не съешь!)

Смерть – это так:
Недостроенный дом,
Недовзращенный сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутый крик.

Я – это да,
Да – навсегда,
Да – вопреки,
Да – через всё!
Даже тебе
Да кричу, Нет!

Стало быть – нет,
Стало быть – вздор,
Календарная ложь!

<Июль 1920>

“Ты разбойнику и вору…”

Ты разбойнику и вору
Бросил славную корону,
Предку твоему дарованную
За военные труды.

Предок твой был горд и громок, –
Правнук – ты дурной потомок.

Ты разбойнику и вору
Отдал сына дорогого,
Княжью кровь высокородную.
Бросил псам на площади.

Полотенцем ручки вытер...
– Правнук, ты дурной родитель.

Ты разбойнику и вору
Больше княжеской короны
Отдал – больше сына! – сердце,
Вырванное из груди.

Прадед твой гремит, вояка:
– “Браво! – Молодцом – атака!”

<Июль 1920>

“Я вижу тебя черноокой, – разлука…”

Я вижу тебя черноокой, – разлука!
Высокой, – разлука! – Одинокой, – разлука!
С улыбкой, сверкнувшей, как ножик, – разлука!
Совсем на меня не похожей – разлука!

На всех матерей, умирающих рано,
На мать и мою ты похожа, – разлука!
Ты так же вуаль оправляешь в прихожей.
Ты Анна над спящим Сережей, – разлука!

Стрясается – в дом забредешь желтоглазой
Цыганкой, – разлука! – молдаванкой, – разлука!
Без стука, – разлука! – Как вихрь заразный
К нам в жилы врываешься – лихорадкой, – разлука!

И жжешь, и звенишь, и топочешь, и свищешь,
И ревешь, и рокочешь – и – разорванным шелком –
– Серым волком, – разлука! – Не жалея ни деда, ни внука, –
разлука!
Филином-птицей – разлука! Степной кобылицей, – разлука!

Не потомком ли Разина – широкоплечим, ражим, рыжим
Я погромщиком тебя увидала, – разлука?
– Погромщиком, выпускающим кишки и перины?..

Ты нынче зовешься Мариной, – разлука!

Конец июля 1920

“Другие – с очами и с личиком светлым…”

Другие – с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем – италийским
Зефиром младым, –
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плутают,
Из уст пересохших – дыханье глотают...
А я – руки настежь! – застыла – столбняк!
Чтоб выдул мне душу – российский сквозняк!

Другие – о, нежные, цепкие путы!
Нет, с нами Эол обращается круто.
– Небось, не растаешь! Одна – мол – семья! –
Как будто и вправду – не женщина я!

2 августа 1920

“И вот исчез, в черную ночь исчез…”

И вот исчез, в черную ночь исчез,
– Как некогда Иосиф, плащ свой бросив.
Гляжу на плащ – черного блеска плащ,
Земля <горит>, а сердце – смерти просит.

Жестокосердый в сем году июль,
Лесною гарью душит воздух ржавый.
В ушах – туман, и в двух шагах – туман,
И солнце над Москвой – как глаз кровавый.

Гарь торфяных болот. – Рот пересох.
Не хочет дождь на грешные просторы!
– Гляжу на плащ – светлого плеску – плащ!
Ты за плащом своим придешь не скоро.

<Начало августа 1920>

“И вот исчез, в черную ночь исчез…”

Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи.
– И было что-то птичье в нас с тобой –
Когда – ночь соловьиную тревожа –
Мы обмирали – каждый над собой!

А Август – царь. Ему не до рулады,
Ему – до канонады Октября.
Да, Август – царь. – Тебе царей не надо, –
А мне таких не надо – без царя!

<Август 1920>

“.... коль делать нечего…”

.... коль делать нечего!
Не*у* жели – сталь к виску?
В три вечера я, в три вечера
Всю вытосковала – тоску.

Ждала тебя на подоконничке
– Ревнивее, чем враг – врага. –
Легонечко, любовь, легонечко!
У низости – легка нога!

Смотри, чтобы другой дорожкою
Не выкрался любовный тать.
Бессонная моя душа, сторожкая,
За молодость отвыкла спать!

Но все же, голубок неласковый,
Я в книжицу впишу Разлук:

– Не вытосковала тоски – вытаскивала
Всей крепостью неженских рук!

Проснулась поутру, как нищая:
– Все – чисто .....……...
Не вытосковала тебя, – не вытащила –
А вытолкала тебя в толчки!

8 августа 1920

(Отрывок)

Как пьют глубокими глотками
– Непереносен перерыв! –
Так – в памяти – глаза закрыв,
Без памяти – любуюсь Вами!

Как в горло – за глотком глоток
Стекает влага золотая,
Так – в памяти – за слогом слог
Наречья галльского глотаю.

Август 1920

“В подвалах – красные окошки…”

В подвалах – красные окошки.
Визжат несчастные гармошки, –
Как будто не было флажков,
Мешков, штыков, большевиков.

Так русский дух с подвалом сросся, –
Как будто не было и вовсе
На Красной площади – гробов,
Ни обезглавленных гербов.

..... ладонь с ладонью –
Так наша жизнь слилась с гармонью.
Как будто Интернационал
У нас и дня не гостевал.

Август 1920

“Все сызнова: опять рукою робкой…”

Все сызнова: опять рукою робкой
Надавливать звонок.
(Мой дом зато – с атласною коробкой
Сравнить никто не смог!)

Все сызнова: опять под стопки пански
Швырять с размаху грудь.
(Да, от сапог казанских, рук цыганских

Не вредно отдохнуть!)

Все сызнова: про брови, про ресницы,
И что к лицу ей – шелк.
(Оно, дружок, не вредно после ситцу, –
Но, ах, все тот же толк!)

Все сызнова: .....
.....……..
(После волос коротких – слов высоких
Вдруг: щебет – и шиньон!)

Все сызнова: вновь как у царских статуй –
Почетный караул.
(Я не томлю – обычай, перенятый
У нищих Мариул!)

Все сызнова: коленопреклоненья,
Оттолкновенья – сталь.
(Я думаю о Вашей зверской лени, –
И мне Вас зверски жаль!)

Все сызнова: .....
И уж в дверях: вернись!
(Обмен на славу: котелок солдатский –
На севрский сервиз)

Все сызнова: что мы в себе не властны,
Что нужен дуб – плющу.
(Сенной мешок мой – на альков атласный
Сменен – рукоплещу!)

Все сызнова: сплошных застежек сбруя,
Звон шпилек .....
(Вот чем другим, – а этим не грешу я:
Ни шпилек, ни .....!)

И сызнова: обняв одной, окурок
Уж держите другой.
(Глаз не открывши – и дымит, как турок
Кто стерпит, дорогой?)

И сызнова: между простынь горячих
Ряд сдавленных зевков.
(Один зевает, а другая – плачет.
Весь твой Эдем, альков!)

И сызнова: уже забыв о птичке,
Спать, как дитя во ржи...
(Но только умоляю: по привычке
– Марина – не скажи!)

1920

“Проста моя осанка…”

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу – никто не нужен!
Взошел – ночей не сплю.
Согреть чужому ужин –
Жилье свое спалю.

Взглянул – так и знакомый,
Взошел – так и живи.
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь – коли мила!
Ну а ушел – как не был,
И я – как не была.

Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: пить.

Август 1920

“Бог, внемли рабе послушной…”

Бог, внемли рабе послушной!
Цельный век мне было душно
От той кровушки-крови.

Цельный век не знаю: город
Что ли брать какой, аль ворот.
Разорвать своей рукой.

Все гулять уводят в садик,
А никто ножа не всадит,
Не помилует меня.

От крови моей богатой,
Той, что в уши бьет набатом,
Молотом в висках кует,

Очи застит красной тучей,
От крови сильно-могучей
Пленного богатыря.

Не хочу сосновой шишкой
В срок – упасть, и от мальчишки
В пруд – до срока – не хочу.

Сулемы хлебнув – на зов твой
Не решусь, – да и веревка
– Язык высуня – претит.

Коль совет тебе мой дорог, –
Так, чтоб разом мне и ворот
Разорвать – и город взять –

– Ни об чем просить не стану! –
Подари честною раной
За страну мою за Русь!

30 августа 1920

“Есть подвиги. – По селам стих…”

Есть подвиги. – По селам стих
Не ходит о их смертном часе.
Им тесно в житии святых,
Им душно на иконостасе.

Покрепче нежели семью
Печатями скрепила кровь я.
– Так, нахлобучив кулаком скуфью
Не плакала – Царевна Софья!

<1920>

Петру

Вся жизнь твоя – в едином крике:
– ***На*** дедов – ***за*** сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,

Не на своих сынов работал, –
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Не ты б – всё по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок[39].

Не ладил бы, лба не подъемля,
Ребячьих кораблёв –
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.

---

[39] В Москве тогда думали, что Царь расстрелян на каком-то уральском полустанке *(примеч. М. Цветаевой)* .

Ты под котел кипящий этот –
Сам подложил углей!
Родоначальник – ***ты*** – Советов,
Ревнитель Ассамблей!

Родоначальник – ***ты*** – развалин,
Тобой – скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град...

Соль высолил, измылил мыльце –
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть – сестра...
– *На* Интернацьонал – ***за*** терем!
За Софью – ***на*** Петра!

Август 1920

“Есть в стане моем – офицерская прямость…”

Есть в стане моем – офицерская прямость,
Есть в ребрах моих – офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть!

Как будто когда-то прикладом и сталью
Мне выправили этот шаг.
Недаром, недаром черкесская талья
И тесный рем*е* нный кушак.

А з*о* рю заслышу – Отец ты мой р*о* дный! –
Хоть райские – штурмом – врата!
Как будто нарочно для сумки походной –
Раскинутых плеч широта.

Всё может – какой инвалид ошалелый
Над люлькой мне песенку спел...
И что-то от этого дня – уцелело:
Я слово беру – на прицел!

И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежещет – корми-не корми! –
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни.

Сентябрь 1920

(NB! Эти стихи в Москве назывались “про красного офицера”, и я полтора года с неизменным громким успехом читала их на каждом выступлении по неизменному вызову

курсантов)

“Об ушедших – отошедших…”

Об ушедших – отошедших –
В горний лагерь перешедших,
В белый стан тот журавлиный –
Голубиный – лебединый –

О тебе, моя высь,
Говорю, – отзовись!

О младых дубовых рощах,
В небо росших – и не взросших,
Об упавших и не вставших, –
В вечность перекочевавших, –

О тебе, наша Честь,
Воздыхаю – дай весть!

Каждый вечер, каждый вечер
Руки вам тяну навстречу.
Там, в просторах голубиных –
Сколько у меня любимых!

Я на красной Руси
Зажилась – вознеси!

Октябрь 1920

Волк

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Подыхает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, –
Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи, –
Не твоя вина – мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить – как Бог судил, –
К одному бабьё ревниво:
Чтобы лап не остудил.

Удержать – перстом не двину:
Перст – не шест, а лес велик.

Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура –
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

“Не называй меня никому…”

Не называй меня никому,
Я серафим твой, легкое бремя.
Ты поцелуй меня нежно в темя,
И отпусти во тьму.

Все мы сидели в ночи без света.
Ты позабудешь мои приметы.

Да не смутит тебя сей – Бог весть! –
Вздох, всполохнувший одежды ровность.
Может ли, друг, на устах любовниц
Песня такая цвесть?

Так и иди себе с миром, словно
Мальчика гладил в хору церковном.

Духи и дети, дитя, не в счет!
Не отвечают, дитя, за души!
Эти ли руки – веревкой душат?
Эта ли нежность – жжет?

Вспомни, как руки пустив вдоль тела,
Закаменев, на тебя глядела.

Не загощусь я в твоем дому,
Раскрепощу молодую совесть.
Видишь: к великим боям готовясь,
Сам ухожу во тьму.

И обещаю: не будет биться
В окна твои – золотая птица!

25 ноября 1920

Чужому

Твои знамена – не мои!
Врозь наши головы.
Не изменить в тисках Змеи
Мне Духу – Голубю.

Не ринусь в красный хоровод

Вкруг древа майского.
Превыше всех земных ворот –
Врата мне – райские.

Твои победы – не мои!
Иные грезились!
Мы не на двух концах земли –
На двух созвездиях!

Ревнители двух разных звезд –
Так что же делаю –
Я, перекидывая мост
Рукою смелою?!

Есть у меня моих икон
Ценней – сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы – кроющий.

Пред ним – все клонятся клинки,
Все меркнут – яхонты.
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.

И будем мы судимы – знай –
Одною мерою.
И будет нам обоим – Рай,
В который – верую.

Москва, 28 ноября 1920

“Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе…”

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб н*а* сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
– Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.

И если всё ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увесть, –
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвесть!

Около 28 ноября 1920

“Целовалась с нищим, с вором, с горбачом…”

Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,
Со всей каторгой гуляла – нипочем!
Алых губ своих отказом не тружу,
Прокаженный подойди – не откажу!

Пока молода –
Всё как с гуся вода!
Никогда никому:
Нет!
Всегда – да!

Что за дело мне, что рваный ты, босой:
Без разбору я кошу, как смерть косой!
Говорят мне, что цыган-ты-конокрад,
Про тебя еще другое говорят...

А мне чт*о* за беда –
Что с копытом нога!
Никогда никому:
Нет!
Всегда – да!

Блещут, плещут, хлещут раны – кумачом,
Целоваться я не стану – с палачом!

Москва, ноябрь 1920

(Взятие Крыма)

И страшные мне снятся сны:
Телега красная,
За ней – согб*е* нные – моей страны
Идут сыны.

Золотокудрого воздев
Ребенка – матери
Вопят. На паперти
На стяг
Пурпуровый маша рукой беспалой
Вопит калека, тряпкой алой
Горит безногого костыль,
И красная – до неба – пыль.

Колеса ржавые скрипят.
Конь пляшет, взб*е* шенный.
Все окна флагами кипят.
Одно – завешено.

Ноябрь 1920

“Буду выспрашивать воды широкого Дона…”

Буду выспрашивать воды широкого Дона,
Буду выспрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет.

Скажет мне Дон: – Не видал я таких загорелых!
Скажет мне море: – Всех слез моих плакать – не хватит!
Солнце в ладони уйдет, и прокаркает ворон:
Трижды сто лет живу – кости не видел белее!

Я журавлем полечу по казачьим станицам:
Плачут! – дорожную пыль допрошу: провожает!
Машет ковыль-трава вслед, распушила султаны.
Красен, ох, красен кизиль на горбу Перекопа!

Всех допрошу: тех, кто с миром в ту лютую пору
В люльке мотались.
Череп в камнях – и тому не уйти от допросу:
Белый поход, ты нашел своего летописца.

Ноябрь 1920

“Я знаю эту бархатную бренность…”

Я знаю эту бархатную бренность
– Верней брони! – от зябких плеч сутулых
– От худобы пролегшие – две складки
Вдоль бархата груди,

К которой не прижмусь – хотя так нежно
Щеке – к которой не прижмусь я, ибо
Такая в этом грусть: щека и бархат,
А не – душа и грудь!

И в праведнических ладонях лоб твой
Я знаю – в кипарисовых ладонях
Зажатый и склоненный – дабы легче
Переложить в мои –

В которые не будет переложен,
Которые в великом равнодушьи
Раскрытые – как две страницы книги –
Застыли вдоль колен.

2 декабря 1920

“Прощай! – Как плещет через край…”

– Прощай! – Как плещет через край
Сей звук: прощай!
Как, всполохнувшись, губы сушит!

– Весь свод небесный потрясен!
Прощай! – в едином слове сем
Я – всю – выплескиваю душу!

8 декабря 1920

“Знаю, умру на заре! На которой из двух…”

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Пр*о* резь зари – и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, декабрь 1920

“Короткие крылья волос я помню…”

Короткие крылья волос я помню,
Метущиеся между звезд. – Я помню
Короткие крылья
Под звездною пылью,
И рот от усилья сведенный,
– Сожженный! –
И все сухожилья –
Руки.

Смеженные вежды
И черный – промежду –
Свет.
Не гладя, а режа
По бренной и нежной
Доске – вскачь
Всё выше и выше,
Не слыша
Палач – хрипа,
Палач – хруста
Костей.
– Стой!
Жилы не могут!
Коготь
Режет живую плоть!
Господь, ко мне!..

То на одной струне

Этюд Паганини.

Декабрь 1920

Пожалей...

– Он тебе не муж? – Нет.
Веришь в воскрешенье душ? – Нет.
– Так чего ж?
Так чего ж поклоны бьешь?
– Отойдешь –
В сердце – как удар кулашный:
Вдруг ему, сыночку, страшно –
Одному?

– Не пойму!
Он тебе не муж? – Нет.
– Веришь в воскрешенье душ? – Нет.
– Гниль и плесень?
– Гниль и плесень.
– Так наплюй!
Мало ли живых на рынке!
– Без перинки
Не простыл бы! Ровно ссыльно-
Каторжный какой – на досках!
Жестко!

– Черт!
Он же мертв!
Пальчиком в глазную щелку –
Не сморгнет!
Пес! Смердит!
– Не сердись!
Видишь – пот
На виске еще не высох.
Может, кто еще поклоны в письмах
Шлет, рубашку шьет...

– Он тебе не муж? – Нет.
– Веришь в воскрешенье душ? – Нет.
– Так айда! – ...нагрудник вяжет...
Дай-кось я с ним рядом ляжу...
Зако – ла – чи – вай!

Декабрь 1920

“Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь…”

Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!
То шатаясь причитает в поле – Русь.
Помогите – на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!

И справа и слева

Кровавые зевы,
И каждая рана:
– Мама!

И только и это
И внятно мне, пьяной,
Из чрева – и в чрево:
– Мама!

Все рядком лежат –
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.

– Кто ты? – белый? – не пойму! – привстань!
Аль у красных пропадал? – Ря – азань.

И справа и слева
И сзади и прямо
И красный и белый:
– Мама!

Без воли – без гнева –
Протяжно – упрямо –
До самого неба:
– Мама!

Декабрь 1920

Стихотворения 1921 – 1941 гг.

Плач Ярославны

Вопль стародавний,
Плач Ярославны –
Слышите?
С башенной вышечки
Неперерывный
Вопль – неизбывный:

– Игорь мой! Князь
Игорь мой! Князь
Игорь!

Ворон, не сглазь
Глаз моих – пусть
Плачут!

Солнце, мечи
Стрелы в них – пусть
Слепнут!

Кончена Русь!
Игорь мой! Русь!
Игорь!
Лжет летописец, что Игорь опять в дом свой
Солнцем взошел – обманул нас Баян льстивый.
Знаешь конец? Там, где Дон и Донец – плещут,
Пал меж знамен Игорь на сон – вечный.

Белое тело его – ворон клевал.
Белое дело его – ветер сказал.

Подымайся, ветер, по оврагам,
Подымайся, ветер, по равнинам,
Торопись, ветрило-вихрь-бродяга,
Над тем Доном, белым Доном лебединым!

Долетай до городской до стенки,
С к*о* ей п*о* миру несется плач надгробный.
Не гляди, что подгибаются коленки,
Что тускнеет ее лик солнцеподобный...

– Ветер, ветер!
– Княгиня, весть!
Князь твой мертвый лежит –
За честь!
Вопль стародавний,
Плач Ярославны –
Слышите?
Вопль ее – ярый,
Плач ее, плач –
Плавный:

– Кто мне заздравную чару
Из рук – выбил?
Старой не быть мне,
Под камешком гнить,
Игорь!

Дёрном-глиной заткните рот
Алый мой – нонче ж.
Кончен
Белый поход.

5 января 1921

“С Новым Годом, Лебединый стан…”

С Новым Годом, Лебединый стан!
Славные обломки!

С Новым Годом – по чужим местам –
Воины с котомкой!

С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым Годом – битая – в бегах
Родина с ладонью!

Приклонись к земле – и вся земля
Песнею заздравной.
Это, Игорь, – Русь через моря
Плачет Ярославной.

Томным стоном утомляет грусть:
– Брат мой! – Князь мой! – Сын мой!
– С Новым Годом, молодая Русь
З*а* морем за синим!

Москва, 13 января 1921

Большевик

От Ильменя – до вод Каспийских
Плеча рванулись в ширь.
Бьет по щекам твоим – российский
Румянец-богатырь.

Дремучие – по всей по крепкой
Башке – встают леса.
А руки – лес разносят в щепки,
Лишь за топор взялся!

Два зарева: глаза и щеки.
– Эх, уж и кровь добра! –
Глядите-кось, как руки в боки,
Встал посреди двора!

Весь мир бы разгромил – да проймы
Жмут – не дают дыхнуть!
Широкой доброте разбойной
Смеясь – вверяю грудь!

И земли чуждые пытая,
– Ну, какова мол новь? –
Смеюсь, – все ты же, Русь святая,
Малиновая кровь!

31 января 1921

Роландов рог

Как нежный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...

За князем – род, за серафимом – сонм,
За каждым – тысячи таких, как он,

Чтоб, пошатнувшись, – на живую стену
Упал и знал, что – тысячи на смену!

Солдат – полком, бес – легионом горд.
За вором – сброд, а за шутом – всё горб.

Так, наконец, усталая держаться
Сознаньем: перст и назначеньем: драться,

Под свист глупца и мещанина смех –
Одна из всех – за всех – противу всех! –

Стою и шлю, закаменев от взлёту,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, рог!

Март 1921

“Как закон голубиный вымарывая…”

Как закон голубиный вымарывая, –
Руку судорогой не свело, –
А случилось: заморское марево
Русским заревом здесь расцвело.
Два крыла свои – эвот да эвона –
..... истрепала любовь...
Что из правого-то, что из левого –
Одинакая пролита кровь...
Два крыла православного складеня –
..... промеж ними двумя –
А понять ничего нам не дадено,
Голубиной любви окромя...
Эх вы правая с левой две варежки!
Та же шерсть вас вязала в клубок!
Дерзновенное слово: товарищи
Сменит прежняя быль: голубок.
Побратавшись да левая с правою,
Встанет – всем Тамерланам на грусть!
В струпьях, в язвах, в проказе – оправдана,
Ибо есть и останется – Русь.

13 марта 1921

Попутчик

Соратник в чудесах и бедах
Герб, во щитах моих и дедов
..... выше туч:
Крыло – стрела – и ключ.

<А ну-ка> .....
<Презрев корону золотую>
Посмотрим, как тебя толкует
Всю суть собрав на лбу
Наследница гербу.
Как ..... из потемок
По женской линии потомок
Крыло – когда возьмут карету
Стрела – властям писать декреты
..... подставив грудь
– Ключ: рта не разомкнуть.
Но плавится сюргуч и ломок
По женской линии потомок
Тебя <сдерет> сюргуч.
– Крыло – стрела – и ключ.

<Март 1921>

Ученик

Сказать – задумалась о чем?
В дождь – под одним плащом,
В ночь – под одним плащом, потом
В гроб – под одним плащом.

1. “Быть мальчиком твоим светлоголовым…”

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
– О, через все века! –
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем – плащ.

Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне – не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
И – вдохновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костер.

15 апреля 1921

2. “Есть некий час – как сброшенная клажа…”

Есть некий час...
Тютчев.

Есть некий час – как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружье
К ногам указанного нам – Перстом,
Мы пурпур Воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас – как Голос
Вздымающий из своеволья дней!
О этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, – еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты – одиночества верховный час!

15 апреля 1921

3. “Солнце Вечера – добрее…”

Солнце Вечера – добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует – не греет
Солнце в полдень.

Отрешеннее и кротче
Солнце – к ночи.
Умудренное, не хочет
Бить нам в очи.

Простотой своей – тревожа –
Королевской,
Солнце Вечера – дороже
Песнопевцу!
Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера – не кланяется
Черни.

Низвергаемый с престолу

Вспомни – Феба!
Низвергаемый – не долу
Смотрит – в небо!

О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольней.

16 апреля 1921

4. “Пало прениже волн…”

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные – двое.

Тесно – плечо с плечом –
Встали в молчанье.
Два – под одним плащом –
Ходят дыханья.

Завтрашних спящих войн
Вождь – и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
– Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, отче!

Через все небо – дым
Воинств Господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревностью взор разъят,
Молит и ропщет...
– Отче, возьми в закат,
В ночь свою, отче!

Празднуя ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко – как спелый плод –
Падает: – Сыне!

Смолкло в своем хлеву
Стадо людское.
На золотом холму
Двое – в покое.

19 апреля 1921

5. “Был час чудотворен и полн…”

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню – бок *о* бок – на холм,
Я помню – всходили...

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбывной.

Всё выше, всё выше – высот
Последнее злато.
Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

21 апреля 1921

6. “Все великолепье…”

Все великолепье
Труб – лишь только лепет
Трав – перед Тобой.

Все великолепье
Бурь – лишь только щебет
Птиц – перед Тобой.

Все великолепье
Крыл – лишь только трепет
Век – перед Тобой.

23 апреля 1921

7. “По холмам – круглым и смуглым…”

По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.

По пескам – жадным и ржавым,
Под лучом – жгущим и пьющим,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – следом и следом.

По волнам – лютым и вздутым,
Под лучом – гневным и древним,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – лгущим и лгущим...

25 апреля 1921

“В сновидящий час мой бессонный, совиный…”

В сновидящий час мой бессонный, совиный
Так ..... я вдруг поняла:
Я знаю: не сердце во мне, – сердцевина
На всем протяженье ствола.

Продольное сердце, от корня до краю
Стремящее Рост и Любовь.
Древесная-чистая, – вся ключевая,
Древесная – сильная кровь.

Не знающие ни продажи, ни купли –
Не руки – два взмаха в лазорь!
Не лоб – в небеса запрокинутый купол,
Любимец созвездий и зорь.

Из темного чрева, где скрытые руды,
Ввысь – мой тайновидческий путь.
Из недр земных – и до неба: отсюда
Моя двуединая суть.

Две.....……...
Два знанья, вкушенные всласть.
К законам земным дорогое пристрастье,
К высотам прекрасная страсть.

Апрель 1921

“Как настигаемый олень…”

Как настигаемый олень
Летит перо.
О .....
И как хитро!

Их сонмы гонятся за мной, –
Чумная масть!
Все дети матери одной,
Чье имя – страсть.

Олень, олень Золоторог,
Беда близка!
То в свой звонкоголосый рог
Трубит тоска...

По зарослям словесных чащ
Спасайся, Царь!
То своры дых кровокипящ, –
То Ревность-Псарь!

Все громче, громче об ребро
Сердечный стук...
И тихо валится перо
Из смуглых рук...

30 апреля 1921

“На што мне облака и степи…”

На што мне облака и степи
И вся подсолнечная ширь!
Я раб, свои взлюбивший цепи,
Благословляющий Сибирь.

Эй вы, обратные по трахту!
Поклон великим городам.
Свою застеночную шахту
За всю свободу не продам.

Поклон тебе, град Божий, Киев!
Поклон, престольная Москва!
Поклон, мои дела мирские!
Я сын, не помнящий родства...

Не встанет – любоваться рожью
Покойник, возлюбивший гроб.
Заворожил от света Божья
Меня верховный рудокоп.

3 мая 1921

“Душа, не знающая меры…”

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа – навстречу палачу,
Как бабочка из хризалиды!
Душа, не съевшая обиды,
Что больше колдунов не жгут.
Как смоляной высокий жгут
Дымящая под власяницей...
Скрежещущая еретица,
– Саванароловой сестра –
Душа, достойная костра!

10 мая 1921

“О первое солнце над первым лбом…”

О первое солнце над первым лбом!
И эти – на солнце прямо –
Дымящие – черным двойным жерлом –

Большие глаза Адама.

О первая ревность, о первый яд
Змеиный – под грудью левой!
В высокое небо вперенный взгляд:
Адам, проглядевший Еву!

Врожденная рана высоких душ,
О Зависть моя! О Ревность!
О всех мне Адамов затмивший Муж:
Крылатое солнце древних!

10 мая 1921

“Косматая звезда…”

Косматая звезда,
Спешащая в никуда
Из страшного ниоткуда.
Между прочих овец приблуда,
В златорунные те стада
Налетающая, как Ревность –
Волосатая звезда древних!

10 мая 1921

Марина

1. “Быть голубкой его орлиной…”

Быть голубкой его орлиной!
Больше матери быть, – Мариной!
Вестовым – часовым – гонцом –

Знаменосцем – льстецом придворным!
Серафимом и псом дозорным
Охранять непокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,
Ногу в стремя! – сквозь огнь и воду!
Где верхом – где ползком – где вплавь!

Тростником – ивняком – болотом,
А где конь не берет, – там лётом,
Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным,
Не подругою быть – сподручным!
Не единою быть – вторым!

Близнецом – двойником – крестовым
Стройным братом, огнем костровым,
Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.
Если имя твое – Басманов,
Отстранись. – Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.
– Руки настежь! – Чтоб в день свой судный
Не в басмановской встал крови.

11 мая 1921

2. “Трем Самозванцам жена…”

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты – гордецу своему
Не родившая сына...

В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом...

На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего
Не покрывшая телом...

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
– Ты, гордецу своему
Не отершая пота...

– Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты – Лжедимитрию смогшая быть Лжемариной!

11 мая 1921

3. “Сердце, измена…”

– Сердце, измена!
– Но не разлука!
И воровскую смуглую руку
К белым губам.

Краткая встряска костей о плиты.
– Гришка! – Димитрий!
Цареубийцы! Пс*е* кровь холопья!
И – повторенным прыжком –
На копья!

11 мая 1921

4. “Грудь Ваша благоуханна…”

– Грудь Ваша благоуханна,
Как розмариновый ларчик...
Ясновельможна панна...
– Мой молодой господарчик...

– Чем заплачу за щедроты:
Темен, негромок, непризнан...
Из-под ресничного взлету
Что-то ответило: – Жизнью!

В каждом пришельце гонимом
Пану мы Иезусу – служим...
Мнет в замешательстве мнимом
Горсть неподдельных жемчужин.

Перлы рассыпались, – слезы!
Каждой ресницей нацелясь,
Смотрит, как в прахе елозя,
Их подбирает пришелец.

13 мая 1921

“Как разгораются – каким валежником…”

Как разгораются – каким валежником!
На площадях ночных – святыни кровные!
Пред самозванческим указом Нежности –
Что наши доблести и родословные!

С какой торжественною постепенностью
Спадают выспренные обветшалости!
О наши прадедовы драгоценности
Под самозванческим ударом Жалости!

А проще: лоб склонивши в глубь ладонную,
В сознаньи низости и неизбежности –
Вниз по отлогому – по неуклонному –
Неумолимому наклону Нежности...

Май 1921

Кн. С. М. Волконскому

Стальная выправка хребта
И вороненой стали волос.
И чудодейственный – слегка –
Чуть прикасающийся голос.

Какое-то скольженье вдоль –
Ввысь – без малейшего нажима...

О дух неуловимый – столь
Язвящий – сколь неуязвимый!

Земли не чующий, ничей,
О безучастие, с которым
– Сиятельный – лишь тень вещей
Следишь высокомерным взором.

В миг отрывающийся – весь!
В лад дышащий – с одной вселенной!
Всегда отсутствующий ***здесь*** ,
Чтоб ***там*** присутствовать бессменно.

Май 1921

Разлука

Сереже

1. “Башенный бой…”

Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где –

Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.

Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле –
Мой
Дом,
Мой – сон,
Мой – смех,
Мой – свет,
Узких подошв – след.

Точно рукой
Сброшенный в ночь –
Бой.

– Брошенный мой!

Май 1921

2. “Уроненные так давно…”

Уроненные так давно
Вздымаю руки.

В пустое черное окно
Пустые руки
Бросаю в полуночный бой
Часов, – домой
Хочу! – Вот так: вниз головой
– С башни! – Домой!

Не о булыжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий Воин молодой
Крыло подстелет.

Май 1921

3. “Всё круче, всё круче…”

Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже –
Неотъемлем.

Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
– Без звука! –
Как дерево-машет-рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.

Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.
Я спеси не сбавлю!
Я в смерти – нарядной
Пребуду – твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!

Июнь 1921

4. “Смуглой оливой…”

Смуглой оливой
Скрой изголовье.
Боги ревнивы
К смертной любови.

Каждый им шелест
Внятен и шорох.
Знай, не тебе лишь
Юноша дорог.

Роскошью майской
Кто-то разгневан.
Остерегайся
Зоркого неба.
Думаешь – скалы
Манят, утесы,
Думаешь, славы
Медноголосый

Зов его – в гущу,
Грудью на копья?
Вал восстающий
– Думаешь – топит?

Дольнее жало
– Веришь – вонзилось?
Пуще опалы –
Царская милость!

Плачешь, что поздно
Бродит в низинах.
Не земнородных
Бойся, – незримых!

Каждый им волос
Ведом на гребне.
Тысячеоки
Боги, как древле.

Бойся не тины, –
Тверди небесной!
Ненасытимо –
Сердце Зевеса!

25 июня 1927

5. “Тихонько…”

Тихонько
Рукой осторожной и тонкой
Распутаю путы:
Ручонки – и ржанью
Послушная, зашелестит амазонка
По звонким, пустым ступеням расставанья.

Топочет и ржет
В осиянном пролете
Крылатый. – В глаза – полыханье рассвета.
Ручонки, ручонки!
Напрасно зовете:
Меж ними – струистая лестница Леты.

27 июня 1921

6. “Седой – не увидишь…”

Седой – не увидишь,
Большим – не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.

На всю твою муку,
Раззор – плач:
– Брось руку!
Оставь плащ!

В бесстрастии
Каменноокой камеи,
В дверях не помедлю,
Как матери медлят:

(Всей тяжестью крови,
Колен, глаз –
В последний земной
Раз!)

Не кр*а* дущимся перешибленным зверем, –
Нет, каменной глыбою
Выйду из двери –
Из жизни. – О чем же
Слезам течь,
Раз – камень с твоих
Плеч!

Не камень! – Уже
Широтою орлиною –
Плащ! – и уже по лазурным стремнинам
В тот град осиянный,
Куда – взять
Не смеет дитя
Мать.

28 июня 1921

7. “Ростком серебряным…”

Ростком серебряным
Рванулся ввысь.
Чтоб не узрел его
Зевес –
Молись!

При первом шелесте
Страшись и стой.
Ревнивы к прелести
Они мужской.

Звериной челюсти
Страшней – их зов.
Ревниво к прелести
Гнездо богов.

Цветами, лаврами
Заманят ввысь.
Чтоб не избрал его
Зевес –
Молись!

Все небо в грохоте
Орлиных крыл.
Всей грудью грохайся –
Чтоб не сокрыл.

В орлином грохоте
– О клюв! О кровь! –
Ягненок крохотный
Повис – Любовь...

Простоволосая,
Всей грудью – ниц...
Чтоб не вознес его
Зевес –
Молись!

29 июня 1921

8. “Я знаю, я знаю…”

Я знаю, я знаю,
Что прелесть земная,
Что эта резная,
Прелестная чаша –
Не более наша,
Чем воздух,
Чем звезды,
Чем гнезда,
Повисшие в зорях.

Я знаю, я знаю,
Кто чаше – хозяин!
Но легкую ногу вперед – башней
В орлиную высь!
И крылом – чашу
От грозных и розовых уст –
Бога!

30 июня 1921

<9>. “Твои ..... черты…”

Твои ..... черты,

Запечатленные Кануном.
Я буду стариться, а ты
Останешься таким же юным.

Твои ..... черты,
Обточенные ветром знойным.
Я буду горбиться, а ты
Останешься таким же стройным.

Волос полу денная тень,
Склоненная к моим сединам...
Ровесник мой год в год, день в день,
Мне постепенно станешь сыном...

Нам вместе было тридцать шесть,
Прелестная мы были пара...
И – радугой – благая весть:
..... – не буду старой!

Троицын день 1921

<10>. “Последняя прелесть…”

Последняя прелесть,
Последняя тяжесть:
Ребенок, у ног моих
Бьющий в ладоши.

Но с этой последнею
Прелестью – справлюсь,
И эту последнюю тяжесть я –
Сброшу.
.....
Всей женскою лестью
Язвя вдохновенной,
Как будто не отрок
У ног, а любовник –

О шествиях –
Вдоль изумленной Вселенной
Под ливнем лавровым,
Под ливнем дубовым.

Последняя прелесть,
Последняя тяжесть –
Ребенок, за плащ ухватившийся... – В муке
Рожденный! – Когда-нибудь людям расскажешь,
Что не было равной –
В искусстве Разлуки!

10 июля 1921

“Два зарева! – нет, зеркала…”

М. А. Кузмину

Два зарева! – нет, зеркала!
Нет, два недуга!
Два серафических жерла,
Два черных круга

Обугленных – из льда зеркал,
С плит тротуарных,
Через тысячеверстья зал
Дымят – полярных.

Ужасные! – Пламень и мрак!
Две черных ямы.
Бессонные мальчишки – так –
В больницах: Мама!

Страх и укор, ах и аминь...
Взмах величавый...
Над каменностию простынь –
Две черных славы.

Так знайте же, что реки – вспять,
Что камни – помнят!
Что уж опять они, опять
В лучах огромных

Встают – два солнца, два жерла,
– Нет, два алмаза! –
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.

2 июля 1921

Вестнику

Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жилье!
Покрепче чем благословенье
С тобой – веление мое!

Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели Фортуну –
Ты ***сердце*** Цезаря везешь!

Смирит лазоревую ярость
Ресниц моих – единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!

Обветренные руки стиснув,
Слежу. – Не верь глазам! – Все ложь!

Доподлинный и рукописный
Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие как шпоры,
Две птицы в боевом грому.
То зов мой – тысяча который? –
К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья
Одно для нищих и вельмож
– Между рубахою и грудью –
Ты сердце Матери везешь.

3 июля 1921

Георгий

С. Э.

1. “Ресницы, ресницы…”

Ресницы, ресницы,
Склоненные ниц.
Стыдливостию ресниц
Затменные – солнца в венце стрел!
– Сколь грозен и сколь ясен! –
И плащ его – был – красен,
И конь его – был – бел.

Смущается Всадник,
Гордится конь.
На дохлого гада
Белейший конь
Взирает вполоборота.
В пол-окна широкого
Вслед копью
В пасть красную – дико раздув ноздрю –
Раскосостью огнеокой.

Смущается Всадник,
Снисходит конь.
Издохшего гада
Дрянную кровь
– Янтарную – легким скоком
Минует, – янтарная кровь течет.
Взнесенным копытом застыв – с высот
Лебединого поворота.

Безропотен Всадник,
А конь брезглив.
Гремучего гада
Копьем пронзив –
Сколь скромен и сколь томен!
В ветрах – высок*о* – седлецо твое,

Речной осокой – копьецо твое
Вот-вот запоет в восковых перстах

У розовых уст
Под прикрытием стрел
Ресничных,
Вспоет, вскличет.
– О страшная тяжесть
Свершенных дел!
И плащ его красен,
И конь его бел.

Любезного Всадника,
Конь, блюди!
У нежного Всадника
Боль в груди.
Ресницами жемчуг нижет...
Святая иконка – лицо твое,
Закатным лучом – копьецо твое
Из длинных перстов брызжет.
Иль луч пурпуровый
Косит копьем?
Иль красная туча
Взмелась плащом?
За красною тучею –
Белый дом.
Там впустят
Вдвоем
С конем.

Склоняется Всадник,
Дыбится конь.
Все слабже вокруг копьеца ладонь.
Вот-вот не снесет Победы!

– Колеблется – никнет – и вслед копью
В янтарную лужу – вослед копью
Скользнувшему.
– Басенный взмах
Стрел...

Плащ красен, конь бел.

9 июля 1921

2. “Ресницы, ресницы…”

О тяжесть удачи!
Обида Победы!
Георгий, ты плачешь,
Ты красною девой
Бледнеешь над делом
Своих двух
Внезапно-чужих

Рук.

Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь гласом
Победным. – Тяжелым смарагдовым маслом
Стекает кровища.
Дракон спит.
На всю свою жизнь
Сыт.

Взлетевшею гривой
Затменное солнце.
Стыдливости детской
С гордынею конской
Союз.
Из седла –
В небеса –
Куст.
Брезгливая грусть
Уст.

Конь брезгует Гадом,
Ты брезгуешь даром
Царевым, – ее подвенечным пожаром.
Церковкою ладанной:
Строг – скуп –
В безжалостный
Рев
Труб.

Трубите! Трубите!
Уж слушать недолго.
Уж нежный тростник победительный – долу.
Дотрубленный долу
Поник. – Смолк.
И облачный – ввысь! –
Столб.

Клонитесь, клонитесь,
Послушные травы!
Зардевшийся под оплеухою славы –
Бледнеет. – Домой, трубачи! – Спит.
До судной трубы –
Сыт.

11 июля 1921

3. “Синие версты…”

Синие версты
И зарева горние!
Победоносного
Славьте – Георгия!

Славьте, жемчужные
Грозди полуночи,
Дивного мужа,
Пречистого юношу:

Огненный плащ его,
Посвист копья его,
Кровокипящего
Славьте – коня его!
Зычные мачты
И слободы орлие!
Громокипящего
Славьте – Георгия!

Солнцеподобного
В силе и в кротости.
Доблесть из доблестей,
Роскошь из роскошей:

Башенный рост его,
Посвист копья его,
Молниехвостого
Славьте – коня его!

Львиные ветры
И глыбы соборные!
Великолепного
Славьте – Георгия!

Змея пронзившего,
Смерть победившего,
В дом Госпожи своей
Конным – вступившего!

Зычный разгон его,
Посвист копья его,
Преображенного
Славьте – коня его!
Льстивые ивы
И травы поклонные,
Вольнолюбивого,
Узорешенного

Юношу – славьте,
Юношу – плачьте...
Вот он, что розан
Райский – на травке:

Розовый рот свой
На две половиночки –
Победоносец,
Победы не вынесший.

11 июля 1921

4. “Из облаков кивающие перья…”

Из облаков кивающие перья.
Как передать твое высокомерье,
– Георгий! – Ставленник небесных сил!

Как передать закрепощенный пыл
Зрачка, и трезвенной ноздри раздутой
На всем скаку обузданную смуту.

Перед любезнейшею из красот
Как передать – с архангельских высот
Седла – копья – содеянного дела

И девственности гневной – эти стрелы
Ресничные – эбеновой масти –
Разящие: – Мы не одной кости!

Божественную ведомость закончив,
Как передать, Георгий, сколь уклончив
– Чуть что земли не тронувший едва –

Поклон, – и сколь пронзительно-крива
Щель, заледеневающая сразу:
– О, не благодарите! – По приказу.

12 июля 1921

5. “С архангельской высоты седла…”

С архангельской высоты седла
Евангельские творить дела.
Река сгорает, верста смугла.
– О даль! Даль! Даль!

В пронзающей прямизне ресниц
Пожарищем налетать на птиц.
Копыта! Крылья! Сплелись! Свились!
О высь! Высь! Высь!

В заоблачье исчезать как снасть!
Двуочие разевать как пасть!
И не опомнившись – мертвым пасть:
О страсть! – Страсть! – Страсть!

12 июля 1921

6. “А девы – не надо…”

А девы – не надо.
По вольному хладу,
По синему следу

Один я поеду.

Как был до победы:
Сиротский и вдовый.
По вольному следу
Воды родниковой.

От славы, от гною
Доспехи отмою.
Во славу Твою
Коня напою.

Храни, Голубица,
От града – посевы,
Девицу – от гада,
Героя – от девы.

13 июля 1921

7. “О всеми ветрами…”

О всеми ветрами
Колеблемый лотос!
Георгия – робость,
Георгия – кротость...

Очей непомерных
– Широких и влажных –
Суровая – детская – смертная важность.

Так смертная мука
Глядит из тряпья.
И вся непомерная
Тяжесть копья.

Не тот – высочайший,
С усмешкою гордой:
Кротчайший Георгий,
Тишайший Георгий,

Горчайший – свеча моих бдений – Георгий,
Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!

(Трепещущей своре
Простивший олень).
– Которому пробил
Георгиев день.

О лотос мой!
Лебедь мой!
Лебедь! Олень мой!

Ты – все мои бденья
И все сновиденья!

Пасхальный тропарь мой!
Последний алтын мой!
Ты, больше, чем Царь мой,
И больше, чем сын мой!

Лазурное око мое –
В вышину!
Ты, блудную снова
Вознесший жену.

– Так слушай же!..

14 июля 1921

(Не докончено за письмом.)

<8>. “Не лавром, а терном…”

Не лавром, а терном
На царство венчанный,
В седле – а крылатый!

Вкруг узкого стана
На бархате черном
Мальтийское злато.

Нетленные иглы
Терновые – Богу
И Другу присяга.

Высокий загиб
Лебединый, а с боку
Мальтийская шпага.

Мальтийского Ордена
Рыцарь – Георгий,
Меж спящими – бдящий.

Мальтийского Ордена
Рыцарь – Георгий,
На жен не глядящий...

Июль 1921

<9>. “Страннoприимница высоких душ…”

Страннoприимница высоких душ,
.....……
Тебя пою – пергаментная сушь
Высокодышащей земли Орфея.

Земля высокомерная! – Ступню
Отталкивающая как ладонью,

Когда ж опять на грудь твою ступлю
Заносчивой пятою амазоньей –

Сестра высокомерная! Шагов
Не помнящая .....…….
Земля, земля Героев и Богов,
Амфитеатр моего Восхода!

Июль 1921

Благая весть

С. Э.

1. “В сокровищницу…”

В сокровищницу
Полунощных глубин
Недрогнувшую
Опускаю ладонь.

Меж водорослей –
Ни приметы его!
Сокровища нету
В морях – моего!

В заоблачную
Песнопенную высь –
Двумолнием
Осмелеваюсь – и вот

Мне жаворонок
Обронил с высоты –
Что з*а* морем ты,
Не за облаком ты!

15 июля 1921

2. “Жив и здоров…”

Жив и здоров!
Громче громов –
Как топором –
Радость!

Нет, топором
Мало: быком
Под обухом
Счастья!

Оглушена,
Устрашена.

Что же взамен –
Вырвут?

И от колен
Вплоть до корней
Вставших волос –
Ужас.

Стало быть, жив?
Веки смежив,
Дышишь, зовут –
Слышишь?

Вывез корабль?
О мой журавль
Младший – во всей
Стае!

Мертв – и воскрес?!
Вздоху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом

По голове, –
Нет, по эфес
Шпагою в грудь –
Радость!

16 июля 1921

3. “Под горем не горбясь…”

Под горем не горбясь,
Под камнем – крылатой –
– Орлом! – уцелев,

Земных матерей
И небесных любовниц
Двойную печаль

Взвалив на плеча, –
Горяча мне досталась
Мальтийская сталь!

Но гневное небо
К орлам – благосклонно.
Не сон ли: в волнах

Сонм ангелов конных!
Меж ними – осанна! –
Мой – снегу белей...

Лилейные ризы,
– Конь вывезет! – Гривой

Вспенённые зыби.
– Вал вывезет! – Дыбом
Встающая глыба...
Бог вынесет...
– Ох! –

17 июля 1921

4. “Над спящим юнцом – золотые шпоры…”

Над спящим юнцом – золотые шпоры.
Команда: вскачь!
Уже по пятам воровская свора.
Георгий, плачь!

Свободною левою крест нащупал.
Команда: вплавь!
Чтоб всем до единого им под купол
Софийский, – правь!

Пропали! Не вынесут сухожилья!
Конец! – Сдались!
– Двумолнием раскрепощает крылья.
Команда: ввысь!

19 июля 1921

5. “Во имя расправы…”

Во имя расправы
Крепись, мой Крылатый!
Был час переправы,
А будет – расплаты.

В тот час стопудовый
– Меж бредом и былью –
Гребли тяжело
Корабельные крылья.

Меж Сциллою – да! –
И Харибдой гребли.
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Тогда по крутому
Эвксинскому брегу
Был топот Побега,
А будет – Победы.

В тот час непосильный
– Меж дулом и хлябью –
Сердца не остыли,
Крыла не ослабли,

Плеча напирали,
Глаза стерегли.
– О крылья мои,
Журавли-корабли!

Птенцов узколицых
Не давши в обиду,
Сказалось –
Орлицыно сердце Тавриды.

На крик длинноклювый
– С ерами и с ятью! –
Проснулась –
Седая Монархиня-матерь.

И вот уже купол
Софийский – вдали...
О крылья мои,
Журавли-корабли!

Крепитесь! Кромешное
Дрогнет созвездье.
Не с моря, а с неба
Ударит Возмездье.

Глядите: небесным
Свинцом налитая,
Грозна, тяжела
Корабельная стая.

И нету конца ей,
И нету земли...
– О крылья мои,
Журавли-корабли!

20 июля 1921

Возвращение вождя

Конь – хром,
Меч – ржав.
Кто – сей?
Вождь толп.

Шаг – час,
Вздох – век,
Взор – вниз.
Все – там.

Враг. – Друг.
Терн. – Лавр.
Всё – сон...
– Он. – Конь.

Конь – хром.
Меч – ржав.
Плащ – стар.
Стан – прям.

16 июля 1921

“Благоухала целую ночь…”

Благоухала целую ночь
В снах моих – Роза.
Неизреченно-нежная дочь
Эроса – Роза.

Как мне усвоить, расколдовать
Речь твою – Роза?
Неизреченно-нежная мать
Эроса – Роза!

Как ..... мне странную сласть
Снов моих – Роза?
Самозабвенно-нежная страсть
Эроса – Роза!

21 июля 1921

“Прямо в эфир…”

Прямо в эфир
Рвется тропа.
– Остановись! –
Юность слепа.
Ввысь им и ввысь!
В синюю рожь!
– Остановись! –
В небо ступнешь.

25 августа 1921

“Не в споре, а в мире…”

Не в споре, а в мире –
Согласные сестры.
Одна – меч двуострый
Меж грудью и миром
Восставив: не выйду!
Другая, чтоб не было гостю обиды –
И медом и миром.

<1921>

Отрок

Геликону

1. “Пустоты отроческих глаз! Провалы…”

Пустоты отроческих глаз! Провалы
В лазурь! Как ни черны – лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби в них, ни лона,
Вселенная в них правит ход.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустот!

Провалы отроческих глаз! – Пролеты!
Душ раскаленных – водопой.
– Оазисы! – Чтоб всяк хлебнул и отпил,
И захлебнулся пустотой.

Пью – не напьюсь. Вздох – и огромный выдох,
И крови ропщущей подземный гул.
Так по ночам, тревожа сон Давидов,
Захлебывался Царь Саул.

25 августа 1921

2. “Огнепоклонник! Красная масть…”

Огнепоклонник! Красная масть!
Завороженный и ворожащий!
Как годовалый – в красную пасть
Льва, в пурпуровую кипь, в чащу –

Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь, в самый огонь!

Огнепоклонник! Страшен твой Бог!
Пляшет твой Бог, насмерть ударив!
Думаешь – глаз? Красный всполох –
Око твое! – Перебег зарев...

А пока жив – прядай и сыпь
В самую кипь! В самую кипь!

Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью – горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных

Стройную мощь выкрутив в жгут
Мой это бьет – красный лоскут!

27 августа 1921

3. “Простоволосая Агарь – сижу…”

Простоволосая Агарь – сижу,
В широкоокую печаль – гляжу.

В печное зарево раскрыв глаза,
Пустыни карие – твои глаза.

Забывши Верую, купель, потир –
Справа-налево в них читаю Мир!

Орлы и гады в них, и лунный год, –
Весь грустноглазый твой, чужой народ.

Пески и зори в них, и плащ Вождя...
Как ты в огонь глядишь – я на тебя.

Пески не кончатся... Сынок, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.

Босая, темная бреду, в тряпье...
– И уж не помню я, что там – в котле!

28 августа 1921

4. “Виноградины тщетно в садах ржавели…”

Виноградины тщетно в садах ржавели,
И наложница, тщетно прождав, уснула.
Палестинские жилы! – Смолы тяж*е* ле
Протекает в вас древняя грусть Саула.

Пятидневною раною рот запекся.
Тяжек ход твой, о кровь, приближаясь к сроку!
Так давно уж Саулу-Царю не пьется,
Так давно уже землю пытает око.

Иерихонские розы горят на скулах,
И работает грудь наподобье горна.
И влачат, и влачат этот вздох Саулов
Палестинские отроки с кровью черной.

30 августа 1921

“Веками, веками…”

Веками, веками
Свергала, взводила.
Горбачусь – из серого камня – Сивилла.

Пустынные очи

Упорствуют в землю.
Уже не пророчу, –
Зубов не разъемлю.

О дряхлом удаве
Презренных сердец –
Лепечет, лепечет о славе юнец.

Свинцовые веки
Смежила – не выдать!
Свинцовые веки
Смеженные – видят:

В сей нищенской жизни –
Лишь час величавый!
Из серого камня – гляди! – твоя слава.

О дряхлом удаве
Презренных сердец –
Лепечет, лепечет о славе юнец.

2 сентября 1921

“Соревнования короста…”

Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой – Петербург, моя – Москва.

Блаженно так и бескорыстно
Мой гений твоему внимал.
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал.

Но вал моей гордыни польской –
Как пал он! – С златозарных гор
Мои стихи – как добровольцы
К тебе стекались под шатер...

Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесть?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.

12 сентября 1921

Отрывок из стихов к Ахматовой

...Но вал моей гордыни польской
Как пал он! – С златозарных гор
Мои стихи – как добровольцы
К тебе стекались под шатер.

Следя полночные наезды,
Бдил добровольческий табун,
Пока беседовали звезды
С Единодержицею струн.

12 сентября 1921

Маяковскому

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздохнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

“Гордость и робость – родные сестры…”

Гордость и робость – р*о* дные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.

“Лоб запрокинув!” – гордость велела.
“Очи потупив!” – робость шепнула.

Так прохожу я – очи потупив –
Лоб запрокинув – Гордость и Робость.

20 сентября 1921

Ханский полон

1. “Ханский полон…”

Ханский полон
В*о* сласть изведав,
Бью крылом
Богу побегов.

Спорый бог,
Скорый бог,
Шпоры в бок-бог!

Оповести
Словом и знаком,
Тех усыпи
Хмелем и маком,

Кровом и мраком будь,
Словом и знаком будь,
Пнем и канавой будь, –
Чтоб все ветра им в грудь!

Черный бог,
Ворон-бог,
Полночь-бьет-бог.

Щебнем-травой,
Гребнем-откосом.
Над татарвой
– Тьфу! – над раскосой.

Конь мой земли не тронь,
Лоб мой звезды не тронь,
Вздох мой губы не тронь,
Всадник-конь, перст-ладонь.

Конный бог,
Сонный бог,
Ломом в лоб-бог!

Быстрым ногам –
Крепость и смелость!
По слободам
Век чтобы пелось:

Беглых и босых – бог,
Простоволосых – бог,
Взлет, всплеск, всхлест, охлест-бог,
Сам черт на веслах – бог.

Окрик-бог,
Охлест-бог,
Опрометь-бог!

1 октября 1921

2. “Ни тагана…”

Ни тагана
Нет, ни огня.
Н*а* меня, н*а* !
Будет с меня

Конскую кость
Жрать с татарвой.
Сопровождай,
Столб верстовой!

– Где ж, быстрота,
Крест-твой-цеп*о* к?
– Крест-мой-цеп*о* к
Хан под сапог.

Град мой в крови,
Грудь без креста, –
Усынови,
Матерь-Верста!

– Где ж, сирота,
Кладь-твоя-дом?
– Скарб – под ребром,
Дом – под седлом,

Хан мой – Мамай,
Хлеб мой – тоска.
К старому в рай,
Паперть-верста!

– Что ж, красота,
К Хану строга?
– К Хану строга?
Память долга!

Камнем – мне Хан,
Я мой – Москва.
К ангелам в стан,
Скатерть-верста!

2 октября 1921

3. “Следок твой непытан…”

Следок твой непытан,
Вихор твой – колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.

Нетоптанный путь,
Непутевый огонь. –
Ох, Родина-Русь,
Неподкованный конь!

Кумач твой без сбыту,
Палач твой без рук.
Худое корыто
В хоромах – да крюк.

Корою нажрусь, –
Не диковина нонь!
– Ох, Родина-Русь,
Зачарованный конь!

Не вскочишь – не сядешь!
А сел – не пеняй!
Один тебе всадник
По нраву – Мамай!

Раскосая гнусь,
Воровская ладонь...
– Эх, Родина-Русь,
Нераскаянный конь!

8 октября, Сергиев день 1921

4. “Не растеклась еще…”

Не растеклась еще
Кровь Иисусова.
Над безнапраслинкой –
Времячко Бусово.

Черная кровь
Из-под ножа.
Бусом – любовь,
Бусом – божба.

Знать не дошла еще
Кровь Голубина.
Озером – Жаль,
Полем – Обида.

(Уж не тебя ль,
Князь мой нелжив?)
Озером – Жаль,
Деревом – Див.

Тупит глаза
Русь моя руса.
Вороном – Гза,
Гзак тот безусый,

Хан-тот-лазей,
Царь-раскрадынь,
Рознит князей,
Вдовит княгинь.

– Ослобони меня!
Хану – рабынюшка!
В роще обидонька
Плачет рябинушкой.

Не перечесть
Той бирюзы.
Девичья честь –
Стрелы борзы!

Травушки стоптаны,
Рученьки розняты.
В поле стыдобушка
Никнет березынькой.

Только и есть –
Два рукава!
Гзакова лесть –
Плеть скакова!

Исполосована
Русь моя русая.
Гзак да Кончак еще,
Вороны Бусовы.

Полный колчан,
Вольный постой.
А по ночам
Мать над дитей:

– Спи, неустан,
Спи, недослух,
Чтоб тебя сам
Хан карнаух!

Хвать – да и в стан!
Каши не даст!
Чтоб тебя сам
Гзак-загребаст!

Так по шатрам,
Через всю Русь:
– Чтоб тебя сам
Бус-удавлюсь!

20 марта 1922

“Семеро, семеро…”

Семеро, семеро
Славлю дней!
Семь твоих шкур твоих
Славлю, Змей!

Пустопорожняя
Дань земле –
Старая кожа
Лежит на пне.

Старая сброшена, –
Новой жди!
Старую кожу,
Прохожий, жги!

Чтоб уж и не было
Нам: вернись!
Чтобы ни следу
От старых риз!

Снашивай, сбрасывай
Старый день!
В ризнице нашей –
Семижды семь!

16 октября 1921

Хвала Афродите

1. “Блаженны дочерей твоих, Земля…”

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Так лавр растет, – жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любови.

17 октября 1921

2. “Уже богов – не те уже щедроты…”

Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!

Я ж на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

3. “Тщетно, в ветвях заповедных кроясь…”

Тщетно, в ветвях заповедных кроясь,
Нежная стая твоя гремит.

Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою
Освободил меня твой же сын.
– Так о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

4. “Сколько их, сколько их ест из рук…”

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вкруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной –
Грудью круглится.
В каждом цветке неповинном – твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке –
Повиноваться тебе доколь,
Камень безрукий?

23 октября 1921

“От гнева в печени, мечты во лбу…”

От гнева в печени, мечты во лбу,
Богиня верности, храни рабу.

Чугунным ободом скрепи ей грудь,
Богиня Верности, покровом будь.

Все сладколичие сними с куста,
Косноязычием скрепи уста...

Запечатленнее кости в гробу,
Богиня Верности, храни рабу!

Дабы без устали шумел станок,
Да будет уст ее закон – замок.

Дабы могильного поверх горба:
“Единой Верности была раба!”

На раздорожии, ребром к столбу,
Богиня Верности – распни рабу!

24 октября 1921

“С такою силой в подбородок руку…”

С такою силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такою силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет –

Так знаменосец покидает знамя,
Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит – последними глазами –
Наложница последнего царя.

24 октября 1921

Молодость

1. “Молодость моя! Моя чужая…”

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.

Скипетр тебе вернув до сроку –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

18 ноября 1921

2. “Скоро уж из ласточек – в колдуньи…”

Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне...
Постоим с тобою на ветру!
Смуглая моя! Утешь сестру!

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!

Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! – Спляши, ошпарь!
Золотце мое – прощай – янтарь!

Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!

20 ноября 1921

Муза

Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается, –
Такая далекая!

Под смуглыми веками –
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла – и забыла.

Подол неподобранный,
Ошметок оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.

Не плачет, не сетует:
Рванул – так и милый!
Рукою обветренной
Дала – и забыла.

Забыла – и россыпью
Гортанною, клекотом...
– Храни ее, Господи,
Такую далекую!

19 ноября 1921

“Справа, справа – баран круторогий…”

Справа, справа – баран круторогий!
И сильны мои ноги.
Пожелайте мне доброй дороги,
Богини и боги!

Слажу, слажу с курчавой сестрою,
С корабельной сосною!
Вся поклажа – брусок со струною,
Ничего – за спиною!

Ни закона, ни ……., ни дома,
Ни отцовского грома,
Ни товарища нежной истомы, –
Всё сгорело соломой!

Пожелайте мне смуглого цвета
И попутного ветра!
..... – в Лету,
Без особой приметы!

19 ноября 1921

“Без самовластия…”

Без самовластия,
С полною кротостью.
Легкий и ласковый
Воздух над пропастью.

Выросший сразу,
– Молнией – в срок –
Как по приказу
Будет цветок.

Змееволосый,
Звездоочитый...
Не смертоносный, –
Сам без защиты!

Он ли мне? Я – ему?
Знаю: польщусь,
Знаю: нечаянно
В смерть оступлюсь...

20 ноября 1921

“Так плыли: голова и лира…”

Так плыли: голова и лира,
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: мира!
А губы повторяли: жаль!

Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гебра –
Брат нежный мой, сестра моя!

Порой, в тоске неутолимой,

Ход замедлялся головы.
Но лира уверяла: мимо!
А губы ей вослед: увы!

Вдаль-зыблящимся изголовьем
Сдвигаемые как венцом –
Не лира ль истекает кровью?
Не волосы ли – серебром?

Так, лестницею нисходящей
Речною – в колыбель зыбей.
Так, к острову тому, где слаще
Чем где-либо – лжет соловей...

Где осиянные останки?
Волна соленая – ответь!
Простоволосой лесбиянки
Быть может вытянула сеть? –

1 декабря 1921

“Не для льстивых этих риз, лживых ряс…”

Не для льстивых этих риз, лживых ряс –
Голосистою на свет родилась!

Не ночные мои сны – наяву!
Шипом-шепотом, как вы, не живу!

От тебя у меня, шепот-тот-шип –
Лира, лира, лебединый загиб!

С лавром, с зорями, с ветрами союз,
Не монашествую я – веселюсь!

И мальчишка – недурён-белокур!
Ну, а накривь уж пошло чересчур, –

От тебя у меня, шепот-тот-шип –
Лира, лира, лебединый загиб!

Доля женская, слыхать, тяжела!
А не знаю – на весы не брала!

Не продажный мой товар – даровой!
Ну, а ноготь как пойдет синевой, –

От тебя у меня, клекот-тот-хрип –
Лира, лира, лебединый загиб!

4 декабря 1921

“Грудь женская! Души застывший вздох…”

Грудь женская! Души застывший вздох, –
Суть женская! Волна, всегда врасплох
Застигнутая – и всегда врасплох
Вас застигающая – видит Бог!

Презренных и презрительных утех
Игралище. – Грудь женская! – Доспех
Уступчивый! – Я думаю о тех...
Об одногрудых тех, – подругах тех!..

5 декабря 1921

Подруга

Немолкнущим Ave,
Пасхальной Обедней –
Прекрасная слава
Подруги последней.

1. “Спит, муки твоея – веселье…”

Спит, муки твоея – веселье,
Спит, сердца выстраданный рай.
Над Иверскою колыбелью
– Блаженная! – помедлить дай.

Не суетность меня, не зависть
В дом привела, – не воспрети!
Я дитятко твое восславить
Пришла, как древле – пастухи.

Не тою же ль звездой ведома?
– О с*е* ребро-сусаль-слюда! –
Как вкопанная – глянь – над домом,
Как вкопанная – глянь – звезда!

Не радуюсь и не ревную, –
Гляжу, – и п*о* сердцу пилой:
Что сыну твоему дарую?
Вот плащ мой – вот и посох мой.

6 декабря 1921

2. “В своих младенческих слезах…”

В своих младенческих слезах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в женах!
– Благословенна!

У раздорожного креста
Раскрыл глазочки.
(Ведь тот был тоже сирота, –
Сынок безотчий).

В своих младенческих слезах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в слезах!
– Благословенна.

Твой лоб над спящим над птенцом –
Чист, бестревожен.
Был благовест тебе венцом,
Благовест – ложем.

Твой стан над спящим над птенцом –
Трепет и древо.
Был благовест ему отцом, –
Радуйся, Дева!

В его заоблачных снегах –
Что в ризе ценной,
Благословенна ты в снегах!
– Благословенна.

9 декабря 1921

3. “Огромного воскрылья взмах…”

Огромного воскрылья взмах,
Хлещущий дых:
– Благословенна ты в женах,
В женах, в живых.

Где вестник? Буйно и бело.
Вихорь? Крыло?
Где вестник? Вьюгой замело –
Весть и крыло.

9 декабря 1921

4. “Чем заслужить тебе и чем воздать …”

Чем заслужить тебе и чем воздать –
Приснoблаженная! – Младенца Мать!

Над стеклянеющею поволокой
Вновь подтверждающая: – Свет с Востока!

От синих глаз его – до синих звезд
Ты, радугою бросившая мост!
Не падаю! Не падаю! Плыву!
И – радугою – мост через Неву.

Жизнеподательница в час кончины!
Царств утвердительница! Матерь Сына!

В хрип смертных мук его – в худую песнь! –

Ты – первенцево вбросившая: “Есмь!”

10 декабря 1921

5. “Последняя дружба…”

Последняя дружба
В последнем обвале.
Что нужды, что нужды –
Как здесь называли?

Над черной канавой,
Над битвой бурьянной,
Последнею славой
Встаешь, – безымянной.

На крик его: душно! припавшая: друг!
Последнейшая, не пускавшая рук!

Последнею дружбой –
Так сонмы восславят.
Да та вот, что пить подавала,
Да та вот. –

У врат его царских
Последняя смена.
Уста, с синевы
Сцеловавшие пену.

Та, с судороги сцеловавшая пот,
На крик его: руку! сказавшая: вот!

Последняя дружба,
Последнее рядом,
Грудь с грудью...

– В последнюю оторопь взгляда
Рай вбросившая,

Под фатой песнопенной,
Последнею славой
Пройдешь – покровенной.

Ты, заповеди растоптавшая спесь,
На хрип его: Мама! солгавшая: здесь!

11 декабря 1921

Вифлеем

Два стихотворения, случайно
не вошедшие в “Стихи к Блоку”

Сыну Блока, – Саше.

1. “Не с серебром пришла…”

Не с серебром пришла,
Не с янтарем пришла, –
Я не царем пришла,
Я пастухом пришла.

Вот воздух гор моих,
Вот острый взор моих
Двух глаз – и красный пых
Костров и зорь моих.

Где ладан-воск – тот-мех?
Не оберусь прорех!
Хошь и нищее всех –
Зато первее всех!

За верблюд*о* м верблюд
Гляди: на холм-твой-крут,
Гляди: цари идут,
Гляди: лари несут.

О – поз – дали!

6 декабря 1921

2. “Три царя…”

Три царя,
Три ларя
С ценными дарами.

Первый ларь –
Вся земля
С синими морями.

Ларь второй:
Весь в нем Ной,
Весь, с ковчегом-с-тварью.

Ну, а в том?
Что в третём?
Что в третём-то, Царь мой?

Царь дает,
– Свет мой свят!
Не понять что значит!

Царь – вперед,
Мать – назад,
А младенец плачет.

6 декабря 1921

“Как по тем донским боям…”

С. Э.

Как по тем донским боям, –
В серединку самую,
По заморским городам
Все с тобой мечта моя.

Со стены сниму кивот
За труху бумажную.
Все продажное, а вот
Память не продажная.

Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике.
Оттого что мы с тобой –
Одноколыбельники.

Не для тысячи судеб –
Для единой родимся.
Ближе, чем с ладонью хлеб –
Так с тобою сходимся.

Не унес пожар-потоп
Перстенька червонного!
Ближе, чем с ладонью лоб
В те часы бессонные.

Не возьмет мое вдовство
Ни муки, ни мельника...
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.

Знай, в груди моей часы
Как завел – не ржавели.
Знай, на красной на Руси
Все ж самодержавие!

Пусть весь свет идет к концу –
Достою у всенощной!
Чем с другим каким к венцу –
Так с тобою к стеночке.

– Ну-кось, до меня охоч!
Не зевай, брательники!
Так вдвоем и канем в ночь:
Одноколыбельники.

13 декабря 1921

“Так говорю, ибо дарован взгляд…”

Так говорю, ибо дарован взгляд
Мне в игры хоровые:
Нет, пурпурные с головы до пят,
А вовсе не сквозные!

Так – довожу: лба осиянный свод
Надменен до бесчувствья.
И если радугою гнется рот –
То вовсе не от грусти.

Златоволосости хотел? Стыда?
Вихрь – и костер лавровый!
И если нехотя упало: ***да*** –
Нет – их второе слово.

Мнил – проволокою поддержан бег?
Нет, глыбы за плечами!
В полуопущенности смуглых век
Стрел больше, чем в колчане!

О, в каждом повороте головы –
Целая преисподня!
Я это утверждаю: таковы,
Да, – ибо рать Господня.

Медновскипающие табуны –
В благовест мы – как в битву!
Какое дело нам до той слюны,
Названной здесь молитвой?!

Путеводители старух? Сирот?
– Всп*о* лохи заревые! –
Так утверждаю, ибо настежь вход
Мне в игры хоровые.

14 декабря 1921

“Необычайная она! Сверх сил…”

Необычайная она! Сверх сил!
Не обвиняй меня пока! Забыл!
Благословенна ты! Велел сказать –
Благословенна ты! А дальше гладь

Такая ровная... Постой: меж жен
Благословенна ты... А дальше звон
Такой ликующий... – Дитя, услышь:
Благословенна ты! – А дальше тишь
Такая...

18 декабря 1921

“Как начнут меня колеса…”

Как начнут меня колеса –
В слякоть, в хлипь,
Как из глотки безголосой
Хлынет кипь –
Хрип, кончающийся з*а* морем,
что стерт
Мол с лица земли мол...
– Мама?
Думал, – черт!
Да через три ча еще!

23 декабря 1921

“Над синеморскою лоханью…”

Над синеморскою лоханью –
Воинствующий взлет.
Божественное задыханье
Дружб отроческих – вот!

Гадательные диалоги
Воскрылия с плечом.
Объятие, когда руки и ноги
И тело – ни при чем.

Ресни – цами – сброшенный вызов:
Вырвалась! Догоняй!
Из рук любовниковых – ризы
Высвобожденный край.

И пропастью в груди (что нужды
В сем: косное грудь в грудь?)
Архангельской двуострой дружбы
Обморочная круть.

25 декабря 1921

Ахматовой

Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя!
Чернокнижница!

Дни полночные твои,
Век твой таборный...
Все работнички твои
Разом забраны.

Где сподручники твои,
Те сподвижнички?

Белорученька моя,
Чернокнижница!

Не загладить тех могил
Слезой, славою.
Один заживо ходил –
Как удавленный.

Другой к стеночке пошел
Искать прибыли.
(И гордец же был – сок*о* л!)
Разом выбыли.

Высоко твои братья!
Не докличешься!
Яснооконька моя,
Чернокнижница!

А из тучи-то (хвала –
Диво дивное!)
Соколиная стрела,
Голубиная...

Знать, в два перышка тебе
Пишут тамотка,
Знать, уж в скорости тебе
Выйдет грамотка:

– Будет крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!

29 декабря 1921

“Ломающимся голосом…”

Ломающимся голосом
Бредет – как палкой п*о* мосту.
Как водоросли – волосы.
Как водоросли – помыслы.

И в каждом спуске: выплыву,
И в каждом взлете: падаю.
Рука как свиток выпала,
Разверстая и слабая...

Декабрь 1921

“До убедительности, до…”

До убедительности, до
Убийственности – просто:
Две птицы вили мне гнездо:

Истина – и Сиротство.

<1921 – 1922>

Москве

<1>. “Первородство – на сиротство…”

Первородство – на сиротство!
Не спокаюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.

Тем как вдаль гляжу на ближних –
Отрекаюсь.
Тем как твой топчу булыжник –
Отрекаюсь.
Как в семнадцатом-то
Праведница в белом,
Усмехаючись, стояла
Под обстрелом.

Как в осьмнадцатом-то
– А? – следочком ржавым
Все сынов своих искала
По заставам.

Вот за эту-то – штыками
Не спокаюсь! –
За короткую за память
Отрекаюсь.

Драгомилово, Рогожская,
Другие...
Широко ж твоя творилась
Литургия.

А рядочком-то
На площади на главной,
Рванью-клочьями
Утешенные, лавром...

Наметай, метель, опилки,
Снег свой чистый.
Поклонись, глава, могилкам
Бунтовщицким.

(Тоже праведники были,
Были, – не за гривну!)
Красной ране, бедной праведной
Их кривде...
Старопрежнее, на свалку!
Нынче, здравствуй!
И на кровушке на свежей –

Пляс да яства.

Вот за тех за всех за братьев
– Не спокаюсь! –
Прости, Иверская Мати!
Отрекаюсь.

12 января 1922

<2>. “Пуще чем женщина…”

Пуще чем женщина
В час свиданья!
Лавроиссеченный,
Красной рванью
Исполосованный
В кровь –
Снег.

Вот они, тесной стальной когортой,
К самой кремлевской стене приперты,
В ряд
Спят.

Лавр – вместо камня
И Кремль – оградой.
Крестного знамени
Вам не надо.
Как –
Чтить?

Не удостоились “Со святыми”,
Не упокоились со святыми.
Лавр.
Снег.

Как над Исусовым
Телом – стража.
Руки грызу себе, – ибо даже
Снег
Здесь

Гнев. – “Проходи! Над своими разве?!”
Первою в жизни преступной связью
Час
Бьет.

С башни – который? – стою, считаю.
Что ж это здесь за земля такая?
Шаг
Врос.

Не оторвусь! (“Отрубите руки!”)
Пуще чем женщине

В час разлуки –
Час
Бьет.

Под чужеземным бунтарским лавром
Тайная страсть моя,
Гнев мой явный –
Спи,
Враг!

13 января 1922

“По-небывалому…”

По-небывалому:
В первый раз!
Не целовала
И не клялась.

По-небывалому:
Дар и милость.
Не отстраняла
И не клонилась.

А у протаянного окна –
Это другая была –
Она.

.....……..
.....…….
Не заклинай меня!
Не клялась.

Если и строила –
Дом тот сломлен.
С этой другою
Родства не помню.

.....……..
.....…….
Не окликай меня, –
Безоглядна.

Январь 1922

Новогодняя

С. Э.

Братья! В последний час
Года – за русский
Край наш, живущий – в нас!
Ровно двенадцать раз –

Кружкой о кружку!

За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За наш Дон русский,
Старых вер Иордань...
Грянь,
Кружка о кружку!

Товарищи!
Жива еще
Мать – Страсть – Русь!
Товарищи!
Цела еще
В серд – цах Русь!

Братья! Взгляните в даль!
Дельвиг и Пушкин,
Дел и сердец хрусталь...
– Славно, как сталь об сталь –
Кружкой о кружку!

Братства славный обряд –
За наш братственный град
Прагу – до – хрусту
Грянь, богемская грань!
Грянь,
Кружка о кружку!

Товарищи!
Жива еще
Ступь – стать – сталь.
Товарищи!
Цела еще
В серд – цах – сталь.

Братья! Последний миг!
Уж на опушке
Леса – исчез старик...
Тесно – как клык об клык –
Кружкой о кружку!

Добровольная дань,
Здравствуй, добрая брань!
Еще жив – русский
Бог! Кто верует – встань!
Грянь,
Кружка о кружку!

15 января 1922

Новогодняя

(вторая)

С. Э.

Тот – вздохом взлелеянный,
Те – жестоки и смуглы.
Залетного лебедя
Не обижают орлы.

К орлам – не по записи:
Кто залетел – тот и брат!
Вольна наша трапеза,
Дик новогодний обряд.

Гуляй, пока хочется,
В гостях у орла!
Мы – вольные летчики,
Наш знак – два крыла!

Под гулкими сводами
Бои: взгляд о взгляд, сталь об сталь.
То ночь новогодняя
Бьет хрусталем о хрусталь.

Попарное звяканье
Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань.
Очами невнятными
Один – в новогоднюю рань...

Не пей, коль не хочется!
Гуляй вдоль стола!
Мы – вольные летчики,
Наш знак – два крыла!

Соборной лавиною
На лбы – новогодний обвал.
Тоска лебединая,
В очах твоих Дон ночевал.

Тоска лебединая,
Протяжная – к родине – цепь...
Мы знаем единую
Твою, – не донская ли степь?

Лети, куда хочется!
На то и стрела!
Мы – вольные летчики,
Наш век – два крыла!

18 января 1922

“Каменногрудый…”

Каменногрудый,
Каменнолобый,

Каменнобровый
Столб:
Рок.

Промысел, званье!
Вставай в ряды!
Каменной дланью
Равняет лбы.

Хищен и слеп,
Хищен и глуп.
Милости нет:
Каменногруд.

Ведомость, номер!
Без всяких прочих!
Равенство – мы:
Никаких Высочеств!

Выравнен? Нет?
Кланяйся праху!
Пушкин – на снег,
И Шенье – на плаху.

19 января 1922

“Не ревновать и не клясть…”

Алексею Александровичу Чаброву

Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела.

В сердце, где белая даль,
Гладь – равноденствие – ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.

Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеокую правду.

Рук непреложную рознь
Блюсть, костенея от гнева.
– Дружба! – Последняя кознь
Недоказненного чрева.

21 января 1922

“По нагориям…”

По нагориям,
По восхолмиям,
Вместе с зорями,
С колокольнями,

Конь без удержу,
– Полным парусом! –
В завтра путь держу,
В край без праотцев.

Не орлицей звать
И не ласточкой.
Не крестите, –
Не родилась еще!

Суть двужильная.
Чужедальняя.
Вместе с пильнями,
С наковальнями,

Вздох – без одыши,
Лоб – без огляди,
В завтра речь держу
П*о* том огненным.

Пни да рытвины, –
Не взялась еще!
Не судите!
Не родилась еще!

Тень – вожатаем,
Тело – з*а* версту!
Поверх закисей,
Поверх ржавостей,

Поверх старых вер,
Новых навыков,
В завтра, Русь, – поверх
Внуков – к правнукам!

(Мертвых Китежей
Что нам – пастбища?)
Возлюбите!
Не родилась еще!

Серпы убраны,
Столы с яствами.
Вместе с судьбами,
Вместе с царствами.

Полукружием,
– Солнцем за море! –
В завтра взор межу:
– Есмь! – Адамово.

Дыхом-пыхом – дух!
Одни – п*о* ножи.
– Догоняй, лопух!
На седьмом уже!

22 января 1922

“Не похорошела за годы разлуки…”

С. Э.

Не похорошела за годы разлуки!
Не будешь сердиться на грубые руки,
Хватающиеся за хлеб и за соль?
– Товарищества трудовая мозоль!

О, не прихорашивается для встречи
Любовь. – Не прогневайся на просторечье
Речей, – не советовала б пренебречь:
То летописи огнестрельная речь.

Разочаровался? Скажи без боязни!
То – выкорчеванный от дружб и приязней
Дух. – В путаницу якорей и надежд
Прозрения непоправимая брешь!

23 января 1922

“Верстами – врозь – разлетаются брови…”

Верстами – врозь – разлетаются брови.
Две достоверности розной любови,
Черные возжи-мои-колеи –
Дальнодорожные брови твои!

Ветлами – вслед – подымаются руки.
Две достоверности верной разлуки,
Кровь без слезы пр*о* литая!
По ветру жизнь! – Брови твои!

Летописи лебединые стрелы,
Две достоверности белого дела,
Радугою – в Божьи бои
Вброшенные – брови твои!

23 января 1922

Посмертный марш

Добровольчество – это добрая воля к смерти...
(Попытка толкования)

И марш вперед уже,

Трубят в поход.
О, как встает она,
О как встает...

Уронив лобяной облом
В руку, судорогой сведенную,
– Громче, громче! – Под плеск знамен
Не взойдет уже в залу тронную!

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О, как встает она,
О как встает...

Не она ль это в зеркалах
Расписалась ударом сабельным?
В едком верезге хрусталя
Не ее ль это смех предсвадебный?

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О, как встает она,
О как –

Не она ли из впалых щек
Продразнилась крутыми скулами?
Не она ли под локоток:
– Третьим, третьим вчерась прикуривал!

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как –

А – в просторах – Норд-Ост и шквал.
– Громче, громче промежду ребрами! –
Добровольчество! Кончен бал!
Послужила вам воля добрая!

И марш вперед уже,
Трубят –

Не чужая! Твоя! Моя!
Всех как есть обнесла за ужином!
– Долгой жизни, Любовь моя!
Изменяю для новой суженой...

И марш –

23 января 1922

“Завораживающая! Крест…”

Завораживающая! Крест
Н*а* крест складывающая руки!

Разочарование! Не крест
Ты – а страсть, как смерть и как разлука.

Развораживающий настой,
Сладость обморочного оплыва...
Что настаивающий нам твой
Хрип, обезголосившая дива –

Жизнь! – Без голосу вступает в дом,
В полной памяти дает обеты,
В нежном голосе полумужском –
Безголосицы благая Лета...

Уж немногих я зову на ты,
Уж улыбки забываю важность...
– То вдоль всей голосовой версты
Разочарования протяжность.

29 января 1922

“А и простор у нас татарским стрелам…”

А и простор у нас татарским стрелам!
А и трава у нас густа – бурьян!
Не курским соловьем осоловелым,
Что похотью своею пьян,

Свищу над реченькою румянистой,
Той реченькою-не старей.
Покамест в неширокие полсвиста
Свищу – пытать богатырей.

Ох и рубцы ж у нас пошли калеки!
– Алешеньки-то кровь, Ильи! –
Ох и красны ж у нас дымятся реки,
Малиновые полыньи.

В осоловелой оторопи банной –
Хрип княжеский да волчья сыть.
Всей соловьиной глоткой разливанной
Той оторопи не покрыть.

Вот и молчок-то мой таков претихий,
Что вывелась моя семья.
Меж соловьев слезистых – соколиха,
А род веду – от Соловья.

9 февраля 1922

“Не приземист – высокоросл…”

Не приземист – высокоросл
Стан над выравненностью грядок.
В густоте кормовых ремесл

Хоровых не забыла радуг.

Сплю – и с каждым батрацким днем
Тверже в памяти благодарной,
Что когда-нибудь отдохнем
В верхнем городе Леонардо.

9 февраля 1922

“Слезы – на лисе моей облезлой…”

Слезы – на лисе моей облезлой!
Глыбой – чересплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудой стукотни –

Дребезг подымается над щебнем,
Скрежетом по рощам, по лесам.
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом – по семи моим сердцам!

Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар,
Или же – вдоль насыпи сутулой
Шепоты и топоты татар.

Или мужичонка, н*а* круг должный,
За косу красу – да о косяк?
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом – о ребяческий костяк?)

Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд –
Сорок звонарей моих взбесились –
И болярыню свою поют...

Сокол – перерезанные путы!
Шибче от кровавой колеи!
– То над родиной моею лютой
Исстрадавшиеся соловьи.

10 февраля 1922

Дочь Иаира

1

Мимо иди!
Это великая милость.
Дочь Иаира простилась
С куклой (с любовником!) и с красотой
Этот просторный покрой
Юным к лицу.

2

В просторах покроя –
Потерянность тела,
Посмертная сквозь.

Девица, не скроешь,
Что кость захотела
От косточки врозь.

Зачем, равнодушный,
Противу закону
Спешащей реки –

Слез женских послушал
И *о* тчего стону –
Душе вопреки!

Сказал – и воскресла,
И смутно, по памяти,
В мир хлеба и лжи.

Но поступь надтреснута,
Губы подтянуты,
Руки свежи.

И всё как спросоньица
Немеют конечности.
И в самый базар

С дороги не тронется
Отвесной. – То Вечности
Бессмертный загар.

Привыкнет – и свыкнутся.
И в белом, как надобно,
Меж плавных сестер...

То юную скрытницу
Лавиною свадебной
Приветствует хор.

Рукой его согнута,
Смеется – всё заново!
Всё роза и гроздь!

Но между любовником
И ею – как занавес
Посмертная сквозь.

16 – 17 февраля 1922

“На пушок девичий, нежный…”

На пушок девичий, нежный –
Смерть серебряным загаром.
Тайная любовь промежду
Рукописью – и пожаром.

Рукопись – пожару хочет,
Девственность – базару хочет,
Мраморность – загару хочет,
Молодость – удару хочет!

Смерть, хватай меня за косы!
Подкоси румянец русый!
Татарве моей раскосой
В ножки да не поклонюся!

– Русь!!!

16 – 17 февраля 1922

“На заре – наимедленнейшая кровь…”

На заре – наимедленнейшая кровь,
На заре – наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод.

Око зрит – невидимейшую даль,
Сердце зрит – невидимейшую связь...
Ухо пьет – неслыханнейшую молвь.
Над разбитым Игорем плачет Див...

18 февраля 1922

“Переселенцами…”

Переселенцами –
В какой Нью-Йорк?
Вражду вселенскую
Взвалив на горб –

Ведь и медведи мы!
Ведь и татары мы!
Вшами изъедены
Идем – с пожарами!

Покамест – в долг еще!
А там, из тьмы –
Сонмы и полчища
Таких, как мы.

Полураскосая

Стальная щель.
Дикими космами
От плеч – метель.

– Во имя Господа!
Во имя Разума! –
Ведь и короста мы,
Ведь и проказа мы!

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех –
Звезда российская:
Противу всех!

Отцеубийцами –
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!

“Люд земледельческий,
Вставай с постелею!”
И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,

И дружной папертью,
– Рвань к голытьбе:
“Мир белоскатертный!
Ужо тебе!”

22 февраля 1922

Площадь

Ока крылатый откос:
Вброд или вдоль стен?
Знаю и пью робость
В чашечках ко – лен.

Нет голубям зерен,
Нет площадям трав,
Ибо была – морем
Площадь, кремнем став.

Береговой качки
.... злей
В башни не верь: мачты
Гиблых кораб – лей...

Грудь, захлебнись камнем...

<1922>

“Сомкнутым строем…”

Сомкнутым строем –
Противу всех.
Дай же спокойно им
Спать во гробех.

Ненависть, – чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Рядышком ляжь!

В бранном их саване –
Сколько прорех!
Дай же им правыми
Быть во гробех.

Враг – пока здрав,
Прав – как упал.
Мертвым – устав
Червь да шакал.

Вместо глазниц –
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын – раз в крови!

Собственным телом
Отдал за всех...
Дай же им белыми
Быть во гробех.

22 февраля 1922

Сугробы

Эренбургу

<1>. “Небо катило сугробы…”

Небо катило сугробы
Валом в полночную муть.
Как из единой утробы –
Небо – и глыбы – и грудь.

Над пустотой переулка,
По сталактитам пещер
Как раскатилося гулко
Вашего имени Эр!

Под занавескою сонной
Не истолкует Вам Брюс:
Женщины – две – и наклонный
Путь в сновиденную Русь.

Грому небесному тесно!

– Эр! – леопардова пасть.
(Женщины – две – и отвесный
Путь в сновиденную страсть...)

Эр! – необорная крепость!
Эр! – через чрево – вперед!
Эр! – в уплотненную слепость
Недр – осиянный пролет!

Так, между небом и нёбом,
– Радуйся же, маловер! –
По сновиденным сугробам
Вашего имени Эр.

23 февраля 1922

<2>. “Не здесь, где связано…”

Не здесь, где связано,
А там, где велено.
Не здесь, где Лазари
Бредут с постелею,

Горбами вьючными
О щебень дней.
Здесь нету рученьки
Тебе – моей.

Не здесь, где скривлено,
А там, где вправлено,
Не здесь, где с крыльями
Решают – саблями,

Где плоть горластая
На нас: добей!
Здесь нету дарственной
Тебе – моей.

Не здесь, где спрошено,
Там, где отвечено.
Не здесь, где крошева
Промеж – и месива

Смерть – червоточиной,
И ревность-змей.
Здесь нету вотчины
Тебе – моей.

И не оглянется
Жизнь крутобровая!
Здесь нет свиданьица!
Здесь только проводы,

Здесь слишком спутаны

Концы ремней...
Здесь нету утрени
Тебе – моей.

Не двор с очистками –
Райскими кущами!
Не здесь, где взыскано,
Там, где отпущено,

Где вся расплёскана
Измена дней.
Где даже слов-то нет:
– Тебе – моей...

25 февраля 1922

<3>. “Широкое ложе для всех моих рек…”

Широкое ложе для всех моих рек –
Чужой человек.
Прохожий, в которого руки – как в снег
Всей жаркостью век

Виновных, – которому вслед я и вслед,
В гром встречных телег.
Любовник, которого может и нет,
(Вздох прожит – и нет!)

Чужой человек,
Дорогой человек,
Ночлег-человек,
Навек-человек!

– Невемый! – На сале змеином, без свеч,
Хлеб свадебный печь.
В измену! – Руслом расставаний, не встреч
Реке моей бечь.

– В свиданье! – А коли темна моя речь –
Дом каменный с плеч!
Над рвом расставаний, над воркотом встреч –
Реки моей речь...

Простор-человек,
Ниотколь-человек,
Сквозь-пол – человек,
Прошел-человек.

25 февраля 1922

<4>. “А уж так: ни о чем…”

А уж так: ни о чем!
Не плечом-не бочком,

Не толчком-локотком, –
Говорком, говорком.

В горле – легкий громок,
Голос встречных дорог,
От судьбы ветерок:
Говорок, говорок.

От крутой орлиной страсти –
Перстенек на пальце.
А замешено то счастье
На змеином сальце.

А не хошь – не бери!
Может, ветер в двери,
Может, встречные три, –
А и сам разбери!

Хошь и крут мой порог –
Потрудись, паренек!
Не с горохом пирог, –
Сахарок-говорок!

Закажи себе на ужин,
Господин хороший,
Закажи себе жемчужин,
Горловых горошин.

Голубиных тех стай
Воркот, розовый рай?
Ай река через край?
Две руки подставляй!

Может, путь-мой-широк
Покатил перстенек
Мимо рук – да в сугроб?
Воркоток-говорок.

Распаял мое запястье
Ветерок февральский.
А замешено то счастье
На змеином сальце...

В ожерелье – сто бус.
Сорок ртов, один кус.
Ох сокол-мой-безус,
Не божусь, не клянусь!

(Может, гость-хромоног
Костылем о порог?
Вдоль хребта холодок –
Рокоток-говорок!)

Как на красной на слободке

Муж жену зарезал.
А моя добыча в глотке –
Не под грудью левой!

От тебя, палача,
Книзу пламем свеча.
Нашей мглы епанча –
Счастье с лева плеча!..

От румяных от щек –
Шаг – до черных до дрог!
Шелку ярый шнурок:
Ремешок-говорок!

1 марта 1922

<5>. “В ворко-клекочущий зоркий круг…”

В ворко-клекочущий зоркий круг –
Голуби встреч и орлы разлук.

Ветвь или меч
Примешь из рук?
В щебете встреч –
Дребезг разлук.

2 марта 1922

<6>. “Масляница широка…”

Масляница широка!
Масляницу за бака!

Масляница!
Увальница!
Провожайте
Масляницу!

Масляница-слобода!
Мочальная борода!

Снежок сывороточный,
Бочок вывороченный!

В тыщу девятьсот-от
Семнадцатом – счетом
Забралась, растрепа,
К мужику в окопы.

Восставай, Михалыч!
Твое дело – жалость.
Восставай, Егорыч,
Твое дело – горечь.

Поел, парень, белены,
Пора, парень, за блины!

Масляница!
Бубенница!
Румяная
Труженица!

Над ушком-то гудом:
Пора, брат, за бубен!
А в ладонь-то – зудом:
С кого брать – зарубим.

Товарищество! Товар!
Румяный наш кашевар!

Тисканая!
Глаженая!
Румяная!
Ряженая!

Ротастая –
Твоя купель.
Одна сестра –
На всю артель!

Растерзана,
На круг – рвана!
Кто первый взял –
Тому верна:

На века на вечные:
До первого встречного!

Масляница!
Вафельница!
Румяная
Висельница!

(Блины, вафли,
Сахар, мед!)
Вставай, барин,
Под черед!

Ни пекарен
Вам, ни круп!
Ложись, барин,
Под тулуп!

За наш за труд,
За наш за пот,
Гуляй, Кузьма!
Гуляй, Федот!

Пожрал сенца –
Вались на дичь!
Князьям счета
Строчи, Ильич!

Про наш раззор,
Про горести –
Разборчивей,
Забористей –

На весь забор
Трезвонь, братва!
Така мол нонь
Гармонь пошла.

Висельничек румянист,
Румяный наш гармонист!

Масляница!
Увальница!
Румяная
Кукольница!

Проваливай, прежнее!
Мои дрожжи свежие!

Проваливай! Заново!
Мои дрожжи пьяные!

Подправа из белены –
Пора, парень, за блины!

Зубастые,
Разинские,
Без застав поравенствуем!

Поставцы – подковой,
Икра – жемчугова:
С Богородицыных риз.
Садись, парень, не стыдись!

Масляница!
Бусельница!
Провожайте
Масляницу!

Крути, парень, паклю в жгут!
Нынче масляницу жгут.

Гикалу!
Шугалу!
Хапалу!
Чучелу!

6 марта 1922

<7>. “Наворковала…”

Наворковала,
Наворожила.
Слева-направо
В путь проводила.

Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж,
Чтоб и у всенощ –
ной – сверх иконок:

Руды-пожары,
Бури-ворожбы –
Поверх державна
Воркота Божья.

Накуковала,
Натосковала.
Чтоб моей славой –
Все тебе скалы.

Чтоб моей силой –
Все тебе реки.
В первый и в третий,
Днесь и навеки...

Чтоб моей левой –
Немощь и помощь.
Чтоб уж никем уж,
Чтоб ни о ком уж...

Наобмирала,
Насоловьила.
Без переправы
В рай – насулила,

(Чтоб моей лестью
Все тебе птицы...)
В рай тот невесть чей.
В рай тот персидский...

В сласть и в страданье –
Дай – через руку!
Прощай – в свиданье!
Здравствуй – в разлуку!

10 марта 1922

<8>. “А сугробы подаются…”

А сугробы подаются,

Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приютство,
Воркотов приятство.

Веретен ворчливых царство,
Волков белых – рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,

Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки – воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!

Прощай, след незнам, непытан,
Орлов белых свита,
Прощай, грех снежком покрытый,
По снегам размытый.

Горбуны-горбы-верблюдцы –
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.

Голытьбе с любовью долг
День весенний, звонный.
Где метель: покров-наш-полог,
Голова приклонна!

Цельный день грызет, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.

День – с ремень, ноченька куца:
Ни начать, ни взяться...
А сугробы подаются,
Скоро расставаться...

В две руки беру – за обе:
Ну – не оторвуся?
В две реки из ям-колдобин –
Дорогие бусы.

Расколдован, разморожен
Путь, ручьям запродан.
Друг! Ушли мои ворожбы
По крутым сугробам...

Не гляди, что слезы льются:
Вода – может статься!
Раз сугробы подаются –
Пора расставаться!

12 марта 1922

<9>. “Ранне-утреня…”

Ранне-утреня,
Поздне-вечерня,
Крепко стукана,
Не приручёна,

Жарко сватана,
В жены не взята, –
Я дорога твоя
Невозвратна.

Много-пытанная,
Чутко-слуханная,
Зорко-слеженная,
Неудержанная!

Уж закачана
Плачем и ливнем!
Даром трачены,
Звонкие гривны!

Даром продана,
Мощь черноземна!
Я хвороба твоя
Неудремна.

(Твоя тайная грусть,
Твоя тайная грызть,
Бесхозяйная Русь,
Окаянная жизть!)

Вечно – из дому,
Век – мимо дому,
От любезного
В лес – к дорогому!

Берегись, простота светлоруса!
Из-под полоза – птицей урвуся!

Вон за т*у* вон за даль,
Вон за т*у* вон за синь,
Вон за т*у* вон за сквозь,
Грива вкось, крылья врозь.

Эй, хорошие!
Не довелося!

Разворочена,
Простоволоса,

– Лжемариною
В сизые гряды! –
Я княгиня твоя
Безоглядна...

(Не гордыня ли
Неодоленна твоя,
Неомоленна твоя?
Проваленна твоя!)

По целковому
– Аль? – да на брата!
Колесована –
Не распозната;

Не дорога –
Мечта твоя сонна,
Недотрога твоя
Необгонна.

Вон т*о* дерево!
Вон т*о* зарево!
Вон т*о* курево!
Вон т*о* марево!

17 марта 1922

<10>. “Возле любови…”

Возле любови –
Темные смуты:
Ровно бы лютню
Кто ненароком
Краем плаща.

(Ровно бы руки
К вам на плеча).

Как паутиною
Перепутан
Воздух – чуть ступишь...

Как паутиною
Перетянут
Голос – чуть вскличешь...

Возле любови –
Тихие вихри:
(Наш – или темный?)

Возле любови –

Шепот и шелест.
Возле любови –
Шепчут и стелят...

Тушат и светят,
Спущены веки,
Спутаны вехи,
Смуты и смехи...

Гей, постреленыш!
Плеть моя хлестка!
Вся некрещеность!
На перекресток!

Рознь – на порожек!
Гордость – в околыш!
Ревность – под полог!
Щекот и щелок.

Но круговая
– Сверху – порука
Крыл.

<18 марта 1922>

<11>. “От меня – к невемому…”

От меня – к невемому
Оскользь, молвь негласная.
Издалёка – дремленный,
Издалёка – ласканный...

У фаты завесистой
Лишь концы и затканы!
Отпусти словеснице
Оскользь, слово гладкое!

(Смугловистым ящером
Ишь – в меха еловые!)
Без ладони – лащенный,
За глаза – целованный!

Даль – большая вольница,
Верстовым – как рученькой!
Велика раскольница
Даль, хужей – прилучница!

Сквозь замочну скважину
В грудь – очьми оленьими.
Через версты – глаженный,
Ковыли – лелеянный!

За турецким за морем
Дом с цветными стеклами.

От меня – к незнамому
Выскох – ух! – высоконький!

Сверх волны обманчивой
В грудь – дугою лютою!
Через хляби – нянчанный,
Берега – баюканный...

Таковы известьица
К Вам – с Руси соломенной!
Хороша словесница:
Две руки заломлены!

Не клейми невежею
За крыло подрублено!
Через копья – неженный,
Лезвия – голубленный...

Март 1922

“Знакомец! Отколева в наши страны…”

Знакомец! Отколева в наши страны?
Которого ветра клясть?
Знакомец! С тобою в любовь не встану:
Твоя вороная масть.

Покамест костру вороному – пыхать,
Красавице – искра в глаз!
– Знакомец! Твоя дорогая прихоть,
А мой дорогой отказ.

Москва, 18 марта 1922

“Без повороту и без возврату…”

Без повороту и без возврату,
Часом и веком.
Это сестра провожает брата
В темную реку.

Без передыху и без пощады
.....……
Это сестра оскользнулась взглядом
В братнюю руку.

“По Безымянной
В самую низь.
Плиты стеклянны:
Не оскользнись.

Синее зелье
Всвищет сквозь щели.

Над колыбелью –
Нищие пели:

Первый – о славе,
Средний – о здравье,
Третий – так с краю
оставил:

Жемчугом сыпать
Вслед – коли вскличут”...
Братняя притопь.
Сестрина причеть.

28 марта 1922

“Божественно и безоглядно…”

Божественно и безоглядно
Растет прибой
Не губы, жмущиеся жадно
К руке чужой –

Нет, раковины в час отлива
Тишайший труд.
Божественно и терпеливо:
Так море – пьют.

<1922>

“Есть час на те слова…”

Есть час на те слова.
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь.

Быть может – от плеча,
Протиснутого лбом.
Быть может – от луча,
Невидимого днем.

В напрасную струну
Прах – взмах на простыню.
Дань страху своему
И праху своему.

Жарких самоуправств
Час – и тишайших просьб.
Час безземельных братств.
Час мировых сиротств.

11 июня 1922

“Лютая юдоль…”

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так – о камень лбом –
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями: вся выплеснута

С моими дикостями – и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...

Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.

12 июня 1922

Земные приметы

1. “Так, в скудном труженичестве дней…”

Так, в скудном труженичестве дней,
Так, в трудной судорожности к ней,
Забудешь дружественный хорей
Подруги мужественной своей.

Ее суровости горький дар,
И легкой робостью скрытый жар,
И тот беспроволочный удар,
Которому имя – даль.

Все древности, кроме: ***дай*** и ***мой*** ,
Все ревности, кроме той, земной,
Все верности, – но и в смертный бой
Неверующим Фомой.

Мой неженка! Сединой отцов:
Сей беженки не бери под кров!

Да здравствует левогрудый ков
Немудрствующих концов!

Но может, в щебетах и в счетах
От вечных женственностей устав –
И вспомнишь руку мою без прав
И мужественный рукав.

Уста, не требующие смет,
Права, не следующие вслед,
Глаза, не ведающие век,
Исследующие: свет.

15 июня 1922

2. “Ищи себе доверчивых подруг…”

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера – дело рук,
Ремесленник – и знаю ремесло.

От высокоторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое – до: не дыши!

18 июня 1922

3. (балкон)

Ах, с откровенного отвеса –
Вниз – чтобы в прах и в смоль!
Земной любови недовесок
Слезой солить – доколь?

Балкон. Сквозь соляные ливни
Смоль поцелуев злых.
И ненависти неизбывной
Вздох: выдышаться в стих!

Стиснутое в руке комочком –
Что : сердце или рвань
Батистовая? Сим примочкам
Есть имя: – Иордань.

Да, ибо этот бой с любовью
Дик и жестокосерд.
Дабы с гранитного надбровья
Взмыв – выдышаться в смерть!

30 июня 1922

4. “Руки – и в круг…”

Руки – и в круг
Перепродаж и переуступок!
Только бы губ,
Только бы рук мне не перепутать!

Этих вот всех
Суетностей, от которых сна нет.
Руки воздев,
Друг, заклинаю свою же память!

Чтобы в стихах
(Свалочной яме моих Высочеств!)
Ты не зачах,
Ты не усох наподобье прочих.

Чтобы в груди
(В тысячегрудой моей могиле
Братской!) – дожди
Тысячелетий тебя не мыли...

Тело меж тел,
– Ты, что мне пр*о* падом был двухзвёздным!..
Чтоб не истлел
С надписью: не опознан.

9 июля 1922

5. “Удостоверишься – по времени…”

Удостоверишься – по времени! –
Что, выброшенной на солому,
Не надо было ей ни славы, ни
Сокровищницы Соломона.

Нет, руки з*а* голову заломив,
– Глоткою соловьиной! –
Не о сокровищнице – Суламифь:
Горсточке красной глины!

12 июля 1922

6. “Дабы ты меня не видел…”

Дабы ты меня не видел –
В жизнь – пронзительной, незримой
Изгородью окружусь.

Жимолостью опояшусь,
Изморозью опушусь.

Дабы ты меня не слушал

В ночь – в премудрости старушьей:
Скрытничестве – укреплюсь.

Шорохами опояшусь,
Шелестами опушусь.

Дабы ты во мне не слишком
Цвел – по зарослям: по книжкам
Заживо запропащу:

Вымыслами опояшу,
Мнимостями опушу.

25 июня 1922

7. “Вкрадчивостию волос…”

Вкрадчивостию волос:
В гладь и в лоск
Оторопию продольной –

Синь полунощную, масть
Воронову. – Вгладь и всласть
Оторопи вдоль – ладонью.

Неженка! – Не обманись!
Так заглаживают мысль
Злостную: разрыв – разлуку –

Лестницы последний скрип...
Так заглаживают шип
Розовый... – Поранишь руку!

Ведомо мне в жизни рук
Многое. – Из светлых дуг
Присталью неотторжимой

Весь противушерстный твой
Строй выслеживаю: смоль,
Стонущую под нажимом.

Жалко мне твоей упор-
ствующей ладони: в лоск
Волосы, – вот-вот уж через

Край – глаза... Загнана внутрь
Мысль навязчивая: утр
Наваждение – под череп!

17 июля 1922

8. “Леты слепотекущий всхлип…”

Леты слепотекущий всхлип.

Долг твой тебе отпущен: слит
С Летою, – еле-еле жив
В лепете сребротекущих ив.

Ивовый сребролетейский плеск
Плачущий... В слепотекущий склеп
Памятей – перетомилась – спрячь
В ивовый сребролетейский плач.

Н*а* плечи – сребро-седым плащом
Старческим, сребро-сухим плющом
Н*а* плечи – перетомилась – ляг,
Ладанный слеполетейский мрак

Маковый...
– ибо красный цвет
Старится, ибо пурпур – сед
В памяти, ибо выпив всю –
Сухостями теку.

Тусклостями: ущербленных жил
Скупостями, молодых сивилл
Слепостями, головных истом
Седостями: свинцом.

Берлин, 31 июля 1922

«Ночные шепота: шелка…»

Ночные шепота: шелка
Разбрасывающая рука.
Ночные шепота: шелка
Разглаживающие уста.
Счета
Всех ревностей дневных –
и вспых
Всех древностей – и стиснув челюсти –
И стих
Спор –
В шелесте...
И лист
В стекло...
И первой птицы свист.
– Сколь чист! – И вздох.
Не тот. – Ушло.
Ушла.
И вздрог
Плеча.
Ничто
Тщета.
Конец.
Как нет.

И в эту суету сует
Сей меч: рассвет.

17 июня 1922

“Помни закон…”

Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом –
В Граде Друзей:

В этом пустом,
В этом крутом
Небе мужском
– Сплошь золотом –

В мире, где реки вспять,[40]

На берегу – реки,
В мнимую руку взять
Мнимость другой руки...

Легонькой искры хруст,
Взрыв – и ответный взрыв.
(Недостоверность рук
Рукопожатьем скрыв!)

О этот дружный всплеск
Плоских как меч одежд –
В небе мужских божеств,
В небе мужских торжеств!

Так, между отрочеств:
Между равенств,
В свежих широтах
Зорь, в загараньях

Игр – на сухом ветру
Здравствуй, бесстрастье душ!
В небе тарпейских круч,
В небе спартанских дружб!

20 июня 1922

“Когда же, Господин…”

Когда же, Господин,
На жизнь мою сойдет
Спокойствие седин,

---

[40] Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги: На – берегу – реки *(примеч. М. Цветаевой)* .

Спокойствие высот.

Когда ж в пратишину
Тех первоголубизн
Высокое плечо,
Всю вынесшее жизнь.

Ты, Господи, один,
Один, никто из вас,
Как с пуховых горбин
В синь горнюю рвалась.

Как под упорством уст
Сон – слушала – траву...
(Здесь, на земле искусств,
Словесницей слыву!)

И как меня томил
Лжи – ломовой оброк,
Как из последних жил
В дерева первый вздрог...
Дерева – первый – вздрог,
Голубя – первый – ворк.
(Это не твой ли вздрог,
Гордость, не твой ли ворк,
Верность?)

– Остановись,
Светопись зорких стрел!
В тайнописи любви
Небо – какой пробел!

Если бы – не – рассвет:
Дребезг, и свист, и лист,
Если бы не сует
Сих суета – сбылись

Жизни б...
Не луч, а бич –
В жимолость нежных тел.
В опромети добыч
Небо – какой предел!

День. Ломовых дрог
Ков. – Началась. – Пошла.
Дикий и тихий вздрог
Вспомнившего плеча.

Прячет...
Как из ведра –
Утро. Малярный мел.
В летописи ребра
Небо – какой пробел!

22 – 23 июня 1922

“По загарам – топор и плуг…”

По загарам – топор и плуг.
Хватит – смуглому праху дань!
Для ремесленнических рук
Дорога трудовая рань.

Здравствуй – в ветхозаветных тьмах –
Вечной мужественности взмах!

Мхом и медом дымящий плод –
Прочь, последнего часа тварь!
В меховых ворохах дремот
Сарру-заповедь и Агарь –

Сердце – бросив...
– ликуй в утрах,
Вечной мужественности взмах!

24 июня 1922

“Здравствуй! Не стрела, не камень…”

Здравствуй! Не стрела, не камень:
Я! – Живейшая из жен:
Жизнь. Обеими руками
В твой невыспавшийся сон.

Дай! (На языке двуостром:
Н*а* ! – Двуострота змеи!)
Всю меня в простоволосой
Радости моей прими!

Льни! – Сегодня день на шхуне,
– Льни! – на лыжах! – Льни! – льняной!
Я сегодня в новой шкуре:
Вызолоченной, седьмой!

– Мой! – и о каких наградах
Рай – когда в руках, у рта:
Жизнь: распахнутая радость
Поздороваться с утра!

25 июня 1922

“Некоторым – не закон…”

Некоторым – не закон.
В час, когда условный сон
Праведен, почти что свят,
Некоторые не спят:

Всматриваются – и в скры-
тнейшем лепестке: не ты!

Некоторым – не устав:
В час, когда на всех устах
Засуха последних смут –
Некоторые не пьют:

Впытываются – и сти-
снутым кулаком – в пески!

Некоторым, без кривизн –
Дорого дается жизнь.

25 июня 1922

“В пустынной храмине…”

В пустынной хр*а* мине
Троилась – ладаном.
Зерном и пламенем
На темя падала...

В ночные клёкоты
Вступала – ровнею.
– Я буду крохотной
Твоей жаровнею:

Домашней утварью:
Тоску раскуривать,
Ночную скуку гнать,
Земные руки греть!

С груди безжалостной
Богов – пусть сброшена!
Любовь досталась мне
Любая : б*о* льшая!

С такими путами!
С такими льготами!
Пол-жизни? – Всю тебе!
По-локоть? – В*о* т она!

За то, что требуешь,
За то, что мучаешь,
За то, что бедные
Земные руки есть...

Тщета! – Не выверишь
По амфибрахиям!
В груди пошире лишь
Глаза распахивай,

Гляди: не Логосом
Пришла, не Вечностью:
Пустоголовостью
Твоей щебечущей

К груди...
– Не властвовать!
Без слов и н*а* слово –
Любить... Распластаннейшей
В мире – ласточкой!

Берлин, 26 июня 1922

“Ночного гостя не застанешь...”

Ночного гостя не застанешь...
Спи и проспи навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.

Но если – не сочти, что дразнит
Слух! – любящая – чуть
Отклонится, но если н*а* взрыд
Ночь и кифарой – грудь...

То мой любовник лавролобый
Поворотил коней
С ристалища. То ревность Бога
К любимице своей.

2 июля 1922

“И скажешь ты…”

И скажешь ты:
Не та ль,
Не ты,
Что сквозь персты:
Листы, цветы –

В пески...
Из устных
Вер – индус,
Что нашу грусть –
В листы,
И груз – в цветы
Всего за только всхруст
Руки
В руке:
Игру.
Индус, а может Златоуст
Вер – без навек,
И без корней
Верб,

И навек – без дней...

(Бедней
Тебя!)
И вот
Об ней,
Об ней одной.

3 июля 1922

“Неподражаемо лжет жизнь…”

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал...
Бормот – сквозь жимолость – ста жил...
Радуйся же! – Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души – что вот уже: лбом в сон.
Ибо – зачем пел?

В белую книгу твоих тишизн,
В дикую глину твоих “да” –
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь – жизнь.

8 июля 1922

“Думалось: будут легки…”

Думалось: будут легки
Дни – и бестрепетна смежность
Рук. – Взмахом руки,
Друг, остановимте нежность.

Не – поздно еще![41]
В рас – светные щели
(Не поздно!) – еще
Нам птицы не пели.

Будь на – стороже!
Последняя ставка!
Нет, поздно уже
Друг, если до завтра!

---

41 Ударяется и отрывается первый слог. Помечено не везде *(примеч. М. Цветаевой)* .

Земля да легка!
Друг, в самую сердь!
Не в наши лета
Откладывать смерть!

Мертвые – хоть – спят!
Только моим сна нет –
Снам! Взмахом лопат
Друг – остановимте память!

9 июля 1922

“Листья ли с древа рушатся…”

Листья ли с древа рушатся,
Розовые да чайные?
Нет, с покоренной русости
Ризы ее, шелк*а* ее...

Ветви ли в воду клонятся,
К водорослям да к ржавчинам?
Нет, – без души, без помысла
Руки ее упавшие.

Смолы ли в траву пролиты, –
В те ли во ланы кукушечьи?
Нет, – по щекам на коврики
Слезы ее, – ведь скушно же!

Барин, не тем ты занятый,
А поглядел бы зарево!
То в проваленной памяти –
Зори ее: глаза его!

<1922>

Берлину

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплесканья.

Поздравствовалось – и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

10 июля 1922

“Светло-серебряная цвель…”

Светло-серебряная цвель
Над зарослями и бассейнами.
И занавес дохнёт – и в щель
Колеблющийся и рассеянный

Свет... Падающая вода
Чадры. (Не прикажу – не двинешься!)
Так пэри к спящим иногда
Прокрадываются в любимицы.

Ибо не ведающим лет
– Спи! – головокруженье нравится.
Не вычитав моих примет,
Спи, нежное мое неравенство!

Спи. – Вымыслом останусь, лба
Разглаживающим неровности.
Так Музы к смертным иногда
Напрашиваются в любовницы.

16 июля 1922

Сивилла

1. “Сивилла: выжжена, сивилла: ствол…”

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! – Древо меж дев.

Державным деревом в лесу нагом –
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками – в разбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся Бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне:
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...
– так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

5 августа 1922

2. “Каменной глыбой серой…”

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое – пещера
Голоса твоего.

Недрами – в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротою жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневеет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горе ! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах –
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

6 августа 1922

3. Сивилла – младенцу.[42]

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение – паденье в дни.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.

Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение – паденье в час!

Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение – паденье в кровь,

И в прах,
И в час...

Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рожденье в вес!

---

42 Стихотворение перенесено сюда из будущего, по внутренней принадлежности *(примеч. М. Цветаевой)* .

Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький: рожденье в счет,

И в кровь,
И в пот...

Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо – паденье в твердь.

Но узришь! То, что в мире – век
Смежение – рожденье в свет.

Из днесь –
В навек.

Смерть, маленький, не спать, а встать.
Не спать, а вспять.

Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...
– Восстанье в день.

17 мая 1923

“Но тесна вдвоем…”

Но тесна вдвоем
Даже радость утр.
Оттолкнувшись лбом
И подавшись внутрь,

(Ибо странник – Дух,
И идет один),
До начальных глин
Потупляя слух –

Над источником,
Слушай-слушай, Адам,
Чт*о* проточные
Жилы рек – берегам:

– Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем.

В горний лагерь лбов
Ты и мост и взрыв.
(Самовластен – Бог
И меж всех ревнив).

Над источником

Слушай-слушай, Адам,
Чт*о* проточные
Жилы рек – берегам:

– Берегись слуги,
Дабы в отчий дом
В гордый час трубы
Не предстать рабом.

Берегись жены,
Дабы, сбросив прах,
В голый час трубы
Не предстать в перстнях.

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек – берегам:

– Берегись! Не строй
На родстве высот.
(Ибо крепче – ***той***
В нашем сердце – ***тот***).

Говорю, не льстись
На орла, – скорбит
Об упавшем ввысь
По сей день – Давид!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Чт*о* проточные
Жилы рек – берегам:

– Берегись могил:
Голодней блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме – смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Чт*о* проточные
Жилы рек – берегам:

– Берегись...

8 августа 1922

“Леты подводный свет…”

Леты подводный свет,
Красного сердца риф.
Застолбенел ланцет,
Певчее горло вскрыв:

Не раскаленность жёрл,
Не распаленность скверн –
Нерастворенный перл
В горечи певчих горл.

Г*о* ре гор*е* ! Граним,
Плавим и мрем – вотще.
Ибо нерастворим
В голосовом луче

Жемчуг...
Железом в хрип,
Тысячей пил и свёрл –
Неизвлеченный шип
В горечи певчих горл.

11 августа 1922

Деревья

(Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой)

1. “В смертных изверясь…”

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В сребросколь зящую сушь,

– Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! –
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
Клочья последней парчи –
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью,

(Ибо вожатый – суров),

Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2. “Когда обидой – опилась…”

Когда обидой – опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами –

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней.
С людскими косностями –

Деревья! К вам иду! Спастись
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз – яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна – ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы – пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки – плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

3. “Купальщицами, в легкий круг…”

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми, стаей
Нимф-охранительниц – и вдруг,
Гривы взметая

В закинутости лбов и рук,
– Свиток развитый! –
В пляске кончающейся вдруг
Взмахом защиты –

Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!

9 сентября 1922

4. “Други! Братственный сонм…”

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
Лес! – Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День – в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огнь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн –
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

17 сентября 1922

5. “Беглецы? – Вестовые…”

Беглецы? – Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чащах Бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей –
В убеганье дерев!

Лес! Ты нынче – наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес –

Это – в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это – сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья –
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая – кто видел?! –
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

3 октября 1922

6. “Не краской, не кистью…”

Не краской, не кистью!
Свет – царство его, ибо сед.
Ложь – красные листья:
Здесь свет, попирающий цвет.

Цвет, попранный светом.
Свет – цвету пятою на грудь.
Не в этом, не в этом
ли: тайна, и сила и суть

Осеннего леса?
Над тихою заводью дней
Как будто завеса
Рванулась – и грозно за ней...

Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук –
Слова: Палестина
Встают, и Элизиум вдруг...

Струенье... Сквоженье...
Сквозь трепетов мелкую вязь –
Свет, смерти блаженнее
И – обрывается связь.
Осенняя седость.
Ты, Гётевский апофеоз!
Здесь многое спелось,
А больше еще – расплелось.

Так светят седины:

Так древние главы семьи –
Последнего сына,
Последнейшего из семи –

В последние двери –
Простертым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур – последний из слуг!)

...Уже и не светом:
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли – и обрывается связь.
Так светят пустыни.
И – больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

8 – 9 октября 1922

7. “Та, что без видения спала…”

Та, что без виде*е* ния спала –
Вздрогнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною ск*а* лой –

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! – Руки! – Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) – и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих – птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясницу

Выпростав из гробовых пелен –
Взлет седобородый:
Есмь! – Переселенье! – Легион!
Целые народы

Выходцев! – На милость и на гнев!
Види! – Буди! – Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье.

12 октября 1922

8. “Кто-то едет – к смертной победе…”

Кто-то едет – к смертной победе
У деревьев – жесты трагедий.
Иудеи – жертвенный танец!
У деревьев – трепеты таинств.

Это – заговор против века:
Веса, счета, времени, дроби.
Се – разодранная завеса:
У деревьев – жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо – как въезд.
У деревьев – жесты торжеств.

7 мая 1923

9. “Каким наитием…”

Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистовой
Сивиллы таинствами –
О чем шумите вы,
О чем беспамятствуете?

Что в вашем веяньи?
Но знаю – лечите
Обиду Времени –
Прохладой Вечности.

Но юным гением
Восстав – порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля – ***казалась*** нам.
Чтобы ***под веками***
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес – не чваниться!
Чтобы ***под веками***
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! – В пророчества
Речами косвенными...

Листва ли – листьями?
Сивилла ль – выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923

(Два последних стихотворения перенесены сюда из будущего по внутренней принадлежности *(примеч. М. Цветаевой)* .)

“Золото моих волос…”

Золото моих волос
Тихо переходит в седость.
– Не жалейте! Всё сбылось,
Всё в груди слилось и спелось.

Спелось – как вся даль слилась
В стонущей трубе окрайны.
Господи! Душа сбылась:
Умысел твой самый тайный.
Несгорающую соль
Дум моих – ужели пепел
Фениксов отдам за смоль
Временных великолепий?

Да и ты посеребрел,
Спутник мой! К громам и дымам,
К молодым сединам ***дел*** –
Дум моих причти седины.

Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй:
Молодым сединам ***бед***
Лавр пристал – и дуб гражданский.

Между 17 и 23 сентября 1922

Заводские

1. “Стоят в чернорабочей хмури…”

Стоят в чернорабочей хмури
Закопченные корпуса.
Над копотью взметают кудри
Растроганные небеса.

В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окрайны
О праведности вопиет.

Труба! Труба! Лбов искаженных

Последнее: еще мы тут!
Какая н*а* -смерть осужденность
В той жалобе последних труб!

Как в вашу бархатную сытость
Вгрызается их жалкий вой!
Какая з*а* живо-зарытость
И выведенность на убой!

А Бог? – По самый лоб закурен,
Не вступится! Напрасно ждем!
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден.

Истерзанность! Живое мясо!
И было так и будет – до
Скончания.
– Всем песням насыпь,
И всех отчаяний гнездо:

Завод! Завод! Ибо зовется
Заводом этот черный взлет.
К отчаянью трубы заводской
Прислушайтесь – ибо зовет

Завод. И никакой посредник
Уж не послужит вам тогда,
Когда над городом последним
Взревет последняя труба.

23 сентября 1922

2. “Книгу вечности на людских устах…”

Книгу вечности на людских устах
Не вотще листав –
У последней, последней из всех застав,
Где начало трав

И начало правды... На камень сев,
Птичьим стаям вслед...
Ту последнюю – дальнюю – дальше всех
Дальних – дольше всех...

Далечайшую...
Говорит: приду!
И еще: в гробу!
Труднодышащую – наших дел судью
И рабу – трубу.

Что над городом утвержденных зверств
Прокаженных детств,
В дымном олове – как позорный шест
Поднята, как перст.

Голос шахт и подвалов,
– Лбов на чахлом стебле! –
Голос сирых и малых,
Злых – и правых во зле:

Всех прокопченных, коих
Черт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил.

Кому – нету отбросов!
Сам – последний ошмёт!
Голос всех безголосых
Под бичом твоим, – Тот!

Погребов твоих щебет,
Где растут без луча.
Кому нету отребьев:
Сам – с чужого плеча!

Шевельнуться не смеет.
Родился – и лежи!
Голос маленьких швеек
В проливные дожди.

Черных прачешен кашель,
Вшивой ревности зуд.
Крик, что кровью окрашен:
Там, где любят и бьют...

Голос, бьющийся в прахе
Лбом – о кротость Твою,
(Гордецов без рубахи
Голос – свой узнаю!)

Еженощная ода
Красоте твоей, твердь!
Всех – кто с черного хода
В жизнь, и шепотом в смерть.

У последней, последней из всех застав,
Там, где каждый прав –
Ибо все бесправны – на камень встав,
В плеске первых трав...

И навстречу, с безвестной
Башни – в каторжный вой:
Голос правды небесной
Против правды земной.

26 сентября 1922

“Это пеплы сокровищ…”

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах – гранит.

Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.

Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит Бог в мои двери –
Раз дом сгорел!

Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух – из ранних седин!

И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость – победа
Бессмертных сил.

27 сентября 1922

“А любовь? Для подпаска…”

А любовь? Для подпаска
В руки бьющего снизу.
Трехсекундная встряска
На горах Парадиза.

Эти ады и раи,
Эти взлеты и бездны –
Только бренные сваи
В легкой сцепке железной.

– Накаталась! – Мгновенья
Зубы стиснув – за годы,
В сновиденном паденье
Сердца – вглубь пищевода.

Юным школьникам – басни!
Мы ж за оду, в которой
Высь – не н*а* смех, а н*а* смерть:
Настоящие горы!

29 сентября 1922

“Спаси Господи, дым…”

Спаси Господи, дым!
– Дым-то, Бог с ним! А главное – сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:

С той же лампою-вплоть, –
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце хоть
Для детей! – И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,
Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов.

И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то в старом – да ***нами*** надышан

Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе – спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А всё мил... А уж тут: номера ведь!
Как рождаются в мир
Я не знаю: но ***так*** умирают.

30 сентября 1922

Хвала богатым

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою – мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честн*о* мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: ***люблю*** богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,

И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны – всегда с нарочным!
За их страсти – всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят –
Подтверждаю: ***люблю*** богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну – и трачу!)
За какую-то – вдруг – побитость,
За какой-то их взгляд собачий

Сомневающийся...
– не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет – такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный н*а* -смерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... “Ссудил бы... Рад бы –
Да”...
За тихое, с уст зажатых:
“По каратам считал, я – брат был”...
Присягаю: ***люблю*** богатых!

30 сентября 1922

Бог

1. “Лицо без обличия…”

Лицо без обличия.
Строгость. – Прелесть.
Вс*е* ризы делившие
В тебе спелись.

Листвою опавшею,
Щебнем рыхлым.
Вс*е* криком кричавшие
В тебе стихли.

Победа над ржавчиной –
Кровью – сталью.
Вс*е* навзничь лежавшие
В тебе встали.

1 октября 1922

2. “Нищих и горлиц…”

Нищих и горлиц
Сирый распев.
То не твои ли
Ризы простерлись
В беге дерев?

Рощ, перелесков.

Книги и храмы
Людям отдав – взвился.
Тайной охраной
Хвойные мчат леса:

– Скроем! – Не выдадим!

Следом гусиным
Землю на сон крестил.
Даже осиной
Мчал – и ее простил:
Даже за сына!

Нищие пели:
– Темен, ох, темен лес!
Нищие пели:
– Сброшен последний крест!
Бог из церквей воскрес!

4 октября 1922

3. “О, его не привяжете…”

О, его не привяжете
К вашим знакам и тяжестям!
Он в малейшую скважинку,
Как стройнейший гимнаст...

Разводными мостами и
Перелетными стаями,
Телеграфными сваями
Бог – уходит от нас.

О, его не приучите
К пребыванью и к участи!
В чувств оседлой распутице
Он – седой ледоход.

О, его не догоните!
В домовитом поддоннике
Бог – ручною бегонией

На окне не цветет!

Все под кровлею сводчатой
Ждали зова и зодчего.
И поэты и летчики –
Вс*е* отчаивались.

Ибо бег он – и движется.
Ибо звездная книжища
Вся: от Аз и до Ижицы, –
След плаща его лишь!

5 октября 1922

“Так, заживо раздав…”

Так, заживо раздав,
Поровну, без обиды,
Пользующийся – прав.

Шагом Семирамиды,
Спускающейся в пруд
Лестницей трав несмятых,
И знающей, что ждут
Ризы – прекрасней снятых

По выходе из вод...

7 октября 1922

Рассвет на рельсах

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости – и свай,
Из сырости – и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости – и стай...
Еще вестями шалыми
Лжет вороная сталь –
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз –

Владением бесплотнейшим
Какая разлилась
Россия – в три полотнища!

И – шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пущу
Вагоны с погорельцами:

С пропавшими навек
Для Бога и людей!
(Знак: сорок человек
И восемь лошадей).

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости – и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными –
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль – да две рельсы синие...
Эй, вот она! – Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

“В сиром воздухе загробном…”

В сиром воздухе загробном –
Перелетный рейс...
Сирой проволоки вздроги,
Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали
По стальной версте –
В сиром м*о* роке – две дали...
(Поклонись Москве!)

Точно жизнь мою убили.
Из последних жил
В сиром м*о* роке в две жилы
Истекает жизнь.

28 октября 1922

“Не надо ее окликать…”

Не надо ее окликать:
Ей оклик – что охлест. Ей зов

Твой – раною по рукоять.
До самых органных низов

Встревожена – творческий страх
Вторжения – бойся, с высот
– Все крепости на пропастях! –
Пожалуй – органом вспоет.

А справишься? Сталь и базальт –
Гора, но лавиной в лазурь
На твой серафический альт
Вспоет – полногласием бурь.

И сбудется! – Бойся! – Из ста
На сотый срываются... Чу!
На оклик гортанный певца
Органною бурею мщу!

7 февраля 1923

“Нет, правды не оспаривай…”

Нет, правды не оспаривай.
Меж кафедральных Альп
То бьется о розариум
Неоперенный альт.

Девичий и мальчишеский:
На самом рубеже.
Единственный из тысячи –
И сорванный уже.

В сам*о* м истоке суженный:
Растворены вотще
Сто и одна жемчужина
В голосовом луче.

Пой, пой – миры поклонятся!
Но регент: – Голос тот
Над кровною покойницей,
Над Музою поет!

Я в голосах мальчишеских
Знаток... – и в прах и в кровь
Снопом лучей рассыпавшись
О гробовой покров.

Нет, сказок не насказывай:
Не радужная хрупь, –
Кантатой Метастазовой
Растерзанная грудь.

Клянусь дарами Божьими:
Своей душой живой! –

Что всех высот дороже мне
Твой срыв голосовой!

8 февраля 1923

Эмигрант

Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами,
Дамами, Думами,
Не слюбившись с вами, не сбившись с вами,
Неким –
Шуманом пронося под полой весну:
Выше! из виду!
Солавьиным тремоло на весу –
Некий – избранный.

Боязливейший, ибо взяв на дыб –
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.

Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Веги – выходец.

9 февраля 1923

Душа

Выше! Выше! Лови – летчицу!
Не спросившись лозы – отческой
Нереидою по – лощется,
Нереидою в ла – зурь!

Лира! Лира! Хвалынь – синяя!
Полыхание крыл – в скинии!
Над мотыгами – и – спинами
Полыхание двух бурь!

Муза! Муза! Да как – смеешь ты?
Только узел фаты – веющей!
Или ветер страниц – шелестом
О страницы – и смыв, взмыл...

И покамест – счета – кипами,
И покамест – сердца – хрипами,
Закипание – до – кипени
Двух вспененных – крепись – крыл.

Так, над вашей игрой – крупною,
(Между трупами – и – куклами!)
Н*е* общупана, н*е* куплена,
Полыхая и пля – ша –

Шестикрылая, ра – душная,
Между мнимыми – ниц! – сущая,
Не задушена вашими тушами
Ду – ша!

10 февраля 1923

Скифские

1. “Из недр и на ветвь – рысями…”

Из недр и на ветвь – рысями!
Из недр и на ветр – свистами!

Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!

Крутого крыла грифова
Последняя зга – Скифия!

Сосед, не спеши! Нечего
Спешить, коли верст – тысячи.
Разменной стрелой встречною
Когда-нибудь там – спишемся!

Великая – и – тихая
Меж мной и тобой – Скифия...

И спи, молодой, смутный мой
Сириец, стрелу смертную
Леилами – и – лютнями
Глуша...
Не ушам смертного –

(Единожды в век слышимый)
Эпический бег – Скифии!

11 февраля 1923

2. (Колыбельная)

Как по синей по степи
Да из звездного ковша
Да на лоб тебе да...
– Спи,
Синь подушками глуша.

Дыши да не дунь,
Гляди да не глянь.
Волынь-криволунь,
Хвалынь-колывань.

Как по льстивой по трости
Росным бисером плеща
Заработают персты...
Шаг – подушками глуша

Лежи – да не двинь,
Дрожи – да не грянь.
Волынь-перелынь,
Хвалынь-завирань.

Как из моря из Каспий-
ского – синего плаща,
Стрела свистнула да...
(спи,
Смерть подушками глуша)...

Лови – да не тронь,
Тони – да не кань.
Волынь-перезвонь,
Хвалынь-целовань.

13 февраля 1923

3. “От стрел и от чар…”

От стрел и от чар,
От гнезд и от нор,
Богиня Иштар,
Храни мой шатер:

Братьев, сестер.

Руды моей вар,
Вражды моей чан,
Богиня Иштар,
Храни мой колчан...

(Взял меня – хан!)

Чтоб н*е* жил, кто стар,
Чтоб н*е* жил, кто хвор,
Богиня Иштар,
Храни мой костер:

(Пламень востер!)

Чтоб н*е* жил – кто стар,
Чтоб н*е* жил – кто зол,
Богиня Иштар,
Храни мой котел

(Зарев и смол!)

Чтоб н*е* жил – кто стар,
Чтоб ***нежил*** – кто юн!
Богиня Иштар,
Стреми мой табун
В тридевять лун!

14 февраля 1923

Лютня

Лютня! Безумица! Каждый раз,
Царского беса вспугивая:
“Перед Саулом-Царем кичась”...
(Да не струна ж, а судорога!)

Лютня! Ослушница! Каждый раз,
Струнную честь затрагивая:
“Перед Саулом-Царем кичась –
Не заиграться б с аггелами!”

Горе! Как рыбарь какой стою
Перед пустой жемчужницею.
Это же оловом соловью
Глотку залить... да хуже еще:

Это бессмертную душу в пах
Первому добру молодцу...
Это – но хуже, чем в кровь и в прах:
Это – сорваться с голоса!

И сорвалась же! – Иди, будь здрав,
Бедный Давид... Есть пригороды!
Перед Саулом-Царем играв,
С аггелами – не игрывала!

14 февраля 1923

Азраил

От руки моей не взыгрывал,
На груди моей не всплакивал...
Непреложней и незыблемей
Опрокинутого факела:

Над душой моей в изглавии,
Над страдой моей в изножии
(От руки моей не вздрагивал, –
Не твоей рукой низложена)

Азраил! В ночах без месяца
И без звезд дороги скошены.
В этот час тяжело-весящий
Я тебе не буду ношею...

Азраил? В ночах без выхода
И без звезд: личины сорваны!
В этот час тяжело-дышащий
Я тебе не буду прорвою...

А потом перстом как факелом
Напиши в рассветных серостях
О жене, что назвала тебя
Азраилом вместо – Эроса.

17 февраля 1923

“Оперением зим…”

Оперением зим
Овевающий шаг наш валок –
Херувим
Марий годовалых!

В шестикнижие крыл
Окунающий лик как в воду –
Гавриил –
Жених безбородый!

И над трепетом жил,
И над лепетом уст виновных,
Азраил –
Последний любовник!

17 февраля 1923

Плач цыганки по графу Зубову

Расколюсь – так в стклянь,
Распалюсь – так в пар.
В рокота гитар
Рокочи, гортань!

В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!
А – ах, струна сорвалась!

У – ехал парный мой,
У – ехал в Армию!
Стол – бы фонарные!
Ла – ды гитарные!

И в прах!
И в тряс!
И грянь!
И вдарь!

Ермань-Дурмань.
Гортань-Гитарь.

В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!
А – ах, рука сорвалась!

Про трудного
Про чудного
Про Зубова –
Про сударя.

Чем свет – ручку жав
– Зубов-граф, Зубов-граф! –
Из всех – сударь-брав!
Зу – бов граф!

В пляс! В тряс! В прах – да не в пляс!
А – ах, душа сорвалась!

У – пал, ударный мой!
Стол – бы фонарные!
Про – пала Армия!
Ла – ды гитарные!

За всех – грудью пав,
(Не снег – уголь ржав!)
Как в мех – зубы вжав,
Э – эх, Зубов-граф!..

И в прах и в...

19 февраля 1923

Офелия – Гамлету

Гамлетом – перетянутым – натуго,
В нимбе разуверенья и знания,
Бледный – до последнего атома...
(Год тысяча который – издания?)

Наглостью и пустотой – не тронете!
(Отроческие чердачные залежи!)
Некоей тяжеловесной хроникой
Вы на этой груди – лежали уже!

Девственник! Женоненавистник! Вздорную
Нежить предпочедший!.. Думали ль
Раз хотя бы о том – чт*о* сорвано
В маленьком цветнике безумия...

Розы?.. Но ведь это же – тссс! – Будущность!
Рвем – и новые растут! Предали ль
Розы хотя бы раз? Любящих –
Розы хотя бы раз? – Убыли ль?

Выполнив (проблагоухав!) тонете...
– Не было! – Но встанем в памяти

В час, когда над ручьевой хроникой
Гамлетом – перетянутым – встанете...

28 февраля 1923

Офелия – в защиту королевы

Принц Гамлет! Довольно червивую залежь
Тревожить... На розы взгляни!
Подумай о той, что – единого дня лишь –
Считает последние дни.

Принц Гамлет! Довольно царицыны недра
Порочить... Не девственным – суд
Над страстью. Тяж*е* ле виновная – Федра:
О ней и поныне поют.

И будут! – А Вы с Вашей примесью мела
И тлена... С костями злословь,
Принц Гамлет! Не Вашего разума дело
Судить воспаленную кровь.

Но если... Тогда берегитесь!.. Сквозь плиты –
Ввысь – в опочивальню – и всласть!
Своей Королеве встаю на защиту –
Я, Ваша бессмертная страсть.

28 февраля 1923

Федра

1. Жалоба

Ипполит! Ипполит! Болит!
Опаляет... В жару ланиты...
Что за ужас жестокий скрыт
В этом имени Ипполита!

Точно длительная волна
О гранитное побережье.
Ипполитом опалена!
Ипполитом клянусь и брежу!

Руки в землю хотят – от плеч!
Зубы щебень хотят – в опилки!
Вместе плакать и вместе лечь!
Воспаляется ум мой пылкий...

Точно в ноздри и губы – пыль
Геркуланума... Вяну... Слепну...
Ипполит, это хуже пил!
Это суше песка и пепла!

Это слепень в раскрытый плач
Раны плещущей... Слепень злится...
Это – красною раной вскачь
Запаленная кобылица!

Ипполит! Ипполит! Спрячь!
В этом пеплуме – как в склепе.
Есть Элизиум – для – кляч:
Живодерня! – Палит слепень!

Ипполит! Ипполит! В плен!
Это в перси, в мой ключ жаркий,
Ипполитова вза – мен
Лепесткового – клюв Гарпий!

Ипполит! Ипполит! Пить!
Сын и пасынок? Со – общник!
Это лава – взамен плит
Под ступнею! – Олимп взропщет?

Олимпийцы?! Их взгляд спящ!
Небожителей – мы – лепим!
Ипполит! Ипполит! В плащ!
В этом пеплуме – как в склепе!

Ипполит, утоли...

7 марта 1923

2. Послание

Ипполиту от Матери – Федры – Царицы – весть.
Прихотливому мальчику, чья красота как воск
От державного Феба, от Федры бежит... Итак,
Ипполиту от Федры: стенание нежных уст.

Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадя к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: итак, утоли уста.

Ипполит, я устала... Блудницам и жрицам – стыд!
Не простое бесстыдство к тебе вопиет! Просты
Только речи и руки... За трепетом уст и рук
Есть великая тайна, молчанье на ней как перст.

О прости меня, девственник! отрок! наездник! нег
Ненавистник! – Не похоть! Не женского лона – блажь!
То она – обольстительница! То Психеи лесть –
Ипполитовы лепеты слушать у самых уст.

– “Устыдись!” – Но ведь поздно! Ведь это последний всплеск!
Понесли мои кони! С отвесного гребня – в прах –
Я наездница ***тоже!*** Итак, с высоты грудей,

С рокового двухолмия в пропасть твоей груди!

(Не своей ли?!) – Сумей же! Смелей же! Нежней же! Чем
В вощаную дощечку – не смуглого ль сердца воск?! –
Ученическим стилосом знаки врезать... О пусть
Ипполитову тайну устами прочтет твоя

Ненасытная Федра...

11 марта 1923

Провода

Des Herzens Woge schaumte nicht
so schon empor empor, und wurde Geist,
wenn nicht der alte stumme Fels,
das Schicksal, ihr entgegenstande.[43]

1. “Вереницею певчих свай…”

Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольнего.
По аллее
Вздохов – проволокой к столбу –
Телеграфное: лю – ю – блю...

Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!
Это – сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...
Вдоль свай
Телеграфное: про – о – щай...

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про – о – стите...
Это – снасти над морем нив,
Атлантический путь тихий:

Выше, выше – и сли – лись
В Ариаднино: ве – ер – нись,

Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: н*е* выйду!
Это – пр*о* водами стальных
Проводо в – голоса Аида

---

[43] Сердечная волна не вздымалась бы столь высоко и не становилась бы Духом, когда бы на ее пути не вставала старая немая скала – Судьба *(нем.)* .

Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа – аль...

Пожалейте! (В сем хоре – сей
Различаешь?) В предсмертном крике
Упирающихся страстей –
Дуновение Эвридики:

Через насыпи – и – рвы
Эвридикино: у – у – вы,

Не у –

17 марта 1923

2. “Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды…”

Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце – шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!

“Все плакали, и если кровь болит...
Все плакали, и если в розах – змеи”...
Но был один – у Федры – Ипполит!
Плач Ариадны – об одном Тезее!

Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо ***небывших!***

Какия чаянья – когда насквозь
Тобой пропитанный – весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне – собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей – Стиксом!

Тщета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты – Разрыв,
Не Ариадна я и не...
– Утрата!

О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого – незрячей!)
Я проводы вверяю провод*а* м,
И в телеграфный столб упершись – плачу.

18 марта 1923

3. (Пути)

Вс*е* перебрав и вс*е* отбросив,

(В особенности – семафор!)
Дичайшей из разноголосиц
Школ, оттепелей... (целый хор

На помощь!) Рукава как стяги
Выбрасывая...
– Без стыда! –
Гудят моей высокой тяги
Лирические провода.

Столб телеграфный! Можно ль кратче
Избрать? Доколе небо есть –
Чувств непреложный передатчик,
Уст осязаемая весть...

Знай, что доколе свод небесный,
Доколе зори к рубежу –
Столь явственно и повсеместно
И длительно тебя вяжу.

Чрез лихолетие эпохи,
Лжей насыпи – из снасти в снасть –
Мои неизданные вздохи,
Моя неистовая страсть...

Вне телеграмм (простых и срочных
Штампованностей постоянств!)
Весною стоков водосточных
И проволокою пространств.

19 марта 1923

4. “Самовластная слобода…”

Самовластная слобода!
Телеграфные провода!

Вожделений – моих – выспренных,
Крик – из чрева и н*а* ветр!
Это сердце мое, искрою
Магнетической – рвет метр.

– “Метр и меру?” Но чет – вертое
Измерение мстит! – Мчись
Над метрическими – мертвыми –
Лжесвидетельствами – свист!

Тсс... А ежели вдруг (всюду же
Провода и столбы?) лоб
Заломивши поймешь: трудные
Словеса сии – лишь вопль

Соловьиный, с пути сбившийся:
– Без любимого мир пуст! –

В Лиру рук твоих влю – бившийся,
И в Леилу твоих уст!

20 марта 1923

5. “Не чернокнижница! В белой книге…”

Не чернокнижница! В белой книге
Далей донских навострила взгляд!
Где бы ты ни был – тебя настигну,
Выстрадаю – и верну назад.

Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу – и верну со дна!

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы – как душу добудет Бог:

Через дыхание – в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! – Вс*е* уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!

Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
– Сдайся! – Стрела, описавши круг...
– Сдайся! – Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:

Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вкруг уст – слюда...)
Как прозорливица – Самуила
Выморочу – и вернусь одна:

Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются...
Вьюсь и длюсь.
Есмь я и буду я и добуду
Душу – как губы добудет уст –

Упокоительница...

25 марта 1923

6. “Час, когда вверху цари…”

Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы):
Горы начинают ведать.

Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук)

Души начинают видеть.

25 марта 1923

7. “В час, когда мой милый брат…”

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд),
Были слезы – больше глаз.

В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!)
Были взмахи – больше рук.

Точно руки – вслед – от плеч!
Точно губы вслед – заклясть!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.

В час, когда мой милый гость...
– Господи, взгляни на нас! –
Были слезы больше глаз
Человеческих и звезд
Атлантических...

26 марта 1923

8. “Терпеливо, как щебень бьют…”

Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют –

Буду ждать тебя (пальцы в жгут –
Так Монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут.

Буду ждать тебя (в землю – взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник).
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.

Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таежных.
Высочайший пришел рескрипт:
– Смена царства и въезд вельможе.

И домой:
В неземной –
Да мой.

27 марта 1923

9. “Весна наводит сон. Уснем…”

Весна наводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а все ж сдается: вс*е*
Разрозненности сводит сон.
Авось увидимся во сне.

Всевидящий, он знает, чью
Ладонь – и в чью, кого – и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повем

Предвечную (дитя, отца
Не знающее и конца
Не чающее!) О, печаль
Плачущих без плеча!

О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что наняты сердца

Служить – безвыездно – навек,
И жить – пожизненно – без нег!
О заживо – чуть встав! чем свет! –
В архив, в Элизиум калек.

О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды...
О том, что выстрочит швея:
Рабы – рабы – рабы – рабы.

5 апреля 1923

10. «С другими – в розовые груды…»

С другими – в розовые груды
Грудей... В гадательные дроби
Недель...
А я тебе пребуду
Сокровищницею подобий

По случаю – в песках, на щебнях
Подобранных, – в ветрах, на шпалах
Подслушанных... Вдоль всех бесхлебных
Застав, где молодость шаталась.

Шаль, узнаешь ее? Простудой
Запахнутую, жарче ада
Распахнутую...
Знай, что чудо
Недр – под полой, живое чадо:

Песнь! С этим первенцем, что пуще
Всех первенцев и всех Рахилей...
– Недр достовернейшую гущу
Я мнимостями пересилю!

11 апреля 1923

“Голубиная купель…”

Голубиная купель,
Небо: тридевять земель.

Мне, за тем гулявшей з*а* морем,
Тесно в одиночной камере
Рук твоих,
Губ твоих,
Человек – и труб твоих,
Город!
– Город!
Это сорок
Сороков во мне поют.
Это сорок
– Бить, так в порох! –
Кузнецов во мне куют!
Мне, решать привыкшей в мраморе,
Тесно в одиночной камере
Демократии и Амора.

21 марта 1923

Эвридика – Орфею:

Для тех, отженивших последние клочья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
О, не превышение ли полномочий
Орфей, нисходящий в Аид?

Для тех, отрешивших последние звенья
Земного... На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицезренья,
Внутрь зрящим – свидание нож.

Уплочено же – всеми розами крови
За этот просторный покрой
Бессмертья...
До самых летейских верховий
Любивший – мне нужен покой

Беспамятности... Ибо в призрачном доме
Сем – призрак ***ты***, сущий, а явь –
Я, мертвая... Что же скажу тебе, кроме:
– “Ты это забудь и оставь!”

Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! – С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.

Уплочено же – вспомяни мои крики! –
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер.

23 марта 1923

Поэты

1. “Поэт – издалека заводит речь…”

Поэт – издалека заводит речь.
Поэта – далеко заводит речь.

Планетами, приметами, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит... Ибо путь комет –

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности – вот связь его! Кверх лбом –
Отчаетесь! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто ***спрашивает*** с парты,
Кто Канта наголову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы – всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
– ибо путь комет

Поэтов путь: жжя, а не согревая.
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923

2. “Есть в мире лишние, добавочные…”

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоём.
(Нечислящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма – дом).

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие – навоз,
Гвоздь – вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозариумов крап!)
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы – когда б:

Поэты мы – и в рифму с париями,
Но выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

3. “Что же мне делать, слепцу и пасынку…”

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям –
Страсти! где насморком
Назван – плач!

Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! – как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим – как п*о* мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

22 апреля 1923

Ариадна

1. “Оставленной быть – это втравленной быть…”

Оставленной быть – это втравленной быть
В грудь – синяя татуировка матросов!

Оставленной быть – это явленной быть
Семи океанам... Не валом ли быть
Девятым, что с палубы сносит?

Уступленной быть – это купленной быть
Задорого: ночи и ночи и ночи
Умоисступленья! О, в трубы трубить –
Уступленной быть! – Это длиться и слыть
Как губы и трубы пророчеств.

14 апреля 1923

2. “О всеми голосами раковин…”

– О всеми голосами раковин
Ты пел ей...
– Травкой каждою.

– Она томилась лаской Вакховой.
– Летейских маков жаждала...

– Но как бы те моря ни солоны,
Тот мчался...
– Стены падали.
– И кудри вырывала полными
Горстями...
– В пену падали...

21 апреля 1923

Прага

Где сроки спутаны, где в воздух ввязан
Дом – и под номером не наяву!
Я расскажу тебе о том, как важно
В летейском городе своем живу.

Я расскажу тебе, как спал он,
Не выспался – и тянет стан,
Где между водорослью и опалом
День деворадуется по мостам.

Где мимо спящих богородиц
И рыцарей, дыбящих бровь,
Шажком торопится народец
Потомков – переживших кровь.

Где честь, последними мечами
Воззвав, – не медлила в ряду.
О городе, где всё очами
Глядит – последнего в роду.

21 апреля 1923

Поэма заставы

А покамест пустыня славы
Не засыпет мои уста,
Буду петь мосты и заставы,
Буду петь простые места.

А покамест еще в тенётах
Не увязла – людских кривизн,
Буду брать – труднейшую ноту,
Буду петь – последнюю жизнь!

Жалобу труб.
Рай огородов.
Заступ и зуб.
Чуб безбородых.

День без числа.
Верба зачахла.
Жизнь без чехла:
Кровью запахло!

Потных и плотных,
Потных и тощих:
– Н*у* да на площадь?! –
Как на полотнах –

Как на полотнах
Только – и в одах:
Рев безработных,
Рев безбородых.

Ад? – Да,
Но и сад – для
Баб и солдат,
Старых собак,
Малых ребят.

“Рай – с драками?
Без – раковин
От устриц?
Без люстры?
С заплатами?!”

– Зря плакали:
У всякого –
Свой.
Здесь страсти поджары и ржавы:
Держав динамит!
Здесь часто бывают пожары:
Застава горит!

Здесь ненависть оптом и скопом:

Расправ пулемет!
Здесь часто бывают потопы:
Застава плывет!

Здесь плачут, здесь звоном и воем
Рассветная тишь.
Здесь отрочества под конвоем
Щебечут: шалишь!

Здесь платят! Здесь Богом и Чертом,
Горбом и торбой!
Здесь молодости как над мертвым
Поют над собой.
Здесь матери, дитя заспав...
– Мосты, пески, кресты застав! –

Здесь младшую купцу пропив...
Отцы...
– Кусты, кресты крапив...

– Пусти.
– Прости.

23 апреля 1923

Слова и смыслы

1

Ты обо мне не думай никогда!
(На – вязчива!)
Ты обо мне подумай: провода:
Даль – длящие.

Ты на меня не жалуйся, что жаль...
Всех слаще мол...
Лишь об одном пожалуйста: педаль:
Боль – длящая.

2

Ла – донь в ладонь:
– За – чем рожден?
– Не – жаль: изволь:
Длить – даль – и боль.

3

Проводами продленная даль...
Даль и боль, это та же ладонь
Отрывающаяся – доколь?
Даль и боль, это та же юдоль.

23 апреля 1923

Педаль

Сколь пронзительная, столь же
Сглаживающая даль.
Дольше – дольше – дольше – дольше!
Это – правая педаль.

После жизненных радуший
В смерть – заведомо не жаль.
Глуше – глуше – глуше – глуше:
Это – левая педаль.

Памяти гудящий Китеж –
Правая! Летейских вод
Левую бери: глушитель
Длителя перепоет.

От участковых, от касто-
вых – уставшая (заметь!)
Жизнь не хочет жить... но часто
Смерть не хочет умереть!

Требует! Из всех безмясых
Клавишей, разбитых в ряд.
(Левою педалью гасят,
Правою педалью длят...)

Лязгает! Как змей из фальши
Клавишей, разбитых в гуд...
Дальше, дальше, дальше, дальше
Правою педалью лгут!

24 апреля 1923

Ладонь

Ладони! (Справочник
Юнцам и девам).
Целуют правую,
Читают в левой.

В полночный заговор
Вступивший – ведай:
Являют правою,
Скрывают левой.

Сивилла – левая:
Вдали от славы.
Быть неким Сцеволой
Довольно – правой.

А всё же в ненависти
Час разверстый
Мы миру левую
Даем – от сердца!

А все же, праведным
Объевшись гневом,
Рукою правою
Мы жилы – ***левой!***

27 апреля 1923

“Крутогорьями глаголь…”

Крутогорьями глаголь,
Колокольнями трезвонь:
Место дольнее – юдоль,
Место дольнее – ладонь.

Всеми вольными в лазорь
Колокольнями злословь:
Место дольнее – ладонь,
Место дольнее – любовь.

29 апреля 1923

Облака

1

Перерытые – как битвой
Взрыхленные небеса.
Рытвинами – небеса.
Битвенные небеса.

Перелетами – как хлёстом
Хлёстанные табуны.
Взблестывающей Луны
Вдовствующей – табуны!

2

Стой! Не Федры ли под небом
Плащ? Не Федрин ли взвился
В эти марафонским бегом
Мчащиеся небеса?

Стой! Иродиады с чубом –
Блул... Не бубен ли взвился
В эти иерихонским трубом
Рвущиеся небеса!

3

Нет! Вставший вал!
Пал – и пророк оправдан!
Раз – дался вал:
Целое море – н*а* два!

Бо – род и грив
Шествие морем Чермным!
Нет! – се – Юдифь –
Голову Олоферна!

1 мая 1923

Так вслушиваются...

1. “Так вслушиваются…”

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается – устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь – до потери чувства!

Так в воздухе, который синь –
Жажда, которой дна нет.
Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.

Так вчувствовывается в кровь
Отрок – доселе лотос.
...Так влюбливаются в любовь:
Впадываются в пропасть.

2. “Друг! Не кори меня за тот…”

Друг! Не кори меня за тот
Взгляд, деловой и тусклый.
Так вглатываются в глоток:
Вглубь – до потери чувства!

Так в ткань врабатываясь, ткач
Ткет свой последний пропад.
Так дети, вплакиваясь в плач,
Вшептываются в шепот.

Так вплясываются... (Велик
Бог – посему крутитесь!)
Так дети, вкрикиваясь в крик,
Вмалчиваются в тихость.

Так жалом тронутая кровь
Жалуется – без ядов!
Так вбаливаются в любовь:

Впадываются в: падать.

3 мая 1923

Ручьи

1. “Друг! Не кори меня за тот…”

Прорицаниями рокоча,
Нераскаянного скрипача
Piccicata’ми... Разрывом бус!
Паганиниевскими “добьюсь!”
Опрокинутыми...
Нот, планет –
Ливнем!
– Вывезет!!!
– Конец... На н*е* т...

Недосказанностями тишизн
Заговаривающие жизнь:
Страдивариусами в ночи
Проливающиеся ручьи.

4 мая 1923

2. “Монистом, расколотым…”

Монистом, расколотым
На тысячу блях –
Как Дзингара в золоте
Деревня в ручьях.

Монистами – вымылась!
Несется как челн
В ручьёвую жимолость
Окунутый холм.

Монистами-сбруями...
(Гривастых теней
Монистами! Сбруями
Пропавших коней...)

Монистами-бусами...
(Гривастых монет
Монистами! Бусами
Пропавших планет...)

По кручам, по впадинам,
И в щеку, и в пах –
Как Дзингара в краденом –
Деревня в ручьях.

Споем-ка на радостях!
Черны, горячи
Сторонкою крадучись
Цыганят ручьи.

6 мая 1923

Окно

Атлантским и сладостным
Дыханьем весны –
Огромною бабочкой
Мой занавес – и –

Вдовою индусскою
В жерло златоустое,
Наядою сонною
В моря заоконные...

5 мая 1923

Хвала времени

Вере Аренской

Беженская мостовая!
Гикнуло – и понеслось
Опрометями колес.
Время! Я не поспеваю.

В летописях и в лобзаньях
Пойманное... но песка
Струечкою шелестя...
Время, ты меня обманешь!

Стрелками часов, морщин
Рытвинами – и Америк
Новшествами... – Пуст кувшин! –
Время, ты меня обмеришь!

Время, ты меня предашь!
Блудною женой – обнову
Выронишь... – “Хоть час да наш!”

– Поезд*а* с тобой иного
Следования!.. –

Ибо ***мимо*** родилась
Времени! Вотще и всуе
Ратуешь! Калиф на час:
Время! Я тебя миную.

10 мая 1923

Сестра

Мало ада и мало рая:
За тебя уже умирают.

Вслед за братом, увы, в костер –
Разве принято? Не сестер
Это место, а страсти рдяной!
Разве принято под курганом...
С братом?..
– “Был мой и есть! Пусть сгнил!”

– Это местничество могил!!!

11 мая 1923

Ночь

Час обнажающихся верховий,
Час, когда в души глядишь – как в очи.
Это – разверстые шлюзы крови!
Это – разверстые шлюзы ночи!

Хлынула кровь, наподобье ночи
Хлынула кровь, – наподобье крови
Хлынула ночь! (Слуховых верховий
Час: когда в уши нам мир – как в очи!)

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда ухо разъяв, как веко,
Больше не весим, не дышим: слышим.

Мир обернулся сплошной ушною
Раковиною: сосущей звуки
Раковиною, – сплошной душою!..
(Час, когда в души идешь – как в руки!)

12 мая 1923

Прокрасться...

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени

На стенах...
Может быть – отказом
Взять? Вычеркнуться из зеркал?
Так: Лермонтовым по Кавказу
Прокрасться, не встревожив скал.

А может – лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Распасться, не оставив праха

На урну...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: Временем как океаном
Прокрасться, не встревожив вод...

14 мая 1923

Диалог Гамлета с совестью

– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!
– Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
– Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
– Но я ее любил
Как сорок тысяч...
– Меньше,
Все ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.
– Но я ее –
(недоуменно)
– любил??

5 июня 1923

Мореплаватель

Закачай меня, звездный челн!
Голова устала от волн!

Слишком долго причалить тщусь, –
Голова устала от чувств:

Гимнов – лавров – героев – гидр, –
Голова устала от игр!

Положите меж трав и хвой, –
Голова устала от войн...

12 июня 1923

Расщелина

Чем окончился этот случай,
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.

Так, ничем уже не волнуем,
– Только дерево ветви зыблет –
Как в расщелину ледяную –
В грудь, что ***так*** о тебя расшиблась!

Из сокровищницы подобий
Вот тебе – наугад – гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе
Спишь, – во мне как в глубокой ране

Спишь, – тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень – панцирь – печать – и пояс...
Без возврата и без отзыва.

Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей...

Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.

17 июня 1923

“На назначенное свиданье…”

На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши – приду седая.
Ты его высок*о* назначил!

Буду годы идти – не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти – и стогны,
Через души идти – и руки.

Землю долго прожить! Трущоба –
Кровь! и каждая капля – заводь.
Но всегда стороной ручьевой
Лик Офелии в горьких травах.

Той, что страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! – Снопом на щебень!

Я тебя высок*о* любила:
Я себя схоронила в небе!

18 июня 1923

“Рано еще – не быть…”

Рано еще – не быть!
Рано еще – не жечь!
Нежность! Жестокий бич
Потусторонних встреч.

Как глубок*о* ни льни –
Небо – бездонный чан!
О, для такой любви
Рано еще – без ран!

Ревностью жизнь жива!
Кровь вожделеет течь
В землю. Отдаст вдова
Право свое – на меч?

Ревностью жизнь жива!
Благословен ущерб
Сердцу! Отдаст трава
Право свое – на серп?

Тайная жажда трав...
Каждый росток: “сломи”...
До лоскута раздав,
Раны еще – мои!

И пока общий шов
– Льюсь! – не наложишь Сам –
Рано еще для льдов
Потусторонних стран!

19 июня 1923

Луна – лунатику

Оплетавшие – останутся.
Дальше – высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.

У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения
Н*е* прозрей.

Я – глаза твои. Совиное
Око крыш.
Буду звать тебя по имени –

Н*е* расслышь.

Я – душа твоя: Урания:
В боги – дверь.
В час последнего слияния
Н*е* проверь!

20 июня 1923

Занавес

Водопадами занавеса, как пеной –
Хвоей – пламенем – прошумя.
Нету тайны у занавеса от сцены:
(Сцена – ты, занавес – я).

Сновиденными зарослями (в высоком
Зале – оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия – и – час.

Водопадными радугами, обвалом
Лавра (вверился же! знал!)
Я тебя загораживаю от зала,
(Завораживаю – зал!)

Тайна занавеса! Сновиденным лесом
Сонных снадобий, трав, зёрн...
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии – как – шторм!)

Ложи, в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес – как – парус,
Ходит занавес – как – грудь.

Из последнего сердца тебя, о недра,
Загораживаю. – Взрыв!
Над уж*а* – ленною – Федрой
Взвился занавес – как – гриф.

Нате! Рвите! Глядите! Течет, не так ли?
Заготавливайте – чан!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель бел, занавес рдян).

И тогда, сострадательным покрывалом
Долу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса – от зала.
(Зала – жизнь, занавес – я).

23 июня 1923

“Строительница струн – приструню…”

Строительница струн – приструню
И эту. Обожди
Расстраиваться! (В сем июне
Ты плачешь, ты – дожди!)

И если гром у нас – на крышах,
Дождь – в доме, ливень – сплошь –
Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь.

Ты дробью голосов ручьевых
Мозг бороздишь, как стих.
(Вместительнейший из почтовых
Ящиков – не вместит!)

Ты, лбом обозревая дали,
Вдруг по хлебам – как цеп
Серебряный... (Прервать нельзя ли?
Дитя! Загубишь хлеб!)

30 июня 1923

Ночь

Когда друг другу лжем,
(Ночь, прикрываясь днем)
Когда друг друга ловим,
(Суть, прикрываясь словом)

Когда друг к другу льнем
В распластанности мнимой,
(Смоль, прикрываясь льном,
Огнь, прикрываясь дымом...)

Взойди ко мне в ночи

Так: майского жучка
Ложь – полунощным летом.
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...

Ты думаешь, робка
Ночь – и ушла с рассветом?
Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...

Свет – это только плоть!
Столпником на распутье:
Свет: некая мил*о* ть,
Наброшенная сутью.

Подземная река –
Бог – так ночь под светом...

Так: черного зрачка
Ночь – прикрываясь веком...

Ты думаешь – исчез
Взгляд? – Подыми! – Течет!
Свет, – это только вес,
Свет, – это только счет...

Свет – это только веко
Над хаосом...

Ты думаешь – робка
Ночь? –
Подземная река –
Ночь, – глубока под днем!

– Брось! Отпусти
В ночь в огневую реку.

Свет – это только веко
Над хаосом...

Когда друг другу льстим,
(Занавес слов над глубью!)
Когда друг друга чтим,
Когда друг друга любим...

Июнь 1923

Сахара

Красавцы, не ездите!
Песками глуша,
Пропавшего без вести
Не скажет душа.

Напрасные поиски,
Красавцы, не лгу!
Пропавший покоится
В надежном гробу.

Стихами как странами
Чудес и огня,
Стихами – как странами
Он въехал в меня:

Сухую, песчаную,
Без дна и без дня.
Стихами – как странами
Он канул в меня.

Внимайте без зависти
Сей повести душ.
В глазные оазисы –

Песчаная сушь...

Адамова яблока
Взывающий вздрог...
Взяла его наглухо,
Как страсть и как Бог.

Без имени – канувший!
Не сыщете! Взят.
Пустыни беспамятны, –
В них тысячи спят!

Стиханье до кипени
Вскипающих волн. –
Песками засыпанный,
Сахара – твой холм.

3 июля 1923

Рельсы

В некой разлинованности нотной
Нежась наподобие простынь –
Железнодорожные полотна,
Рельсовая режущая синь!

Пушкинское: сколько их, куда их
Гонит! (Миновало – не поют!)
Это уезжают-покидают,
Это остывают-отстают.

Это – остаются. Боль как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

Час, когда отчаяньем как свахой
Простыни разостланы. – Твоя! –
И обезголосившая Сафо
Плачет как последняя швея.

Плач безропотности! Плач болотной
Цапли, знающей уже... Глубок
Железнодорожные полотна
Ножницами режущий гудок.

Растекись напрасною зарею
Красное напрасное пятно!
...Молодые женщины порою
Льстятся на такое полотно.

10 июля 1923

Брат

Раскалена, как смоль:
Дважды не вынести!
Брат, но с какой-то столь
Странною примесью

Смуты... (Откуда звук
Ветки откромсанной?)
Брат, заходящий вдруг
Столькими солнцами!

Брат без других сестер:
Н*а* прочь присвоенный!
По гробовой костер –
Брат, но с условием:

Вместе и в рай и в ад!
Раной – как розаном
Соупиваться! (Брат,
Адом дарованный!)

Брат! Оглянись в века:
Не было крепче той
Спайки. Назад – река...
Снова прошепчется

Где-то, вдоль звезд и шпал,
– Настежь, без третьего! –
Что по ночам шептал
Цезарь – Лукреции.

13 июля 1923

Час души

1. “В глубокий час души и ночи…”

В глубокий час души и ночи,
Нечислящийся на часах,
Я отроку взглянула в очи,
Нечислящиеся в ночах

Ничьих еще, двойной запрудой
– Без памяти и по края! –
Покоящиеся...
Отсюда
Жизнь начинается твоя.

Седеющей волчицы римской
Взгляд, в выкормыше зрящей – Рим!
Сновидящее материнство
Скалы... Нет имени моим

Потерянностям... Вс*е* покровы

Сняв – выросшая из потерь! –
Так некогда над тростниковой
Корзиною клонилась дщерь

Египетская...

14 июля 1923

2. “В глубокий час души…”

В глубокий час души,
В глубокий – н*о* чи...
(Гигантский шаг души,
Души в ночи)

В тот час, душа, верши
Миры, где хочешь
Царить – чертог души,
Душа, верши.

Ржавь губы, пороши
Ресницы – снегом.
(Атлантский вздох души,
Души – в ночи...)

В тот час, душа, мрачи
Глаза, где Вегой
Взойдешь... Сладчайший плод
Душа, горчи.

Горчи и омрачай:
Расти: верши.

8 августа 1923

3. “Есть час Души, как час Луны…”

Есть час Души, как час Луны,
Совы – час, мглы – час, тьмы –
Час... Час Души – как час струны
Давидовой сквозь сны

Сауловы... В тот час дрожи,
Тщета, румяна смой!
Есть час Души, как час грозы,
Дитя, и час сей – мой.

Час сокровеннейших низов
Грудных. – Плотины спуск!
Вс*е* вещи сорвались с пазов,
Вс*е* сокровенья – с уст!

С глаз – вс*е* завесы! Вс*е* следы –
Вспять! На линейках – нот –

Нет! Час Души, как час Беды,
Дитя, и час сей – бьет.

Беда моя! – так будешь звать.
Так, лекарским ножом
Истерзанные, дети – мать
Корят: “Зачем живем?”

А та, ладонями свежа
Горячку: “Надо. – Ляг”.
Да, час Души, как час ножа,
Дитя, и нож сей – благ.

14 августа 1923

Сок лотоса

Божественно и детски-гол
Лоб – сквозь тропическую темень.
В глазах, упорствующих в пол,
Застенчивость хороших с*е* мей.

Сквозь девственные письмена
Мне чудишься побегом рдяным,
Чья девственность оплетена
Воспитанностью, как лианой.

Дли свою святость! Уст и глаз
Блюди священные сосуды!
Под тропиками родилась
Любовь, и я к тебе оттуда:

Из папоротников, хвощей,
Стай тростниковых, троп бесследных...
Где всё забвение вещей
В ладони лотосова стебля

Покоится. Наводит сон
Сок лотоса. Вино без пены
Сок лотоса... Детей и жен
Как обмороком сводит члены

Сок лотоса... Гляди, пуста
Ладонь. – Но в час луны с Востока
(Сок лотоса...) – из уст в уста
Вкуси – сон лотосова сока.

23 июля 1923

“Всё так же, так же в морскую синь…”

Всё так же, так же в морскую синь –
Глаза трагических героинь.

В сей зал, бесплатен и неоглядн,
Глазами заспанных Ариадн
Обманутых, очесами Федр
Отвергнутых, из последних недр
Вотще взывающими к ножу...
Так, в грудь, жива ли еще, гляжу.

24 июля 1923

Наклон

Материнское – сквозь сон – ухо.
У меня к тебе наклон слуха,
Духа – к страждущему: жжет? да?
У меня к тебе наклон лба,

Дозирающего вер – ховья.
У меня к тебе наклон крови
К сердцу, неба – к островам нег.
У меня к тебе наклон рек,

Век... Беспамятства наклон светлый
К лютне, лестницы к садам, ветви
Ивовой к убеганью вех...
У меня к тебе наклон *всех*

Звезд к земле (родовая тяга
Звезд к звезде!) – тяготенье стяга
К лаврам выстраданных мо – гил.
У меня к тебе наклон крыл,

Жил... К дуплу тяготенье совье,
Тяга темени к изголовью
Гроба, – годы ведь уснуть тщусь!
У меня к тебе наклон уст

К роднику...

28 июля 1923

Раковина

Из лепрозария лжи и зла
Я тебя вызвала и взяла

В зори! Из мертвого сна надгробий
В руки, вот в эти ладони, в обе,

Раковинные – расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь, сокровений твоих касаясь,

Так не присвоит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсваивающих... Спи!
Тайная радость моей тоски,

Спи! Застилая моря и земли,
Раковиною тебя объемлю:

Справа и слева и лбом и дном –
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.

– Выйдешь! – По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь

Раковинная. – О, настежь створы! –
Матери каждая пытка в пору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!

31 июля 1923

Заочность

Кастальскому току,
Взаимность, заторов не ставь!
Заочность: за оком
Лежащая, вящая явь.

Заустно, заглазно
Как некое долгое la
Меж ртом и соблазном
Версту расстояния для...

Блаженны длинноты,
Широты забвений и зон!
Пространством как нотой
В тебя удаляясь, как стон

В тебе удлиняясь,
Как эхо в гранитную грудь

В тебя ударяясь:
Не видь и не слышь и не будь –

Не надо мне белым
По черному – мелом доски!
Почти за пределом
Души, за пределом тоски –

...Словесного чванства
Последняя карта сдана.
Пространство, пространство
Ты нынче – глухая стена!

4 августа 1923

Письмо

Так писем не ждут,
Так ждут – письм*а* .
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри – словцо.
И счастье. И это – всё.

Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют
И в грудь – свинца
Три дольки. В глазах красн*о* .
И только. И это – всё.

Не счастья – стара!
Цвет – ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!

Квадрата письма.

11 августа 1923

Минута

Минута: м*и* нущая: минешь!
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж –
Чт*о* завтра б – вырвано из рук!

Минута: мерящая! Малость
Обмеривающая, слышь:

То никогда не начиналось,
Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж

Другим, десятеричной кори
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел

Души живой? О, мель! О, мелочь!
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось,
Чем надпись: “И сие пройдет” –

На перстне... На путях обратных
Кем не измерена тщета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?

Минута: мающая! Мнимость
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелящая! ***Ты, что минешь:***
Минута: милостыня псам!

О, как я рвусь тот мир оставить,
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.

12 августа 1923

Клинок

Между нами – клинок двуострый
Присягнувши – и в мыслях класть...
Но бывают – страстные сестры!
Но бывает – братская страсть!

Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Меч, терзай нас и, меч, пронзай нас,
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...

Двусторонний клинок – рознит?
Он же сводит! Прорвав плащ,
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!

(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи

В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)

Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний – в себя вдвинем.
Это будет – лучшее лечь!

Это будет – братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Неповинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!

18 августа 1923

Наука Фомы

Без рук не обнять!
Сгинь, выспренных душ
Небыль!
Не вижу – и гладь,
Не слышу – и глушь:
Не был.

Круги на воде.
Ушам и очам –
Камень.
Не здесь – так нигде.
В пространство, как в чан
Канул.

Руками держи!
Всей крепостью мышц
Ширься!
Чт*о* сны и псалмы!
Бог ради Фомы
В мир сей

Пришел: укрепись
В неверье – как негр
В трюме.
Всю в рану – по кисть!
Бог ради таких
Умер.

24 августа 1923

Магдалина

1. “Меж нами – десять заповедей…”

Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.

Родная кровь отшатывает,
Ты мне – чужая кровь.

Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь – желаннейшая
И чуждейшая из всех!)

К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась – светла
Масть! – очесами демонскими
Таясь, лила б масл*а*

И н*а* ноги бы, и п*о* д ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть по купцам распроданная,
Расплеванная – теки!

Пеною уст и накипями
Очес и п*о* том всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.

Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!

26 августа 1923

2. “Масти, плоченные втрое…”

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, – сплошное
Исструение, а тот

В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
– Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!

31 августа 1923

3. “О путях твоих пытать не буду…”

О путях твоих пытать не буду,
Милая! – ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос –
И – слез.

Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены масл*а* .

Я был наг, а ты меня волною
Тела – как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.
– Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла
Как волна.

31 августа 1923

“С этой горы, как с крыши…”

С этой горы, как с крыши
Мира, где в небо спуск.
Друг, я люблю тебя свыше
Мер – и чувств.

От очевидцев скрою
В тучу! С золою съем.
...С этой горы, как с Трои
Красных – стен.

Страсти: хвала убитым,
Сущим – срам.
Так же смотрел на битву
Царь-Приам.

Рухнули у – стои:
Зарево? Кровь? Нимб?
Так же смотрел на Трою
Весь О – лимп.

Нет, из прохладной ниши
Дева, воздевши длань...
Друг, я люблю тебя свыше.
Слышь – и – встань.

30 августа 1923

“Как бы дым твоих ни горек…”

Как бы дым твоих ни горек
Труб, глотать его – всё нега!
Оттого что ночью – город –
Опрокинутое небо.

Как бы дел твоих презренных
День ни гол, – в ночи ты – шах!
Звезды страсть свела – на землю!
Картою созвездий – прах.

Гектором иль Бонапартом
Звать тебя? Москва иль Троя?
Звездной и военной картой
Город лег...
Любовь? – Пустое!

Минет! Нищеты надземной
Ставленник, в ночи я – шах!
Небо сведено на землю:
Картою созвездий – прах

Рассыпается...

30 августа 1923

Овраг

1. “Дно – оврага…”

Дно – оврага.
Ночь – корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв – не надо.
Ляг – и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить – закашляешься. Всласть

Пей! Без пятен –
Мрак! Бесплатен –
Бог: как к пропасти припасть.

(Час – который?)
Ночь – сквозь штору
Знать – немного знать. Узнай

Ночь – как воры,
Ночь – как горы.
(Каждая из нас – Синай

Ночью...)

10 сентября 1923

2. “Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу…”

Никогда не узнаешь, чт*о* жгу, чт*о* трачу
– Сердец перебой –
На груди твоей нежной, пустой, горячей,
Гордец дорогой.

Никогда не узнаешь, каких не-наших
Бурь – следы сцеловал!
Не гора, не овраг, не стена, не насыпь:
Души перевал.

О, не вслушивайся! Болевого бреда
Ртуть... Ручьёвая речь...
Прав, что слепо берешь. От такой победы
Руки могут – от плеч!

О, не вглядывайся! Под листвой падучей
Сами – листьями мчим!
Прав, что слепо берешь. Это только тучи
Мчат за ливнем косым.

Ляг – и лягу. И благо. О, всё на благо!
Как тела на войне –
В лад и в ряд. (Говорят, что на дне оврага,
Может – неба на дне!)

В этом бешеном беге дерев бессонных
Кто-то н*а* смерть разбит.
Что победа твоя – пораженье ***сонмов*** ,
Знаешь, юный Давид?

11 сентября 1923

Ахилл на валу

Отлило – обдало – накатило –
– Навзничь! – Умру.
Так Поликсена, узрев Ахилла
Там, на валу –

В красном – кровавая башня в плёсе
Тел, что простер.
Так Поликсена, всплеснувши: “Кто сей?”
(Знала – костер!)

Соединенное чародейство
Страха, любви.
Так Поликсена, узрев ахейца
Ахнула – и –

Знаете этот отлив атлантский
Крови от щек?
Неодолимый – прострись, пространство! –

Крови толчок.

13 сентября 1923

Последний моряк

О, ты – из всех залинейных нот
Нижайшая! – Кончим распрю!
Как та чахоточная, что в ночь
Стонала: еще понравься!

Ломала руки, а рядом драк
Удары и клятв канаты.
(Спал разонравившийся моряк
И капала кровь на мя-
тую наволоку...)

А потом, вверх дном
Стакан, хрусталем и кровью
Смеясь... – и путала кровь с вином,
И путала смерть с любовью.

“Вам сон, мне – спех! Не присев, не спев –
И занавес! Завтра в лёжку!”
Как та чахоточная, что всех
Просила: еще немножко

Понравься!... (Руки уже свежи,
Взор смутен, персты не гнутся...)
Как та с матросом – с тобой, о жизнь,
Торгуюсь: еще минутку

Понравься!..

15 сентября 1923

Крик станций

Крик станций: останься!
Вокзалов: о жалость!
И крик полустанков:
Не Дантов ли
Возглас:
“Надежду оставь!”
И крик паровозов.

Железом потряс
И громом волны океанской.
В окошечках касс,
Ты думал – торгуют пространством?
Морями и сушей?
Живейшим из мяс:
Мы мясо – не души!
Мы губы – не розы!

От нас? Нет – ***по*** нас
Колеса любимых увозят!

С такой и такою-то скоростью в час.

Окошечки касс.
Костяшечки страсти игорной.
Прав кто-то из нас,
Сказавши: любовь – живодерня!

“Жизнь – рельсы! Не плачь!”
Полотна – полотна – полотна...
(В глаза этих кляч
Владельцы глядят неохотно).

“Без рва и без шва
Нет счастья. Ведь с ***тем*** покупала?”
Та швейка права,
На это смолчавши: “Есть шпалы”.

24 сентября 1923

Пражский рыцарь

Бледно – лицый
Страж над плеском века –
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(О найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка – ра – ульный
На посту разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку
Нас-то – сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный. Розам – цвесть!
Бросил – брошусь!
Вот тебе и месть!

Не устанем
Мы – доколе страсть есть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья! В тину,
В пену – как в парчу!
Мосто – вины
Нынче не плачу!

– “С рокового мосту
Вниз – отважься!”
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский.

Сласть ли, грусть ли
В ней – тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку – дней.

27 сентября 1923

“По набережным, где седые деревья…”

По набережным, где седые деревья
По следу Офелий... (Она ожерелья
Сняла, – не наряженной же умирать!)
Но все же
(Раз смертного ложа – неможней
Нам быть нежеланной!
Раз это несносно
И в смерти, в которой
Предвечные горы мы сносим
На сердце!..) – она все немногие вёсны
Сплела – проплывать
Невестою – и венценосной.

Так – н*е* бескорыстною
Жертвою миру:
Офелия – листья,
Орфей – свою лиру...
– А я? –

28 сентября 1923

Ночные места

Темнейшее из ночных
Мест: мост. – Устами в уста!
Неужели ж нам свой крест
Тащить в дурные места,

Туда: в веселящий газ
Глаз, газа... В платный Содом?
На койку, где вс*е* до нас!
На койку, где н*е* вдвоем

Никто... Никнет ночник.
Авось – совесть уснет!
(Вернейшее из ночных
Мест – смерть!) Платных теснот

Ночных – блаже вода!
Вода – глаже простынь!

Любить – блажь и беда!
Туда – в хладную синь!

Когда б в веры века
Нам встать! Руки смежив!
(Река – телу легка,
И спать – лучше, чем жить!)

Любовь: зноб до кости!
Любовь: зной до бел*а* !
Вода – любит концы.
Река – любит тела.

4 октября 1923

Подруга

“Не расстанусь! – Конца нет!” И льнет, и льнет...
А в груди – нарастание
Грозных вод,
Нот... Надёжное: как таинство
Непреложное: рас – станемся!

5 октября 1923

Поезд жизни

Не штык – так клык, так сугроб, так шквал, –
В Бессмертье что час – то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал.
Раскладываться не стоит.

На всех, на всё – равнодушьем глаз,
Которым конец – исконность.
О как естественно в третий класс
Из душности дамских комнат!

Где от котлет разогретых, щек
Остывших... – Нельзя ли дальше,
Душа? Хотя бы в фонарный сток
От этой фатальной фальши:

Папильоток, пеленок,
Щипцов каленых,
Волос паленых,
Чепцов, клеенок,
О – де – ко – лонов
Семейных, швейных
Счастий (klein wenig!)[44]
Взят ли кофейник?

---

[44] Немножко, чуточку *(нем.)* .

Сушек, подушек, матрон, нянь,
Душности бонн, бань.

Не хочу в этом коробе женских тел
Ждать смертного часа!
Я хочу, чтобы поезд и пил и пел:
Смерть – тоже вне класса!

В удаль, в одурь, в гармошку, в надсад, в тщету!
– Эти нехристи *и* льнут же! –
Чтоб какой-нибудь странник: “На ***тем свету*** ”...
Не дождавшись скажу: лучше!

Площадка. – И шпалы. – И крайний куст
В руке. – Отпускаю. – Поздно
Держаться. – Шпалы. – От стольких уст
Устала. – Гляжу на звезды.

Так через радугу всех планет
Пропавших – считал-то кто их? –
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит.

6 октября 1923

“Древняя тщета течет по жилам…”

Древняя тщета течет по жилам,
Древняя мечта: уехать с милым!

К Нилу! (Не на грудь хотим, а в грудь!)
К Нилу – иль еще куда-нибудь

Дальше! За предельные пределы
Станций! Понимаешь, что из тела

Вон – хочу! (В час тупящихся вежд
Разве выступаем – из одежд?)

...За потустороннюю границу:
К Стиксу!..

7 октября 1923

Побег

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроясь,
– О завтра мое! – тебя
Выглядываю – как поезд

Выглядывает бомбист
С еще-сотрясеньем взрыва
В руке... (Не одних убийств

Бежим, зарываясь в гриву

Дождя!) Не расправы страх,
Не... – Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона

Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь –
Как *о* б стену... (Под ногой
Подножка – или ни ног уж,

Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду

В Бессмертье...

14 октября 1923

“Брожу – не дом же плотничать…”

Брожу – не дом же плотничать,
Расположась на росстани!
Так, вопреки полотнищам
Пространств, треклятым простыням

Разлук, с минутным баловнем
Крадясь ночными тайнами,
Тебя под всеми ржавыми
Фонарными кронштейнами –

Краем плаща... За стойками –
Краем стекла... (Хоть краешком
Стекла!) Мертвец настойчивый,
В очах – зачем качаешься?

По набережным – клятв озноб,
По загородам – рифм обвал.
Сжимают ли – “я б жарче сгреб”,
Внимают ли – “я б чище внял”.

Все ты один, во всех местах,
Во всех мастях, на всех мостах.
Моими вздохами – снастят!
Моими клятвами – мостят!

Такая власть над сбивчивым
Числом у лиры любящей,
Что на тебя, небывший мой,
Оглядываюсь – в будущее!

16 октября 1923

Око

Фонари, горящие газом,
Леденеющим день от дня.
Фонари, глядящие глазом,
Не пойму еще – в чем? – виня,
Фонари, глядящие н*а* земь:
На младенцев и на меня.

23 октября 1923

“Люблю – но мука еще жива…”

Люблю – но мука еще жива.
Найди баюкающие слова:

Дождливые, – расточившие вс*е*
Сам выдумай, чтобы в их листве

Дождь слышался: то не цеп о сноп:
Дождь в крышу бьет: чтобы мне на лоб,

На гроб стекал, чтобы лоб – светал,
Озноб – стихал, чтобы кто-то спал

И спал...
Сквозь скважины, говорят,
Вода просачивается. В ряд
Лежат, не жалуются, а ждут
Незнаемого. (Меня – сожгут).

Баюкай же – но прошу, будь друг:
Не буквами, а каютой рук:

Уютами...

24 октября 1923

“Ты, меня любивший фальшью…”

Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

12 декабря 1923

“Оставленного зала тронного…”

Оставленного зала тронного
Столбы. (Оставленного – в срок!)
Крутые улицы наклонные
Стремительные как поток.

Чувств обезумевшая жимолость,
Уст обеспамятевший зов.
– Так я с груди твоей низринулась
В бушующее море строф.

Декабрь 1923

Двое

1. “Есть рифмы в мире сём…”

Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь – и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь – на буграх надбровных.

Ночь – твой рапсодов плащ,
Ночь – на очах – завесой.
Разъединил ли б зрящ
Елену с Ахиллесом?

Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях

Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит – и горящей Троей!

Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы – в мире ***том***
Подобранные. Рухнет

Сей – разведешь. Чт*о* нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!

Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
“Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара”.

30 июня 1924

2. “Не суждено, чтобы сильный с сильным…”

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.

В братственной ненависти союзной
– Буйволами! – на скалу – скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною – спала.

Порознь! – даже на ложе брачном –
Порознь! – даже сцепясь в кулак –
Порознь! – на языке двузначном –
Поздно и порознь – вот наш брак!

Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв как лев –
Так разминулися: сын Фетиды
С дщерью Аресовой: Ахиллес

С Пенфезилеей.
О вспомни – снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, – из жижи
Взгляд ее – все ж еще свысока!

Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный – с равным...
.....……

Так разминовываемся – мы.

3 июля 1924

3. “В мире, где всяк…”

В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.

В мире, где столь
Многого хощем,
Знаю – один
Мне равномощен.

В мире, где всё –
Плесень и плющ,
Знаю: один

Ты – равносущ

Мне.

3 июля 1924

Остров

Остров есть. Толчком подземным
Выхвачен у Нереид.
Девственник. Еще никем не
Выслежен и не открыт.

Папоротником бьет и в пене
Прячется. – Маршрут? Тариф?
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме твоих

Глаз Колумбовых. Две пальмы:
Явственно! – Пропали. – Взмах
Кондора...
(В вагоне спальном
– Полноте! – об островах!)

Час, а может быть – неделя
Плаванья (упрусь – так год!)
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме широт

Будущего...

5 июля 1924

Под шалью

1. “Над колыбелью твоею – где ты…”

Над колыбелью твоею – где ты? –
Много, ох много же, будет пето.

Где за работой швея и мать –
Басен и песен не занимать!

Над колыбелью твоею нищей
Многое, многое с Бога взыщем:

Сроков и соков и лет и зим –
Много! а больше еще – простим.

Над колыбелью твоей бесправной
Многое, многое станет явным,

Гласным: прошедшая сквозь тела
…… – чем стала и чем была!

Над колыбелью твоею скромной
Многое, многое Богу вспомним!

– Повести, спящие под замком, –
Много! а больше еще – сглотнем.

Лишь бы дождаться тебя, да лишь бы...
Многое, многое станет лишним,

Выветрившимся – чумацкий дым!
.....……
Всё недававшееся – моим!

5 августа 1924

2. “Запечатленный, как рот оракула…”

Запечатленный, как рот оракула –
Рот твой, гадавший многим.
Женщина, чт*о* от дозору спрятала
Меж языком и нёбом?

Уж не глазами, а в вечность дырами
Очи, котлом ведёрным!
Женщина, яму какую вырыла
И заложила дёрном?

Располагающий ста кумирнями
Идол – не столь заносчив.
Женщина, чт*о* у пожара вырвала
Нег и страстей двунощных?

Женщина, в тайнах, как в шалях, ширишься,
В шалях, как в тайнах, длишься.
Отъединенная – как счастливица-
Ель на вершине мглистой.

Точно усопшую вопрошаю,
Душу, к корням пригубившую...
Женщина, чт*о* у тебя под шалью?
– Будущее!

8 ноября 1924

3. “Так – только Елена глядит над кровлями…”

Т*а* к – только Елена глядит над кровлями
Троянскими! В столбняке зрачков
Четыре провинции обескровлено
И обезнадежено сто веков.

Т*а* к – только Елена над брачной бойнею,
В сознании: наготой моей
Четыре Аравии обеззноено
И обезжемчужено пять морей.

Т*а* к только Елена – не жди заломленных
Рук! – диву дается на этот рой
Престолонаследников обездомленных
И родоначальников, мчащих в бой.

Т*а* к только Елена – не жди взывания
Уст! – диву дается на этот ров
Престолонаследниками заваленный:
На обессыновленность ста родов.

Но нет, не Елена! Не та двубрачная
Грабительница, моровой сквозняк.
Какая сокровищница растрачена
Тобою, что в очи нам смотришь – т*а* к,

Как даже Елене за красным ужином
В глаза не дерзалось своим рабам:
Богам. – “Чужеземкою обезмуженный
Край! Всё еще гусеницей – к ногам!”

11 ноября 1924

“Пела как стрелы и как морены…”

Пела как стрелы и как морены,
Мчащие из-под ног
С звуком рвущегося атл*а* са.
– Пела! – и целой стеной матрасной
Остановить не мог
Мир меня.
Ибо единый вырвала
Дар у богов: бег!

Пела как стрелы.
Тело?
Мне нету дела!

8 ноября 1924

Попытка ревности

Как живется вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(П*о* небу – не по водам!)

Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!

Как живется вам с ***простою***
Женщиною? ***Без*** божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),

Как живется вам – хлопочется –
Ежится? Встается – как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

“Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму”.
Как живется вам с любою –
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – люба?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и н*а* чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, б*е* з шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?

19 ноября 1924

“Вьюга наметает в полы…”

Вьюга наметает в полы.
Всё разрывы да расколы! –

И на шарф цветной веселый –
Слезы острого рассола,
Жемчуг крупного размола.

19 ноября 1924

Сон

1. “Врылась, забылась – и вот как с тысяче…”

Врылась, забылась – и вот как с тысяче-
футовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Вс*е* мои тайны – сон перерыл.

Сопки – казалось бы прочно замерли –
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко – как следователь по камере
Сердца – расхаживает Морфей.

Вы! собирательное убожество!
Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как на перинах лёжачи
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей –
Жизнь с ее грузом мужей и жен.
Зорко как летчик над вражьей местностью
Спящею – над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло –
Тщетно! – уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра и оператора
Вс*е* мои раны – сон перерыл!

Вскрыта! ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещих глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Вс*е* мои тайны – сон перетряс!

24 ноября 1924

2. “В мозгу ухаб пролёжан…”

В мозгу ухаб пролёжан, –
Три века до весны!

В постель иду, как в ложу:
Затем, чтоб видеть сны:

Сновидеть: рай Давидов
Зреть и Ахиллов шлем
Священный, – стен не видеть!
В постель иду – затем.

Разведены с Мартыном
Задекою – не вс*е* !
Не доверяй перинам:
С сугробами в родстве!

Занежат, – лести женской
Пух, рук и ног захват.
Как женщина младенца
Трехдневного заспят.

Спать! Потолок как короб
Снять! Синевой запить!
В постель иду как в прорубь:
Вас, – не себя топить!

Заокеанских тропик
Прель, Индостана – ил...
В постель иду как в пропасть:
Перины – *без* перил!

26 ноября 1924

Приметы

Точно гору несла в подоле –
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.

Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.

Точно н*о* ру во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль

Стонущей. Сквозняком как гривой
Овеваясь гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн

Горловых, – горловых ущелий

Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! – по трели
Всего тела вдоль!

29 ноября 1924

“Ятаган? Огонь…”

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, – куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам – ладонь,
Как губам –
Имя собственного ребенка.

1 декабря 1924

“Живу – не трогаю…”

Живу – не трогаю.
Горы не срыть.
Спроси безногого,
Ответит: жить.

Не наша – Богова
Гора – Еговова!
Котел да логово, –
Живем без многого.

1 декабря 1924

Полотерская

Колотёры-молотёры,
Полотёры-полодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.

Что Степан у вас, что Осип –
Ни приметы, ни следа.
– Нас нелегкая приносит,
Полотеров, завсегда.

Без вины навязчивые,
Мы полы наващиваем.
По паркетам вз’ахивая,
Мы молей вымахиваем.

Кулик краснопер,
Пляши, полотер!

Колотилы-громыхалы,

Нам вс*е* комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало –
Полотеры унесли.

Нажариваем.
Накаливаем.
...Пошариваем!
...Пошаливаем!

С полотеров взятки гладки:
Катай вдоль да поперек!
Как подкатимся вприсядку:
“Пожалуйте на чаёк!”

Не мастикой ясеневы
Вам полы намасливаем.
П*о* том-кровью ясеневы
Вам полы наласниваем:

Вощи до-бел*а* !
Трещи, мебеля!

Тише сажи, мягче замши...
Полотеров взявши в дом –
Плачь! Того гляди, плясамши,
Нос богине отобьем.

Та богиня – мраморная,
Нарядить – от Ламановой,
Не гляди, что мраморная –
Всем бока наламываем!

Гол, бос.
Чтоб жглось!

Полотерско дело вредно:
Пляши, в пот себя вогнав!
Оттого и ликом бледны,
Что вся кровь у нас в ногах.

Ногой пишем,
Ногой пашем.
Кто повыше –
Тому пляшем.

О пяти корявых пальцах –
Как и барская нога!
Из прихожей – через зальце –
Вот и вся вам недолга!

Знай, откалывай
До кол*а* в груди!
... Шестипалого
Полотера жди.

Нам балы давать не внове!
Двери – вс*е* ли на ключе?
А кумач затем – что крови
Не видать на кумаче!

Нашей ли, вашей ли –
Ляжь да не спрашивай.

Как господско дело грязью
Следить, лоску не жалеть –
Полотерско дело – мазью
Те следочки затереть.

А уж мазь хороша!
– Занялась пороша! –

Полодёры-полодралы,
Полотёры-пролеталы,
Разлет-штаны,
Паны-шаркуны,

Из перинки прасоловой
Не клопов вытрясываем,
По паркетам взгаркивая –
Мы господ вышаркиваем!

Страсть-дела,
Жар-дела,
Красная гвардия!
Поспешайте, сержанты резвые!
Полотеры купца зарезали.

Получайте, чего не грезили:
Полотеры купца заездили.

18 декабря 1924

“Ёмче органа и звонче бубна…”

Ёмче органа и звонче бубна
Молвь – и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не дается – эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.

Наинасыщеннейшая рифма
Недр, наинизший тон.
Так, перед вспыхнувшей Суламифью –
Ахнувший Соломон.

Ах: разрывающееся сердце,
Слог, на котором мрут.
Ах, это занавес – вдруг – разверстый.
Ох: ломовой хомут.

Словоискатель, словесный хахаль,
Слов неприкрытый кран,
Эх, слуханул бы разок – как ахал
В ночь половецкий стан!

И пригибался, и зверем прядал...
В мхах, в звуковом меху:
Ах – да ведь это ж цыганский табор
– Весь! – и с луной вверху!

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег –

Пушкину. И – раскалясь в полете –
В прабогатырских тьмах –
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! – эх! – ах!

23 декабря 1924

Жизни

1. “Не возьмешь моего румянца…”

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу!
Т*а* к, на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь

Аравийский.

25 декабря 1924

2. “Не возьмешь мою душу живу…”

Не возьмешь мою душу живу,
Не дающуюся как пух.
Жизнь, ты часто рифмуешь с: лживо, –
Безошибочен певчий слух!

Не задумана старожилом!
Отпусти к берегам чужим!
Жизнь, ты явно рифмуешь с жиром:
Жизнь: держи его! жизнь: нажим.

Жестоки у ножных костяшек
Кольца, в кость проникает ржа!
Жизнь: ножи, на которых пляшет
Любящая.
– Заждалась ножа!

28 декабря 1924

“Пела рана в груди у князя…”

Пела рана в груди у князя.
Или в ране его – стрела

Пела? – к милому не поспеть мол,
Пела, милого не отпеть –
Пела. Та, что летела степью
Сизою. – Или просто степь
Пела, белое омывая
Тело... “Лебедь мой дикий гусь”,
Пела... Та, что с синя-Дуная
К Дону тянется...
Или Русь
Пела?

30 декабря 1924

Крестины

Воды не перетеплил
В чану, зазнобил – как надобно –
Тот поп, что меня крестил.
В ковше плоскодонном свадебном

Вина не пересластил –
Душа да не шутит брашнами!
Тот поп, что меня крестил
На трудное дело брачное:

Тот поп, что меня венчал.
(Ожжясь, поняла танцовщица,
Что сок твоего, Анчар,
Плода в плоскодонном ковшике

Вкусила...)
– На вечный пыл
В пещи смоляной поэтовой
Крестил – кто меня крестил
Водою неподогретою

Речною, – на свыше сил
Дела, не вершимы женами –
Крестил – кто меня крестил
Бедою неподслащенною:

Беспримесным тем вином.
Когда поперхнусь – напомните!
Каким опалюсь огнем?
Вс*е* страсти водою комнатной

Мн*е* кажутся. Трижды прав
Тот поп, что меня обкарнывал.
Каких убоюсь отрав?
Все яды – водой отварною

Мне чудятся. Чт*о* мне рок
С его родовыми страхами –
Раз собственные, вдоль щек,
Мне слезы – водою сахарной!

А ты, что меня крестил
Водой исступленной Савловой
(Так Савл, занеся костыль,
Забывчивых останавливал) –

Молись, чтоб тебя простил –
Бог.

1 января 1925

“Жив, а не умер…”

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.

Мир – это стены.
Выход – топор.
(“Мир – это сцена”,
Лепечет актер).

И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле – как в славе.
В теле – как в тоге.

Многие лета!
Жив – дорожи!
(Только поэты
В кости – как во лжи!)

Нет, не гулять нам,

Певчая братья,
В теле как в ватном
Отчем халате.

Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле – как в стойле.
В себе – как в котле.

Бренных не копим
Великолепий.
В теле – как в топи,
В теле – как в склепе,

В теле – как в крайней
Ссылке. – Зачах!
В теле – как в тайне,
В висках – как в тисках

Маски железной.

5 января 1925

“Существования котловиною…”

Существования котловиною
Сдавленная, в столбняке глушизн,
Погребенная заживо под лавиною
Дней – как каторгу избываю жизнь.

Гробовое, глухое мое зимовье.
Смерти: инея на уста-красны –
Никакого иного себе здоровья
Не желаю от Бога и от весны.

11 января 1925

“Что, Муза моя! Жива ли еще…”

Что, Муза моя! Жива ли еще?
Так узник стучит к товарищу
В слух, в ямку, перстом продолбленную
– Что Муза моя? Надолго ли ей?

Соседки, сердцами спутанные.
Тюремное перестукиванье.

Что Муза моя? Жива ли еще?
Глазами не знать желающими,
Усмешкою правду кроющими,
Соседскими, справа-коечными

– Что, братец? Часочек выиграли?
Больничное перемигиванье.

Эх, дело мое! Эх, марлевое!
Так небо боев над Армиями,
Зарницами вкось исчёрканное,
Ресничное пересвёркиванье.

В воронке дымка рассеянного –
Солдатское пересмеиванье.

Ну, Муза моя! Хоть рифму еще!
Щекой – Илионом вспыхнувшею
К щеке: “Не крушись! Расковывает
Смерть – узы мои! До скорого ведь?”

Предсмертного ложа свадебного –
Последнее перетрагиванье.

15 января 1925

“Не колесо громовое…”

Не колесо громовое –
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен –
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом –
Стрелами перекинулись скифы.

16 января 1925

“Дней сползающие слизни…”

Дней сползающие слизни,
...Строк поденная швея...
Что до собственной мне жизни?
Не моя, раз не твоя.

И до бед мне мало дела
Собственных... – Еда? Спанье?
Что до смертного мне тела?
Не мое, раз не твое.

Январь 1925

“В седину – висок…”

В седину – висок,
В колею – солдат,
– Небо! – морем в тебя окрашиваюсь.
Как на каждый слог –
Что на тайный взгляд

Оборачиваюсь,
Охорашиваюсь.

В перестрелку – скиф,
В христопляску – хлыст,
– Море! – небом в тебя отваживаюсь.
Как на каждый стих –
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.

В каждой строчке: стой!
В каждой точке – клад.
– Око! – светом в тебя расслаиваюсь,
Расхожусь. Тоской
На гитарный лад
Перестраиваюсь,
Перекраиваюсь.

Не в пуху – в пере
Лебедином – брак!
Браки розные есть, разные есть!
Как на знак тире –
Что на тайный знак
Брови вздрагивают –
Заподазриваешь?

Не в чаю спитом
Славы – дух мой креп.
И казна моя – немалая есть!
Под твоим перстом
Что Господень хлеб
Перемалываюсь,
Переламываюсь.

22 января 1925

“Променявши на стремя…”

Променявши на стремя –
Поминайте коня ворона!
Невозвратна как время,
Но возвратна как вы, времена

Года, с первым из встречных
Предающая дело родни,
Равнодушна как вечность,
Но пристрастна как первые дни

Весен... собственным пеньем
Опьяняясь как ночь – соловьем,
Невозвратна как племя
Вымирающее (о нем

Гейне пел, – брак мой тайный:
Слаще гостя и ближе, чем брат...)
Невозвратна как Рейна
Сновиденный убиственный клад.

Чиста-злата – нержавый,
Чиста-с*е* ребра – Вагнер? – нырни!
Невозвратна как слава
Наша русская...

19 февраля 1925

“Рас – стояние: версты, мили...”

Рас – стояние: версты, мили...
Нас рас – ставили, рас – садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас – стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав

Вдохновений и сухожилий...
Не расс*о* рили – рассорили,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас как сирот.

Который уж, ну который – март?!
Разбили нас – как колоду карт!

24 марта 1925

“Русской ржи от меня поклон…”

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи н*а* сердце...

Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер – в гекзаметре,
Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.

Прага, 7 мая 1925

“Высокомерье – каста…”

Высокомерье – каста.
Чем недохват – отказ.
Что говорить: не часто!
В тысячелетье – раз.

Всё, что сказала – крайний
Крик морякам знаком!
А остальное – тайна:
Вырежут с языком.

16 мая 1925

“Слава падает так, как слива…”

Слава падает так, как слива:
Н*а* голову, в подол.
Быть красивой и быть счастливой!
(А не плохой глагол –

Быть? Без всякого приставного –
Быть и точка. За ней простор.)
Слава падает так, как слово
Милости на топор

Плахи, или же как на плиты
Храма – полдень сухим дождем.
Быть счастливой и знаменитой?
Меньшего обождем

Часа. Или же так, как целый
Рим – на розовые кусты.
– Слава! – Я тебя не хотела:
Я б тебя не сумела нести.

17 мая 1925

“От родимых сёл, сёл…”

От родимых сёл, сёл!
– Наваждений! Новоявленностей!
Чтобы поезд шел, шел,
Чтоб нигде не останавливался,

Никуда не приходил.
В вековое! Незастроенное!
Чтобы ветер бил, бил,
Выбивалкою соломенною

Просвежил бы мозг, мозг
– Всё осевшее и плесенное! –
Чтобы поезд нёс, нёс,

Быстрей лебедя, как в песенке...

Сухопутный шквал, шквал!
Низвержений! Невоздержанностей!
Чтобы поезд мчал, мчал,
Чтобы только не задерживался.

Чтобы только не срастись!
Не поклясться! не насытиться бы!
Чтобы только – свист, свист
Над проклятою действительностью.

Феодальных нив! Глыб
Первозданных! незахватанностей!
Чтобы поезд шиб, шиб,
Чтобы только не засматривался

На родимых мест, мест
Августейшие засушенности!
Всё едино: Пешт, – Брест –
Чтобы только не заслушивался.

Никогда не спать! Спать?!
Грех последний, неоправданнейший...
Птиц, летящих вспять, вспять
По пятам деревьев падающих!

Чтоб не ночь, не две! – две?! –
Еще дальше царства некоего –
Этим поездом к тебе
Все бы ехала и ехала бы.

Конец мая 1925

“Брат по песенной беде…”

Брат по песенной беде –
Я завидую тебе.
Пусть хоть так она исполнится
– Помереть в отдельной комнате! –
Скольких лет моих? лет ста?
Каждодневная мечта.
И не жалость: мало жил,
И не горечь: мало дал.
Много жил – кто в ***наши*** жил
Дни: ***всё*** дал, – кто песню дал.

Жить (конечно не новей
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть –
Потолочные крюки.

Начало января 1926

“Тише, хвала…”

Тише, хвала!
Дверью не хлопать,
Слава!
Стола
Угол – и локоть.

Сутолочь, стоп!
Сердце, уймись!
Локоть – и лоб.
Локоть – и мысль.

Юность – любить,
Старость – погреться:
Некогда – ***быть*** ,
Некуда деться.

Хоть бы закут –
Только без прочих!
Краны – текут,
Стулья – грохочут,

Рты говорят:
Кашей во рту
Благодарят
“За красоту”.

Знали бы вы,
Ближний и дальний,
Как головы
Собственной жаль мне –

Бога в орде!
Степь – каземат –
Рай – это где
Не говорят!

Юбочник – скот –
Лавочник – частность!
Богом мне – тот
Будет, кто даст мне

– Не времени!
Дни сочтены! –
Для тишины –
Четыре стены.

Париж, 26 января 1926

“Кто – мы? Потонул в медведях…”

Кто – ***мы*** ? Потонул в медведях
Тот край, потонул в полозьях.

Кто – ***мы*** *?* Не из тех, что ездят –
Вот – ***мы*** *!* А из тех, что возят:

Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые – за везучесть.

Везло! Через Дон – так голым
Льдом. Хвать – так всегда патроном
Последним. Привар – несолон.
Хлеб – вышел. Уж так везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом –
В ночь, выхаркнуты народом!
Кто ***мы*** *?* да по всем вокзалам!
Кто ***мы*** *?* да по всем заводам!

По всем гнойникам гаремным[45] –
Мы, вставшие за деревню,
За – дерево...

С шестерней, как с бабой, сладившие –
Это мы – белоподкладочники?
С Моховой князья да с Бронной-то –
Мы-то – золотопогонники?

Гробокопы, клополовы –
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
Хорошо! хорошо!

Судомои, крысотравы,
Дом – верша, гром – глуша,
Это мы пустили славу:
– Хороша! хороша –
Русь!

Маляры-то в поднебесьице –
Это мы-то с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили –
Мы, ребятами.
– История.

Баррикады, а нынче – троны.
Но все тот же мозольный лоск.
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских тоск.

Мрем от них. Под шинелью драной –

---

[45] Дансёры в дансингах *(примеч. М. Цветаевой)* .

Мрем, наган наставляя в бред...
Перестраивайте Бедламы:
Все – малы для российских бед!

Бредит шпорой костыль – острите! –
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья –
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – ***там*** :
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.

St. Gilles-sur-Vie (Vendee)
Апрель 1926

Юноше в уста

Юноше в уста
– Богу на алтарь –
Моря и песка
Пену и янтарь

Влагаю.
Солгали,
Что мать и сын!
Младая
Седая
Морская
Синь.

Крив их словоряд.
День их словарю!
Пенка говорят.
Пена говорю –

Знак – п*о* синю бел!
Вопль – п*о* белу бей!
Что перекипел
Сливочник морей.

Бой или “баю”,
Сон или... а всё ж –
Мать, коли пою,
Сын, коли сосешь –

Соси же!
Не хижин
Российских – царь:
Рожок плаксивый.
Руси – янтарь.

Старая любовь –

Море не Руси!
Старую любовь
Заново всоси:

Ту ее – давно!
Ту ее – шатра,
Всю ее – от *до*
Кия – до Петра.

Пей, не обессудь!
С бездною кутеж!
Больше нежель грудь –
Суть мою сосешь:

Лоно – смену –
Оно – вновь:
Моря пену,
Бора кровь.

Пей, женоупруг!
Пей, моя тоска!
Пенковый мундштук
Женского соска
Ст*о* ит.

Сто их,
Игр и мод!

Мать – кто п*о* ит
И поет.

29 мая 1928
Медон

Разговор с гением

Глыбами – лбу
Лавры похвал.
“Петь не могу!”
– “Будешь!” – “Пропал,

(На толокно
Переводи!)
Как молоко –
Звук из груди.

Пусто. Сух*а* .
В полную веснь –
Чувство сука”.
– “Старая песнь!

Брось, не морочь!”
“Лучше мне впредь –
Камень толочь!”

– “Тут-то и петь!”

“Чт*о* я, снегирь,
Чтоб день-деньской
Петь?”
– “Не ***моги*** ,
Пташка, а пой!

Н*а* зло врагу!”
“Коли двух строк
Свесть не могу?”
– “Кто когда – ***мог?!*** ” –

“Пытка!” – “Терпи!”
“Скошенный луг –
Глотка!” – “Хрипи:
Тоже ведь – звук!”

“Львов, а не жен
Дело”. – “***Детей :***
Распотрошен –
Пел же – Орфей!”

“Так и в гробу?”
– “И под доской”.
“***Петь*** не могу!”
– “***Это*** воспой!”

Медон, 4 июня 1928

“Чем – не боги же – поэты…”

Чем – не боги же – поэты!
Отблагодарю за это
– Длящееся с Рождества –
Лето слуха и ответа,
Сплошь из звука и из света,
Без единственного шва

Ткань, наброшенную свыше:
С высоты – не верь, что вышла
Вся – на надобы реклам! –
Всей души твоей мальчишьей –
Н*а* плечи – моим грехам
И годам...

Июнь 1928

“Всю меня – с зеленью…”

Всю меня – с зеленью –
Тех – дрём –
Тихо и медленно
Съел – дом.

Ту, что с созвездиями
Росла –
Просто заездили
Как осла.

Ту, что дриадою
Лес – знал.

Июнь 1928

“Лес: сплошная маслобойня…”

Н. П. Г. – в память наших лесов

Лес: сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся, как Ваграм.
Погляди, как в час прибоя
Лес играет сам с собою!

Так и ты со мной играл.

1928

Наяда

Проходи стороной,
Тело вольное, рыбье!
Между мной и волной,
Между грудью и зыбью –

Третье, злостная грань
Дружбе гордой и голой:
Стопудовая дань
Пустяковине: полу.

Узнаю тебя, клин,
Как тебя ни зови:
В море – ткань, в поле – тын,
Вечный третий в любви!

Мало – злобе людской
Права каменных камер?
Мало – деве морской
Моря трепетной ткани?

Океана-Отца
Неизбывных достатков –
Пены – чудо-чепца?
Вала – чудо-палатки?

Узнаю тебя, гад,
Как тебя ни зови:

В море – ткань, в горе – взгляд, –
Вечный третий в любви!

Как приму тебя, бой,
Мне даваемый глубью,
Раз меж мной – и волной,
Между грудью – и грудью...

– Нереида! – Волна!
Ничего нам не надо,
Что не *я* , не она,
Не волна, не наяда!

Узнаю тебя, гроб,
Как тебя ни зови:
В вере – храм, в храме – поп, –
Вечный третий в любви!

Хлебопек, кочегар, –
Брак без третьего м*е* жду!
Прячут жир (горе бар!)
Чистым – нету одежды!

Черноморских чуб*о* в:
– Братцы, голые топай! –
Голым в хлябь и в любовь,
Как бойцы Перекопа –

В бой...
Матросских сосков
Рябь. – “Товарищ, живи!”
...В пулю – шлем, в бурю – кров:
Вечный третий в любви!

Побережья бродяг,
Клятвы ***без*** аналоев!
Как вступлю в тебя, брак,
Раз меж мною – и мною ж –

Чт*о* ? Да нос на тени,
Соглядатай извечный –
(Свой же). Всё, что бы ***ни*** –
Что? Да ***всё*** , если нечто!

Узнаю тебя, біс,[46]
Как тебя ни зови:
Нынче – нос, завтра – мыс, –
Вечный третий в любви!

Горделивая мать
Над цветущим отростком,

---

[46] Черт *(укр.)* .

Торопись умирать!
Завтра – третий вотрется!

Узнаю тебя, смерть,
Как тебя ни зови:
В сыне – рост, в сливе – червь:
Вечный третий в любви.

Понтайяк, 1 августа 1928

Плач матери по новобранцу

Уж вы, батальоны –
Эскадроны!
Сынок порожённый,
Бе – ре – женый!

Уж ты по младенцу –
Новобранцу –
Слеза деревенска,
Океанска!

В который раз всп*о* рот
Живот – мало!
Сколько б вас, Егорок,
Ни рожала –

Мало! ***Мои*** сучья!
Кр*о* вь чья? С*о* ль чья?
Мало! Мала куча:
Больше! Больше!

Хоша б целый город
Склала – живы!
Сколько б вас, Егорок,
Ни ложила –

В землю. Большеротый,
Башка – вербой
Вьется. Людям – сотый,
А мне – первый!

Теки, мои соки,
Брег*а* – через!
Сосцы пересохли –
Очам – ч*е* ред!

Реви, долговласа,
По армейцу!
Млецом отлилася –
Слезой лейся!

1928

Маяковскому

1. “Чтобы край земной не вымер…”

Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных дяд*е* й,
Будь, младенец, Володимир:
Целым миром володей!

2. “Литературная – не в ней…”

Литературная – не в ней
Суть, а вот – кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший – раз в столетье

Приходит. Сбит передовой
Боец. Каких, столица,
Еще тебе вестей, какой
Еще – передовицы?

Ведь это, милые, у нас,
Черновец – милюковцу:
“Владимир Маяковский? Да-с.
Бас, говорят, и в кофте

Ходил”...
Эх кровь-твоя-кровца!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь – на второй странице
(Известий.)

3. “В сапогах, подкованных железом…”

“В гробу, в обыкновенном темном костюме, в устойчивых, грубых ботинках, подбитых железом, лежит величайший поэт революции”.
(“Однодневная газета”, 24 апреля 1920 г.)

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал –
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал –

Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель – он.

В сапогах – двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел –
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес – и брал – и клял – и пел –

В сапогах и ***до*** и ***без*** отказу
По невспаханностям Октября,
В сапогах – почти что водолаза:
Пехотинца, чище ж говоря:

В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)

Миллионного... – В котором роде
Своего, когда который год:
“Ничего-де своего в заводе!”
Всех народов горя гору – вот.

Так вот в этих – про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих –
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах – ***свидетельствующих***.

4. “И полушки не поставишь…”

Любовная лодка разбилась о быт.

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?

В лодке, да еще в любовной
Запрокинуться – скандал!
Разин – чем тебе не ровня? –
Лучше с ***бытом*** совладал.

Эко новшество – лекарство
Хлещущее, что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь – а что твой пан!

Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб – кровь, а не рассвет! –
Класса белую подкладку
Выворотить напослед.

Вроде юнкера, на Т*о* ске
Выстрелившего – с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.

Фуражечку б на бровишки
И – прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил – прадедом своим.

То-то же, как на поверку
Выйдем – стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Только раньше – в околодок,
Нынче ж...
– Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых – нету под луной.

5. “Выстрел – в самую душу…”

Выстрел – в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Еще раз не осекся,
И, в точку попав – усоп.
Было стало быть сердце,
Коль выстрелу следом – стоп.

(Зарубежье, встречаясь:
“Ну, казус! Каков фугас!
Значит – тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?”)

Выстрел – в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто – левую мочку
Отбривши – с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради – что ж!
И Елену паршивкой
– Подумавши – назовешь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут – слевил.

Кабы в правую – свёрк бы
Ланцетик – и здрав ваш шеф.
Выстрел в ***левую*** створку:
Ну в самый-те Центропев!

6. “Советским вельможей…”

Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света

Красный как огонь.

Советским вельможей,
При полном Синоде...
– Здорово, Сережа!
– Здорово, Володя!

Умаялся? – Малость.
– По общим? – По личным.
– Стрелялось? – Привычно.
– Горелось? – Отлично.

– Так стало быть *пожил?*
– Пасс в нек'тором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!

А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище – меня-то
Обкладывал? – Ладно

Уж... – Вот-те и шлюпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
– Хужей из-за водки.

Опухшая рожа.
С тех пор и на взводе?
Негоже, Сережа.
– Негоже, Володя.

А впрочем – не бритва –
Сработано чисто.
Так стало быть бита
Картишка? – Сочится.

– Приложь подорожник.
– Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя.

А что на Рассее –
На матушке? – То есть
Где? – В Эсэсэсере
Что нового? – Строят.

Родители – р*о* дят,
Вредители – точут,
Издатели – водят,
Писатели – строчут.

Мост новый заложен,
Да смыт половодьем.

Все то же, Сережа!
– Все то же, Володя.

А певчая стая?
– Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас как у мертвых

Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.

Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
– Приложим, Володя!

Еще тебе кланяется...
– А что добрый
Наш Льсан Алексаныч?
– Вон – ангелом! – Федор

Кузьмич? – На канале:
По красные щеки
Пошел. – Гумилев Николай?
– На Востоке.

(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
– Все то же, Сережа.
– Все то же, Володя.

А коли все то же,
Володя, мил-друг мой –
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук – и –

Нет.
– Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и ***это***
Подложим гранату!

И на раствороженном
Нами Восходе –
Заложим, Сережа!
– Заложим, Володя!

7. “Много храмов разрушил…”

Много храмов разрушил,
А этот – ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.

Савойя, август 1930

Лучина

До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,

Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж.
“Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?”

Июнь 1931

Стихи к Пушкину

1. “Бич жандармов, бог студентов…”

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен,
Пушкин – в роли монумента?
Гостя каменного? – он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин – в роли Командора?

Критик – н*о* я, нытик – вторя:
“Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?” Чувство – моря
Позабыли – о гранит

Бьющегося? Тот, солёный
Пушкин – в роли лексикона?

Две ноги свои – погреться –
Вытянувший, и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце
Африканский самовол –

Наших прадедов умора –
Пушкин – в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого – неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки – своим

Звавший, невское – проклятым!
– Пушкин – в роли русопята?

Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал,

А “Европы Вестник” – с...
Пушкин – в роли гробокопа?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и ***смуглее***
До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!
Пушкин – в роли мавзолея?

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами – хлам!
Как из душа! Как из пушки –
Пушкиным – по соловьям

Сл*о* ва, сокол*а* м полета!
– Пушкин – в роли пулемета!

Уши лопнули от вопля:
“Перед Пушкиным во фрунт!”
А куда девали пёкло
Губ, куда девали – бунт

Пушкинский? уст окаянство?
Пушкин – в меру пушкиньянца!

Томики поставив в шкафчик –
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!

Белокровье мозга, морга
Синь – с оскалом негра, горло
Кажущим...

Поскакал бы, Всадник Медный,
Он со всех копыт – назад.
Трусоват был Ваня бедный,
Ну, а он – ***не*** трусоват.

Сей, глядевший во все страны –
В роли собственной Татьяны?

Чт*о* вы делаете, карлы,
Этот – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеймив

Низостию двуединой
Золота и середины?

“Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань...”
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань

Площадную – попугаи.

– Пушкин? Очень испугали!

25 июня 1931

2. Петр и Пушкин

Не флотом, не п*о* том, не задом
В заплатах, не Шведом у ног,
Не ростом – из всякого ряду,
Не сносом – всего, чему срок,

Не лотом, не б*о* том, не пивом
Немецким сквозь кнастеров дым,
И даже и не Петро-дивом
Своим (Петро-делом своим!).

И б*о* льшего было бы мало
(Бог дал, человек не обузь!) –
Когда б не привез Ганнибала-
Арапа на белую Русь.

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил, – от внука –
то ***негрского*** – свет на Руси!

Уж он бы вертлявого – в струнку
Не стал бы! – “На волю? Изволь!
Такой же ты камерный юнкер,
Как я – машкерадный король!”

Поняв, что ни пеной, ни пемзой –
Той Африки, – царь-грамотей
Решил бы: “Отныне ***я*** – цензор
Твоих африканских страстей”.

И дав бы ему по загривку
Курчавому (стричь-не остричь!):
“Иди-ка, сынок, на побывку
В свою африканскую дичь!

Плыви – ни об чем не печалься!
Чай есть в паруса кому дуть!

Соскучишься – так ворочайся,
А нет – хошь и дверь позабудь!

Приказ: ледяные туманы
Покинув – за пядию пядь
Обследовать жаркие страны
И – виршами нам описать”.

И мимо наставленной свиты,
Отставленной – прямо на склад,
Гигант, отпустивши пииту,
Помчал – по земле или ***над*** ?

Сей не по снегам смуглолицый
Российским – снегов Измаил!
Уж он бы заморскую птицу
Архивами не заморил!

Сей, не по кровям торопливый
Славянским, сей ***тоже*** – метис!
Уж ты б у него по архивам
Отечественным не закис!

Уж он бы с тобою – поладил!
За непринужденный поклон
Разжалованный – Николаем,
Пожалованный бы – Петром!

Уж он бы жандармского сыска
Не крыл бы “отечеством чувств”!
Уж он бы тебе – василиска
Взгляд! – не замораживал уст.

Уж он бы полтавских не комкал
Концов, не тупил бы пера.
За что недостойным потомком –
Подонком – опенком Петра

Был сослан в румынскую область,
Да ею б – пожалован был
Сим – так ненавидевшим робость
Мужскую, – что сына убил

Сробевшего. – “Эта мякина –
Я? – Вот и роди! и расти!”
Был ***негр*** ему истинным сыном,
Так истинным правнуком – ***ты***

Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.

И шаг, и светлейший из светлых

Взгляд, коим поныне светла...
Последний – посмертный – ***бес*** смертный
Подарок России – Петра.

2 июля 1931

3. (станок)

Вся его наука –
Мощь. Светл*о* – гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка –
Как своей рукой.

Вольному – под стопки?
Мне, в котле чудес
Сём – открытой скобки
Ведающей – вес,

Мнящейся описки –
Смысл, короче – всё.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

Пелось как – поется
И поныне – т*а* к.
Знаем, как “дается”!
Над тобой, “пустяк”,

Знаем – как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю – как хотелось
В лес – на бал – в возок...

И как – спать хотелось!
Над цветком любви –
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьми!

Перья на востр*о* ты –
Знаю, как чинил!
Пальцы не просохли
От его чернил!

А зато – меж талых
Свеч, картежных сеч –
Знаю – как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов

Битых на полу –
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самог*о* – с самим!
– Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас – им!

1931

4. “Преодоленье…”

Преодоленье
Косности русской –
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул

На кашалотьей
Туше судьбы –
Мускул полета,
Бега,
Борьбы.

С утренней негой
Бившийся – бодро!
Ровного бега,
Долгого хода –

Мускул. Побегов
Мускул степных,
Шлюпки, что к брегу
Тщится сквозь вихрь.

Не онед*у* жен
Русскою кровью –
О, не верблюжья
И не воловья

Жила (усердство
Из-под ремня!) –
Конского сердца
Мышца – моя!

Больше балласту –
Краше осанка!
Мускул гимнаста
И арестанта,

Что на канате
Собственных жил
Из каземата –
Соколом взмыл!

Пушкин – с монаршьих
Рук руководством
Бившийся так же
Н*а* смерть – как бьется

(Мощь – прибывала,
Сила – росла)
С мускулом вала
Мускул весла.

Кто-то, на фуру
Несший: “Атлета
Мускулатура,
А не поэта!”

То – серафима
Сила – была:
Несокрушимый
Мускул – крыла.

10 июля 1931

5. (поэт и царь)

1. “Потусторонним…”

Потусторонним
Залом царей.
– А непреклонный
Мраморный сей?

Столь величавый
В золоте барм.
– Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора – хаял,
Рукопись – стриг.
Польского края –
Зверский мясник.

Зорче вглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый.

12 июля 1931

2. “Нет, бил барабан перед смутным полком…”

Нет, бил барабан перед смутным полком,

Когда мы вождя хоронили:
То зубы царёвы над мертвым певцом
Почетную дробь выводили.

Такой уж почет, что ближайшим друзьям –
Нет места. В изглавьи, в изножьи,
И справа, и слева – ручищи по швам –
Жандармские груди и рожи.

Не диво ли – и на тишайшем из лож
Пребыть поднадзорным мальчишкой?
На что-то, на что-то, на что-то похож
Почет сей, почетно – да слишком!

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно – почетно – почетно – архи-
Почетно, – почетно – до черту!

Кого ж это так – точно воры вор*а*
Пристреленного – выносили?
Изменника? Нет. С проходного двора –
Умнейшего мужа России.

Медон, 19 июля 1931

3. “Народоправству, свалившему трон…”

Народоправству, свалившему трон,
Не упразднившему – тренья:
Не поручать палачам похорон
Жертв, цензорам – погребенья

Пушкиных. В непредуказанный срок,
В предотвращение смуты.
Не увозить под (великий!) шумок
По воровскому маршруту –

Не обрекать на последний мрак,
Полную глухонемость
Тела, обкарнанного и так
Ножницами – в поэмах.

19 июля 1933

Страна

С фонарем обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны на карте –
Нет, в пространстве – нет.

Выпита как с блюдца, –

Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который – срыт?

Заново родися –
В новую страну!
Ну-ка, воротися
Н*а* спину коню

Сбросившему! Кости
Целы-то – хотя?
Эдакому гостю
Булочник – ломтя

Ломаного, плотник –
Гроба не продаст!
Т*о* й ее – ***несчетных***
Верст, ***небесных*** царств,

Той, где на монетах –
Молодость моя,
Той России – нету.

– Как и той меня.

Конец июня 1931

Ода пешему ходу

1. “В век сплошных скоропадских…”

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей –
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Вс*е* утёсно, вс*е* рощно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы – порог,

Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
– Нет, безногое племя,
Даль – ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам –

Божествам в сапогах!

Если есть в мире – ода
Богу сил, богу гор –
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто – шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд – что лопается!

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст –

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
– Случай?
– Дури собственной – столб.

2. “Вот он, грузов наспинных…”

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту – как насильник
С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет –
Как могила – как пласт, –
Но лица не покажет
И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль, –
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!

Между Зюдом и Нордом –
Поставщик суеты!
Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши Рольсы и Ройсы –
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего – бресть.

Драгоценные куклы
С Опер*а* и Мадлэн,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы – взамен

Лакированных лодок.
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!

Слава Господу в небе –
Богу сил, Богу царств –
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,

Чистоганную сдачу
Под копытом – кремня...
И за то, что – ***ходячим***
Чудом – создал меня!

3. “Дармоедством пресытясь…”

Дармоедством пресытясь,
С шины – спешится внук.
Пешеходы! Держитесь –
Ног, как праотцы – рук.

Где предел для резины –
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздоху – хватит в груди!

Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет – трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!

По ручьям, по моррэнам,
Дальше – нет! дальше – стой!
Чтобы Альпы – коленом
Знал, саванны – ступней.

Я костьми, други, лягу –
За ***раскрытие*** школ!
Чтоб от первого шага
До последнего – шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул,
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков –
На своих-на двоих!

Медон, 26 августа 1931 – Кламар, 30 марта 1933

“Тише, тише, тише, век мой громкий…”

Тише, тише, тише, век мой громкий!

За меня потоки – и потомки.

1931

Дом

Из-под нахмуренных бровей
Дом – будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встречает: – Здравствуй, я!

Так самочувственно-знаком
Лоб, прячущийся под плащом
Плюща, срастающийся с ним,
Смущающийся быть большим.

Недаром я – грузи! вези! –
В непросыхающей грязи
Мне предоставленных трущоб
Фронтоном чувствовала лоб.
Аполлонический подъем
Музейного фронтона – лбом

Своим. От улицы вдали
Я за стихами кончу дни –
Как за ветвями бузины.

Глаза – без всякого тепла:
То зелень старого стекла,
Сто лет глядящегося в сад,
Пустующий – сто пятьдесят.

Стекла, дремучего, как сон,
Окна, единственный закон
Которого: гостей не ждать,
Прохожего не отражать.

Не сдавшиеся злобе дня
Глаза, оставшиеся – да! –
Зерц*а* лами самих себя.

Из-под нахмуренных бровей –
О, зелень юности моей!
Та – риз моих, та – бус моих,
Та – глаз моих, та – слез моих...

Меж обступающих громад –
Дом – пережиток, дом – магнат,
Скрывающийся между лип.
Девический дагерротип

Души моей...

6 сентября 1931

Бузина

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит, лето в начале!
Синева – до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом – через ночь – костром
Ростопчинским! – в очах красн*о*
От бузинной пузырчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазорь,
Рассыпающаяся корь

Бузины – до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада –
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови вкус.

Бузина казнена, казнена!
Бузина – целый сад залила
Кровью юных и кровью чистых,

Кровью веточек огнекистых –
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца – твоей, моей...

А потом – водопад зерна,
А потом – бузина черна:
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой,
Возле дома, который пуст,
Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!
Степь – хунхузу, Кавказ – грузину,
Мне – мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новосёлы моей страны!
Из-за ягоды – бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день – ночьми...),
Яда – всосанного очьми...

Бузина багрова, багрова!

Бузина – целый край забрала
В лапы. Детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь – бузиной

Назвала...

11 сентября 1931, Медон – 21 мая 1935, Ванв

“Не нужен твой стих…”

– Не нужен твой стих –
Как бабушкин сон.
– А мы для иных
Сновидим времен.

– Докучен твой стих –
Как дедушкин вздох.
– А мы для иных
Доз*о* рим эпох.

– В пять лет – целый свет –
Вот сон наш каков!
– Ваш – н*а* пять лишь лет.
Мой – н*а* пять веков.

– Иди, куда дни!
– Дни ***мимо*** идут...
– Иди, куда мы.
– Слепые ведут.

А быть или нет
Стихам на Руси –
Потоки спроси,
Потомков спроси.

14 сентября 1931

“Насмарку твой стих…”

– Насмарку твой стих!
На стройку твой лес
Столетний!
– Не верь, сын!

И вместо земных
Насильных небес –
Небесных земель
Синь.

14 сентября 1931

Стихи к сыну

1. “Ни к городу и ни к селу…”

Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну, –
В край – всем краям наоборот! –
Куда ***назад*** идти – ***вперед***
Идти, – особенно – тебе,
Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? ***Ее*** –
Дитя! То самое былье,
Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль,
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
“Русь – этот прах, чти – этот прах!”

От неиспытанных утрат –
Иди – куда глаза глядят!
Всех стран – глаза, со всей земли –
Глаза, и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS.

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой – вперед –
В ***свой*** край, в ***свой*** век, в ***свой*** час, – от нас –
В Россию – вас, в Россию – масс,
В ***наш*** -час – страну! в ***сей*** -час – страну!
В на-Марс – страну! в без-нас – страну!

Январь 1932

2. “Наша совесть – не ваша совесть…”

Наша совесть – не ваша совесть!
Полно! – Вольно! – О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота –
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счеты
С выдаваемым за Содом –

Градом. С братом своим не дравшись –
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, ***ваш*** век, ***ваш*** день, ***ваш*** час,
Наш грех, ***наш*** крест, ***наш*** спор, ***наш*** –

Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь –
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам – и видом
Не видали! Поймите: слеп –
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, и вам его даст, – как скоро
Из Медона – да на Кубань.
Наша ссора – не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Январь 1932

3. “Не быть тебе нулем…”

Не быть тебе нулем
Из молодых – да вредным!
Ни медным королем,
Ни попросту – спортсмедным

Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют, –

В ***сём*** полагая цель.
Ибо в любую щель –
Я – с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.

Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, –

Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,
Которым – только смех
Остался, только свист

Достался от отцов!
С ***той*** стороны весов

Я – с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.

Но также – ни одним
Из нас, досадных внукам!
Кем будешь – Бог один...
Не будешь кем – порукой –

Я, что в тебя – всю Русь
Вкачала – как насосом!
Бог видит – побожусь! –
Не будешь ты отбросом

Страны своей.

22 января 1932

Родина

О неподатливый язык!
Чего бы попросту – мужик,
Пойми, певал и до меня:
– Россия, родина моя!

Но и с калужского холма
Мне открывалася ***она*** –
Даль – тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь
Рок, что повсюду, через всю
Даль – всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: “Вернись
Домой! ”
Со всех – до горних зв*е* зд –
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.

Ты! Сей руки своей лишусь, –
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля –
Гордыня, родина моя!

12 мая 1932

“Дом, с зеленою гущей…”

Дом, с зеленою гущей:

Кущ зеленою кровью...
Где покончила – пуще
Чем с собою: с любовью.

14 июня 1932

“Закрыв глаза – раз иначе нельзя…”

Закрыв глаза – раз иначе нельзя –
(А иначе – нельзя!) закрыв глаза
На бывшее (чем топтаннее травка –
Тем гуще лишь!), но ждущее – до завтра ж!
Не ждущее уже: смерть, у меня
Не ждущая до завтрашнего дня...

Так, опустив глубокую завесу,
Закрыв глаза, как занавес над пьесой:
Над местом, по которому – метла...
(А голова, как комната – светла!)
На голову свою –
– да п*о* просту – от света

Закрыв глаза, и не закрыв, а сжав –
Всем существом в ребро, в плечо, в рукав
– Как скрипачу вовек не разучиться! –
В знакомую, глубокую ключицу –
В тот жаркий ключ, изустный и живой –
Что нам воды – ***дороже*** – ключевой.

Сентябрь 1932

Ici – Haut[47]

1. “Товарищи, как нравится…”

Товарищи, как нравится
Вам в проходном дворе
Всеравенства – перст главенства:
– Заройте на горе!

В век распевай, как хочется
Нам – либо упраздним,
В век скопищ – одиночества
– Хочу лежать один –
Вздох.

17 октября 1932

2. “Ветхозаветная тишина…”

---

47 Здесь – в поднебесье *(фр.)*.

Ветхозаветная тишина,
Сирой полыни крестик.
Похоронили поэта на
Самом высоком месте.

Так и во гробе еще – подъем
Он даровал – несущим.
...Стало быть, именно на своем
Месте, ему присущем.

Выше которого только вздох,
Мой из моей неволи.
Выше которого – только Бог!
Бог – и ни вещи боле.

Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта – ***под***
Небом и ***над*** землею.

После России, где меньше он
Был, чем последний смазчик –
Равным в ряду – всех из ряда вон
Равенства – выходящих.

В гор ряду, в зорь ряду, в гнезд ряду,
Орльих, по всем утесам.
На пятьдесят, хоть, восьмом году –
Стал рядовым, ***был*** способ!

Уединенный вошедший в круг –
Горе? – Нет, радость в доме!
Н*а* сорок верст высоты вокруг –
Солнечного да кроме

Лунного – ни одного лица,
Ибо соседей – нету.
Место откуплено до конца
Памяти и планеты.

3. “В стране, которая – одна…”

В стране, которая – одна
Из всех звалась Господней,
Теперь меняют имена
Всяк, как ему сегодня

На ум или не-ум (потом
Решим!) взбредет. “Леонтьем
Крещеный – просит о таком-
то прозвище”. – Извольте!

А впрочем, чт*о* ему с холма,
Как звать такую малость?

Я ***гору*** знаю, что ***сама***
Переименовалась.

Среди казарм, и шахт, и школ:
Чтобы душа не билась! –
Я гору знаю, что в престол
Души преобразилась.

В котлов и общего котла,
Всеобщей котловины
Век – гору знаю, что светла
Тем, что на ней ***единый***

Спит – на отвесном пустыре
Над уровнем движенья.
Преображенье на горе?
Горы – преображенье.

Гора, как все была: стара,
Меж прочих не отметишь.
Днесь Вечной Памяти Гора,
Доколе солнце светит –

Вожатому – душ, а не масс!
Не двести лет, не двадцать,
Гора та – как бы ни звалась –
До веку будет зваться

Волошинской.

23 октября 1932

4. “Переименовать!” Приказ…”

– “Переименовать!” Приказ –
Одно, народный глас – другое.
Так, погребенья через час,
Пошла “Волошинскою горою”

Гора, названье Янычар
Носившая – четыре века.
А у почтительных татар:
– Гора Большого Человека.

22 мая 1935

5. “Над вороным утесом…”

Над вороным утесом –
Белой зари рукав.
Ногу – уже с заносом
Бега – с трудом вкопав

В землю, смеясь, что первой

Встала, в зари венце –
Макс! мне было – так ***верно***
Ждать на твоем крыльце!

Позже, отвесным полднем,
Под колокольцы коз,
С всхолмья да на восхолмье,
С глыбы да на утес –

По трехсаженным креслам:
– Тронам иных эпох! –
Макс! мне было – так ***лестно***
Лезть за тобою – Бог

Знает куда! Да, виды
Видящим – путь скалист.
С глыбы на пирамиду,
С рыбы – на обелиск...

Ну, а потом, на плоской
Вышке – орлы вокруг –
Макс! мне было – так просто
Есть у тебя из рук,

Божьих или медвежьих,
Опережавших “дай”,
Рук неизменно-брежных,
За воспаленный край

Раны умевших браться
В веры сплошном луче.
Макс, мне было так ***братски***
Спать на твоем плече!

(Горы... Себе на горе
Видится мне одно
Место: с него ***два*** моря
Были видны по дно

Бездны... два моря сразу!
Дщери иной поры,
Кто вам свои два глаза
Преподнесет с горы?)

...Только теперь, в подполье,
Вижу, когда потух
Свет – до чего мне вольно
Было в охвате двух

Рук твоих... В первых встречных
Царстве – о сам суди,
Макс, до чего мне вечно
Было в твоей груди!
Пусть ни единой травки,

Площе, чем на столе –
Макс! мне будет – так мягко
Спать на твоей скале!

28 октября 1932

“Темная сила…”

Темная сила!
Мра-ремесло!
Скольких сгубило,
Как малых – спасло.

<1932>

“Никуда не уехали – ты да я…”

Никуда не уехали – ты да я –
Обернулись прорехами – все моря!
Совладельцам пятерки рваной –
Океаны не по карману!

Нищеты вековечная сухомять!
Снова лето, как корку, всухую мять!
Обернулось нам море – мелью:
Наше лето – другие съели!

С жиру лопающиеся: жир – их “лоск”,
Что не только что масло едят, а мозг
Наш – в поэмах, в сонатах, в сводах:
Людоеды в парижских модах!

Нами – лакомящиеся: франк – за вход.
О, урод, как водой туалетной – рот
Сполоснувший – бессмертной песней!
Будьте прокляты вы – за весь мой

Стыд: вам руку жать, когда зуд в горсти, –
Пятью пальцами – да от всех пяти
Чувств – на память о чувствах добрых –
Через все вам лицо – автограф!

1932 – 1935

Стол

1. “Мой письменный верный стол…”

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял – как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез –
Спасибо – что нес и нес.

Строжайшее из зерцал!
Спасибо за то, что стал
– Соблазнам мирским порог –
Всем радостям поперек,

Всем низостям – наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды – всему, всему.

Мой з*а* живо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных – большал, ширел,

Так ширился, до широт –
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
– Меня заливал, как штранд!

К себе пригвоздив чуть свет –
Спасибо за то, что – вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах –

Беглянку.
– Назад, на стул!
Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал – как маг –

Сомнамбулу.
Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп!

Так будь же благословен –
Лбом, л*о* ктем, узлом колен
Испытанный, – как пила
В грудь въевшийся – край стола!

Июль 1933

2. “Тридцатая годовщина…”

Тридцатая годовщина
Союза – верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты – мои,

Которых – не ты ли – автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету – завтра,
Что только сегодня – есть.

И деньги, и письма с почты –
Стол – сбрасывавший – в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня – последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат –
Дурищу – да на тебя ж!

3. “Тридцатая годовщина…”

Тридцатая годовщина
Союза – держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы –

Малейшую из зазубрин!
(***Зубами*** – коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был – стол

Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берёг карел!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг – через ночь – старел,

Разумнел – так школьник дерзость
Сдает под мужской нажим.
Сажусь – еле доску держит,
Побьюсь – точно век дружим!

Ты – стоя, в упор, я – спину
Согнувши – пиши! пиши! –
Которую десятину
Вспахали, версту – прошли,

Покрыли: письмом – красивей
Не сыщешь в державе всей!
Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрях,
Садовый, столовый – всякий,
Лишь бы не на трех ногах!

Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тёзка – ***тот!***
Бильярдный, базарный – всякий –
Лишь бы не сдавал высот

Заветных. Когда ж подастся
Железный – под локтевым
Напором, столов – богатство!
Вот пень: не обнять двоим!

А паперть? А край колодца?
А старой могилы – пласт?
Лишь только б мои два локтя
Всегда утверждали: – ***даст***

Бог! ***Есть*** Бог! Поэт – устройчив:
Всё – стол ему, всё – престол!
Но лучше всего, всех стойче –
Ты, – мой наколенный стол!

Около 15 июля 1933 – 29-30 октября 1935

4. “Обидел и обошел…”

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что – стол
Дал, стойкий, врагам на страх
Стол – на четырех ногах

Упорства. Скорей – скалу
Своротишь! И лоб – к столу
Подстатный, и локоть ***под*** –
Чтоб лоб свой держать, как свод.

– А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой ***вес*** ,
Просторный, – во весь мой бег,
Стол – вечный – на весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,
За доску – во весь мой дар,
За ножки – прочней химер
Парижских, за вещь – в размер.

5. “Мой письменный верный стол…”

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол

Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался – живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами ***живой*** смолы,
С корнями до дна земли!

17 июля 1933

6. “Квиты: вами я объедена…”

Квиты: вами я объедена,
Мною – живописаны.
Вас положат – на обеденный,
А меня – на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее –
<Много до рождения! – >
Месте своего деяния,
Своего радения:

Вы – с отрыжками, я – с книжками,
С трюфелем, я – с грифелем,
Вы – с оливками, я – с рифмами,
С пикулем, я – с дактилем.

В головах – свечами смертными
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам – дорогою!

Табачку пыхнем гаванского
Слева вам – и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам – да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться –
В яму, место низкое,
Вытряхнут <вас всех со скатерти:>
С крошками, с огрызками.

Каплуном-то вместо голубя
– Порох! душа – при вскрытии.
А меня положат – голую:
Два крыла прикрытием.

Конец июля 1933

“Вскрыла жилы: неостановимо…”

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет – мелкой,
Миска – плоской,
Через край – и ***мимо*** –
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934

“Тоска по родине! Давно…”

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что – мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне все равно, каких среди
Лиц ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной – непременно –

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться – мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично – на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья – он,
А я – до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне вс*е* – равны, мне всё – равно,
И, может быть, всего равнее –

Роднее бывшее – всего.
Все признаки с меня, все меты,

Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то.

Т*а* к край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна ***не*** сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

3 мая 1934

“А Бог с вами…”

А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину

Являйте из тел распластанных
Звезду или свасты крюки.

23 июня l934

“Это жизнь моя пропела – провыла…”

Это жизнь моя пропела – провыла –
Прогудела – как осенний прибой –
И проплакала сама над собой.

Июнь 1934

Куст

1. “Что нужно кусту от меня…”

Чт*о* нужно кусту от меня?
Не речи ж! Не доли собачьей
Моей человечьей, кляня
Которую – голову прячу

В него же (седей – день от дня!).
Сей мощи, и плещи, и гущи –
Что нужно кусту – от меня?
Имущему – от неимущей!

А нужно! иначе б не шел
Мне в очи, и в мысли, и в уши.
Не нужно б – тогда бы не цвел

Мне прямо в разверстую душу,

Что только кустом не пуста:
Окном моих всех захолустий!
Что, полная чаша куста,
Находишь на сем – месте пусте?

Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках?

Чего не слыхал (на ветвях
Молва не рождается в муках!),
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания звуках?

Да вот и сейчас, словарю
Придавши бессмертную силу, –
Да разве я ***то*** говорю,
Что знала, пока не раскрыла

Рта, знала еще на черте
Губ, той – за которой осколки...
И снова, во всей полноте,
Знать буду, как только умолкну.

2. “А мне от куста – не шуми…”

А мне от куста – не шуми
Минуточку, мир человечий! –
А мне от куста – тишины:
Той, – между молчаньем и речью.

Той, – можешь – ничем, можешь – всем
Назвать: глубока, неизбывна.
Невнятности! наших поэм
Посмертных – невнятицы дивной.

Невнятицы старых садов,
Невнятицы музыки новой,
Невнятицы первых слогов,
Невнятицы Фауста Второго.

Той – ***до*** всего, ***после*** всего.
Гул множеств, идущих на форум.
Ну – шума ушного того,
Все соединилось в котором.

Как будто бы все кувшины
Востока – на лобное всхолмье.
Такой от куста тишины,
Полнее не выразишь: полной.

Около 20 августа 1934

“Уединение: уйди…”

Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.

Чтоб ни души, чтоб ни ноги –
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.

Кт*о* победил на площади –
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди –
Справляй и погребай победу

Уединения в груди.
Уединение: уйди,

Жизнь!

Сентябрь 1934

“О поэте не подумал…”

О поэте не подумал
Век – и мне не до него.
Бог с ним, с громом. Бог с ним, с шумом
Времени не моего!

Если веку не до предков –
Не до правнуков мне: стад.
Век мой – яд мой, век мой – вред мой,
Век мой – враг мой, век мой – ад.

Сентябрь 1934

Сад

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...

На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!

Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ***ни-душка!***
Без ни-души!

Скажи: довольно м*у* ки – н*а*
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
– Сад, одинокий, как ты Сам.

Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души.

1 октября 1934

Челюскинцы

Челюскинцы! Звук –
Как сжатые челюсти.
Мороз их них прет,
Медведь из них щерится.

И впрямь челюстьми
– На славу всемирную –
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!

На льдине (не то
Что – чёрт его – Нобиле!)
Родили – дитё
И псов не угробили –

На льдине!
Эол
Доносит по кабелю:
– На льдов произвол
Ни пса не оставили!

И спасши – мечта
Для младшего возраста! –
И псов и дитя
Умчали по воздуху.

– “Европа, глядишь?
Так льды у нас колются!”
Щекастый малыш,
Спеленатый – полюсом!

А рядом – сердит
На гр*о* мы виктории –
Второй уже Шмидт
В российской истории:

Седыми бровьми
Стесненная ласковость...
Сегодня – смеюсь!
Сегодня – да здравствует

Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь:
Челюскинцы – русские!

3 октября 1934

“Человека защищать не надо…”

Человека защищать не надо
Перед Богом, Бога – от него.
Человек ***заслуживает*** ада.
Но и сада
Семиверстного – для одного.

Человек заслуживает – танка!
Но и замка
Феодального – для одного.

Осень 1934

“Стройте и пойте стройку…”

Стройте и пойте стройку!
.....……
Столпнику ж дайте стойко
Спать на своем столбу!

Стройте и пойте выше
Благополучье толп
Кройте стеклянной крышей
Мой деревянный столп.

Октябрь 1934

(Отголоски стола)

Плоска – доска, а всё впитывает,
Слепа – доска, а всё считывает,
(Пустым – доска: и ящика нет!)
Сухим – доска, а всё взращивает!
Нема – доска, а всё сказывает!
Не было друга,
Кроме доски!
...На сём плоту –
Спасусь, спасусь, спасусь!
...На сей доске –
Спасусь! спасусь! спасусь!

1934

“Есть счастливцы и счастливицы…”

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь ***не*** могущие. Им –
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным!

Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.

Пел же над другом своим Давид.
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога ***лишним***
Встав, – Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз ***голос*** тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.

Ноябрь – декабрь 1934

“Рябину…”

Рябину
Рубили
Зорькою.
Рябина –

Судьбина
Горькая.
Рябина –
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбина
Русская.

1934

Надгробие

1. “Иду на несколько минут...”

– “Иду на несколько минут...”
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Отставив стул – куда ушел?

Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа – куда ушла?

В шкафу – двустворчатом, как храм, –
Гляди: все книги по местам.
В строке – все буквы налицо.
Твое лицо – куда ушло?
Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо –
Куда ушло?

3 января 1935

2. “Напрасно глазом – как гвоздем…”

Напрасно глазом – как гвоздем,
Пронизываю чернозем:
В сознании – верней гвоздя:
Здесь нет тебя – и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
Обшариваю небосвод:
– Дождь! дождевой воды бадья.
Там нет тебя – и нет тебя.

Нет, никоторое из двух:
Кость слишком – кость, дух слишком – дух.
Где – ты? где – тот? где – сам? где – весь?
Там – слишком там, здесь – слишком здесь.

Не подменю тебя песком
И п*а* ром. Взявшего – родством
За труп и призрак не отдам.
Здесь – слишком здесь, там – слишком там.

Не ты – не ты – не ты – не ты.
Что бы ни пели нам попы,
Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть, –
Бог – слишком Бог, червь – слишком червь.

На труп и призрак – неделим!
Не отдадим тебя за дым
Кадил,
Цветы
Могил.

И если где-нибудь ты ***есть*** –
Так – в нас. И лучшая вам честь,
Ушедшие – презреть раскол:
Совсем ушел. Со ***всем*** – ушел.

5 – 7 января 1935

3. “За то, что некогда, юн и смел…”

За то, что некогда, юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен –
Не дам тебе – умереть совсем!

За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист –
Вязанками приносил мне в дом! –
Не дам тебе – порасти быльем!

За то, что первых моих седин
Сыновней гордостью встретил – чин,
Ребячьей радостью встретил – страх, –
Не дам тебе – поседеть в сердцах!

7 – 8 января 1935

4. “Удар, заглушенный годами забвенья…”

Удар, заглушенный годами забвенья,
Годами незнанья.
Удар, доходящий – как женское пенье,
Как конское ржанье,

Как страстное пенье сквозь <косное> зданье
Удар – доходящий.
Удар, заглушенный забвенья, незнанья
Беззвучною чащей.

Грех памяти нашей – безгласой, безгубой,
Безмясой, безносой!
Всех дней друг без друга, ночей друг без друга
Землею наносной

Удар – заглушенный, замшенный – как тиной.
Так плющ сердцевину
Съедает и жизнь обращает в руину...
– Как нож сквозь перину!

...Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, заоконной:
Снегами – годами – <пудами> бездушья
Удар – заглушенный...

А что если вдруг
.....……...
А что если вдруг
А что если – вспомню?

Начало января 1935

<5>. “Оползающая глыба…”

Оползающая глыба –
Из последних сил спасибо
– Рвущееся – умолчу –
Дуба юному плечу.

Издыхающая рыба,
Из последних сил спасибо
Близящемуся – прости! –
Силящемуся спасти
Валу первому прилива.

Иссыхающая нива –
Божескому, нелюдск*у* .
Бури чудному персту.

Как добры – в час без спасенья –
Силы первые – к последним!
Пока рот не пересох –
Спаси – боги! Спаси – Бог!

Лето 1928

“Уж если кораллы на шее…”

Уж если кораллы на шее –
Нагрузка, так что же – ***страна?***
Тишаю, дичаю, волчею,
Как мне все – равны, всем – равна.

И если в сердечной пустыне,
Пустынной до краю очей,
Чего-нибудь жалко – так сына, –
Волчонка – еще поволчей!

9 января 1935

“Никому не отмстила и не отмщу…”

Никому не отмстила и не отмщу –
Одному не простила и не прощу
С дня как очи раскрыла – по гроб дубов
Ничего не спустила – и видит Бог
Не спущу до великого спуска век...
– Но достоин ли человек?..
– Нет. Впустую дерусь: ни с кем.
Одному не простила: ***всем*** .

26 января 1935

“Жизни с краю…”

Жизни с краю,
Середкою брезгуя,
Провожаю
Дорогу железную.

Века с краю
В запретные зоны
Провожаю
Кверх лбом – авионы.

Почему же,
О люди в полете!
Я – “отстала”,
А вы – отстаете,

Остаетесь.
Крылом – с ног сбивая,
Вы несетесь,
А опережаю –
Я?

Февраль 1935

“Черные стены…”

Черные стены
С подножием пены
Это – Святая Елена.

Май 1935

“Небо – синей знамени…”

Небо – синей знамени!
Пальмы – пучки пламени!
Море – полней вымени!
Но своего имени

Не сопрягу с брегом сим.
Лира – завет бедности:
Горы – редей темени.
Море – седей времени.

Июль 1935

“Окно раскрыло створки…”

Окно раскрыло створки –
Как руки. Но скрестив
Свои – взирает с форта:
На мыс – отвес – залив

Глядит – с такою силой,
Так вглубь, так сверх всего –
Что море сохранило
Навек глаза его.

26 – 27 июля 1935

Отцам

1. “В мире, ревущем…”

В мире, ревущем:
– Слава грядущим!
Чт*о* во мне шепчет:
– Слава прошедшим!

Вам, проходящим,
В счет не идущим,
Чад не родящим,
Мне – предыдущим.

С клавишем, с кистью ль
Спорили, с дестью ль
Писчего – чисто
Прожили, с честью.

Белые – краше
Снега сокровищ! –
Волосы – вашей
Совести – повесть.

14 – 15 сентября 1935

2. “Поколенью с сиренью…”

Поколенью с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколенью
По колено в земле,

А сединами – в звездах!
Вам, слышней камыша,
– Чуть зазыблется воздух –
Говорящим: ду – ша!

Только душу и спасшим
Из фамильных богатств,
Современникам старшим –
Вам, без равенств и братств,

Руку веры и дружбы,
Как кавказец – кувшин
С виноградным! – врагу же –
Две – протягивавшим!

Не Сиреной – сиренью
Заключенное в грот,
Поколенье – с пареньем!
С тяготением – ***от***

Земли, ***над*** землей, прочь от
И червя и зерна!
Поколенье – без почвы,
Но с такою – до дна,

Днища – узренной бездной,
Что из впалых орбит
Ликом девы любезной –
Как живая глядит.

Поколенье, где краше
Был – кто жарче страдал!
Поколенье! Я – ваша!
Продолженье зеркал.

Ваша – сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к платью
Плоти – временному!

Вы – ребенку, поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Всё – внушившие – чтить:

Кроме бога Ваала!

Всех богов – всех времен – и племен...
Поколенью – с провалом –
Мой бессмертный поклон!

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – ***быть*** ,
Вам, средь шумного бала
Так умевшим – любить!

До последнего часа
Обращенным к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

16 октября 1935

“Ударило в виноградник…”

Ударило в виноградник –
Такое сквозь мглу седу –
Что каждый кусток, как всадник,
Копьем пригвожден к седлу.

Из туч с золотым обрезом –
Такое – на краснозем,
Что весь световым железом
Пронизан – пробит – пронзен.

Светила и преисподни
Дитя: виноград! смарагд!
Твой каждый листок – Господня
Величия – транспарант.

Хвалы виноградным соком
Исполнясь, как царь Давид –
Пред Солнца Масонским Оком –
Куст служит: боготворит.

20 – 22 сентября 1935

“Двух станов не боец, а – если гость случайный…”

“Двух станов не боец, а только гость случайный...”

Двух станов не боец, а – если гость случайный –
То гость – как в глотке кость, гость –
как в подметке гвоздь.
Была мне голова дана – по ней стучали
В два молота: одних – корысть и прочих – злость.

Вы с этой головы – к создателеву чуду
Терпение мое, рабочее, прибавь –
Вы с этой головы – что требовали? – Блуда!

Дивяся на ответ упорный: обезглавь.

Вы с этой головы, уравненной – как гряды
Гор, вписанной в вершин божественный чертеж,
Вы с этой головы – чт*о* требовали? – Ряда.
Дивяся на ответ (безмолвный): обезножь!

Вы с этой головы, настроенной – как лира:
На самый высший лад: лирический...
– Нет, стой!
Два строя: Домострой – и Днепрострой – на выбор!
Дивяся на ответ безумный: – Лиры – строй.

И с этой головы, с лба – серого гранита,
Вы требовали: нас – люби! т*е* х – ненавидь!
Не все ли ей равно – с какого боку битой,
С какого профиля души – глушимой быть?

Бывают времена, когда голов – не надо.
Но *слово* низводить до свеклы кормовой –
Честнее с головой Орфеевой – менады!
Иродиада с Иоанна головой!

– Ты царь: живи один... (Но у царей – наложниц
Минута.) ***Бог*** – один. Тот – в пустоте небес.
Двух станов не боец: судья – истец – заложник –
Двух – противубоец! Дух – противубоец.

25 октября 1935

Читатели газет

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый – со своей
Газетой (со своей
Экземой!) Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто – чтец? Старик? Атлет?
Солдат? – Ни ч*е* рт, ни лиц,
Ни лет. Скелет – раз нет
Лица: газетный лист!
Которым – весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
Родишь –
Читателя газет.

Кача – “живет с сестрой” –
ются – “убил отца!” –
Качаются – тщетой

Накачиваются.

Чт*о* для таких господ –
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат.
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...

О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!

– Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов ***пресс***
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост, –
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители крове й,
Писатели газет!

Вот, други, – и куда
Сильней, чем в сих строках! –
Чт*о* думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
– Пустее места – нет! –
Так значит – ***нелицом***
Редактора газет-

ной нечисти.

Ванв, 1 – 15 ноября 1935

Деревья

Мятущийся куст над обрывом –
Смятение уст под наплывом
Чувств...

Кварталом хорошего тона –
Деревья с пугливым наклоном

(Клонились – не так – над обрывом!)
Пугливым, а может – брезгливым?

Мечтателя – перед богатым –
Наклоном. А может – отвратом
От улицы: всех и всег*о* там –
Курчавых голов отворотом?

От девушек – сплошь без стыда,
От юношей – то ж – и без лба:
Чем меньше – тем выше заносят!
Безлобых, а завтра – безносых.

От тресков, зовущихся: речь,
От лака голов, ваты плеч,
От отроков – листьев новых
Не видящих из-за листовок,

Разрываемых на разрыв.
Так и лисы в лесах родных,
В похотливый комок смесяся, –
Так и лисы не рвали мяса!

От гвалта, от мертвых лис –
На ***лисах*** (о смертный рис
На лицах!), от свалки потной
Деревья бросаются в окна –

Как братья-поэты – в р*е* ку!
Глядите, как собственных веток
Атлетикою – о железо
Все руки себе порезав –
Деревья, как взломщики, лезут!

И выше! За крышу! За тучу!
Глядите – как собственных сучьев
Хроматикой – почек и птичек –
Деревья, как смертники, кличут!

(Был дуб. Под его листвой
Король восседал...)
– Святой
Людовик – чего глядишь?
Погиб – твой город Париж!

27 ноября 1935

Стихи сироте

Шел по улице малютка,
Посинел и весь дрожал.
Шла дорогой той старушка,
Пожалела сироту...

1. “Ледяная тиара гор…”

Ледяная тиара гор –
Только бренному лику – рамка.
Я сегодня плющу – пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Обгоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок.

16 – 17 августа 1936

2. “Обнимаю тебя кругозором…”

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал.
(Занимаю тебя разговором –
Чтобы легче дышал, крепче спал.)

Феодального замка боками,
Меховыми руками плюща –
Знаешь – плющ, обнимающий камень –
В сто четыре руки и ручья?

Но не жимолость я – и не плющ я!
Даже ты, что руки мне родней,
Не расплющен – а вольноотпущен
На все стороны мысли моей!

...Кр*у* гом клумбы и кр*у* гом колодца,
Куда камень придет – седым!
Круговою порукой сиротства, –
Одиночеством – круглым моим!

(Так вплелась в мои русые пряди –
Не одна серебристая прядь!)
...И рекой, разошедшейся н*а* две –
Чтобы остров создать – и обнять.

Всей Савойей и всем Пиемонтом,
И – немножко хребет надломя –
Обнимаю тебя горизонтом
Голубым – и руками двумя!

21 – 24 августа 1936

3. (Пещера)

Могла бы – взяла бы
В утробу пещеры:
В пещеру дракона,

В трущобу пантеры.

В пантерины – лапы –
– Могла бы – взяла бы.

Природы – на лоно, природы – на ложе.
Могла бы – свою же пантерину кожу
Сняла бы...
– ***Сдала*** бы трущобе – в учебу!
В кустову, в хвощёву, в ручьёву, в плющёву, –

Туда, где в дремоте, и в смуте, и в мраке,
Сплетаются ветви на вечные браки...

Туда, где в граните, и в лыке, и в млеке,
Сплетаются руки на вечные веки –
Как ветви – и реки...

В пещеру без света, в трущобу без следу.
В листве бы, в плюще бы, в плюще – как в плаще бы...

Ни белого света, ни черного хлеба:
В росе бы, в листве бы, в листве – как в родстве бы...

Чтоб в дверь – не стучалось,
В окно – не кричалось,
Чтоб впредь – не ***случалось*** ,
Чтоб – ввек не кончалось!

Но мало – пещеры,
И мало – трущобы!
Могла бы – взяла бы
В пещеру – утробы.

Могла бы –
Взяла бы.

Савойя, 27 августа 1936

4. “На льдине…”

На льдине –
Любимый,
На мине –
Любимый,
На льдине, в Гвиане, в Геенне – любимый.

В коросте – желанный,
С погоста – желанный:
Будь гостем! – лишь зубы да кости – желанный!

Тоской подколенной
До тьмы провал*е* нной
Последнею схваткою чрева – жаленный.

И нет такой ямы, и нет такой бездны –
Любимый! желанный! жаленный! болезный!

5 – 6 сентября 1936

5. “Скороговоркой – ручья водой…”

Скороговоркой – ручья водой
Бьющей: – Любимый! больной! родной!

Речитативом – тоски протяжней:
– Хилый! чуть-живый! сквозной! бумажный!

От зева до чрева – продольным разрезом:
– Любимый! желанный! жаленный! болезный!

9 сентября 1936

6. “Наконец-то встретила…”

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.

Чт*о* для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба
Человека – в нем.

Мне дождя, и радуги,
И руки – нужней
Человека надоба
Рук – в руке моей.

Это – шире Ладоги
И горы верней –
Человека надоба
Ран – в руке моей.

И за то, что с ***язвою***
Мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!

11 сентября 1936

<7>. “В мыслях об ином, инаком…”

В мыслях об ином, инаком,
И ненайденном, как клад,
Шаг за шагом, мак за маком –

Обезглавила весь сад.

Так, когда-нибудь, в сухое
Лето, поля на краю,
Смерть рассеянной рукою
Снимет голову – мою.

5 – 6 сентября 1936

Савойские отрывки

<1>. “В синее небо ширя глаза…”

В синее небо ширя глаза –
Как восклицаешь: – Будет гроза!

На проходимца вскинувши бровь –
Как восклицаешь: – Будет любовь!

Сквозь равнодушья серые мхи –
Так восклицаю: – Будут стихи!

<2>. отрывки из марфы

Проще, проще, проще, проще
За Учителем ходить,
Проще, проще, проще, проще
В очеса его глядеть –

В те озера голубые...
Трудно Марфой быть, Марией –
Просто...

И покамест.....
Услаждается сестра –
Подходит.....
– Равви! полдничать пора!

Чт*о* плоды ему земные?
Горько Марфой быть, Марией –
Сладко...

Вечен – из-под белой арки
Вздох, ожегший как ремнем:
Марфа! Марфа! Марфа! Марфа!
Не пекися о земном!
Стыдно Марфой быть, Марией –
Славно...
Бренно Марфой быть, Марией –
Вечно...
...Все-то мыла и варила...
Грязно Марфой быть, Марией –

Чисто...

<3>. отрывки ручья

Подобье сердца моего!
Сопровождаем – кто кого?
Один и тот же жребий нам –
Мчать по бесчувственным камням,
Их омывать, их опевать –
И так же с места не снимать.

Поэт, …….....
Сопровождающий поток!
Или поток, плечом пловца
Сопровождающий певца?
..... где поток –
Там и поэт...
...Из нас обоих – пьют
И в нас обоих слезы льют
И воду мыльную.....
....в лицо не узнают.

Сентябрь 1936

“Когда я гляжу на летящие листья…”

Когда я гляжу на летящие листья,
Слетающие на булыжный торец,
Сметаемые – как художника кистью,
Картину ***кончающего*** наконец,

Я думаю (уж никому не по нраву
Ни стан мой, ни весь мой задумчивый вид),
Что явственно желтый, решительно ржавый
Один такой лист на вершине – забыт.

20-е числа октября 1936

“Были огромные очи…”

Были огромные очи:
Очи созвездья Весы,
Разве что Нила короче
Было две черных косы

Ну, а сама меньше можного!
Всё, что имелось длины
В косы ушло – до подножия,
В очи – двойной ширины

Если сама – меньше можного,
Не пожалеть красоты –

Были ей Богом положены
Брови в четыре версты:

Брови – зачесывать за уши
.....……
..... За душу
Хату ресницами месть...

Нет, не годится! .....
Страшно от стольких громад!
Нет, воспоем нашу девочку
На уменьшительный лад

За волосочек – по рублику!
Для довершенья всего –
Губки – крушенье Республики
Зубки – крушенье всего...
Жуть, что от всей моей Сонечки
Ну – не осталось ни столечка:
В землю зарыть не смогли –
Сонечку люди – сожгли!

Что же вы с пеплом содеяли?
В урну – такую – ее?
Что же с горы не развеяли
Огненный пепел ее?

30 сентября 1937

“Опустивши забрало…”

Опустивши забрало,
Со всем – в борьбе,
У меня уже – мало
Улыбок – себе...

Здравствуй, зелени новой
Зеленый дым!
У меня еще много
Улыбок другим...

22 марта 1938

“Ох, речи мои морочные…”

...Ох, речи мои мор*о* чные,
Обр*о* нные жемчуга!
Ох, реки мои молочные,
Кисельные берега!

<Май 1938>

“Ох, речи мои морочные…”

...Так, не дано мне ничего,
В ответ на праздник, мной даваем.
Так яблоня – до одного
Цветы раздаривает маем!

Стихи к Чехии

сентябрь

1. “Полон и просторен…”

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов – моря.
Стало чехам – море

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей –
Божьей, человечьей.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий

Всех – на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы –

Всем. Огня и дома –
Всем. Игры, науки –
Всем. Труда – любому –
Лишь бы были руки.

Н*а* поле и в школе –
Глянь – какие всходы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось – всей горстью,
Строилось – всей честью.

Два десятилетья
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:

– Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

На орлиных скалах
Как орел рассевшись –
Чт*о* с тобою сталось,
Край мой, рай мой чешский?

Горы – откололи,
Оттянули – воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

В селах – счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Что с тобою сталось,
Чешский лев двухвостый?

Лисы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава – слава.

Лишь на час – не боле –
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи
Белый день свободы!

12 ноября 1938

2. “Горы – турам поприще…”

Горы – турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы – в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы – родина
Сына моего.

Долы – ланям пастбище,
Не смутить зверья –
Хата крышей з*а* стится,
А в лесу – ружья –

Сколько бы ни пройдено
Верст – ни одного.

Эти долы – родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли – вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты – родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир – рожденьем в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: “Славный край!

Все дары природные,
Все – до одного!
Пощедрее родины
Сына – Моего!”

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: “Добрый труд!”

Всё было – безродного
Лишь ни одного
Не было на родине
Сына моего.

Пр*о* кляты – кто заняли
Тот смиренный рай
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Тр*е* кляты – кто продали,
Ввек не прощены! –
Вековую родину
Всех, – кто без страны!

Край мой, край мой, проданный
Весь живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
– Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими –
И опять подаст!

В клятве – руку подняли
Все твои сыны –
Умереть за родину
Всех – кто без страны!

Между 12 и 19 ноября 1938

3. “Есть на карте – место…”

Есть на карте – место:
Взглянешь – кровь в лицо!
Бьется в м*у* ке крестной
Каждое сельцо.

Поделил – секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца – до статных
Гор – до орльих гнезд –
В тысячи квадратных
Невозвратных верст –

Язва.
Лег на отдых –
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Рана: ***наш*** убит!

Только край тот назван
Братский – дождь из глаз!
Жир, аферу праздную!
Славно удалась.

Жир, Иуду – чествуй!
Мы ж – в ком сердце – есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

19 – 22 ноября 1938

4. Один офицер

В Судетах, ни лесной чешской границе, офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок –
Самый лесной.
Год – девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? – вершины, эхом:
– День, как немцы входили к чехам!

Лес – красноват,
День – сине-сер.
Двадцать солдат,
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой – этот дом.

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам,
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой – этот край!

Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я – под ногой –
Камня не сдам!

Топот сапог.
– Немцы! – листок.
Грохот жел*е* з.
– Немцы! – весь лес.

– Немцы! – раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат
Один – офицер.

Из лесочку – живым манером
На громаду – да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул – весь лес!
Лес: рукопл*е* ск!
Весь – рукопл*е* ск!

Пока пулями в немца хлещет –
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листвой,
Всею сплошной
Чащей лесной –

Понесена
Добрая весть,
Что – спасена
Чешская честь!

Значит – страна
Так не сдана,
Значит – война
Всё же – ***была!***

– Край мой, виват!
– Выкуси, герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

Октябрь 1938 – 17 апреля 1939

<5>. родина радия

Можно ль, чтоб в*е* ка
Бич слепоок
Родину света
Взял под сапог?

Взглянь на те горы!
В этих горах –
Лучшее найдено:
Родина – радия.

Странник, всем взором
Глаз и души
Взглянь на те горы!
В сердце впиши
Каждую впадину:
Родина – радия...

<1938 – 1939>

Март

1. (колыбельная)

В *о* ны дни певала дрема
По всем селам-деревням:
– Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Ночью черной, ночью лунной –
По Тюрингии холмам:
– Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!

Днесь – по всей стране богемской
Да по всем ее углам:
– Спи, богемец! Не то немцу,
Пану Гитлеру отдам!

28 марта 1939

2. пепелище

Налетевший на град Вацл*а* ва –
Так пожар пожирает тр*а* ву...

Поигравший с богемской гранью! –
Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вехи...
От Эдема – скажите, чехи! –

Что осталося? – Пепелище.
– Так Чума веселит кладбище!
Налетевший на град Вацл*а* ва
– Так пожар пожирает тр*а* ву –

Обьявивший – последний срок нам:
Так вода подступает к окнам.

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
– Так Чума веселит кладбище!
Налетевший на град Вацл*а* ва
– Так пожар пожирает тр*а* ву –

Задушивший без содроганья –
Так зола засыпает зданья:

– Отзовитесь, живые души!
Стала Прага – Помпеи глуше:

Шага, звука – напрасно ищем...
– Так Чума веселит кладбище!

29 – 30 марта 1939

3. барабан

По богемским городам
Чт*о* бормочет барабан?
– Сдан – сдан – сдан
Край – без славы, край – без бою.
Лбы – под серою золою
Дум – дум – дум...
– Бум!
Бум!
Бум!

По богемским городам –
Или то не барабан
(Горы ропщут? Камни шепчут?)
А в сердцах смиренных чешских –
Гне – ва
Гром:
– Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан:
– Вран! Вран! Вран
Завелся в Градчанском замке!
В ледяном окне – как в рамке
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30 марта 1939

4. германии

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор –
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь – сказками туманила,
Днесь – танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою –
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками

По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей ***маленькой*** страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

С объятьями удавьими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, ***словачь!***

В хрустальное подземие
Уйдя – готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

9 – 10 апреля 1939

5. март

Атлас – что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет – каждый март:
– С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:
З*е* мли – цепи горны –
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных – ***валетов*** .

– Мне и кости, мне и жир!
Так играют – тигры!
Будет помнить целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри – игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская гора –

Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага – что! и Вена – что!
На Москву – отважься!

Отольются – чешский дождь,
Пражская обида.
– Вспомни, вспомни, вспомни, вождь, –
Мартовские Иды!

22 апреля 1939

6. взяли...

Чехи подходили к немцам и плевали.

(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали – скоро и брали – щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.

Вары – взяли и Татры – взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но – больнее, чем рай земной! –
Битву взяли – за край родной.

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна –
Вся страна вооружена!

9 мая 1939

7. лес

Видел, как рубят? Руб –
Рубом! – за дубом – дуб.
Только убит – воскрес!
Не погибает – лес.

Так же, как мертвый лес
Зелен – минуту чрез! –
(Мох – что зеленый мех!)
Не погибает – чех.

9 мая 1939

8. “О слезы на глазах…”

О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

15 марта – 11 мая 1939

9. “Не бесы – за иноком…”

Не бесы – за иноком,
Не горе – за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, –

Не красный пожар лесной,
Не заяц – по зарослям,
Не ветлы – под бурею, –
За фюрером – фурии!

15 мая 1939

10. народ

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
– Народ! Какой народ!

Народ – такой, что и поэт –

Глашатай всех широт, –
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит – такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, –
Измором взять такой народ?
Гранит – измором взять!

(Сидит – и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт – горит! –
Гранат, ***творит*** – магнит.)

...Что ***радий*** из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым – Европы посреди –
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам – ***такой*** ,
Народ моей любви
Не со святыми упокой –
С живыми оживи!

20 мая 1939

11. “Не умрешь, народ…”

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал – гранат,
Грудью дал – гранит.

Процветай, народ, –
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

Париж, 21 мая 1939

<12>. “Молчи, богемец! Всему конец…”

Молчи, богемец! Всему конец!
Живите, другие страны!
По лестнице из живых сердец
Германец входит в Градчаны.
<Этой басне не верит сам:
– По ступеням как по головам.>
– Конным гунном в Господень храм! –
По ступеням, как по черепам...

<1939>

<13>. “Но больнее всего, о, памятней…”

Но больнее всего, о, памятней
И граната и хрусталя –
Всего более сердце ранят мне
Эти – маленькие! – поля

Те дороги – с большими сливами
И большими шагами – вдоль
Слив и нив...

<1939>

Douce France[48]

Adieu, France!
Adieu, France!
Adieu, France!
Marie Stuart[49]

Мне Францией – нету
Нежнее страны –
На долгую память
Два перла даны.

Они на ресницах
Недвижно стоят.
Дано мне отплытье
Марии Стюарт

5 июня 1939

“Двух – жарче меха! рук – жарче пуха…”

Двух – жарче меха! рук – жарче пуха!
Круг – вкруг головы.
Но и под мехом – неги, под пухом
Гаги – дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
– В гнезд, в звезд черноте –
Как ни кружи вас, как ни баюкай
– Ах! – бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
Червь (***бедные*** мы!).
Не народился еще, кто вложит

---

48 Нежная Франция *(фр.).*

49 Прощай, Франция! Мария Стюарт *(фр.).*

Перст – в рану Фомы.

7 января 1940

“Ушел – не ем…”

Ушел – не ем:
Пуст – хлеба вкус.
Всё – мел.
За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

“Всем покадили и потрафили…”

Всем покадили и потрафили:
..... – стране – родне –
Любовь не входит в биографию, –
Бродяга остается – вне...
Нахлынет, так перо отряхивай
.....……..
Все даты, кроме тех, нед*о* знанных,
Все сроки, кроме тех, в глазах,
Все встречи, кроме тех, под звездами,
Все лица, кроме тех, в слезах...
О первые мои! Последние!
.....……
Вас за руку в Энциклопедию
Ввожу, невидимый мой сонм!
Многие мои! О, пьющие
Душу прямо у корней.
О, в рассеянии сущие
Спутники души моей!

Мучиться мне – не отмучиться
Вами, …….....
О, в рассеянии участи –
Сущие души моей!

Многие мои! Несметные!
Мертвые мои (– живи!)
Дальние мои! Запретные!
Завтрашние не-мои!

Смертные мои! ***Бессмертные***

Вы, по кладбищам! Вы, в кучистом
Небе – стаей журавлей...
О, в рассеянии участи

Сущие – души моей!

Вы, по гульбищам – по кладбищам –
По узилищам –

Январь 1940
Голицыно

“Пора! для этого огня…”

– Пора! для ***этого*** огня –
Стара!
– Любовь – старей меня!

– Пятидесяти январей
Гора!
– Любовь – еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! – камней, старей – морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

“Годы твои – гора…”

– Годы твои – гора,
Время твое – <царей.>
Дура! любить – стара.
– Други! любовь – старей:

Чудищ старей, корней,
Каменных алтарей
Критских старей, старей
Старших богатырей...

29 января 1940

“Не знаю, какая столица…”

Не знаю, какая столица:
Любая, где людям – ***не*** жить.
Девчонка, раскинувшись птицей,
Детеныша учит ходить.

А где-то зеленые Альпы,
Альпийских бубенчиков звон...
Ребенок растет на асфальте
И будет жестоким – как он.

1 июля 1940

“Когда-то сверстнику…”

Когда-то сверстнику (о медь
Волос моих! Живая жила!)
Я поклялася не стареть,
Увы: не поседеть – забыла.

Не веря родины снегам –
.....…….
Тот попросту махнул к богам:
Где не стареют, не седеют...

.....……
.....…….. старо
Я воспевала – серебро,
Оно меня – посеребрило.

Декабрь 1940

“Так ясно сиявшие…”

Так ясно сиявшие
До самой зари –
Кого провожаете,
Мои фонари?

Кого охраняете,
Кого одобряете,
Кого озаряете,
Мои фонари?
...Небесные персики
Садов Гесперид...

Декабрь 1940

“Пора снимать янтарь…”

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Февраль 1941

“Всё повторяю первый стих…”

“Я стол накрыл на шестерых...”

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
– “Я стол накрыл на шестерых”...
Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О – ***ни души*** не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! – опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.

И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и всё же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – ***душ*** ,
Меня не посадивший – с краю.

6 марта 1941